U456
76

Воен. Истор.
204
355.48
Л-61
И 456/76
6610
ПОГАШЕНО

ВОЙНА 1812 ГОДА.

ЗАМѢЧАНІЯ НА КНИГУ

„ИСТОРІЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА, ПО ДОСТОВѢРНЫМЪ ИСТОЧНИКАМЪ,“

соч. Г.-М. Богдановича.

Санктпетербургъ, 1859—1860, въ 8, 3 тома.

«Въ писаніи семъ не мало, но многое, писано не-«правды, и того ради аще бы отъ части нѣчто бы-«ло и праведно писано, ни въ чесомъ же ему вѣ-«рити подобаетъ.»

(Соборный приговоръ 1678 г. объ одномъ апокрифическомъ Житіи.)

СОСТАВЛЕНЫ

И. П. ЛИПРАНДИ,

исправлявшимъ въ 1812 г. должность Оберъ-Квартирмейстера 6-го корпуса Генерала отъ Инфантеріи Дохтурова.

БИБЛИОТ... ПОГАШЕНО

МОСКВА.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ (КАТКОВЪ И К°),
НА СТРАСТНОМЪ БУЛЬВАРѢ.
1869.

ЧТЕНІЯ

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ 1868—1869 г.

Государственная ордена Ленина БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. ЛЕНИНА
93767-46.

2007099068

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Борьба 1812-го года до сихъ поръ занимаетъ историковъ во Франціи, Германіи и у насъ. Участвовавшіе въ ней исчезаютъ, и война эта входитъ уже въ колею обыкновенной Исторіи, за которую начинаютъ браться ученые, иногда и не бывшіе еще на свѣтѣ, когда описываемыя ими событія совершались. Предоставленіе средствъ и открытіе доступа до всевозможныхъ матеріяловъ лицамъ, или, достаточно извѣстнымъ своими положительными познаніями, испытанными въ военномъ дѣлѣ, въ особенности съ самостоятельнымъ и безпристрастнымъ характеромъ, или наконецъ, не вполнѣ обладающимъ помянутыми качествами, обусловливало степень успѣха бравшихся за столь трудное дѣло.

Само собой разумѣется, что главными дѣятелями на этомъ поприщѣ стояли мы и Французы. До сихъ поръ между нами не рѣшены еще многіе вопросы, не объяснены еще многія событія этой борьбы, общія и частныя; слѣдовательно, между нами только и должна быть опредѣлена доля славы, падающая на ту или другую армію, какъ вообще, такъ и въ частностяхъ. Честь войскъ и той и другой стороны требуетъ поясненій, основанныхъ на данныхъ, на сближеніи разногласій, на строгомъ критиче-

скомъ разборѣ. Малѣйшая неясность въ изложеніи, малѣйшее противорѣчіе самому себѣ, пропускъ того или другого матеріяла, недоговоренное, отсутствіе ссылокъ въ описаніи того, чему самъ не былъ свѣдѣтелемъ, не говорю уже о промахахъ и небрежности, будетъ служить поводомъ и намъ и Французамъ къ опроверженію и того, что не подлежитъ сомнѣнію. Одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ ветерановъ 1812 года сказалъ: [1] «Малѣйшее искаженіе истины оскорбляетъ Исторію и потрясаетъ довѣріе къ цѣлому труду.» За Русскими и Французами столько есть воинской славы, что безпристрастіе, при описаніи каждаго событія, не умалило бы ея ни сколько. На ряду съ успѣхами бываютъ часто и неудачи; нѣтъ совершенства на землѣ, а потому я не вижу причинъ къ сокрытію истины и увлекаться историку ложнымъ патріотизмомъ.

У насъ въ настоящее время за этотъ подвигъ взялся Профессоръ Императорской Николаевской Военной Академіи, Генеральнаго Штаба Генералъ Богдановичъ, издавшій «Исторію Отечественной войны 1812-го года, по достовѣрнымъ матеріяламъ.» Сочинитель занимался и прежде военно-литературными произведеніями и трудами. Въ числѣ первыхъ: «Королевство Вестфальское и разрушеніе его Г.-А. Чернышовымъ» (въ послѣдствіи Военный Министръ и Князь). [2] Представителемъ же трудовъ Г.-М. Богдановича служитъ второе изданіе Воен-

---

[1] А. П. Ермоловъ, въ письмѣ къ Г. Устрялову, написавшему «Исторію царствованія Императора Николая 1-го.»

[2] Это вольный переводъ съ дополненіями Полковника Богдановича и Капитана Казнакова. Оригиналъ Нѣмецкій Фонъ Шпехта.

но-энциклопедическаго Лексикона, подъ главнымъ его завѣдываніемъ, а въ подобныхъ изданіяхъ тщательное согласованіе статей есть одно изъ главнѣйшихъ достоинствъ.[3] А по тому всѣ погрѣшности, которыя могутъ быть замѣчены въ «Исторіи Отечественной войны 1812 года,» должны быть отнесены единственно или къ поспѣшности въ работѣ, или къ нашему равнодушію, что прежніе подобные труды Г. Профессора не были пропущены чрезъ строгую критику, какъ бы на основаніи его оффиціяльности, а это, въ свою очередь, легко могло повести и высшее начальство къ заключенію о непогрѣшимости писателя. Въ настоящее время труды по Отечественной военной Исторіи доступны критическому разсмотрѣнію, и критика обязана этѣмъ пользоваться. Званіе не должно быть щитомъ, который бы прикрывалъ недостатки. Оно имѣетъ свое почетное мѣсто въ служебной іерархіи, но отнюдь не въ наукѣ: сдѣсь оно стушевывается.

Что же касается собственно до моего мнѣнія, то хотя оно можетъ быть и ошибочно, я сознаюсь, что убѣжденъ въ невозможности описывать съ ясною отчетливостью тѣ военныя дѣйствія, въ которыхъ сочинитель не участвовалъ самъ, какъ бы, впрочемъ, онъ ни былъ свѣдущъ въ военныхъ наукахъ. Онъ напишетъ, пожалуй, Исторію событій вообще, но никогда не изобразитъ вѣрно и отчетливо Исторію битвъ.

Въ этомъ убѣжденіи утвердился я еще болѣе, когда прочелъ въ Предисловіи къ книгѣ Г.-М. Богдановича, что

---

[3] Смотри Русск. Инв. 1858 г., № 199.

онъ употребилъ только три года на изученіе матеріяловъ, на сравненіе ихъ, на критическій разборъ и, наконецъ, на изложеніе предмета!

Знакомый по опыту съ трудами подобнаго рода, я долго недоумѣвалъ, какимъ образомъ можно было, въ столь кроткое время, и при томъ не участвовавъ въ войнѣ 1812 года, современной рожденью сочинителя, изучить и сообразить сотни печатныхъ сочиненій объ оной, не говоря уже о неисчетномъ множествѣ частныхъ записокъ и неисчерпаемомъ источникѣ архивовъ. Но, кстати, что же тутъ удивительнаго? Вѣдь были же люди, одаренные сверхъестественными способностями, какъ, на пр., Францискъ Бошато, Монткальмъ, Іоаннъ-Филиппъ Баратье и другіе. Назову между ними въ особенности одного, который ближе всѣхъ подходитъ къ нашему писателю по учености, по увѣренности въ своихъ знаніяхъ, въ непогрѣшимости въ оныхъ и наконецъ, по скромной самонадѣянности: это знаменитый Пикъ де ла Мирандола. По чему же подобному явленію не повториться и въ наше время? Мои понятія о трудахъ на военно-историческомъ поприщѣ ни чего не значатъ; не всѣ люди одинаковыхъ способностей: то, что трудно одному, не составляетъ ни чего для другого; одинъ, по строжайшей критической разборкѣ, осмотрительно сближаетъ разногласія, осторожно разсуждаетъ о тѣхъ и о томъ, кого не видалъ и чего не слыхалъ, стараясь все подкрѣплять ссылками. Другой, болѣе отважный на этомъ поприщѣ, съ полною самоувѣренностью, или на непогрѣшимость своихъ умозаключеній, или на окружающую его обстановку, склеиваетъ книгу изъ всего, что ни попало, и спускаетъ ее съ рукъ, при

одобрительныхъ восклицаніяхъ журналовъ, мало заботящихся о содержаніи выхваляемаго ими сочиненія.

Впрочемъ, каковъ бы этотъ трудъ ни былъ, для насъ драгоцѣнны великія событія, имъ излагаемыя. До сихъ поръ у насъ на это сочиненіе не было еще даже и общаго критическаго взгляда, который появился только въ текущемъ 1866 году, въ третьей книгѣ «Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ.» Статья эта, подъ заглавіемъ: «Недоумѣнія, возбужденныя чтеніемъ сочиненія: «Исторія Отечественной войны, соч. Г. Богдановича» (почтенный сочинитель скрылъ свое имя подъ буквою А), проникнута глубокой истиной и въ высшей степени знаніемъ дѣла[4] и критическаго взгляда на это сочиненіе. Между тѣмъ книга была уже переведена на Нѣмецкій языкъ и разобрана въ «Австрійскомъ военномъ журналѣ.»

Замѣчанія мои на «Исторію Отечественной войны 1812 года»[5] могутъ быть найдены нѣсколько сильными, но пусть такъ! Говоримое мною не есть голословіе, а основывается на событіяхъ, и сужденія мои во всякомъ случаѣ не носятъ характера Птоломеевыхъ «Я» (?), или разсказовъ Мюнхгаузена, съ которыми почтенный творецъ помянутаго сочиненія такъ остроумно сравнилъ засвѣдѣ-

---

[4] Есть нѣсколько отрывочныхъ замѣчаній на отдѣльные эпизоды и, между ними, конечно, первое мѣсто занимаетъ статья П. Глѣбова, помѣщенныя въ «Артиллерійскомъ Журналѣ». О чемъ будетъ говорено въ своемъ мѣстѣ

[5] Разборъ былъ сдѣланъ еще въ 1861 году и одобренъ цензурой, но я не напечаталъ его тогда по тому, что находилъ несообразнымъ съ моимъ взглядомъ, нѣкоторыя исключенія мѣстъ, взятыхъ изъ Французскихъ источниковъ и т. д.

тельствованія того, въ чемъ я участвовалъ. Замѣчательная статья его была вызвана моею,[6] по поводу двухъ сочиненій, вышедшихъ въ Парижѣ.[7] Почтенный Профессоръ напечаталъ свою громоносную статью въ «Военномъ Сборникѣ» (№ 1, 1858), подъ заглавіемъ: «Слѣдуетъ ли называть укрѣпленіе, находившееся въ центрѣ Бородинской позиціи батареей Раевскаго?»

Я отвѣчалъ на нее подъ тѣмъ же заглавіемъ (Сѣв. Пч., 17 Мая, 1858), и что же изъ всего этого вышло? Знаменитый военный исторіографъ нашъ, въ изданной два года спустя «Исторіи Отечественной войны 1812 года,» не только что ни чего не доказалъ изъ того, что такъ горячо онъ выразилъ въ своей статьѣ «Военнаго Сборника», а, напротивъ, ввелъ въ свою книгу мои указанія и, само собой разумѣется, не сдѣлавъ ссылки на меня. Не

---

[6] Сдѣсь слѣдуетъ замѣтить, что главное ожесточеніе возражавшихъ мнѣ заключалось въ томъ, что я провелъ параллель между Генеральнымъ Штабомъ моего времени и настоящимъ.

[7] Статья, напечатанная въ «Сѣверной Пчелѣ», въ самомъ началѣ 1858 года, въ №№ 36, 38, 39, 41, 43, 44, 45, 46, 62, 63, 64 и 65, подъ заглавіемъ: «Нѣсколько мыслей по поводу двухъ сочиненій объ Отечественной войнѣ, вышедшихъ въ 1856 и 1857 годахъ», и другая: «Краткое обозрѣніе эпизода Отечественной войны (изъ Мих.-Данил.), съ прибытія Князя Смоленскаго къ арміи 17-го Августа до оставленія Москвы 2-го Сентября». На эту статью послѣдовало столь же неумѣстное, какъ и на первую, возраженіе въ «Русскомъ Инвалидѣ» № 64, 1858 года, подъ заглавіемъ: «Фельдмаршалъ Князь Кутузовъ» и пр., за подписью: «Офицеръ Генеральнаго Штаба». Я отвѣчалъ на нее въ «Сѣверной Пчелѣ,» № 80, подъ заглавіемъ: «Отповѣдь», тѣмъ все и кончилось. Изъ обѣихъ статей этѣхъ видно нежеланіе, чтобы кто либо иной дерзалъ говорить о войнѣ, описаніе которой предпринято Гг. Профессорами.

ловко же было сдѣлать ее на Птоломеево «Я» и на разсказъ «Мюнхгаузена.»

Въ настоящихъ замѣчаніяхъ я слѣдовалъ мнѣнію Адмирала Шишкова (Зап. стр. 247), что «правда—груба, но при здравомъ разсудкѣ убѣдительнѣе всякой лести,» и вполнѣ раздѣлилъ мнѣніе почтеннаго Г. П. Зарубина (Сѣв. Пчела, 1863 г., № 205), сказавшаго, что «мы не безъ цѣли высказали свои замѣчанія довольно въ рѣзкихъ чертахъ, по тому что знаемъ положительно, что легкое замѣчаніе въ дѣлѣ науки безполезно: оно проскользнетъ только въ воображеніи человѣка, не сдѣлавъ ни какого впечатлѣнія» и т. д. Слѣдуя упомянутымъ взглядамъ, не буду стѣсняться и я высказывать свое мнѣніе, а при томъ сдѣсь рѣчь не касается ни личности, ни Птоломеевыхъ «Я», и ни Мюнхгаузена, а дѣло идетъ объ очищеніи Исторіи Отечественной войны 1812 года; сверхъ того, подражая (слегка, однако же) Г. Профессору, я долженъ былъ стать для полемики на ту же почву характера изложенія, который употребилъ почтенный Профессоръ; иначе я высказался бы, можетъ быть, сдержаннѣе, а, пожалуй, вовсе бы не высказался. Хотя истина въ каждомъ предметѣ, и особенно въ военной Исторіи, вырабатывается преимущественно полемикой, и каждый предметъ и повѣствователь онаго должны называться чистымъ именемъ по своему достоинству, но у насъ до сихъ поръ сила солому ломала, и только недавно сословная литературная монополія начала, кажется, слабѣть, чисто же военная, казалось, и никогда не должна бы быть въ этомъ положеніи. Лишенная политическихъ взглядовъ, она, какъ наука, должна пользоваться полной свободой обсужденій, гласностію, разумѣется,

людей безпристрастныхъ и понимающихъ дѣло, должна произнесть свой приговоръ. Что же касается собственно моего заключенія объ этой книгѣ, то, по недостаткамъ и погрѣшностямъ, какъ видно будетъ, она принадлежитъ къ разряду тѣхъ книгъ, которыя Ѳеодоръ Газа, знаменитый ученый XV столѣтія, находилъ необходимымъ бросать въ море.»

Предлагаемая здѣсь статья раздѣлена на двѣ части: въ первой я разсматриваю разборъ этой Нѣмецкой критики, а во второй предлагаю свои замѣчанія.

И. Липранди.

ЧАСТЬ I.

ЗАМѢЧАНІЯ

НА АВСТРІЙСКІЙ ВОЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ОБЪ

ИСТОРІИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА,

сочиненіе Г.-М. Богдановича.

Въ еженедѣльныхъ прибавленіяхъ къ «Русскому Инвалиду,» 22 и 23 (1864 г.) сообщается о переводѣ сочиненія Г.-М. Богдановича на Нѣмецкій языкъ Поручикомъ Баумгартеномъ, и объ отзывѣ, сдѣланномъ объ этомъ сочиненіи «Австрійскимъ военнымъ журналомъ.» Я не видалъ ни перевода, ни помянутаго отзыва, которыхъ и не намѣренъ доискиваться; ибо достаточно прочитать разборъ, чтобы получить ясное понятіе о господствующемъ мнѣніи въ Нѣмецкихъ замѣчаніяхъ на переводъ этой книги. Въ разборѣ, дающемъ отчетъ о сочиненіи Г.-М. Богдановича, видна, такъ сказать, вся суть. [1] Я сдѣлаю свои и замѣчанія на нѣкоторыя мѣста этого разбора.

Почтенный разбиратель, говоря о книгѣ Генерала Михайловскаго-Данилевскаго «Описаніе Отечественной войны 1812 года», отзывается о ней слѣдующимъ образомъ: «Это сочиненіе надѣлало много шума въ военномъ мірѣ, но оно не нашло сочувствія въ

---

[1] Разсматривая этотъ разборъ, невольно рождается мысль и самое убѣжденіе, что этотъ Нѣмецкій писатель нагло издѣвается надъ нашими понятіями о военномъ дѣлѣ, или, по крайней мѣрѣ, о невѣжествѣ нашемъ въ военной литературѣ. На чемъ я основываю эти заключенія, видно будетъ въ своемъ мѣстѣ.

слѣдствіе преувеличеннаго патріотизма автора,[2] узкой его односторонности, слѣпой ненависти ко всему иностранному,[3] доведенной до нерасположенія даже къ нашимъ полководцамъ не Русскаго происхожденія, какъ, напримѣръ, къ Барклаю и къ Толю,[4] и наконецъ, слѣпаго поклоненія автора всему коренному Русскому въ лицѣ Кутузова.»

На смыслъ возмутительной рѣзкости приведенныхъ словъ къ обвиненію Данилевскаго въ патріотизмѣ, всякія замѣчанія излишни: но дѣло въ томъ, гдѣ же въ этомъ сочиненіи его видно нерасположеніе къ Барклаю и къ Толю, по тому только, что они не кореннаго Русскаго происхожденія? Напротивъ, стоитъ только вникнуть въ описаніе одной лишь Бородинской битвы, чтобы оцѣнить отзывъ Данилевскаго объ этомъ полководцѣ, гдѣ, между прочимъ, исторіографъ говоритъ: «Общее мнѣніе рѣшительно склонилось на его (Барклая) сторону. Уже нѣсколько недѣль не привѣтствовали его войска, но въ Бородинѣ отъ каждаго полка гремѣло ему ура!» А между тѣмъ, вѣдь, не онъ уже былъ Главнокомандующимъ, а войско какъ бы внутренно признаетъ его за своего вождя въ присутствіи самого Кутузова; и наконецъ разсмотрѣть приведенныя Данилевскимъ письма Государя къ Барклаю. Если бы Александръ Ивановичъ былъ движимъ тѣмъ чувствомъ, которое ему приписывается, онъ очень бы легко могъ и не приводить ихъ, тѣмъ болѣе, что нѣтъ ни чего подобнаго, приблизительнаго относительно къ Кутузову: письма къ этому

---

[2] Не Русскимъ могъ показаться такой патріотизмъ преувеличеннымъ. Русскіе могли имѣть ошибочный взглядъ на военныя дѣйствія, но отнюдь не измѣрять патріотизмъ локтями. Онъ долженъ былъ быть полный, и былъ таковымъ.

[3] Слѣпой ненависти! Въ это время, пусть это такъ, но въ наше время мы увидѣли иностранцевъ уже не слѣпыми глазами, а такъ, какъ они есть, вполнѣ, въ самомъ ясномъ свѣтѣ.

[4] Мимоходомъ, Толь никогда не былъ полководцемъ. По смерти Дибича, онъ нѣсколько дней, въ качествѣ начальника Главнаго Штаба, завѣдывалъ арміею, и въ это время особенныхъ подвиговъ не было, хотя безспорно онъ бы и могъ совершать ихъ, если бы представился случай, но случая не было. Въ строгомъ смыслѣ значеніе слова полководецъ къ нему не идетъ, а еще тѣмъ болѣе, что въ 1812 году онъ былъ только Полковникомъ.

послѣднему носятъ совершенно иной характеръ. Подвигами Барклая при Бородинѣ и письмами къ нему отъ Государя, Кутузовъ какъ бы отодвигается на второй планъ, а это объяснилъ Даниловскій, и по тому все сказанное въ этомъ отношеніи Г. разбирающимъ о Генералѣ Даниловскомъ пристрастно и голословно; ибо дѣло говоритъ противное.

Если же до назначенія Кутузова встрѣчаются у Даниловскаго мѣста, въ которыхъ говорится о неудовольствіи будьто бы арміи, по причинѣ продолжительнаго отступленія, [3] то объ этомъ находимъ едва ли не гораздо болѣе у Генерала Богдановича, особенно въ довѣрительныхъ письмахъ Князя Багратіона и другихъ, роптавшихъ на дѣйствія Барклая и писавшихъ въ Петербургъ, часто съ видимымъ пристрастіемъ и другими тайными двигателями личностей. Даниловскій не помѣстилъ этѣхъ писемъ, но не могъ же онъ не упомянуть о неудовольствіи арміи, очень естественномъ тогда, буде дѣйствительно оно существовало въ такихъ размѣрахъ, какъ другая сторона это представляла. Отечественная война при тогдашнихъ условіяхъ желала имѣть главой кореннаго Русскаго, а для гармоніи управленія требовалось старѣйшаго въ чинѣ про-

---

[3] Впрочемъ, въ сущности, неудовольствіе (или, пожалуй, какъ нѣкоторые превышаютъ оное степенью выше, даже ропотъ), если и было, то это ограничивалось кружкомъ въ высшихъ кругахъ, и что Генералъ Богдановичъ поясняетъ гораздо болѣе, нежели Даниловскій. Армія, въ общемъ значеніи слова, имѣла полную довѣренность къ Барклаю, котораго она знала и помнила въ войны Тильзитскую и Финляндскую, и ежедневно видѣла его на конѣ предъ собой, съ тою невозмутимостью въ опасностяхъ, которая одна привязываетъ подчиненнаго къ своему вождю въ то время, когда взаимно стоятъ лицемъ къ лицу со смертію. Извѣстность Кутузова въ главной арміи была извѣстность историческая, а по тому и ограничивалась для очень немногихъ. Войска въ послѣднее время, подъ его предводительствомъ дѣйствовавшія въ окрестностяхъ Дуная, были далеко отъ него въ другихъ арміяхъ. Если же въ главной арміи находились Офицеры и солдаты, бывшіе подъ его начальствомъ въ 1805 году, то Аустерлицкое сраженіе имѣло на нихъ неблагопріятное впечатлѣніе; ибо они не разсуждали о причинахъ несчастнаго исхода этой битвы, что было доступно только высшимъ. Къ сему слѣдуетъ присовокупить еще и то, что (по чему-то) не имѣли довѣрія къ словамъ его; на какомъ это основаніи было, не знаю, но выдаю это за дѣйствительность.

тивъ всѣхъ другихъ, начальствовавшихъ отдѣльными арміями, какъ это было сознано и въ Петербургѣ. [6]

О Толѣ же я ни чего особеннаго не отыскалъ, а знаю только, что Михайловскій-Данилевскій всегда сознавалъ и высоко цѣнилъ достоинства Карла Ѳедоровича; написалъ книгу свою при его жизни и не разъ ссылается на его Журналъ и другія свѣдѣтельствованія.

Во всякомъ случаѣ обвинять кого либо въ патріотизмѣ къ Русскому и ненависти къ иноземному, т. е., какъ тутъ понимается, къ Нѣмецкому, пусть даже и въ преувеличенной степени, слѣдуетъ перенестись въ ту пору, когда Русскіе видѣли разорителями своими почти всѣ народы Европы, нахлынувшіе на нихъ вмѣстѣ съ Нѣмцами. [7] Конечно, на это возразятъ, что Данилевскій писалъ спустя двадцать восемь лѣтъ, что онъ былъ человѣкомъ просвѣщеннымъ, а по тому долженъ былъ стоять выше народныхъ распаленій противъ врага и т. п. Положимъ, въ глазахъ нѣкоторыхъ изъ пышѣшихъ преуспѣвателей все это такъ: лучше охуждать и даже бранить своихъ, нежели иноземцевъ и пр.; но, вѣдь, Данилевскій участвовалъ въ помянутой борьбѣ, слѣдовательно, не могъ не раздѣлять тогдашняго народнаго чувства, будучи самъ коренным Русскимъ, а по тому болѣе или менѣе и не усвоить этого чувства; а патріотизмъ, въ какой бы усиленной степени ни былъ, не можетъ быть безусловно порицаемъ. Чтобы обвинять въ этомъ, однихъ словъ недостаточно; нужны для сего ссылки, очищенныя критикой, а гдѣ же данныя? Если они

---

[6] Положительно можно сказать, что если бы были живы Фельдмаршалы: Князь Прозоровскій и Графъ Каменскій, съ небольшимъ за два года умершіе, или Графъ Гудовичъ, умершій послѣ 1812 года, и получили бы званіе Главнокомандующихъ, они одинаково удовлетворили бы желаніе Россіи, если бы послѣдній имѣлъ достаточно силъ въ преклонныхъ лѣтахъ своихъ, и пр.

[7] Я помню очень хорошо, что, когда мы остановились на Бородинскихъ поляхъ, нашлись люди, которые разсказывали, что въ этѣхъ же мѣстахъ, во время нашествія Жолкевскаго на Москву, Нѣмцы, наемники Русскихъ, измѣнили и передались Полякамъ. Извѣстный Генералъ Костенецкій, начальникъ артиллеріи 6-го корпуса, Дохтурова, разсказывалъ всѣмъ и каждому это событіе такъ, какъ бы онъ самъ былъ свѣдѣтелемъ оному.

есть, то имъ и мѣсто сдѣсь, а если ихъ нѣтъ, то какъ назвать этѣ строки?

Разбирающій продолжаетъ: «Въ особенности же Генералъ Данилевскій повредилъ себѣ въ глазахъ писателей (?!) тѣмъ, что, въ слѣдствіе явнаго презрѣнія ко всему иноземному, пренебрегъ всѣми не Русскими источниками, за исключеніемъ Шамбре и Фена, и, вмѣсто историческаго творенія, стремящагося раскрыть правду, написалъ въ высшей степени слабое сочиненіе такъ, что всѣ образованные Русскіе Офицеры сознаются въ томъ, что въ произведеніи Генерала Данилевскаго планъ ошибочно задуманъ и не лучше того исполненъ.»

Я не сторонникъ сочиненія Михайловскаго-Данилевскаго, и не разъ печатно возставалъ противъ неправильности изложенія нѣкоторыхъ мѣстъ въ его книгѣ, но не менѣе того нахожу, что выше приведенный параграфъ столь же несправедливъ, какъ и предшествовавшій. Въ немъ сказано, что, «въ слѣдствіе явнаго презрѣнія ко всему иноземному,» Генералъ Данилевскій пренебрегъ всѣми Русскими источниками, за исключеніемъ Шамбре и Фена.

Кто не читалъ книги Данилевскаго, пожалуй, повѣритъ и на слово, что дѣйствительно изъ иноземныхъ источниковъ служили ему исключительно только помянутые два Французскіе писателя, а между тѣмъ это не такъ, далеко не такъ. Независимо отъ Шамбре и Фена, у него множество ссылокъ и приводимыхъ текстовъ: изъ Буржуа, изъ Details abrégés sur la camp. de Russie par un Francais, изъ Водонкура, Гурго, Дюма, Жомини, изъ Hist. de la destruct de Moscou, par B.. ch, изъ Лабома, Ларрея, Монтолона, Партуно, Прадта Роцья, Сенъ Сира (Маршала), Сегюра, Солыка, Фора (Faure), Фюзиля. Слѣдовательно, упрекъ несправедливъ; ибо, вмѣсто двухъ Французскихъ писателей, оказывается двадцать, на которыхъ Данилевскій ссылается независимо отъ Бюллетеней, Курьера Литовскаго и т. п. источниковъ Французскихъ. Но не этѣмъ еще ограничивается: онъ черпалъ и изъ источниковъ Нѣмецкихъ, и именно: изъ Вольдендорфа, изъ Евгенія, Принца Виртембергскаго, изъ Etwas über Kurland, Beitr waehrend des feindl. Occupation, изъ Зейдлица, Рооса, Тиле, Черпии,

изъ Skitzen и т. п. И такъ вотъ девять и Нѣмецкихъ произведеній, также независимо отъ приводимыхъ писемъ Іорка и т. п. О Нѣмецкихъ источникахъ почтенный разбиратель вовсе умалчиваетъ, и говоритъ относительно иноземныхъ писателей исключительно только о двухъ, а ихъ двадцать девять!

У Генерала Богдановича, не смотря на несравненно большій объемъ его сочиненія, едва ли не болѣе, чѣмъ вдвое противъ «Описанія» Генерала Данилевскаго изъ Французскихъ писателей; упомянуто о двадцати четырехъ, слѣдовательно, тотько четырьмя болѣе противъ Данилевскаго, но за то, вмѣсто девяти Нѣмецкихъ, находящихся у сего послѣдняго, у Генерала Богдановича ихъ двадцать шесть, т. е., семьнадцатью болѣе, нежели у Данилевскаго. Можетъ быть, если бы въ то время, когда писалъ Данилевскій, были уже изданы многія изъ Нѣмецкихъ сочиненій, то и они вошли бы въ составъ его «Описанія.» Во всякомъ случаѣ у Михайловскаго-Данилевскаго множество разнообразныхъ ссылокъ на матеріялы, изъ коихъ о многихъ Г.-М. Богдановичъ вовсе не упоминаетъ, а неоспоримое преимущество «Описанія» Данилевскаго предъ «Исторіею» Генерала Богдановича заключается уже въ томъ, что онъ самъ, будучи участникомъ въ описываемыхъ имъ событіяхъ, писалъ еще при жизни многихъ изъ главныхъ дѣятелей того времени, часто приводитъ ихъ записки и ссылается на нихъ. Такъ, на примѣръ, онъ ссылался на слова, ему сказанныя большею частію жившими еще, когда его Описаніе» было издано: на Князя П. М. Волконскаго, на Князя Паскевича, на Графа Нессельроде, на Князя Воронцова, на Ланскаго, бывшаго Генералъ-Интендантомъ и въ послѣдствіи Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, на Князя Шаховскаго, на Графа И. А. Толстаго, на Графа Милорадовича, на Генерала Лану, на Графа Мишо. Онъ говоритъ о собственноручныхъ запискахъ Генераловъ: Раевскаго, Толя, Балашова, Принца Евгенія Виртембергскаго, Графа Бенкендорфа, Арнольда, Богословскаго, Яковлева, Бестужева-Рюмина и Нарышкина. Не разъ приводитъ отдѣльные случаи, какъ большею частію очевидецъ, Князей: Витгенштейна, Голицына, Чернышова, Графовъ: Ожаровскаго, Ридигера, Ламберта, Киселева, Апраксина, Штейнгеля, Маркиза Паулучи, Барона

Жомини, Генераловъ: Тучкова 3-го, Ермолова, Г.-А. Игнатьева, Скобелева, Гельфрейха, Монтрезора, Вакмута, Малиновскаго, Храповицкаго, Палицына, Граббе, Ренненкампфа, Сенаторовъ: Акинѳова, Кайсарова. Большая часть или за исключеніемъ только нѣсколькихъ лицъ, всѣ другіе, повторяю, жили, когда Даниловскій написалъ свою книгу, въ которой онъ особенно, болѣе или менѣе, говоритъ о нихъ, призывая ихъ какъ бы въ свѣдѣтельство своему сказанію. Въ то время жили еще и Князья: Д. В. Голицынъ, Васильчиковъ, Щербатовъ и многіе другіе, принимавшіе уже въ высшихъ чинахъ участіе въ войнѣ 1812 года. Нельзя же говорить послѣ сего бездоказательно, а только голословно, что «Описаніе» Даниловскаго не имѣетъ никакого значенія. Нельзя допустить, чтобы онъ простеръ свою дерзость до того, что, при жизни столькихъ дѣятелей и въ такихъ званіяхъ, искажалъ въ самой высшей степени истину. У него нѣтъ ни одного явно и особенно избраннаго кумира, бывшаго въ ту пору не только что въ Подпоручичьемъ, но и въ Генеральскомъ чинѣ, которому бы онъ видимо кадилъ, и по тому излагалъ истину и натягивалъ на него подвиги: а ежели кто подразумѣвалъ подобное, то на обязанности каждаго, ревнующаго истинѣ, лежало и лежитъ разъяснить это и выводить на сцену, какъ это сдѣлалъ П. Глѣбовъ, въ статьѣ, о которой упоминается въ своемъ мѣстѣ. Нельзя отрицать, чтобы въ «Описаніи Отечественной войны 1812 года,» не было многихъ недостатковъ: есть неправильности въ изложеніи, пропуски[8] и проч., но все это далеко не равняется съ тѣмъ, что встрѣчается въ «Исторіи» этой же войны: а при томъ самое заглавіе книгъ: одной, «Описаніе,» другой «Исторія» имѣютъ различныя значенія: отъ

---

[8] Описаніе кампаніи 1813 года преимущественно включаетъ въ себѣ многіе пропуски и вообще слабѣе описанія 1812 года. Въ 1813 и 1814 годахъ Даниловскій обратилъ свое вниманіе только на событія главной арміи, въ которой онъ находился, а по тому есть большіе промахи относительно отдѣльныхъ арміи. Здѣсь проскользаютъ иногда преувеличенія подвиговъ однихъ и затемнѣніе другихъ; отъ чего это происходитъ, тутъ нѣтъ мѣста говорить. Что же касается до главнаго предмета, 1812 года, то описаніе событій онаго послѣ кампаніи 1805 года стоитъ выше послѣдующихъ годовъ. Исторія войнъ 1813 и 1814 годовъ Г.-М. Богдановича одинаково включаетъ въ себѣ недостатки, погрѣшности и т. п.

послѣдней требуется болѣе, нежели отъ первой. Во всякомъ случаѣ, дѣлать упреки, не указывая на недостатки, не достойно Исторіи. Впрочемъ, не было и нѣтъ безупречнаго историка. Страда остроумно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень справедливо замѣчаетъ: «Чтобы быть хорошимъ историкомъ, говоритъ онъ, необходимо было бы не принадлежать ни къ какому народу, ни къ какой вѣрѣ, ни къ какой сторонѣ, не имѣть ни какой должности, однимъ словомъ, не быть человѣкомъ.» Но должна быть, и есть, «средина» между двумя крайностями, а эту-то средину и труднѣе отыскать въ сочиненіи Г.-М. Богдановича, нежели въ книгѣ Даниловскаго.

«Исторія Отечественной войны 1812 года» не имѣла тѣхъ неудобствъ, съ которыми «Описаніе» этой войны Генераломъ Даниловскимъ было сопряжено. При живыхъ свѣдѣтеляхъ труднѣе выяснять печатно нѣкоторыя событія, а еще труднѣе оставить каждаго довольнымъ; каждый хочетъ, чтобы объ немъ было сказано болѣе, нежели о другомъ: отсюда частію произошли толки, но никто печатно не рѣшался укорять его и замѣтить, въ чемъ заключаются его промахи, кому воскуряется ѳиміямъ и т. п. Генералу Богдановичу въ этомъ отношеніи было несравненно легче: не многіе изъ дѣятелей дождались его «Исторіи;» не многимъ должно было воскурять ѳиміямъ; ладонъ и можжевельникъ входили въ свои права. Когда «Исторія Отечественной войны 1812 года» появилась, изъ дѣятелей оставалось только двое, бывшіе въ 1812 году въ высшихъ чинахъ: Графъ Паленъ и А. П. Ермоловъ, но не въ нихъ была сила; и по тому «Исторія» Г.-М. Богдановича получила значеніе, загремѣла, въ глуши отъ критики: отрывки дѣльныхъ замѣчаній тонули, какъ бы предпріятія частныя, въ покровительственномъ одиноторжіи. Впрочемъ, и теперь, какъ и прежде, страсти историковъ общи: онѣ засвѣдѣтельствованы еще Титомъ Ливіемъ, который говоритъ: «Историки не обращаютъ вниманія на тѣхъ, которые уже болѣе не существуютъ, или коихъ потомство находится на низшихъ степеняхъ гражданства, а напротивъ возвышаютъ имена тѣхъ, отъ которыхъ могутъ ожидать наградъ.»

Не лишнимъ считаю замѣтить здѣсь слѣдующее: у Генерала Даниловскаго всѣхъ вообще ссылокъ на иноземныхъ сто пятьде-

сятъ одна. У Генерала Богдановича такихъ ссылокъ восемьсотъ одна. (Не считая ссылокъ на Бюллетени, Монитеръ и т. п.) Цифра громадная, если принять въ соображеніе, что всѣхъ вообще ссылокъ въ сорока семи приложеніяхъ только тысяча девятьсотъ одна. Изъ сего оказывается, что ссылки на иноземныхъ писателей составляютъ почти половину употребленныхъ для сложенія исторіи нашей Отечественной войны. Въ остающихся за тѣмъ тысячѣ семидесяти ссылкахъ находится сто пятьдесятъ семь на 15 Русскихъ печатныхъ сочиненій, остальныя относятся къ матеріяламъ изъ Архивовъ, изъ коихъ на лица, и то преимущественно на Князя Чернышова, десять.

У Даниlевскаго всѣхъ вообще ссылокъ пятьсотъ шестьдесятъ девять, изъ нихъ, какъ сказано выше, сто пятьдесятъ одна на иноземныхъ, за тѣмъ четыреста осьмнадцать на источники Русскіе: относительная разница съ Богдановичемъ значительная. [9]

Распредѣленіе этѣхъ ссылокъ слѣдующее: у Даниlевскаго на Французовъ сто тридцать три, на Нѣмцевъ осьмнадцать; у Генерала же Богдановича: на Французовъ пятьсотъ двадцать девять, на Нѣмцевъ триста двѣ. [10]

Господствующая цифра указаній Даниlевскаго, изъ повѣствователей Французскихъ, на Фена 33, на Шамбре 31, что составляетъ половину изъ числа всѣхъ ссылокъ на Французовъ. Изъ Нѣмцевъ господствуетъ Роосъ, на котораго четыре ссылки; у Богдановича господствуетъ изъ Французовъ Шамбре 219 ссылокъ и Фенъ 56, что составляетъ 275; значитъ, далеко за половину ссылокъ на всѣхъ другихъ Французовъ.

Изъ этого ясно, сколь несправедливо Г. критикъ упрекаетъ Даниlевскаго въ томъ, что онъ избралъ изъ всѣхъ иноземныхъ исключительно только Шамбре и Фена. Это два повѣствователя

---

[9] У Богдановича ссылокъ на иноземцевъ въ пять съ половиной разъ болѣе, нежели у Даниlевскаго (831 и 151).

[10] Вообще, при обозначеніи этѣхъ цыфръ могла вкрасться неточность, но, конечно, болѣе или менѣе двумя, тремя.

вателя были признаны имъ, конечно, за лучшихъ, и онъ на нихъ сдѣлалъ ссылокъ болѣе, чѣмъ на всѣхъ другихъ вмѣстѣ, и выборъ этотъ оправдывается тѣмъ, что чрезъ двадцать лѣтъ послѣ Данилевскаго избралъ ихъ и самъ жрецъ истины.

Изъ Нѣмецкихъ повѣствователей у Генерала Богдановича господствуютъ Беригарди и Клаузевицъ: на перваго 98 ссылокъ, на втораго 29. [11]

Самое замѣчательное во всемъ этомъ именно то, что Генералъ Богдановичъ начинилъ Исторію нашей Отечественной войны показаніями иноземцевъ въ такихъ даже случаяхъ, гдѣ ихъ засвѣдѣтельствованія вовсе были не нужны, или, по крайней мѣрѣ, подлежали бы критическому разсмотрѣнію, а не вся ихъ болтовня приниматься за дѣйствительно совершившее, вопреки нашихъ современныхъ свѣдѣній, или лучше, пожалуй, при представляющихся разнорѣчіяхъ, могла быть помѣщаема для одного любопытства, въ примѣчанія, но отнюдь не въ изложеніе, которое должно быть ясно и все, въ немъ сказанное, пройти чрезъ строгую критику. Одинаково замѣчательно и то, что Г.-М. Богдановичъ, послѣ торжественнаго заявленія довѣрія къ иностранцамъ, поступилъ съ ними, какъ бы съ коркой выжатаго лимона, и, не ограничиваясь тѣмъ, чтобы только бросить ее, ищетъ еще и затоптать оную, не смотря на то, что они послужили ему сложить Исторію. Впрочемъ, этой участи подверглись и всѣ предшествовавшіе ему наши соотечественники, подвизавшіеся на поприщѣ Исторіи и описавшіе то, что они видѣли, въ чемъ участвовали во время помянутой поры. Во второй части предметъ этотъ разсмотрѣнъ подробнѣе. Сдѣсь же замѣтимъ мимоходомъ только, чтобы показать Г. Нѣмецкому критику, что не Данилевскій врагъ Нѣмцевъ, а, напротивъ, превозносимый имъ Богдановичъ. Дѣлая оцѣнку, по своему, всѣмъ писавшимъ до него, вотъ что говоритъ онъ о Беригарди, на котораго болѣе чѣмъ на всѣхъ другихъ ссылался, котораго засвѣдѣтельствованіе ставитъ такъ высоко: «Къ со-

---

[11] На принца Евгенія Виртемберскаго 37. Конечно, онъ подвизался со славой въ нашихъ рядахъ, но не былъ нашъ подданный и книги изданы за границей, на Нѣмецкомъ языкѣ.

жалѣнію (ему значитъ жаль Нѣмца), сочинитель, подобно многимъ Нѣмецкимъ писателямъ, желавшимъ заплатить тяжкій для нихъ долгъ благодарности къ Россіи, униженіемъ нашей военной славы, не признаетъ заслугъ никого изъ Русскихъ, и въ особенности несправедливъ къ Кутузову.» [12]

Изъ вышесказаннаго Г. критикъ можетъ видѣть, что и Г.-М. Богдановичъ заступается за Кутузова, къ которому, по его мнѣнію, Бенигарди, или Толь (не знаю, кого изъ нихъ почтенный Профессоръ признаетъ за сочинителя), въ особенности несправедливъ. Впрочемъ, Генералъ Даниловскій, да и всѣ, если захотятъ сознаться, скажутъ точно также, какъ сейчасъ сказалъ и Г.-М. Богдановичъ, что иноземные Нѣмцы въ нашей Отечественной войнѣ приписываютъ всю славу своему родному элементу, а по тому я нахожу, что нападки съ этой стороны на Даниловскаго несправедливы, дѣйствительнымъ же оказывается только то, что Михайлойскій-Даниловскій могъ предпочитать быть лучше Русскимъ, нежели Нѣмцемъ; а если это такъ, то въ этомъ одномъ и заключается вся его вина. Но, вѣдь, Платонъ благодарилъ же боговъ за то, что онъ создалъ человѣкомъ, а не животнымъ, Грекомъ, а не варваромъ. Такая гордость свойственна всѣмъ народамъ. Наконецъ, развѣ Нѣмецъ не гордится тѣмъ, что онъ не другого какого народа, и не предпочитаетъ ли себя всѣмъ другимъ? [13] Такъ не уже ли мы должны упрекать Нѣмца за то, что онъ хочетъ по принадлежности быть Нѣмцемъ, да еще и искать онѣмечивать вовсе чуждыя ему племена? За чѣмъ было затрогивать эту струну? Она вовсе не идетъ къ дѣлу. Если Даниловскій въ чемъ либо исказилъ Исторію, то здѣсь и слѣдовало казнить его дѣйствительнымъ, а не обвинять бездоказательно

---

[12] Выраженіе это вызываетъ вопросъ, по существу своему очень важный: Бенигарди былъ издатель Записокъ Толя; кто же изъ нихъ унижаетъ нашу военную славу? Во второй части по принадлежности я буду говорить объ этомъ пространнѣе.

[13] Это отчаяніе гордостью иногда доходитъ даже до смѣшныхъ размѣровъ; такъ, на пр., есть области, которыя производятъ свое происхожденіе отъ рыцарей среднихъ вѣковъ и изъ орденовъ, въ статутѣ которыхъ первымъ условіемъ была безбрачность!

Далѣе, Австрійскій критикъ говоритъ: «Болѣе всего онъ (Данилевскій) вооружилъ противъ себя критиковъ слѣдующимъ поступкомъ: получивъ за оба первыя сочиненія, т. е., за Исторію войнъ 1813 1814 годовъ двѣ преміи, каждая въ 5 т. ассигнаціями, Генералъ Данилевскій представилъ Академіи еще и третье свое произведеніе. [14] Академія Наукъ въ это время имѣла уже строгій, но справедливый, безъименный разборъ сочиненія Генерала Данилевскаго. [15] Она поручила заслуженному сочинителю Фридриху Фонъ Смиту, сдѣлать оцѣнку вышепомянутой книгѣ. Критика Смита, написанная съ большимъ тактомъ, полнымъ безпристрастіемъ и строгою логикой, склонила Академію отказать Генералу Данилевскому въ преміи. Г. Смитъ, въ послѣднемъ изъ своихъ сочиненій: «Объясненія къ Исторіи войны 1812 года,» напечаталъ безъименную критику, о которой говорено выше, и свой разборъ съ помѣтками, сдѣланными извѣстными Генералами: Толемъ, Фрейгангомъ и Левенштерномъ, и прибавилъ къ нимъ свои замѣчанія. Благодаря искуству сочинителя и остроумнымъ его замѣчаніямъ, книга эта, какъ нельзя болѣе, завлекательна и поучительна.» [16]

Иначе и быть не могло: четыре извѣстныхъ Генерала, съ такими въ ушахъ Австрійца звучными для нашей Отечественной войны именами, раскритиковали книгу, написанную лицомъ съ

---

[14] Вотъ этотъ-то поступокъ такъ вооружилъ критиковъ, т. е., что Данилевскій представилъ свое сочиненіе на обсужденіе. Не думаю, чтобы такимъ поступкомъ, весьма обыкновеннымъ, «болѣе всего вооружилъ критиковъ.» Поступокъ этотъ заключался только въ томъ, что Данилевскій представилъ книгу свою на состязаніе. Она не была оцѣнена, и болѣе ни чего. Да гдѣ же всѣ эти вооруженные критики? Много ль ихъ и что они разсматривали?

[15] Худо понимаю текстъ. Изъ онаго какъ бы видится, что Академія имѣла уже строгій безъименный разборъ сочиненія Данилевскаго, когда онъ представилъ оное. Потомъ уже поручила разобрать помянутое сочиненіе Смиту: значитъ, было два разбора. А потомъ, какъ сейчасъ увидимъ Смитъ напечаталъ безъименную критику съ помѣтками Тол. Фрейганга, Левенштерна и прибавилъ свои замѣчанія!

[16] Но эта критика не обвиняетъ всего труда, а только нѣкоторыя изъ болѣе слабыхъ мѣстъ, и въ свою очередь также не взята отъ замѣчаній.

преувеличеннымъ патріотизмомъ и отмстили ему за мнимую будто бы сильную его ненависть ко всему иностранному, къ лицамъ не кореннаго Русскаго происхожденія и т. д.

Отказъ Академіи Наукъ Генералу Даниловскому очень справедливъ; ибо она имѣла дѣльный разборъ, сдѣланный лицомъ, хотя и не прямо военнымъ, но понимающимъ дѣло и давно съ пользой трудившимся на поприщѣ военно-исторической литературы, а по тому и оцѣнка была болѣе или менѣе справедлива. Въ этомъ отношеніи Генералъ Богдановичъ былъ счастливѣе, по тому что изъ тридцати двухъ сочиненій, состязавшихся на полученіе Демидовской преміи и порученныхъ Академіею Наукъ разсмотрѣнію [17] лицамъ спеціяльнымъ, только одно изъ нихъ сочиненіе («Исторія Отечественной войны 1812 года, Г.-М. Богдановича») было такъ счастливо, что попало подъ оцѣнку Н. Г. Устрялова. Какъ «Исторія» (первое слово заглавія сочиненія), всеконечно оно было направлено по принадлежности; въ строгомъ смыслѣ сочиненіе это собственно не есть Исторія: ибо по содержанію своему исключительно состоитъ изъ описанія Отечественной войны; слѣдовательно, эта книга чисто военная, въ которой историческое значеніе заключается развѣ въ томъ только, чтобы опредѣлить: точно ли повѣствуемое происходило именно въ 1812 году, а не прежде, или послѣ; словомъ, нѣтъ ли тутъ анахронизма? Будучи же чисто военной книгой, она подлежала разбору лица, спеціяльно ознакомленнаго, теоретически, въ особенности практически, съ предметомъ ея содержанія.

Если же въ прямомъ распоряженіи Академіи Наукъ такого лица не было, то «на нѣтъ и суда нѣтъ;» событія же войны 1812 года столь важны для насъ вообще, что подробное непогрѣшимое изложеніе оныхъ требовало строжайшаго анализа людьми спеціяльными, прежде чѣмъ увѣнчать книгу столь высокимъ мнѣніемъ, какъ присужденіе Академіею Наукъ полной преміи. Слѣдовательно, буде не имѣлось у ней спеціялистовъ по военнымъ знаніямъ, то, по моему крайнему разумѣнію, я смѣлъ бы думать,

---

[17] Какъ это видно изъ общаго отчета, читаннаго непремѣннымъ Секретаремъ К. С. Веселовскимъ (Русск. Инв. № 163, Іюня 27 дня, 1861 г.).

что такое сочиненіе подлежало отправленію, если не на распоряженіе Г. Военнаго Министра, по крайности прямо въ Военную Академію, гдѣ Профессоромъ военныхъ наукъ и самъ сочинитель. Пусть бы она сдѣлала свою оцѣнку и представила ее въ Академію Наукъ на ея обсужденіе. Обращаюсь къ продолженію замѣчаній на Австрійскій разборъ.

Все что до сихъ поръ было въ немъ сказано, по видимому, служитъ только приступомъ, а вотъ это главное. Въ слѣдствіе выше сказаннаго, «сочиненіе Генерала Данилевскаго потеряло всякое значеніе (!), между тѣмъ сочиненіе Милютина о кампаніи 1799 года обратило на себя общее вниманіе, и естественно должно было родиться желаніе представить потомству войну 1812 г. въ ея настоящемъ видѣ. Работу эту возложили на Генерала Богдановича.

Сознаюсь, что я, какъ-то не совсѣмъ понимаю смыслъ и цѣль этого параграфа. Само собой разумѣется, что трудъ Милютина безупреченъ, и дѣйствительно должно было родиться желаніе «представить потомству [18] войну 1812 года въ настоящемъ видѣ. Но достигнуто ли это желаніе въ сравнительной степени съ трудомъ Милютина—это другое дѣло. [19]

---

[18] Кажется, Вольтеръ, прочитавъ «Оду потомству (Ode à la posterité), сказалъ. «Она никогда не дойдетъ по надписи.»

[19] Уже тридцать пять лѣтъ, какъ я оставилъ военную службу, и по тому заподозрить меня въ воскуриваніи онміама нельзя (да и во время службы его не было). Въ 1831 году, и потомъ не разъ, печатно, я имѣлъ случай говорить о превосходныхъ военно-литературныхъ трудахъ Д. А. Милютина, и, по понятію моему, находилъ: «Экспедицію въ Дагестанъ» въ высшей степени поучительной и самостоятельной, по тому что сочинитель описывалъ то, что видѣлъ, и отъ того книга эта чисто военная во всѣхъ отношеніяхъ. Это не Исторія, а точное изложеніе событій очевидца. Въ той же степени признавалъ я и «Описаніе похода въ Италію,» которое есть уже чистая военная Исторія, и написать ее такъ безупречно, какъ она написана, не будучи участникомъ въ событіяхъ, можно только тому, кто обладаетъ необыкновеннымъ талантомъ, и все таки въ совокупности съ нѣкоторой опытностью въ классической войнѣ. Въ 1861 году, изъ замѣчаній моихъ на Исторію Г. Богдановича безпощадная цензура похѣрила около двухъ страницъ, въ которыхъ говорилось о неправильности ранжира, въ который сочинитель помѣстилъ Милютина. Но въ оправданіе Г. военнаго Цензора должно сказать и то, что онъ сдѣлалъ это за нѣсколько мѣсяцевъ до при-

Критикъ, однако же, другого мнѣнія: онъ продолжаетъ: «Генералъ Богдановичъ не пошелъ по стопамъ своего предшественника, который устранилъ иностранную литературу, или черпалъ изъ нея только въ тѣхъ случаяхъ, когда она не противорѣчила его образу мыслей.» О стопахъ Г.-М. Богдановича скажется въ своемъ мѣстѣ; сдѣсь же замѣчу только, во первыхъ: нельзя подозрѣвать, что Г. Данилевскому не было извѣстно все, что было писано о 1812 годѣ. Я сказалъ уже выше, что, вмѣсто двухъ иноземныхъ сочиненій, которыми ограничиваетъ его оцѣнщикъ, онъ пользовался двадцати девятью: разница значительная и доказывающая, что слово отстраненіе тутъ не йдетъ. Во вторыхъ: можетъ быть, и дѣйствительно Г. Данилевскій черпалъ изъ иноземныхъ литераторовъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда они не противорѣчили истинѣ, а пусть и его образу мыслей. Но образъ его мыслей составился во время участія его въ описываемыхъ имъ событіяхъ, а по тому ему легче было опредѣлять истину, нежели описывающимъ событія полвѣка спустя; при томъ же онъ описывалъ Отечественную войну, въ которой на первомъ планѣ подвизались коренные Русскіе, [20] а не иноземцы, которые и до сихъ поръ упорствуютъ утверждать: одни—тогда открытые намъ враги, что они всегда насъ били отъ Нѣмана до Москвы и отъ

зыва Дмитрія Алексѣевича на высшую военную степень, скопомъ, когда онъ былъ еще на Кавказѣ и, какъ говорили, даже очень болѣнъ. Это цензурное исключеніе, вмѣстѣ съ другими, столь же пропавольными, неодобряемыми моимъ взглядомъ, побудили меня отложить напечатаніе полнаго разбора книги Г.-М. Богдановича до болѣе благопріятнаго времени. Относительно же вниманія Г. Богдановича, на согласованіе статей одного и того же предмета, чрезъ нѣсколько страницъ, а иногда и строкъ находящихся, можно заглянуть въ статью: «Нѣсколько замѣчаній о Военно-Энциклопедическомъ Лексиконѣ втораго изданія,» помѣщенную въ Русскомъ Инвалидѣ 1858 г., № 199.

[20] Въ 1812 году дѣйствительно Русскій элементъ господствовалъ: независимо отъ Главнокомандующаго Князя Кутузова, всѣ семь пѣхотныхъ корпусовъ, составлявшихъ главную армію, были подъ начальствомъ коренныхъ Русскихъ; изъ дивизіонныхъ только трое были не Русскаго происхожденія, но изъ нихъ два Принца, по родству связанные тѣсно съ нашими Монархами; та же пропорція и полковыхъ Командировъ. Иноземный элементъ значительнѣе былъ только въ конницѣ: изъ четырехъ корпусовъ три были подъ начальствомъ хотя и не Русскаго происхожденія, но душой Русскихъ. Дивизіонные и полковые Командиры также были большею частію Русскіе. То же самое и въ отдѣльныхъ

Москвы до Нѣмана, а въ 1813 и 1814 годахъ, всѣ подвиги совершены ими, а насъ отодвигаютъ не только что на второй планъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и вовсе не упоминаютъ даже тамъ, гдѣ Русскіе выносили ихъ на плечахъ своихъ и вездѣ были впереди, терпя потери значительнѣе ихъ; словомъ, по духу, господствующему въ Нѣмецкихъ сочиненіяхъ, не они намъ, а мы во всемъ имъ обязаны. Слѣдовательно, и очень естественно, что Генералъ Данилевскій не вводилъ всей злобной ерунды, которою наполнены повѣствованія иноземныхъ писателей. Другіе, временно служившіе въ эту пору въ рядахъ нашихъ, возвратясь на родину, какъ Клаузевицы, Гофманы и т. п., стали подтягивать ту же нѣсню, что и ихъ собраты. Наши же подданные Нѣмцы, какъ Г. критикъ называетъ ихъ, не коренаго Русскаго происхожденія, служили въ то время безупречно, и напрасно въ разборѣ упрекаютъ Данилевскаго въ небываломъ. Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, котораго столь же несправедливо выставляютъ противникомъ всего Нѣмецкаго, что доказывается его Записками, [21] казнилъ только одну неспособность, духъ надменности, происки и т. п.: въ этомъ случаѣ не различалъ Тевтоновъ отъ Славянъ. Но это въ сторону, а вотъ какъ критикъ начинаетъ слѣдующій за вышe помянутымъ параграфъ:

арміяхъ и отрядахъ Славянскій элементъ совершенно господствовалъ: Чичаговъ, Тормасовъ, двое Марковыхъ (одинъ Графъ), Сабанѣевъ, Графъ Каменскій, Игнатьевъ и многіе другіе числомъ своимъ дѣлали ничтожнымъ число не Русскаго происхожденія. Только въ отдѣльномъ корпусѣ (1-мъ Графа Витгенштейна не Русскій элементъ какъ бы господствовалъ. Слѣдовательно, въ строгомъ смыслѣ извинительно и Данилевскому въ описаніи 1812 г. думать какъ Русскій, и не прибѣгать къ засвѣдѣтельствованію (тогда открытыхъ, а большею частію тайныхъ, враговъ нашихъ) Нѣмцевъ того, чему онъ самъ былъ свѣдѣтелемъ и пр. 1813 годъ представляетъ совсѣмъ другое явленіе: тутъ иноземный элементъ беретъ какъ бы верхъ числительностью своею въ главныхъ роляхъ надъ элементомъ Русскимъ: Барклай, Беннигсенъ, Витгенштейнъ, Сакенъ, Ланжеронъ, Принцы Александръ и Евгеній Виртембергскіе, Ламбертъ, Винценгероде, Раттъ, Рогъ, Графъ Сенъ-При, Довре, Дибичъ, Толь, Вальмоденъ, Тетенборнъ и многіе другіе, являвшіеся на наиболѣе дѣятельномъ поприщѣ.

[21] Пусть посмотрятъ только, что онъ говоритъ о Графахъ: Паленѣ, Ламбертѣ и пр.

«Напротивъ того Генералъ Богдановичъ коротко познакомился не только со всѣми источниками, даже съ новѣйшими [22] и пр.» Слѣсь исчисляются этѣ источники, изъ коихъ о нѣкоторыхъ можно было бы кое-что сказать, но я замѣчу только, что это короткое знакомство не принесло большой пользы для достовѣрнаго повѣствованія. Исчисленіе матеріяловъ помянутаго разряда заключается слѣдующими словами: «Къ этому еще надобно прибавить оффиціяльные матеріялы, а именно: журналы военныхъ дѣйствій, рапорты, приказы и разнаго рода вѣдомости, изъ которыхъ авторъ черпалъ свѣдѣнія о числительности обѣихъ враждующихъ сторонъ въ разное время, т. е., именно то, съ чѣмъ Генералъ Данилевскій обращался довольно небрежно.»

«Матеріялы собраны Генераломъ Богдановичемъ въ высшей степени добросовѣстно: но особеннаго вниманія заслуживаетъ безпристрастіе (!) и искреннее желаніе почтеннаго автора доискиваться истины. [23] Одно это уже производитъ на читателя самое пріятное впечатлѣніе, въ особенности послѣ предшествовавшихъ примѣровъ.»

Не отвергаю добросовѣстности въ собираніи матеріяловъ и въ искренности желанія почтеннаго сочинителя доискаться истины, къ чему и принятый имъ санъ жреца истины, да еще и съ свѣтильникомъ въ рукахъ, облегчалъ его предпріятіе; равно не говорю и о самомъ пріятномъ впечатлѣніи при чтеніи этой книги, тѣмъ болѣе, что читатели бываютъ различны, съ нервами, болѣе или менѣе раздражительными; но замѣчу, что нельзя безусловно вмѣнять въ особенную заслугу количество матеріяловъ, собранныхъ и просмотрѣнныхъ для составленія; ибо самое количество и достоинство матеріяловъ можетъ уподобиться приготовленнымъ припасамъ на поварнѣ: хорошій и опытный поваръ изготовитъ вкусный обѣдъ, между тѣмъ какъ изъ этѣхъ же самыхъ припасовъ плохой, или даже посредственный и неопытный, поваръ

---

[22] Святая истина, неопровержимая правда! Генералъ Данилевскій не могъ ознакомиться съ тѣми сочиненіями, которыя появились въ свѣтъ послѣ его смерти. До сихъ поръ это едва ли не единственная истина, здѣсь встрѣчающаяся.

[23] Посредствомъ громаднаго числа засвѣдѣтельствованій иноземцевъ!

не только что сдѣлаетъ обѣдъ безвкуснымъ, но и разстроитъ онымъ желудокъ. Историческіе, и въ особенности военные, матеріялы, одинаково какъ и припасы съѣстные, должны быть тщательно разобраны. Опытный поваръ, бывавшій на большихъ поварняхъ, когда на нихъ работали, обратилъ вниманіе даже на лица, отъ которыхъ оные доставлены, и можно ли полагаться на ихъ достоинство и на слово поставившаго оные; наконецъ, они очищаются то ножемъ, то водой, и потомъ кстати и во время соединяются для гармоніи и вкуса. Изъ сихъ припасовъ нѣкоторые имѣютъ достоинство по своей свѣжести, по своей простотѣ, не требуютъ ни какихъ приправъ; другіе, безъ надлежащей приправы, жестки, неудобоваримы, не вкусны, отъ неправильнаго соединенія однихъ съ другими. Встрѣчаются еще и такіе, которые оставляются у себя, для домашняго обихода, [24] по тому что ни какая приправа не сдѣлаетъ ихъ сносными для вкуса знатоковъ. Слѣдовательно, количество и достоинство матеріяловъ отнюдь не можетъ вызывать похвалу книгѣ; напротивъ, часто бываетъ, что обильное количество матеріяловъ сбиваетъ и ведетъ къ недоумѣнію. Надо, какъ говорится, быть изощреннымъ сшивщикомъ въ историческихъ трудахъ, особенно для предмета военнаго, требующаго боевой опытности, чтобы ловко выпутаться изъ лабиринта матеріяловъ, въ особенности, когда при этомъ бываетъ еще необходимость соблюдать личныя отношенія къ живымъ, что, какъ замѣчено выше, и засвѣдѣтельствовано уже и Титомъ Ливіемъ. То же самое можно отнести и къ собранію матеріяловъ всѣхъ родовъ для постройки какого либо зданія. Хорошій зодчій изъ этѣхъ матеріяловъ воздвигнетъ прекрасное зданіе, съ соблюденіемъ всѣхъ условій науки, а малосвѣдущій въ искуствѣ — обратно. Объ этомъ довольно.

Разбирающій продолжаетъ исчислять достоинство трудовъ Г.-М. Богдановича о вновь открытыхъ матеріялахъ, о разъясненіи многого, до сего времени непонятнаго [25] и т. д. Дѣлать замѣчанія

---

[24] Слово, вошедшее въ составъ статьи: «Граѳъ Аракчеевъ», соч. Г. Богдановича.

[25] Конечно, къ числу такихъ непонятыхъ принадлежитъ и имъ, къ которому, въ скобкахъ, для разъясненія поставлено слово іомъ. Такого рода поясненій есть довольно, какъ это будетъ видно во второй части.

на все это требовало бы громаднаго разбора, который представилъ бы тотъ же выводъ, что и выше. Но нельзя здѣсь и не замѣтить нѣкоторыхъ мѣстъ, на примѣръ, Г. критикъ говоритъ: «Въ главѣ о сформированіи ополченія, о которомъ Генералъ Данилевскій говорилъ весьма подробно (жаль, что нѣтъ), авторъ (Г. Богдановичъ) не вышелъ изъ должныхъ границъ.» [26] И въ слѣдъ за симъ дѣлаетъ краткій очеркъ сказанному Генераломъ Богдановичемъ.

Читаешь, и теряешься въ заключеніяхъ! Не знаемъ, къ чему должно отнести содержаніе этого параграфа. Конецъ съ концомъ, я остановился на томъ, что почтенный критикъ не читалъ одного изъ разбираемыхъ имъ сочиненій, а если и читалъ, то давно безъ вниманія и положившись на память, или, такъ себѣ, создалъ этотъ параграфъ объ ополченіи, и вотъ доказательства тому: Онъ пишетъ, что «Генералъ Данилевскій говоритъ объ ономъ весьма подробно, а Генералъ Богдановичъ не вышелъ изъ должныхъ границъ (!).» Ясно, что послѣдній положилъ предметъ короче, и какъ бы благоразумнѣе, ибо не вышелъ изъ границъ! Никогда не повѣрю, повторяю, чтобы разбирающій читалъ оба сочиненія, т. е., я разумѣю, читалъ съ тѣмъ вниманіемъ и безпристрастіемъ которыя требуются предметомъ. Сознаюсь, что я такъ пораженъ былъ этѣми словами, что запасся старинымъ Нѣмецкимъ терпѣньемъ, и вотъ итогъ, и итогъ осязательный.

У Данилевскаго, во II томѣ ополченію посвящены двѣ главы. Въ 1-й 35 страницъ, во 2-й 19-ть, всего 54 страницы У Богдановича, во II томѣ XVII и XVIII главы включаютъ тотъ же предметъ, подъ тѣми же заглавіями, какъ и у Данилевскаго. Въ XVII гл. 41 страница, а въ XVIII 24-ре, всего 65 страницъ; значитъ, что этой уже цыфрой оказывается у Богдановича одиннадцатью страницами болѣе, нежели у перваго. Но страницы страницамъ не ровны содержаніемъ, смотря на оттиски и шрифтъ,

---

[26] Мнѣ кажется, что въ Исторіи событій Отечественной войны скорѣй можно упрекать за краткость описанія такого, можно сказать, первостепеннаго движенія патріотизма, нежели за подробности, но, къ несчастію, увидимъ, что и это не такъ.

иногда на самый листъ: большій въ 8 и средній въ 8; слѣдовательно, хотя у Богдановича и оказывается болѣе страницъ, но содержанія можетъ оказаться менѣе, и, не довѣряя наглядности, тотчасъ убѣждающей въ противномъ, я, однако, пошелъ далѣе.

У Данилевскаго, на страницѣ 30-ть строчекъ, а у Богдановича 34. Опять еще не полное доказательство: ибо значительную разницу можетъ представлять шрифтъ, который, наглядно, опять не допускаетъ сомнѣнья; но я пошелъ еще далѣе, чтобы достигнуть до послѣднихъ предѣловъ математической точности, и вотъ что оказалось: [27]

У Данилевскаго, въ общей сложности, въ строкѣ 36 буквъ, у Богдановича 45, изъ этого оказывается, что:

У Данилевскаго, въ двухъ главахъ 1620 строчекъ, или около 58,320 буквъ. [28]

У Богдановича, въ двухъ главахъ 2,210 строчекъ, или около 99,450 буквъ. [29]

Сверхъ того, у сего послѣдняго въ двухъ Приложеніяхъ къ главамъ: къ XVII—58 примѣчаній, на 7-ми страницахъ, а къ XVIII—52 примѣчанія, на 6-ти страницахъ, и какъ онѣ не всѣ полной густоты, то эти 13 страницъ беру только за 10-ть, а по тому выходитъ 340 строчекъ, или около 15,300 буквъ, что, вмѣстѣ съ главами, у Богдановича всѣхъ буквъ, употребленныхъ для описанія ополченія, простирается до 114,750, между тѣмъ какъ у Данилевскаго на этотъ предметъ употреблено только 58,320 буквъ, или едва половина. Что же это за куріозъ? Можно ли подобнымъ образомъ отдавать отчетъ о сочиненіи? Кто распространился болѣе объ ополченіи? Вѣдь выходитъ, что Дани-

---

[27] Сдѣсь допускаю себя до прибавительнаго мѣрила.

[28] Въ 1-й главѣ 1050 строчекъ или около 37,800 буквъ, а во 2-й главѣ 570 строчекъ или 20,520 буквъ.

[29] Въ XVII гл. 1,394 строки или около 62,730 буквъ, а въ XVIII главѣ 816 строчекъ или около 36,720 буквъ.

левскій сказалъ въ половину менѣе Богдановича! Гдѣ же тутъ безпристрастіе?

Далѣе: «Сраженія описаны Генераломъ Богдановичемъ гораздо подробнѣе, чѣмъ его предшественниками.» Это очень можетъ быть. Во второй части оно будетъ видно. Я приведу въ особенности подробности Бородинскаго и Малоярославецкаго сраженій: это образчикъ для всѣхъ другихъ, за которыя взялся самъ сочинитель.

«У автора выставлены нѣкоторые отдѣльные подвиги, чего нельзя не похвалить.» Да, если бы дѣйствительно выставлялись подвиги! Какъ бы почтенный критикъ ошибся при внимательномъ исчисленіи этѣхъ частныхъ подвиговъ, особенно въ оцѣнкѣ оныхъ: онъ нашелъ бы безпрерывно повторяемое одно имя даже при случаяхъ ничтожныхъ. Между тѣмъ, какъ истинно патріотическіе подвиги (какъ это будетъ видно изъ второй части) даже и не упоминаются.

Г. критикъ, какъ и слѣдуетъ, чтобы показать свое безпристрастіе, не долженъ же все хвалить: онъ знаетъ, что на свѣтѣ нѣтъ ни-чего совершеннаго, а по тому сдѣсь онъ и говоритъ:

«. . . . . Нельзя упрекать автора въ томъ, что онъ, при описаніи сраженія, входитъ въ мельчайшія подробности, но мы находимъ не вполнѣ умѣстнымъ, что, напримѣръ, на стр. 220 (т. I), по поводу кратковременнаго пребыванія Наполеона въ Бабиновичахъ, приведено нѣсколько подробностей, ненужныхъ и лишенныхъ интереса, и что слишкомъ обстоятельно описалъ (стр. 163 и 164) пріемъ, сдѣланный Императору Александру въ Москвѣ.» [30]

Но и этому мнѣнію Господина критика не посчастливилось. Сдѣсь подъ звѣздочкой сдѣлано Редакціей Русскаго Инвалида слѣдующее, въ высшей степени справедливое, замѣчаніе: «На этотъ счетъ рецензентъ Австрійскаго Журнала сильно ошибается. Онъ забываетъ, что Генералъ Богдановичъ писалъ для Русскихъ, для которыхъ такого рода подробности никогда не могутъ пока-

[30] Страницы, конечно, Нѣмецкаго перевода.

заться скучными: напротивъ того, можно сказать, что эта глава едва ли не лучшая во всемъ первомъ томѣ.»

Обращаюсь къ критику: «Это нѣсколько подробностей не нужныхъ и лишенныхъ интереса, по поводу кратковременнаго пребыванія Наполеона въ Бабиновичахъ», вовсе не относится къ Бабиновичамъ, а къ Расаснѣ, какъ это сказано и у самаго Г.-М Богдановича (то жь у Данилевскаго). Не уже ли переводившій не понялъ этого эпизода? Что же касается до слишкомъ обстоятельнаго описанія пріема, сдѣланнаго Императору Александру въ Москвѣ,» то эпизодъ этотъ изложенъ у Данилевскаго гораздо пространнѣе (23-я стр.), [31] нежели у Богдановича, за что этотъ и получилъ замѣчаніе отъ Г. критика, который, вѣроятно, не заглянулъ въ Данилевскаго: иначе этому послѣднему не прошло бы даромъ!

Слѣдующій нумеръ (23-й) продолжаетъ превозносить творенія Г.-М. Богдановича, и опять съ тѣми же, какъ и выше, итогами, а именно: «Въ примѣръ прямаго и простаго способа изложенія событій, который заслуживаетъ особенной похвалы, мы приводимъ подлинныя слова автора при описаніи знаменитаго боя Невѣровскаго подъ Краснымъ, 14-го Августа (два дня послѣ сраженія подъ Смоленскомъ).»

Помимо того, что дѣло Невѣровскаго подъ Краснымъ происходило не послѣ, а прежде сраженія подъ Смоленскомъ, что очень можетъ быть и опечатка, но опечатка не маловажная для тѣхъ, которые, не изучивъ этой войны, прочтя настоящую статью, получатъ превратное понятіе о двухъ знаменитыхъ подвигахъ этой эпохи; но дѣло въ томъ: за что приписывать такой способъ изложенія Г.-М. Богдановича, когда бой подъ Краснымъ есть не что иное, какъ почти буквальный противень съ описанія этого особаго случая Данилевскимъ? А это иначе и быть не могло: Данилевскій (т. II, стр. 80), говоритъ, что донесенія объ этомъ сраженіи отъ Невѣровскаго не было, а подробности боя онъ помѣстилъ въ

---

[31] По выше приведенному исчисленію приблизительнаго мѣрила содержанія страницъ у Данилевскаго и Богдановича, оказывается, что у перваго чуть, чуть не вдвое пространнѣе изложенъ этотъ эпизодъ, чѣмъ у послѣдняго.

томъ видѣ, какъ они были тогда же пересказаны Невѣровскимъ Паскевичу, и «въ послѣдствіи, присовокупляетъ, переданы мнѣ (Данилевскому) отъ Генералъ-Фельдмаршала, [32] съ прибавленіемъ нѣсколькихъ подробностей, слышанныхъ мною отъ очевидцевъ.» [33] Г.-М. Богдановичъ заслужилъ одобреніе за то, что списалъ этотъ эпизодъ съ сочиненія Данилевскаго, не сославшись на него, какъ на единственный источникъ, ибо другихъ онъ не имѣлъ. Онъ выписываетъ изъ «Das Buch etc.» только похвалу непоколебимости Русскихъ, какъ будьто что-то новое, и, въ слѣдъ за симъ, тотчасъ дѣлаетъ ссылку № 28 на Шамбре, Тьера, на краткій журналъ и пр. (!?), составленный Толемъ и Бернгарди. Но у нихъ нѣтъ и помина о тѣхъ подробностяхъ дѣла, за изложеніе которыхъ онъ получилъ похвальный листъ отъ разбирающаго. Всѣ эти подробности, повторяю, взяты изъ Данилевскаго, но безъ указанія на него! Точно такимъ же образомъ внесены и нѣкоторые другіе эпизоды: неловко же указывать на книгу, которую такъ отхватали въ концѣ III-го тома. Но довольно о разборѣ; приведу только послѣдній параграфъ, заключающій описаніе битвъ подъ Краснымъ, и приведу его единственно по тому только, что я какъ-то не понимаю смысла онаго, а именно:

«По нашему мнѣнію, счастливая звѣзда Германіи помѣшала Кутузову поймать своего противника въ мышеловку, [34] чего онъ навѣрное могъ бы достигнуть. Каково было бы положеніе Австріи и Пруссіи въ виду притязаній Россіи, если бы Кутузовъ

---

[32] Сдѣсь весьма важно припомнить, что книга Данилевскаго напечатана за пятьнадцать лѣтъ до смерти Паскевича: нельзя же всѣхъ подозрѣвать, а вѣрить только Бернгарди и т. п.

[33] Я видѣлъ въ 1816 году рукопись, составленную Иваномъ Александровичемъ Фонъ Визинымъ, бывшимъ дивизіоннымъ Квартирмейстеромъ 27-й дивизіи. Въ довольно пространной рукописи этой ,написанной мастеромъ и участникомъ въ этомъ дѣлѣ, находились мельчайшія подробности. Не знаю участи этого любопытнаго памятника.

[34] Злосчастный Наполеонъ! Вальтеръ Скоттъ уподобляетъ его киту. Г Бутовскій сому, а сѣсь онъ уже сталъ мышью: и какіе и сколько разнообразныхъ эпитетовъ давали ему сами Французы, во время бѣгства изъ Россіи!

однимъ ударомъ освободилъ Европу? Горькіе уроки при Люценѣ и Бауценѣ, геройское возстаніе Сѣверной Германіи и искреннее участіе, которое приняла Австрія въ послѣдующіе годы великой борьбы, не успѣли заставить союзниковъ, при заключеніи мира, удовлетворить законныя требованія Германіи. Что же было бы съ ней, если бъ совсѣмъ не существовало предшествующихъ событій.» [35]

Рѣшительно не понимаю, или не могу связать вмѣстѣ въ логическій порядокъ, всего, тутъ сказаннаго! Здѣсь говорится о какихъ-то необъяснимыхъ, мнимыхъ притязаніяхъ Россіи, о какомъ-то законномъ требованіи Германіи, будьто бы неудовлетворенномъ! Но не уже ли Г. критикъ думаетъ, что мы позабыли, въ какомъ положеніи застали Германію въ началѣ 1813 года, когда пришли раговать за нее? Во всѣхъ ея столицахъ и главныхъ городахъ издавна находились Французскіе Генералъ-Губернаторы, Коменданты, или уполномоченные Наполеоновскіе дипломаты, безъ коихъ ни что въ Государствѣ не совершалось; въ крѣпостяхъ Французскіе гарнизоны. Въ нѣкоторыя Государства посажены были главами или родственники повелителя Запада, или солдаты его арміи, связанные, по его приказанію, брачными союзами съ Нѣмецкими Принцессами, чѣмъ только и спасалась тѣнь самостоятельности Нѣмецкихъ областей. Подобно какъ нѣкогда Византійскіе Императоры спасали себя и Имперію, заключавшуюся иногда въ одинѣхъ стѣнахъ Византіи, тѣмъ, что отдавали своихъ дочерей, сестеръ и другихъ родственницъ въ замужество Царямъ Болгарскимъ, даже и тогда, когда этѣ не были еще Христіянами, а отъ нихъ брали себѣ для брачныхъ узъ Царевенъ, такъ и гордый Габсбургскій домъ, для спасенія остатковъ обрѣзанной Имперіи своей, породнился съ домомъ Бонапарте. Наполеонъ былъ полнымъ хозяиномъ на всемъ Западѣ, по преимущественно въ Германіи: одни владѣнія уничтожалъ присоединяя ихъ къ другимъ, или къ себѣ, словомъ, какое еще законное требованіе Германіи оказалось бы неудовлетвореннымъ въ виду притязаній Россіи, если бы Кутузовъ порѣшилъ съ Наполеономъ однимъ ударомъ подъ Краснымъ? Ерунда! Многіе

[35] То есть, если бы Наполеонъ былъ окончательно пораженъ подъ Краснымъ.

изъ насъ помнятъ еще, какъ, вступивъ въ порабощенную, униженную до нельзя, Германію, мы были встрѣчаемы при входѣ во всѣ города, мѣстечки и села: мы проходили подъ тріумфальными арками, съ надписями: «Здравствуйте, дорогіе, или любезные, побѣдители! Здравствуйте наши освободители, наши спасители!» и т. п. Цвѣты и зелень бросались выходившими дѣвушками на встрѣчу нашихъ воиновъ, на квартирахъ предоставлялось намъ хозяйничать, и послѣ всего этого, нынѣ хотятъ, всенамятное намъ, участникамъ изгладить изъ Исторіи и такъ нагло присвоивать себѣ то, о чемъ до появленія, Русскихъ въ 1813 году не смѣли и мечтать!

Но вотъ чего я еще не понимаю: «Геройское возстаніе Сѣверной Германіи!» Пусть это такъ; но, вѣдь, оно совершилось въ первой половинѣ 1813 года, подъ покровительствомъ Россіи, подъ знаменами ея арміи? Положимъ, что и Австрія приняла, пусть и искреннее участіе,» но это совершилось не въ «послѣдующіе» годы,» какъ сказано, а въ половинѣ того же 1813 года. Вотъ это-то «геройское возстаніе Сѣверной Германіи и искреннее участіе Австріи не успѣли заставить союзниковъ, при заключеніи мира, удовлетворить законныя требованія Германіи!» Повторяю, рѣшительно не понимаю, и для меня это въ полномъ смыслѣ вздоръ! О какихъ законныхъ правахъ идетъ тутъ рѣчь? Чего же еще, при заключеніи мира, хотѣла «искренняя Австрія?» Ей отдали все, что она, въ продолженіе двадцати лѣтъ, теряла на законномъ основаніи, силой оружія, на основаніи соблюденія строгихъ стратегическихъ правилъ, какъ это было подъ Ульмомъ, и на основаніи глубокомысленныхъ невмѣшательствъ. А «геройскому возстанію Сѣверной Германіи,» которая сдѣсь понимается за Пруссію, сдававшую, послѣ Іены, крѣпости свои съ сильными гарнизонами передовымъ Французскимъ гусарамъ! Чего еще было ей домогаться лучшаго послѣ ея подвиговъ? Она получила гораздо болѣе, нежели имѣла прежде своего обрѣзанія? Можетъ быть, ей хотѣлось чего нн будь и еще, то пусть теперь добываетъ сама отъ, «искренней къ дѣлу Германіи, Австріи,» и потомъ сводятъ себѣ счеты!

Далѣе, среди всевозможныхъ варіянтовъ на тему этого параграфа невольно напрашивается еще одинъ, и именно, что счастливая звѣзда Германіи» помѣшала подъ Краснымъ истребить

полчища Наполеона, и тогда, вотъ видите, по смыслу Нѣмцевъ, Россія расправилась бы съ Германіею лучше Наполеона т. е., Нѣмцы радуются, что Кутузовъ выпустилъ Наполеона, иначе, по ихъ мнѣнію, имъ было бы хуже, чѣмъ при немъ отъ «притязаній» Россіи! Это и похоже на Нѣмцевъ: они болѣе любятъ Французовъ, которые ихъ всегда били, нежели неоднократно спасавшихъ ихъ Русскихъ: любовь и злобу они доказали въ 1812, 1853—1856 и 1863—1864 годахъ, а сколько подстановокъ, какъ говорится, ножки въ дипломатическихъ тайныхъ козняхъ? И это должно быть такъ по закону природы: слабый всегда врагъ сильному.

Симъ ограничиваю краткія замѣчанія свои на мнѣнія Г. критика Австрійскаго Военнаго Журнала о сочиненіи Г.-М. Богдановича, тѣмъ болѣе, что вторая часть можетъ дополнить недосказанное.

Послѣ всѣхъ, частію выше замѣченныхъ, недостатковъ, превозносить такую книгу, да еще ставя ее въ параллель съ сочиненіемъ Милютина, не ясно ли, что Г. Австрійско-Нѣмецкій разбиратель издѣвается надъ нами? Не обязаны ли мы возразить ему и показать, что умѣемъ цѣнить и трудъ нашего военнаго исторіографа и ерунду Г. критика Австрійскаго Военнаго Журнала, который, конечно, обрадовался болѣе тому, что, для составленія описанія нашей Отечественной войны, потреблено нашимъ Профессоромъ огромное количество Нѣмецкихъ матеріяловъ. Сдѣсь, относительно воспѣтой Нѣмецкимъ разборщикомъ похвалы труду Г. Данилевскаго, можно справедливо приложить, гдѣ-то въ молодости моей читанные стихи, въ которыхъ, между прочимъ, сказано:

«Достойной похвалы невѣжда не умалитъ,
А то не похвала, когда невѣжда хвалитъ.»

Прежде, чѣмъ приступить къ дѣлу, прослѣжу предварительно Предисловіе, наполненное самыми заманчивыми надеждами для читателей.

По мнѣнію сочинителя: «Данилевскій впалъ во многія ошибки; ему и Бутурлину не были извѣстны многія Записки: [36] Вольцогенъ прославлялъ только свои подвиги, а о Французахъ и говорить нечего: изъ нихъ, по мнѣнію сочинителя, одинъ только Шамбре заслуживаетъ нѣкоторое довѣріе: впрочемъ, онъ не презираетъ и другихъ его соотечественниковъ, приводя ихъ слова тамъ, гдѣ ему кажется нужнымъ. Нѣмецкіе же писатели, по видимому, какъ будьто бы предпочитаются имъ всѣмъ прочимъ.»

«При всей обширности предстоявшаго мнѣ труда, говоритъ далѣе Г. Богдановичъ (стр. VII), слѣдовало не упустить изъ виду ни одного подвига, ни одной характеристической черты исполиновъ дѣятелей войны 1812 года. Надлежало объяснить сокровенныя (!) причины дѣйствій, остающихся темными, загадочными, единственно отъ того, что свѣтильникъ истины (!) иногда затмѣвался пристрастіемъ. Необходимо было показать вліяніе стихій, зноя и стужи, голода и жажды, наконецъ, случая, играющаго столь важную роль въ военномъ дѣлѣ. Чтобы удовлетворить всѣмъ исчисленнымъ и многимъ другимъ требованіямъ науки, мнѣ предстояло изучить историковъ войны 1812 года, перечитать множество мемуаровъ и писемъ, прислушаться къ сужденіямъ свидѣтелей той эпохи.» Г. Богдановичъ говоритъ, что нѣкоторые изъ матеріяловъ были извѣстно ему и прежде, [37] другіе нашелъ онъ въ различныхъ архивахъ (стр. VII). «Многими свѣдѣніями обязанъ я, продолжаетъ онъ, лицамъ, удостоившимъ трудъ мой вниманіемъ и сообщившимъ

---

[36] Оба они писали за 30-ть и за 20-ть лѣтъ до Генерала Богдановича, а по тому естественно, что они не могли видѣть того, что появилось въ печати и открылось въ рукописяхъ послѣ изданія ими книгъ.

[37] Но если нѣкоторые матеріялы были извѣстны почтенному сочинителю и прежде, то изъ этого не слѣдуетъ заключать, чтобы они были изучены имъ тогда же, а онъ долженъ былъ изучать ихъ въ тѣ три года, какъ онъ говоритъ, вмѣстѣ съ прочими, когда предпринялъ начертаніе своей Исторіи.

мнѣ свои записки (несомнѣнно прежде окончанія труда), «либо сдѣлавшимъ замѣчанія на изложенныя мною событія.» (Это другое дѣло, но было уже поздно). «Приложенія, помѣщенныя въ концѣ каждаго тома моей Исторіи войны 1812 года, въ числѣ вообще болѣе полуторы тысячи, указываютъ источники [38] описанныхъ мною фактовъ и кромѣ того содержатъ въ себѣ многіе любопытные документы, не вошедшіе въ мое описаніе.» [39] Чрезъ нѣсколько строкъ ниже сказано: «Что же касается до сдѣланныхъ мною выводовъ, на основаніи критическаго изслѣдованія событій, то, принимая на себя въ нихъ полную отвѣтственность, могу сказать только то, что перомъ моимъ руководило безпристрастіе: и къ своимъ, и къ непріятелямъ.» [40]

О значеніи или достоинствѣ своей Исторіи Г. Богдановичъ очень скромно говоритъ, что (стр. III) «въ послѣднія двадцать лѣтъ военная исторія обогатилась сочиненіями, которыя могутъ,

---

[38] Не понимаю этого въ надлежащей ясности: Приложеній очень далеко отъ болѣе полуторы тысячъ. По ссылокъ въ Приложеніяхъ (для каждой главы свое Приложеніе) дѣйствительно болѣе полуторы тысячи, да указываютъ-то они на весьма немногіе печатные источники, чуть ли не около пятидесяти. Остальное: приказы различныхъ вѣдомствъ, рапорты, записки и т. п. въ рукописяхъ; но и все это едва ли превзойдетъ цыфру трехсотъ. На эти-то источники сочинитель и ссылается. Но ссылаться на одно сочиненіе можно, пожалуй, сто разъ и болѣе, а это отнюдь не означаетъ ста источниковъ.

[39] Сознаюсь, что и этого не понимаю: «Приложенія содержатъ въ себѣ многіе любопытные документы, не вошедшіе въ мое описаніе!» Какимъ же образомъ Приложенія ихъ содержатъ, а они не вошли въ описаніе?! Если жъ они помѣщены только въ Приложеніяхъ, а въ текстѣ не употреблены въ дѣло, то какъ же позволилъ себѣ сочинитель поступить такимъ страннымъ образомъ? Все это, вмѣстѣ со множествомъ другого, неясно и непонятно, что невольно напоминаетъ того учителя Риторики, о которомъ Квинтиліанъ говоритъ, что онъ преподавалъ ученикамъ своимъ правило: покрывать самымъ непроницаемымъ мракомъ смыслъ того, что пишутъ, и что высшей похвалой у него служило выраженіе: «Вотъ это превосходно! Я и самъ ни чего понять не могъ!»

[40] Сдѣсь позволяю себѣ замѣтить, что слово безпристрастіе можетъ относиться только къ очевидцу, къ участнику событія, которое описывается, но едва ли слово это можетъ въ своей силѣ быть приложено къ тому, который

по всей справедливости считатся образцовыми: Смитъ, Гепфнеръ, Милютинъ, [41] показали на дѣлѣ (сирѣчь, и онъ предпринялъ то же), что Исторія войны, основанная на критическомъ изслѣдованіи событій, можетъ представить болѣе пользы и занимательности военному и не военному читателю, нежели разсказъ, изъ котораго нельзя видѣть ни характера дѣйствователей, ни причинъ, побудившихъ ихъ къ излагаемымъ дѣйствіямъ.»

Такимъ образомъ, по логикѣ Г. Богдановича, описаніе похода въ Сѣверный Дагестанъ Милютинымъ [42] и похода въ Седмиградію Пенокойчицкимъ, не должны представлять большой занимательности и пользы, по тому что «они сами были въ нихъ дѣятелями!» Чтобы описаніе войны было «полезно и занимательно,» надобно, по взгляду почтеннаго Профессора, чтобы ее писали тѣ, которые въ ней не были, или лучше сказать, едва ли были и на свѣтѣ, когда она происходила. Странное убѣжденіе! Несомнѣнно, что жизнь Юлія Цезаря, составленная Наполеономъ III, и походы Александра Македонскаго, надъ описаніемъ которыхъ, какъ говорили, трудится Ламартинъ, почтутся Г. Богдановичемъ за самое превосходное военное твореніе, именно по тому, что Наполеонъ и Ламартинъ живутъ спустя десятки столѣтій послѣ своихъ героевъ.

Сочинитель продолжаетъ (стр. IV): «Не смотря на множество иностранныхъ сочиненій о войнѣ 1812 года, ни одно изъ нихъ не соотвѣтствуетъ ни важности предмета, ни современному состоянію науки. Такимъ образомъ въ нашей военной Исторіи существуетъ пробѣлъ, который должны пополнить наши военные писатели.»

дѣлаетъ списки изъ сотни сочиненій. Далѣе буду имѣть случай сказать о семъ еще нѣсколько словъ.

[41] При концѣ III тома, стр. 336, сочинитель, повторяя то же, вдвинулъ еще двоихъ предъ Милютинымъ, такъ что этотъ опять остается послѣднимъ.

[42] Я не повторяю здѣсь того, что говорилъ уже прежде въ другомъ мѣстѣ, о превосходной Исторіи Суворова, въ которой самый строгій критикъ не найдетъ

И такъ, по неимѣнію еще ни у иностранцевъ, ни у насъ удовлетворительной Исторіи войны 1812 года, Г. Богдановичъ рѣшился написать «свою, и пополнить этотъ пробѣлъ,» подаривъ Отечеству «достовѣрнѣйшее» описаніе нашей борьбы съ гигантомъ своего времени, и, въ заключеніе Предисловія, говоритъ:

«Считаю не излишнимъ пояснить (стр. VIII) въ нѣсколькихъ словахъ, что именно новаго найдутъ читатели въ моемъ сочиненіи: [43] 1-е, на счетъ плана дѣйствій Русскихъ войскъ, при отступленіи ихъ отъ границъ внутрь Имперіи, одни изъ историковъ войны 1812 года отрицаютъ существованіе какого либо заранѣе обдуманнаго плана, другіе говорятъ о немъ вскользь, либо искажаютъ истину. У меня посвящена цѣлая глава происхожденію и развитію этого плана дѣйствій. 2-е, средства къ снабженію войскъ обѣихъ сторонъ продовольственными и военными припасами изложены подробнѣе, нежели во всѣхъ прежнихъ сочиненіяхъ о войнѣ 1812 года. 3-е, Ополченія и пожертвованія въ 1812 году описаны подробно. [44] Читатели найдутъ также много любопытныхъ подробностей въ изложеніи народной войны и партизанскихъ дѣйствій. 4-е, Многія доселѣ неизвѣстныя свѣдѣнія помѣщены въ главахъ: Свиданіе въ Або Императора Александра 1-го съ Наслѣднымъ Шведскимъ Принцемъ, вооруженіе въ Западныхъ областяхъ Имперіи, остававшихся въ тылу непріятеля. 5-е, Описанія сраженій гораздо подробнѣе всѣхъ тѣхъ, которыя были помѣщены въ прежнихъ сочиненіяхъ о войнѣ 1812

ни недосказаннаго, ни противорѣчій, и что описаніе похода въ Дагестанъ есть книга поучительная, чисто военная, по тому что сочинитель описываетъ то, что видѣлъ самъ и т. д.

[43] Не знаю, какъ другимъ, но какъ-то странно читать: «Моя Исторія; мое сочиненіе» и т. п. Кажется, принято выраженіе: «предлагаемое сочиненіе, предлагаемая книга, предлагаемый трудъ на благосклонное мнѣніе публики» и т. п. Тутъ нѣтъ самонадѣянности, а слѣдовательно и приличнѣе. Впрочемъ, въ строгомъ смыслѣ, книга Г. Богдановича есть дѣйствительно сочиненіе.»

[44] А критикъ Нѣмецкаго перевода говоритъ противное. Смотри первую часть.

года. [45] 6-е, Не забыты славные подвиги, совершенные не только главными лицами, но и другими, участвовавшими въ этой войнѣ. Ежели въ этомъ отношеніи что либо упущено, то это произошло единственно отъ неимѣнія свѣдѣній, на которыхъ было бы возможно основать описаніе подвиговъ. [46] 7-е, Составъ войскъ показанъ вездѣ съ такою отчетливостію, какая была возможна всякому, знакомому съ военно-историческими изслѣдованіями; извѣстно, въ какой степени трудно излагать составъ различныхъ частей арміи въ точности до послѣдняго баталіона и эскадрона. Не менѣе затруднительно опредѣленіе числа войскъ, урона каждой изъ сторонъ» и пр.

Изобразивъ всѣ затрудненія, почтенный сочинитель ободряетъ читателей, говоря: «Надѣюсь, что и въ этомъ отношеніи мнѣ удалось пояснить и исправить многія обмолвки историковъ войны 1812 года.....»

Въ томъ-то и бѣда, что не удалось! Мы увидимъ, какъ это оправдывается на дѣлѣ. Наконецъ, «8-е, Карты и чертежи (по засвѣдѣтельствованію Г. Богдановича) также получили значительное усовершенствованіе противъ прежнихъ, со множествомъ подробностей» и т. п. Читатели увидятъ совершенно противное такому засвѣдѣтельствованію, а при томъ видимое отсутствіе нѣкоторыхъ картъ, необходимыхъ къ поясненію текста. [47]

Впрочемъ, относительно плановъ, составленныхъ Полковникомъ Полторацкимъ, это, по моему крайнему уразумѣнію, дѣйствительно едва ли не лучшій отдѣлъ Исторіи Отечественной войны 1812 года. [48]

---

[45] Слѣдовало бы прибавить, что болѣе неправильностей, недостатковъ и противорѣчій.

[46] А между тѣмъ выпускаются многіе подвиги особеннаго патріотизма, какъ, на пр., Растопчина, Раевскаго и давно внесенные уже печатно, а вмѣсто сего являются у него Подпоручики, съ двумя орудіями, безъ всякихъ подвиговъ и т. д.

[47] У Даниловскаго къ «Описанію» приложено почти втрое болѣе картъ и плановъ, нежели у Г. Богдановича къ «его Исторіи».

[48] Жаль только одного, что Г. Богдановичъ не уполномочилъ Полковника Полто-

Сочинитель оканчиваетъ Предисловіе слѣдующими, чрезвычайно знаменательными, словами (стр. IX): «Въ заключеніе скажу, что я пользовался сочиненіями прежнихъ историковъ войны 1812 года не иначе, какъ «указывая, кому именно чѣмъ обязанъ.» Но это, какъ увидимъ, рѣшительно не соблюдено. Во всякомъ случаѣ спрашивается: можно ли самонадѣяннѣе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ большею скромностію сдѣлать что либо лучше: совершенное самоотверженіе, удаленіе отъ себя всякаго подозрѣнія въ вымыслѣ, въ произведеніи событія безъ ссылки, все основывается на достовѣрныхъ источникахъ. Какъ гласитъ объ этомъ и заглавіе сочиненія. Да и само собою разумѣется, какъ же было бы иначе писать исторію: самъ Г. Богдановичъ рѣшительно ни чего свѣдѣтельствовать не можетъ, а долженъ говорить только то, что говорятъ другіе!

«Читатели моей книги, присовокупляетъ онъ, рѣшатъ, въ какой мѣрѣ самостоятеленъ трудъ мой.»

Какъ же послѣ всего сказаннаго такъ завлекательно, съ такою утвердительною самонадѣянностію на свой трудъ, не только исправившій все то, что было писано до него о семъ предметѣ, но и пополнившій «пробѣлъ,» остаться равнодушнымъ и не поспѣшить получить: «поясненій сокровенныхъ причинъ, дѣйствій, остающихся темными, единственно отъ того, что свѣтильникъ истины иногда затмѣвался пристрастіемъ» и т. д? Какъ же, повторяю, остаться равнодушнымъ при свѣтильникѣ истины, которымъ вооружился почтенный сочинитель?

рацкаго составить для Бородинской битвы, не только для каждой изъ двухъ частей, на которыя раздѣляетъ онъ это сраженіе, но и для каждаго дѣйствія, особенные планы. Въ Предисловіи къ XXII главѣ и въ окончаніи оной, какъ видно будетъ далѣе, вѣдь, говоритъ же онъ, что «съ одной стороны необходимо сохранить послѣдовательность и взаимную связь всѣхъ актовъ битвы великой драмы» и т. д. Слѣдовательно, для болѣе яснаго понятія актовъ драмы, разыгрываемой на театрѣ войны, необходима послѣдовательность дѣйствій, а въ оныхъ и явленій, тогда и описаніе сраженія, слѣдимаго на планѣ по тексту, представляло бы болѣе гармоніи. Не излишне было бы сдѣлать на картахъ надписи и оврагамъ, упоминаемымъ въ описаніи битвы

Сдѣсь, для полноты понятія о трудѣ Г. Богдановича, имъ такъ скромно заявляемомъ, нахожу умѣстнымъ прослѣдить предпосланное имъ, то же въ видѣ предисловія, въ XXII главѣ «Бородинское сраженіе.» Тутъ увѣренность почтеннаго сочинителя «пополнить все», что было писано до него о Бородинскомъ сраженіи, является въ блистательномъ свѣтѣ. Вотъ это образцовое вступленіе, дышащее умѣренностію и сознаніемъ въ непогрѣшимости своего дѣла:

«Описанія генеральныхъ сраженій,» говоритъ почтенный сочинитель, «большею частію не полны и неудовлетворительны. Причиною тому самое существо предмета, требующее соблюденія условій, не согласныхъ и даже противорѣчащихъ между собой. Съ одной стороны необходимо сохранить послѣдовательность и взаимную связь всѣхъ актовъ битвы великой драмы, не рѣдко рѣшающей судьбу царствъ и народовъ; съ другой требуется выказать частные подвиги множества лицъ, въ ней участвовавшихъ. [49] Необходимо соблюсти единство при начертаніи картины дѣйствій различныхъ частей войскъ въ одни и тѣ же моменты боя и войти въ подробности, безъ которыхъ разсказъ сраженія не полонъ и безцвѣтенъ, и все это должно создать, [50] воспроизвести изъ отрывочныхъ безсвязныхъ свѣдѣній, переданныхъ очевидцами, отъ которыхъ, въ разгарѣ сраженія, при напряженной дѣятельности, невозможно ожидать безпристрастной наблюдательности. [51] Принимая въ разсчетъ вліяніе страстей, не чуж-

---

[49] Полагаю не частные подвиги лицъ, а предводительствуемыхъ ими частей, что и составляетъ гармонію битвы. Частый же подвигъ лица, уже легко сливается съ подвигомъ его части и ни въ какомъ случаѣ затруднять не можетъ, въ особенности ловкаго писателя, какихъ мы встрѣчаемъ у Французовъ.

[50] Слово «создать» употреблено сдѣсь не вѣрно; слѣдующее слово «воспроизвести» достаточно уясняетъ мысль сочинителя.

[51] Не уже ли же тѣ, которые не были вовсе въ битвѣ, могутъ безпристрастнѣе описывать случаи оной, нежели тѣ, которые въ ней участвовали? Это что-то для меня непонятно. Не все ли равно сказать, что человѣкъ, поднявшійся на воздушномъ шарѣ на нѣкоторое разстояніе, не можетъ изобразить панорамы, ему представляющейся, такъ ясно и отчетливо, какъ тотъ, который никогда не

дыхъ даже и великимъ людямъ, историкъ встрѣчаетъ съ недовѣрчивостью показанія очевидцевъ (какимъ же показаніямъ онъ довѣряетъ?), но не можетъ обойтись безъ ихъ помощи, и по тому, принявъ на себя священную обязанность жреца истины, бываетъ поставленъ въ тягостное положеніе увѣрять въ томъ, въ чемъ не убѣжденъ самъ (слѣдовало бы прибавить, и чего самъ не видалъ). Не только трудно, но почти не возможно, оцѣнить вполнѣ относительное вліяніе на успѣхъ боя: соображеній Главнокомандующаго, находчивости частныхъ начальниковъ, твердости духа войскъ, и, наконецъ, случая играющаго столь важную роль во всѣхъ сраженіяхъ. Не менѣе затрудненій представляетъ точный разсчетъ времени и пространства, на которомъ основаны: доставленіе свѣдѣній Главнокомандующему и частнымъ начальни-

---

отдѣлялся отъ земли? И это ново!... Всѣ матеріялы для Исторіи, въ особенности для военной, и преимущественно для описанія битвъ, основаны не иначе, какъ на данныхъ очевидцевъ и дѣятелей. Въ послѣдствіи они могутъ сводиться и украшаться разсужденіями, по своему взгляду каждымъ, пишущимъ Исторію; но первый камень кладется всегда участниками въ событіи. Главное, умѣть соединить, очистить критикой всѣ данныя, которыя неопытному компилятору могутъ казаться и несогласными, но, при тщательной разработкѣ людьми, понимающими дѣло и опытными въ битвахъ, эти мнимыя разногласія часто исчезаютъ, что не разъ будетъ видно въ изложеніи настоящихъ замѣчаній. Само собою разумѣется, если за военную Исторію возьмутся люди, не обладающіе необходимыми для того условіями, какъ, на пр., Керъ-Портеръ, Вальтеръ-Скоттъ. Тьеръ, не участвовавшіе въ войнѣ и болѣе или менѣе чуждые, если и не теоретическихъ военныхъ познаній, то уже совершенно практической части. А по тому-то я и не понимаю, что хочетъ сказать Г. Богдановичъ, отличая историческія данныя отъ данныхъ участниковъ; ибо, какъ я замѣтилъ выше, основаніемъ всѣхъ событій на полѣ битвъ служатъ одни только данныя очевидцевъ-участниковъ; слѣдовательно, чѣмъ показанія свѣжѣе, т. е., прямѣе, тѣмъ истина яснѣе; но если показанія очевидца прошли еще чрезъ многія исторіи, то, конечно, они не имѣютъ уже той достовѣрности, ибо искажаются взглядами постепенныхъ повѣствователей. Словомъ, здѣсь хочу сказать, что Г. Богдановичъ очень ошибается, если заподазриваетъ очевидцевъ, да еще и по выбору: который приглянется, тому и вѣра! Другіе, не снискавшіе тѣмъ или другимъ вниманія сочинителя не заслуживаютъ той степени достовѣрности, которая ему необходима. Не всѣ во время боя теряютъ способность разсуждать. Есть много такихъ, которые сохраняютъ все присутствіе духа въ самыхъ величайшихъ опасностяхъ. Не знаю, имѣлъ ли случай Г. Богдановичъ ясно убѣдиться въ этомъ, а по тому несправедливо было бы упрекать ихъ въ пристрастіи.

камъ, передача ихъ распоряженій войскамъ и исполненіе отданныхъ приказаній. Все, сказанное нами, показываетъ, по чему именно такъ рѣдки отчетливыя описанія большихъ сраженій, и можетъ, хотя отчасти, пояснить, по чему сраженіе при Бородинѣ изложено не совсѣмъ удовлетворительно даже въ лучшихъ военно-историческихъ сочиненіяхъ.»

Въ слѣдъ за симъ почтенный сочинитель приступаетъ къ описанію Бородинской битвы, къ исправленію всего стараго, «пристрастнаго, переданнаго очевидцами», къ опроверженію ложнаго, къ объясненію «сокровеннаго, темнаго», къ пополненію «пробѣла и къ полному», съ большею подробностію, изложенію, какого еще до сего времени не было, и все это, на основаніи «достовѣрныхъ матеріяловъ, доселѣ не бывшихъ извѣстными», и этѣми правилами руководствуется при начертаніи не одной этой битвы, но и всей «своей Исторіи.»

И такъ, послѣдую за сочинителемъ, принявшимъ на себя санъ «жреца истины» и держащимъ въ рукѣ свѣтильникъ ея. Просвѣщенные читатели, понимающіе дѣло, опредѣлятъ силу свѣта, разливаемаго почтеннымъ Профессоромъ военныхъ наукъ.

ЧАСТЬ II.

ЗАМѢЧАНІЯ

НА

РУССКІЙ ПОДЛИННИКЪ:

«ИСТОРІЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА,»

сочиненіе Г.-М. Богдановича.

ЗАМѢЧАНІЯ

НА ПЕРВЫЙ ТОМЪ.

При описаніи расположенія Русской арміи предъ открытіемъ войны, между прочимъ (на стр. 119) сказано: «6-й корпусъ Генералъ-Лейтенанта Дохтурова въ Лидѣ.»

6-й корпусъ, отдѣлившись отъ 2-й арміи, долженъ былъ только еще расположиться въ Лидѣ, куда онъ шелъ изъ Антополя, но, подходя туда, получилъ случайно извѣстіе о переходѣ непріятеля чрезъ Нѣманъ, а по тому передовой эшелонъ, при которомъ находилась и корпусная квартира, достигавшій Лиды, свернулъ вправо.

Вотъ какъ это происходило: опередивъ корпусъ съ Квартирмейстерами и проѣзжая по одной изъ улицъ Лиды, внезапно услышалъ я подзывавшій меня голосъ. Это былъ сослуживецъ мой, Поручикъ П. Ѳ. Богдановичъ. Я подъѣхалъ къ почтовой станціи, гдѣ онъ съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ, которому оказывалъ особенное уваженіе, ожидалъ перемѣны лошадей. Они объявили мнѣ, что Наполеонъ перешелъ Нѣманъ, что вчера Государь

выѣхалъ въ Свенцяны, а что онъ сопровождаетъ Принца Эрнеста Гессенъ-Филиппстальскаго къ Платову и пр. Я тотчасъ написалъ къ Монахтину о слышанномъ, и отправилъ во всю прыть Офицера, который встрѣтилъ Дохтурова за нѣсколько верстъ. Чрезъ часъ, или полтора, Дохтуровъ и Монахтинъ пріѣхали на дрожкахъ въ Лиду (куда въ то же время прибылъ и Полковникъ Крейцъ съ своимъ Сибирскимъ драгунскимъ полкомъ) и услышали отъ самихъ Принца и Богдановича о переходѣ Наполеона, объ отбытіи Государя и о направленіи арміи къ Дрисѣ. Взятое тогда же Дохтуровымъ направленіе было правильно и согласно съ предписаніемъ, полученнымъ имъ на другой день. Движеніе 6 корпуса, среди значительныхъ силъ непріятельскихъ, отъ Ошмянъ до Дрисы, гдѣ только соединился съ арміею, заслуживало бы подробнѣйшаго изложенія.[52] Это одно изъ самыхъ замѣчательныхъ обстоятельствъ войны 1812 года. Успѣшнымъ движеніемъ этѣмъ обязаны болѣе всего Г.-А. Графу Палену и Начальнику Штаба Монахтину. Не лучше ли было бы посвятить на это двѣ страницы, чѣмъ иногда наполнять оныя ничтожными случаями, какъ сейчасъ увидимъ?

При описаніи встрѣчи съ непріятелемъ Кульнева, командовавшаго арріергардомъ Графа Витгенштейна, близъ Вилькомира, на стр. 146, называются нумера егерскихъ полковъ и легкой артиллерійской роты, но изъ начальниковъ наименованъ только конно-артиллерійской роты Подполковникъ Сухозанетъ, хотя и поставленъ также № 1.

На стр. 147 опять командиръ драгунскаго полка не названъ; такіе пропуски, или исключенія, слишкомъ ясны. Далѣе же сказано:

«При этомъ отступленіи конная артиллерія Графа Витгенштейна подвергалась большой опасности.[53] Въ то время, когда арріергардъ, подаваясь назадъ, уже подходилъ къ Вилькомиру, Кульневъ, оставивъ при себѣ Подполковника Сухозанета,

---

[52] Замѣчу еще, что Дохтуровъ тогда былъ давно уже Генераломъ отъ инфантеріи, а не Генералъ-Лейтенантомъ, какъ здѣсь сказалъ сочинитель.

[53] Изъ описанія вовсе не видно этой опасности.

съ 6-ю конными орудіями, приказалъ конно-артиллерійскому эшелону,[54] стоявшему впереди города, уходить въ слѣдъ за войсками Графа Витгенштейна. Назначенный для указанія дороги Офицеръ Генеральнаго Штаба (?), по незнанію мѣстности Вилькомира,[55] вмѣсто того, чтобы провести артиллерію чрезъ мостикъ на Свентѣ, повелъ ее влѣво чрезъ средину города, на мостикъ, устроенный на небольшой (стр. 145) рѣчкѣ,[56] впадающей въ Свенту: такимъ образомъ, конно-артиллерійскому эшелону было дано направленіе, разобщавшее его отъ прочихъ войскъ корпуса.» (?!).

«Между тѣмъ, Подполковникъ Сухозанетъ, оставаясь при послѣднихъ войскахъ Кульнева, обмѣнивался изрѣдка пушечными выстрѣлами съ непріятелемъ: когда же пѣхота наша, занимавшая городъ, открыла огонь, тогда Кульневъ отправилъ назадъ свою кавалерію и послѣднія шесть орудій. Сухозанетъ, также не зная вовсе мѣстности Вилькомира, проскакалъ съ своими орудіями по слѣдамъ отступившаго эшелона, но, поднимаясь изъ города на гору, былъ остановленъ начальникомъ своимъ, Княземъ Яшвилемъ, который, не постигая направленія, даннаго конной артиллеріи, указалъ на массы Витгенштейнова корпуса, въ долинѣ, на другомъ берегу Свенты. Сухозанетъ, понявъ ошибку, объяснилъ Князю Яшвилю, что онъ самъ лично можетъ, хотя и съ большою опасностью, пробраться че-

---

[54] Неизвѣстно, изъ чего составленъ былъ этотъ эшелонъ; ибо, независимо отъ остальныхъ конныхъ орудій № 1, является еще конная рота въ соединеніи съ нимъ, но какого нумера, остается тайной. Сдѣсь кстати замѣтить, что Г. Богдановичъ не придерживается единообразія въ наименованіяхъ состава артиллеріи: то читаемъ рота, то батарея. Первое правильно, второе анахронизмъ. То же и съ пѣхотой, называя полки пѣхотными, какъ, на пр., Московскій пѣхотный и. т. п., тогда какъ въ то время полки именовались гренадерскими, мушкетерскими и егерскими. По моему мнѣнію, это все равно, что, при описаніи битвъ древнихъ, называть фалангу, легіонъ, когорту, манипулу и т. п. такъ, какъ соотвѣтственныя части войскъ называются нынѣ.

[55] Графъ Витгенштейнъ, какъ значится, былъ въ виду тотчасъ за рѣчкой.

[56] Слѣдовало бы назвать эту рѣчку, т. е., ручеекъ, который, конечно, также имѣетъ названіе.

резъ городъ къ мосту на Свентѣ, либо переправиться вплавь, но что для артиллеріи обратное движеніе не возможно, по тому что Французы уже врывались въ Вилькомиръ. «Не теряйте, Князь, ни минуты, а о конной артиллеріи положитесь на мое счастье!» сказалъ онъ. Ятвилъ поскакалъ въ городъ, гдѣ ружейный огонь не умолкалъ, а между, тѣмъ Сухозанетъ, со всею конною артиллеріей, уходилъ на рысяхъ вверхъ по Свентѣ; но какъ только показалась изъ города Французская кавалерія, то онъ поставилъ на высотахъ двѣнадцать орудій своей батареи (т. е., роты), выказывая непріятелю готовность выждать его нападеніе; изъ канониpовъ же другой батареи (т. е., роты), [57] были сформированы два полуэскадрона, а орудіямъ безъ конныхъ канониpовъ приказано отойти назадъ со всевозможною быстротой и отыскать ту переправу черезъ рѣку Свенту, на которую, еще до разсвѣта, были направлены, по общей диспозиціи, обозы всего Корпуса.» Далѣе, на стр. 149, сказано, что кавалерія остановилась: что переправа была отыскана, и Сухозанетъ благополучно присоединился къ корпусу; что потеря въ этотъ день въ авангардѣ простиралась у насъ убитыми и ранеными до 100 человѣкъ и т. д.

Обративъ вниманіе на выше писанное, видится тутъ что-то непонятное: эшелонъ получилъ приказаніе присоединиться къ корпусу, и Офицеръ Генеральнаго Штаба повелъ оный, между тѣмъ какъ Сухозанетъ «остался» при Кульневѣ съ шестью орудіями и «изрѣдка» обмѣнивался съ непріятелемъ пушечными выстрѣлами «до тѣхъ поръ,» пока наша пѣхота не открыла огня изъ города по непріятелю. На все это «требовалось время.» Какимъ же образомъ Сухозанетъ, «поднимаясь изъ города на гору», былъ уже въ соединеніи со всею конною артиллеріею, т. е., съ эшелономъ, гораздо прежде направившимся на соединеніе съ корпусомъ? Тутъ должно быть что ни будь не договоренное.

Но, помимо многихъ неясностей, заключающихся въ этомъ параграфѣ, спрашиваю каждаго безпристрастнаго читателя, сто-

---

[57] Невидимо, откуда тутъ взялась другая батарея.

ило ли всѣмъ этѣмъ, безъ особенныхъ причинъ, занять двѣ страницы въ Исторіи Отечественной войны 1812 г.? Если бы пришлось описывать подобные эпизоды той войны, то, конечно, «Исторія» Г. Богдановича не вмѣстилась бы и въ объемъ большой Французской энциклопедіи. Но пѣтъ: о многихъ геройскихъ подвигахъ другихъ лицъ не упоминается, а сдѣсь двѣ страницы подробнаго изложенія, и чего?! Замѣчу еще одно: Князь Яшвиль, встрѣтившись съ конною артиллеріей, не могъ постигнуть ея направленія, хотя, впрочемъ, это было не мудрено; ибо Сухозанетъ шелъ по той самой дорогѣ, по которой, по диспозиціи, отправлены были въ этотъ же день всѣ обозы корпуса и на которой онъ встрѣтилъ и самого Яшвиля: пусть Яшвилю въ ту минуту это и не пришло на мысль, но обращаюсь къ отвѣту, сдѣланному ему Подполковникомъ Сухозанетомъ: «Не теряйте, Князь, ни минуты, а о конной артиллеріи положитесь на мое счастье!» (!)

Понятно, что слово это въ устахъ А. П. Ермолова, при отбитіи въ Бородинской битвѣ курганной батареи, было умѣстно. Въ устахъ его, повторяю, слово счастье имѣло свое значеніе, какъ лица, не разъ уже испытавшаго оное въ предшествовавшихъ войнахъ, и тогда имя его было уже извѣстно всей арміи. Но въ устахъ ротнаго Командира, въ первой встрѣчѣ съ непріятелемъ, въ 1812 году, по моему понятію, какъ то странно! Очень можетъ быть, что въ его Запискахъ это и есть, но многое въ Запискахъ пишется не для обнародованія въ Исторіи; этѣ слова могли быть довѣрительно произнесены своему начальнику, чтобы успокоить его, но въ то время молодой Подполковникъ Сухозанетъ, образованный и ловкій, если и могъ ссылаться на счастье, то, конечно, только въ волокитствѣ, въ игрѣ въ карты и т. п., а не на счастье въ дѣйствіяхъ противъ непріятеля, и еще при первой сдѣсь съ нимъ встрѣчѣ! Другое дѣло, если бы это было сказано послѣ славныхъ дѣйствій его 4-го Октября 1813 года подъ Лейпцигомъ. О! тогда слово это имѣло бы значеніе, но ни въ какомъ случаѣ въ Вилькомирѣ. Я убѣжденъ, что самому П. О. Сухозанету не могло быть пріятно увидѣть, что изъ Записокъ его довѣрительныя выраженія, вошли въ Исторію, съ такою подробностью, которую Г. Богдановичъ могъ

бы приберечь для другихъ мѣстъ, гораздо важнѣйшихъ, нежели то, которое онъ назначилъ тутъ такъ отчетливо Впрочемъ, каждый пишущій имѣетъ свои правила, свою цѣль.

На стр. 156—157 сочинитель впалъ въ большую ошибку, смѣю сказать, для Профессора военныхъ наукъ и исторіографа непростительную, а именно: желая выставить подвиги Князя Багратіона, присовокупляетъ: «Его имя (Багратіона), нераздѣльное съ воспоминаніями Очакова, Праги, Адды, Требіи, Нови, Сенъ-Готара, Шенграбена, Прейсишъ-Эйлау, Гейльсберга, Кваркена и Браилова» и пр., и пр.

Какимъ образомъ сюда попалъ Кваркенъ, [58] о томъ знаетъ едва ли не одинъ только Аллахъ! Конечно, въ торопяхъ (что иначе и не могло быть: въ три года!!!) сочинитель положился на свою память, не справясь съ книгой. Несомнѣнно, онъ хотѣлъ намекнуть о переходѣ чрезъ Кваркенъ, ибо другой знаменитости Кваркенъ не имѣетъ. Но это..... не знаю, какъ назвать! Такое неслыханное событіе, какъ переходъ чрезъ Кваркенъ, конечно, несравнено для насъ важнѣе, чѣмъ переходъ чрезъ Граникъ и тому подобныя рѣки. Впрочемъ, одно можетъ Господина Профессора извинить нѣкоторымъ образомъ, то, что въ программу его каѳедры не входила кампанія въ Швеціи 1809 года, слѣдовательно, ему и не предстояло, по казенной надобности, знать эту войну въ той подробности, какъ отступленіе Ксенофонта, походы Александра Великаго и т. п. Но вотъ въ чемъ дѣло: когда совершился переходъ чрезъ Кваркенъ, то Багратіонъ и его войска были слишкомъ за четыреста верстъ южнѣе, именно, на Аландскихъ островахъ. Должно ли сказать почтенному военному исторіографу, что Кваркенъ принадлежитъ Барклаю, а не Багратіону? [59]

Почтенный сочинитель тѣшилъ читателя, приводя бывалые и не бывалые подвиги Багратіона, какъ бы съ тѣмъ, чтобы, воз-

---

[58] Молчу о Браиловѣ.

[59] Это чуть ли не замѣчательнѣе того, что Аракчеевъ названъ Александромъ, а не Алексѣемъ!

будивъ въ читателяхъ восторгъ, потомъ вдругъ двумя словами разочаровать ихъ.

Въ описаніи отступленія Князя Багратіона отъ границъ нашихъ, съ цѣлію присоединиться къ 1-й арміи, между прочимъ, читаемъ собственное разсужденіе Г. Богдановича (стр. 164): «И дѣйствительно, Багратіонъ, который при Шенграбенѣ, исполняя повелѣніе Кутузова, сразился, въ числѣ шести тысячъ человѣкъ, съ сорока тысячами непріятелей, Багратіонъ не отважился пробиться чрезъ равносильный его арміи корпусъ Даву, по тому что не могъ принять на себя отвѣтственность въ успѣхѣ этого покушенія.»

Прежде чѣмъ продолжать повѣствованіе, полагаю, что приписываютъ отвѣтственность скорѣй за неуспѣхъ, чѣмъ за успѣхъ. Но вотъ что замѣчательно, доказывающее совершенное отсутствіе опытности у Г. Профессора военныхъ наукъ въ практическомъ дѣйствіи въ полѣ. Не уже ли нѣтъ и въ теоріи аксіомы, что то, что можно совершить съ шестью тысячами, немыслимо съ сорока тысячами? Багратіонъ понималъ это. Въ практической дѣятельности есть примѣры, и ихъ множество, что эскадронъ, окруженный пятью, шестью, тысячами, ускользаетъ отъ непріятеля и т. д. Не уже ли сказанное Г. Профессоромъ почитается имъ серіозно и не есть только неудачно проскользнувшее выраженіе. Въ слѣдъ за симъ слѣдуетъ разсужденіе, и какъ оно безъ ссылки, то сочинитель принимаетъ оное на себя.

Такимъ образомъ всѣ, на практикѣ не знакомые съ войной и восхищавшіеся подвигами и личными дарованіями Князя Багратіона, вдругъ видятъ изъ помянутыхъ пяти строкъ, что Багратіонъ лишенъ былъ всѣхъ условій, необходимыхъ для того, чтобъ быть Главнокомандующимъ. Но въ другомъ мѣстѣ, какъ увидимъ, сочинитель не раздѣляетъ уже съ самимъ собой этого своего мнѣнія; ибо онъ разразится въ похвалахъ его способностямъ, его дарованіямъ; даже скажетъ, что Багратіонъ былъ созданъ по образу и подобію Суворова!

Дойдя до 205-й страницы, и прежде, чѣмъ говорить объ ея содержаніи, для большей ясности представимъ себѣ, что Преоб-

раженскій, Семеновскій и Измайловскій полки расположены на Дворцовой и Адмиралтейской площадяхъ, лицемъ къ Зимнему Дворцу и къ Адмиралтейству, по старшинству, т. е., на правомъ флангѣ Преображенскій, на лѣвомъ Измайловскій. Приказано отступать. Преображенскій пошелъ подъ арку, по Малой Милліонной, Семеновскій по Невскому Проспекту; соединившись у Полицейскаго моста съ Преображенскимъ, и оба составивъ одну колонну, продолжали движеніе къ Аничкову мосту; Измайловскій отступаетъ по Гороховой. Сдѣсь предлагается вопросъ: которая колонна правая, которая лѣвая? По моему понятію, Преображенскій полкъ, пока стоялъ лицемъ къ Зимнему Дворцу, составлялъ правый флангъ, а Измайловскій, стоявшій лицемъ къ Адмиралтейству, составлялъ лѣвый. Но начавъ отступать по выше означеннымъ направленіямъ, Преображенскій полкъ, по прежнимъ понятіямъ, обращается уже въ лѣвую колонну, а Измайловскій въ правую. Между тѣмъ, какъ сейчасъ увидимъ противное, т. е., что Преображенскій составляетъ правую, а Измайловскій лѣвую.

Вотъ тому доказательство: на позиціи на Лучосѣ, при Витебскѣ, когда предполагали тутъ выждать Наполеона и принять генеральное сраженіе, 6-й корпусъ стоялъ, какъ и всегда, до соединенія со второю арміею, на лѣвомъ флангѣ. Главнокомандующій измѣнилъ намѣреніе выжидать сдѣсь непріятеля, и 15 Іюля приказалъ отступать къ Смоленску «Ровно въ четыре часа (сказано въ книгѣ, стр. 205) наша армія снялась съ позиціи своей. Войска отступали тремя колоннами: правая (2-й и 4-й пѣхотные корпуса) слѣдовала по Суражской дорогѣ къ Агаѳоновщинѣ, средняя (3-й пѣхотный и 2-й кавалерійскій корпуса), при которой находилась главная квартира, по дорогѣ въ Порѣчье къ Велеличамъ, лѣвая (5 и 6 пѣхотные и 3-й кавалерійскій корпуса) по кратчайшей дорогѣ къ Смоленску, ведущей на Рудню.»

Изъ приведенныхъ строкъ видно, что правая колонна шла къ Агаѳоновщинѣ, а лѣвая на Рудню. Средняя колонна, на третій день, 17 Іюля, соединилась въ Порѣчьи съ правою колонною, и, такимъ образомъ, составились изъ арміи двѣ колонны, а

именно: правая шла на Порѣчье, а лѣвая на Рудню, какъ значится въ книгѣ.

Не то ли же самое, какъ и упомянутое размѣщеніе и движеніе Преображенскаго, Семеновскаго и Измайловскаго полковъ? На позиціи, близъ Витебска, обращенной, какъ разумѣется, лицемъ къ непріятелю, 2-й корпусъ стоялъ на правомъ флангѣ, а 6-й на лѣвомъ. Но, начавъ отступать, значитъ, повернувшись тыломъ къ непріятелю, 2-й корпусъ составлялъ уже не правую колонну, а лѣвую, а 6-й корпусъ не лѣвую, а правую, что обозначается и мѣстами ихъ направленія. Если бы сочинитель сказалъ, что правый флангъ пошелъ на Порѣчье, а лѣвый на Рудню, то было бы еще сносно; но колонны?!... Впрочемъ, опять повторяю, что я высказываю только свое мнѣніе, основанное на устарѣлыхъ понятіяхъ, и не имѣю ни какого притязанія на преподаваемую съ каѳедры военную науку, которая могла создать новую военную терминологію. Да и чуть ли не такъ, какъ увидимъ при отступленіи нашей арміи отъ Бородина къ Можайску. Тѣмъ болѣе я утверждаюсь въ мнѣніи о послѣдовавшей перемѣнѣ въ терминологіи, что Бутурлинъ, конечно, понимавшій предметъ лучше многихъ, называетъ по старинному: колонну, пошедшую на Рудню правой, а направившуюся на Порѣчье лѣвой. Даниловскій говоритъ только о трехъ колоннахъ (1-й, 2-й и 3-й), коими армія, снявшись съ позиціи при Витебскѣ, направилась къ Смоленску. Подполковникъ Радожицкій, въ «Походныхъ Запискахъ артиллериста» (съ 1812 по 1816 годъ. Москва. 1835), одинаково, по старинному, называетъ колонну, пошедшую на Порѣчье, лѣвой и пр. Наконецъ, къ завершенію у А. П. Ермолова сказано: [60] «1-я колонна праваго фланга (а не правая колонна); 2-я, средняя, и 3-я колонна лѣваго фланга.»

Въ описаніи исхода битвы Платова съ Французами у Молева Болота сказано (стр. 233): «Уронъ Французскаго отряда былъ весьма значителенъ: въ плѣнъ взято десять Штабъ и Оберъ-Офицеровъ и болѣе трехсотъ нижнихъ чиновъ. Съ нашей стороны

---

[60] См 4-ую книгу 1865 г. «Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ,» отд. II.

потеря была несравненно менѣе, но нигдѣ не показана.» Если «нигдѣ не показана», то по чему же Г. Богдановичъ знаетъ, что она была «несравненно менѣе?» Сдѣсь лучше было бы сказать какъ ни будь половчѣе, если дѣйствительно нельзя было добиться толку.

Приведя отвѣтъ, данный Дохтуровымъ, на вопросъ Барклая де Толли, можетъ ли онъ, по состоянію своего здоровья, принять на себя защиту Смоленска, сочинитель присовокупляетъ (стр. 259): «хладнокровный, безстрашный воинъ, съ честію выдержалъ испытаніе сражаться «цѣлый день,» въ числѣ двадцати тысячъ Русскихъ противъ ста сорока тысячъ войскъ Наполеона, изъ которыхъ, по свидѣтельству самихъ Французовъ, было введено въ бой не менѣе сорока пяти тысячъ человѣкъ.» [61]

А на страницѣ 269-й является у Дохтурова, вмѣсто двадцати тысячъ, которыми онъ удерживалъ цѣлый день, уже тридцать тысячъ! А Наполеонъ принужденъ былъ ввести въ дѣло значительную часть своихъ войскъ! На страницѣ же 272-й сказано, что у Наполеона подъ Смоленскомъ было не сто сорокъ тысячъ войска, но что онъ гутъ сосредоточилъ сто восемьдесятъ тысячъ! Извольте опредѣлить!

На той же 259-й страницѣ сказано: «Оставя арріергардъ противъ деревни Шенна Острога, въ четырехъ верстахъ отъ Смоленска,» т. е., оставленъ арміею Багратіона арріергардъ черезъ Днѣпръ противъ Шенна Острога, какъ на планѣ означено, а самъ отошелъ еще четыре версты далѣе за рѣчку Колодню. А на страницѣ 284 говорится, что отрядъ Князя Горчакова былъ оставленъ противъ «Шенна Острога, на шестой верстѣ отъ Смоленска,» и этотъ отрядъ показанъ на планѣ. А по тому плану Шенинъ Острогъ отъ Раченскаго предмѣстья только «въ двухъ верстахъ двѣсти семидесяти саженяхъ,» а отъ Раченскихъ воротъ или пролома въ самой стѣнѣ Смоленска, «три версты и

---

[61] И стѣсь что-то неловко даже и для слуха: «сражаться въ числѣ двадцати тысячъ Русскихъ противъ ста сорока тысячъ Французовъ», и вдругъ изъ нихъ было введено въ бой только сорокъ пять! Не гладко!

триста саженъ;» слѣдовало бы согласовать и поставить уже что ни будь одно.

На стр. 260 встрѣчаемъ подробности, какимъ образомъ Дохтуровъ смѣнилъ войска Раевскаго, и что «посты, занимаемые войсками 7-го корпуса, были переданы Генераломъ Паскевичемъ и Офицерами Генеральнаго Штаба Оберъ-Квартирмейстеру 6-го корпуса Липранди, съ объясненіемъ выгодъ и неудобствъ каждаго пункта.» Продолжая описаніе, на стр. 261-й, находимъ, что въ десять часовъ Барклай пріѣхалъ въ Смоленскъ и пробылъ на терассѣ Малаховскихъ воротъ около часа; что 24-я дивизія Лихачова, сформированная изъ Сибиряковъ, рвалась на непріятеля, съ которымъ сошлась въ первый разъ и т. д. Весь параграфъ, оканчивающійся» тремя строками на слѣдующей страницѣ, и начало слѣдующаго, опять безъ ссылки, а по чему нѣтъ оной?—Это тайна сочинителя. Жаль только, что онъ исключилъ всѣ подробности, если они находились въ повѣствованіи.

На стр. 265-й, въ началѣ параграфа, говорится о посылкѣ Дохтуровымъ Оберъ-Квартирмейстера 6-го корпуса къ Барклаю донести о ходѣ дѣлъ и просить подкрѣпленія, и наконецъ отвѣтъ: «Передайте Дмитрію Сергѣевичу, что отъ его мужества зависитъ сохраненіе всей арміи,» и послалъ въ подкрѣпленіе Дохтурову 4-ю дивизію Принца Евгенія Виртембергскаго и лейбъ-гвардіи егерскій полкъ.» И сдѣсь нѣтъ ссылки. Но главное вотъ что: сдѣсь сказано, что Барклай, по передачѣ ему Оберъ-Квартирмейстеромъ 6-го корпуса донесенія Дохтурова, просившаго помощи, онъ, какъ сказано, на этомъ основаніи и послалъ, т. е., 4-ю дивизію Принца Евгенія Виртембергскаго и лейбъ-гвардіи егерскій полкъ. Но на этой же страницѣ, послѣ того, какъ описаны дѣйствія Французовъ, вдругъ новый параграфъ начинается: «находясь при Барклаѣ де Толли на правомъ берегу Днѣпра, въ продолженіе отчаянной обороны Смоленскихъ предмѣстій, Принцъ Евгеній склонилъ Главнокомандующаго отрядить въ городъ 4-ю дивизію, и вызвался тотчасъ поѣхать туда, чтобы убѣдиться лично въ положеніи дѣла. Достигнувъ Малаховскихъ воротъ, онъ поспѣшилъ на встрѣчу дивизіи и принялъ участіе въ дѣлѣ и т. д...» Не берусь согласовать этѣ сказанія о Принцѣ Евгеніѣ: можетъ быть,

съ перестановкой одного прежде другого, оно бы какъ нибудь и склеплось, но такъ какъ расположено теперь, не ясно

На той же 266-й страницѣ, описывая помянутый приступъ къ Малаховскимъ воротамъ, сочинитель присовокупилъ: «На этомъ пунктѣ продолжался жесточайшій огонь; прислуга и лошади нашихъ четырехъ орудій, сдѣсь стоявшихъ (на террасѣ), были истребляемы и смѣняемы нѣсколько разъ.» А у Михайловскаго Данилевскаго (т. 1, стр 103) сказано именно четыре раза Сочинитель настоящей Исторіи обѣщалъ сообщать читателямъ подвиги мужества, и исполняетъ это добросовѣстно, но только относительно къ избраннымъ, хотя бы и однимъ частымъ напоминаніемъ ихъ именъ, за неимѣніемъ чего другого. Иногда же нѣкоторымъ придаетъ прилагательное «храбрый» и т. п., скупясь, однако же, выставлять ихъ подвиги, которые послужили къ такимъ приложеніямъ; но сдѣсь онъ скупость свою простеръ уже гораздо далѣе, не называя даже фамиліи Офицера, командовавшаго четырьмя орудіями, стоявшими на Малаховской террасѣ. Это былъ Штабсъ-Капитанъ Синельниковъ; имѣя подбитыми орудія и потерявъ много людей, онъ испросилъ у Дохтурова позволеніе оставаться при возобновленіи орудій и людей на этомъ мѣстѣ, и получилъ это дозволеніе, оставаясь начальствовать на террасѣ во все время возобновленія батареи орудіями и людьми. Едва ли сочинитель не имѣлъ этого предъ глазами; ибо многое даетъ мнѣ понимать изъ описываемыхъ имъ отдѣльныхъ случаевъ, что и это обстоятельство должно было быть ему извѣстно. Но вотъ что еще, между прочимъ, замѣчу: по чему Г. Богдановичъ, описывая сраженіе при Салтановкѣ, не помѣстилъ, по прямой принадлежности къ «Исторіи Отечественной войны», что, когда Раевскій, Васильчиковъ и весь Штабъ сошли съ лошадей и стали въ головѣ Смоленскаго полка, идущаго чрезъ плотину безъ выстрѣла, подъ убійственнымъ огнемъ, одинъ изъ сыновей Раевскаго сказалъ ровеснику своему, шестьнадцатилѣтнему Подпрапорщику: «Дайте мнѣ нести знамя!» и получилъ въ отвѣтъ: «Я самъ умѣю умирать!» Какъ же было умолчать объ этомъ въ Отечественной войнѣ, о подвигѣ, объясняющемъ великія свойства Русскаго! Вельможа-отецъ, сопровождаемый двумя единственными сыновьями своими, подъ градомъ ядеръ, картечи и пуль, и въ эту минуту сынъ его требуетъ

нести знамя! Отвѣтъ Подпрапорщика столь же великъ. По чему этого нѣтъ? Я полагаю, что, для находящагося еще въ живыхъ, сына (и двухъ дочерей) И. И. Раевскаго, было бы несравненно пріятнѣе найти въ Исторіи Отечественной войны подвигъ отца своего, равняющійся со всѣмъ тѣмъ, что Исторія повѣствуетъ намъ о великомъ характерѣ нѣкоторыхъ Римлянъ, чѣмъ ни на чемъ не основанную и ни чего не значащую полемику: какъ называлась центральная батарея подъ Бородинымъ?..... Можетъ быть, и Подпрапорщикъ еще живъ, и имя его было бы украшеніемъ этого случая. Г. Богдановичъ не можетъ сказать сдѣсь, что онъ не имѣлъ этого въ виду, и по тому не помѣстилъ въ свои страницы. Нѣтъ! Онъ это читалъ у Данилевскаго, и составилъ выписку изъ онаго о дѣлѣ при Салтановкѣ,- ссылался даже, но внесъ изъ него только то, что было ему нужно: и это не одинъ примѣръ его безпристрастія!

На стр. 268-й послѣдній параграфъ, или правильнѣе, первыя восемь строкъ безъ ссылки, между тѣмъ она была необходима; ибо то, что въ немъ написано, не могло быть сдѣлано тѣмъ, кто самъ лично не видалъ происшествія; какія же причины удержали сочинителя отъ ссылки? По моему мнѣнію, лучше уже не писать того, чему, по какимъ либо причинамъ, не желаемъ указать источника. Такъ, на примѣръ, сдѣсь читается слѣдующій курьозъ, составленный самимъ Г. Профессоромъ, ибо нѣтъ ссылки: «Ожесточеніе, съ какимъ сражались наши воины въ достопамятный день, 5-го (17-го) Августа, превосходитъ всякое вѣроятіе: раненые, не чувствуя боли отъ нанесенныхъ имъ язвъ, оставались въ пылу боя, исходили кровью и падали отъ истощенія силъ.» И. Глѣбовъ, въ превосходной статьѣ своей, [62] говоря о недосмотрахъ, встрѣчающихся въ книгѣ Г. Богдановича, упоминаетъ и объ этой любопытной повѣсти, замѣтивъ, что, «хотя употребленіе хлороформа въ то время не было извѣстно.»

Но вотъ повѣсть еще замѣчательнѣе: на стр. 274 Г. Профессоръ, описывая бой въ Смоленскомъ предмѣстьѣ, объятомъ пламенемъ, говоритъ: «Наши солдаты укрывались въ садахъ, но и

---

[62] Артил. Журналъ 1861 г. въ статьѣ: «Памяти Г.-А. Игнатьева» и пр.

тамъ жаръ усилился до того, что фрукты на деревьяхъ были совершенно испечены. Солдаты, лакомясь ими, говорили между собой: «Не повѣрятъ намъ дома, что въ Смоленскѣ мы снимали съ деревьевъ печеныя яблоки.» Почтенный Г. Глѣбовъ, приведя этотъ курьозъ, между прочимъ, присовокупляетъ: «Вотъ уже подлинно отъ избытка чувствъ уста глаголятъ! Жаль только, что почтенный Профессоръ не передалъ потомству имени того героя, который произнесъ столь замѣчательное изреченіе.» [63]

Описывая отступленіе отъ Смоленска, когда потеряна надежда удержаться въ Гедеоновѣ, по направленію къ Лубину (стр. 288), сказано: «Но въ этотъ самый моментъ прибыли на мѣсто боя, съ одной стороны, кавалерія арріергарда Корфа, а съ другой Дохтурова съ частію Елисаветградскихъ гусаръ» и т. д.

Могу завѣрить Г. Богдановича, что Дохтурова тутъ не было, Въ это время онъ былъ съ корпусомъ около Соловьевой Переправы. Если же это ошибка, то надобно было замѣтить въ опечаткахъ, иначе могутъ подумать тѣ, которые читаютъ безъ вниманія, что Дохтуровъ принималъ участіе въ этомъ дѣлѣ.

Стр. 339: здѣсь Дибичъ названъ Оберъ-Квартирмейстеромъ корпуса Графа Витгенштейна, а на стр. 493 онъ названъ дежурнымъ Штабъ-Офицеромъ, а Оберъ-Квартирмейстеромъ Полковникъ Ренне. Если измѣненіе было, то слѣдовало сказать, когда оно случилось, а равно и о томъ, въ которое время уже сдѣлался отряднымъ начальникомъ: этого ни чего нѣтъ.

На стр. 352: «18 (30) Іюля на разсвѣтѣ, собрался на Свольнѣ, къ селенію Катеринову, авангардъ 1 пѣхотнаго корпуса, подъ на-

---

[63] Почтенный Профессоръ, послѣ словъ «печеныя яблоки,» сдѣлалъ ссылку № 23, въ которой сказано: «Изъ Записокъ Графа Никитина». Но положимъ, что, если бы дѣйствительно и было что либо подобное въ указываемыхъ Запискахъ, то уже, конечно, повѣсть эта ни въ какомъ случаѣ не могла имѣть мѣста въ текстѣ, а для забавы, она, пожалуй, могла быть помѣщена въ примѣчаніяхъ, тѣмъ болѣе, что указанныя Записки не напечатаны, да, кажется, ихъ нѣтъ и въ архивѣ, иначе слѣдовало бы сказать. А. П. Никитинъ отличался здравымъ смысломъ, а потому темное показаніе на него какъ-то загадочно: но мало ли что пишется въ Запискахъ! Надо вникнуть въ сущность разсказа и пр.

чальствомъ Кульнева, состоявшій изъ полковъ: Донскаго Казачьяго Платова, 4 Гродненскаго гусарскаго, 25 и 26 егерскихъ и конно-артиллерійской роты № 1, Подполковника Сухозанета; всего же въ числѣ» и т. д.

По чему не названы шефы или полковые командиры, ни Гродненскаго гусарскаго полка, ни 25 и 26 егерскихъ?

На стр 354, при нумерѣ 1-й конной роты встрѣчается опять и имя ея командира.

Описывается первый день лястицкаго Ксраженія, стр. 355—356: «Мы имѣли возможность встрѣтить непріятеля огнемъ двойнаго числа артиллеріи 14-й батарейной и 1-й конной роты, что заставило Французовъ отступить съ большимъ урономъ къ Якубову. Тогда цѣпь егерскихъ полковъ, поддержанная стрѣлками Калужскаго и Сѣвскаго полковъ, бросилась впередъ и заняла прежнюю свою позицію. Французскія колонны, отойдя за Якубово, оставили въ этомъ селеніи часть пѣхоты. Канонада продолжалась до одиннадцати часовъ вечера.[64] О силѣ ея можно судить по тому, что конная рота Сухозанета потеряла въ сей день, изъ состоявшихъ въ строю 216 человѣкъ, 83, слѣдовательно, болѣе трети наличнаго числа людей.» Сдѣсь опять неясность, значитъ, что потеря эта произошла въ цѣлый день, а не во время канонады 14 батарейной и 1 конной ротъ, съ названіемъ ея командира, потеря которой показана, а 14 батарейной нѣтъ и не извѣстно, кто былъ ея командиромъ.

Описывая второй день Клястицкаго сраженія и упоминая о храбрости запаснаго баталіона Павловскихъ гренадеръ (стр. 359), сочинитель говоритъ: «..... утвердились на противоположной сторонѣ рѣки, съ содѣйствіемъ двухъ орудій 27-й легкой роты, переведенныхъ въ бродъ чрезъ рѣку Подполковникомъ Сухозанетомъ, который, по случаю большихъ потерь, понесенныхъ

---

[64] Да съ кѣмъ же? Двойное количество нашей артиллеріи заставило Французовъ отступить съ большимъ урономъ. Наши стрѣлки заняли прежнюю позицію: въ Якубовѣ Французы оставили часть своей пѣхоты; объ артиллеріи ни слова. Не ясно!

наканунѣ его ротой, отсавилъ ее назади.» Надо полагать, что ему приказано было это, а не онъ оставилъ; правильнѣе было бы сказать просто: оставлена. И сдѣсь спрашивается: по чему начальникъ храбраго запаснаго баталіона Павловскихъ гренадеръ не названъ, а только звучитъ имя командира 1-й конной роты? Да и по чему взводный Офицеръ, имѣя подъ начальствомъ два орудія 27-й легкой роты, не названъ, когда въ другихъ мѣстахъ поименовываются артиллерійскіе Подпоручики, при случаяхъ менѣе важныхъ?

На этой же 359-й страницѣ, также при описаніи битвы при Клястицахъ, послѣ того, какъ сказано, что: «.... четырьмя, наскоро снабженными прислугой орудіями конно-артиллерійской роты № 1-й и Казаками. Стрѣлки, наступавшіе въ головѣ нашихъ войскъ, и полки: Могилевскій и Пермскій.» Отсюда выноска, въ которой сказано: «Сѣвскій и Пермскій. Такъ и написать уже что ни будь одно, на счастье, а то очень неловко. При томъ же: кто говоритъ, что Сѣвскій и Пермскій? Ссылки нѣтъ. Странно! Уже не въ первый и, какъ увидимъ, не въ послѣдній разъ встрѣчаются подобныя обмолвки. Не уже ли нельзя было дойти до истины? Какая же тутъ степень достовѣрности?!

Стр. 362. Говоритъ, что «перейдя за Дрису, Кульневъ старался привести въ порядокъ отступившія войска подъ покровительствомъ огня 27-й батарейной роты и прибывшихъ, по распоряженію своего батарейнаго командира, остальныхъ осьми орудій 1-й конной роты.» [65] Читатель помнитъ, кто былъ командиромъ 1-й конной роты, но сознаюсь, что я не понимаю выраженія: «по распоряженію своего батарейнаго командира.» Не онъ распоряжался въ дѣлѣ, а Кульневъ, слѣдовательно, всѣ распоряженія проистекали отъ него, а другимъ оставалось только выполнять предписываемое. Если же командиръ 1-й конной роты, видѣлъ моментъ, для воспользованія которымъ не доставало времени испросить приказанія, то этотъ подвигъ дол-

[65] Изъ двѣнадцати потеряно было три, слѣдовательно, остальныхъ было не восемь, а девять, какъ это и значится въ другихъ мѣстахъ, на примѣръ, на страницахъ 377, 389, 395 и др.

женъ бы быть договоренъ; но этого не было; ибо въ слѣдъ за симъ сказано, что эта артиллерія стала на господствующихъ высотахъ.

Продолжая описывать битву, нѣсколько строкъ ниже сказано: «Французы, пользуясь тѣмъ, овладѣли шестью орудіями 27-й роты. Конныя же орудія, стоявшія въ сторонѣ отъ дороги, хотя и подвергались большой опасности, однако же были спасены.» Выше видно было, что этѣ конныя орудія были 1-й роты, которыя, какъ сказано, по распоряженію своего командира, прибыли въ дѣло.

На стр. 366, въ числѣ раненыхъ, показанъ и Подполковникъ Сухозанетъ.

Описывая сраженія подъ Полоцкомъ, 5 Августа, на стр. 391-й, сказано: «Баварцы подались впередъ, но были встрѣчены выстрѣлами 3-й конной роты, высланной изъ второй линіи, между тѣмъ какъ 1-я конная рота Подполковника Сухозанета, выстроясь нѣсколько правѣе, открыла огонь во флангъ непріятелю.» [66]

Сдѣсь опять: по чему, при обозначеніи № 3-й конной роты, не названъ ея командиръ, а при обозначеніи № 1-й, онъ названъ? Во первыхъ, по всему вѣроятію, что самаго командира 1-й конной роты тутъ не было; ибо, за двѣ недѣли предъ тѣмъ, онъ показанъ раненымъ, а во вторыхъ: такъ какъ въ его ротѣ было только девять орудій, а въ ротѣ № 3-го всѣ двѣнадцать, то и это требовало бы названія ротнаго командира 3-й роты и умолчанія о командирѣ роты № 1-го, котораго, какъ замѣтилъ я выше, могло тутъ и не быть.

На стр. 402. Описывая Полоцкое сраженіе и упомянувъ о 1-й конной артиллерійской ротѣ, чрезъ нѣсколько строкъ послѣ (стр. 403) читателю напоминается, кто былъ командиромъ № 1-го

---

[66] На этой страницѣ ошибка въ нумерахъ ссылокъ, ибо послѣ № 17-го, чрезъ нѣсколько строкъ, № 28-й, и нѣтъ въ опечаткахъ.

роты, и вотъ какъ: «Подполковникъ Сухозанетъ, съ конною ротой № 1-го, выѣзжая впередъ по Дисненской дорогѣ, остановилъ непріятеля, и, разстроивъ его огнемъ своихъ орудій, способствовалъ...» и т. д.

Въ VIII Приложеніи, подъ № 9-мъ (стр. 522), читаемъ: «Clausewitz (бывшій въ то время Начальникомъ Штаба въ корпусѣ Графа Палена). Der Feldzug von 1812 in Russland. 102.»

Ссылка эта сдѣлана при описаніи отступленія нашего еще къ Витебску (стр. 201), когда арріергардъ Палена былъ усиленъ, чтобы замедлять движенія Французовъ. Я не имѣю подъ рукой Клаузевица, и по тому не могу положительно сказать, онъ ли самъ въ сочиненіи своемъ называетъ себя Начальникомъ Штаба въ корпусѣ Графа Палена, или это почерпнуто Г. Богдановичемъ изъ какого либо источника, вовсе мнѣ не извѣстнаго. Бывши близко знакомъ и видѣвшись ежедневно съ Клаузевицемъ, [67] я имѣлъ возможность узнать его близко, а по тому удивляюсь, что онъ могъ самъ себя назвать Начальникомъ Штаба корпуса Графа Палена, и тогда, когда было еще много и въ самой Пруссіи его временно-сослуживцевъ въ Русской арміи. Впрочемъ, я могу ошибаться; пожалуй, чтобы поважничать онъ, и возвелъ себя въ Начальники Корпуснаго Штаба. Такое званіе должно имѣть слѣды не у одного Клаузевица, а въ нашихъ современныхъ архивахъ. Не худо было бы заглянуть туда, а то, что за Исторія

---

[67] За два дня предъ Смоленскимъ сраженіемъ прибылъ къ арміи и назначенъ въ 6-й корпусъ, изъ Прусскихъ же Офицеровъ, вступившихъ въ нашъ Генеральный Штабъ, Капитанъ Люпо, Офицеръ отличныхъ способностей и особенной храбрости, какъ и всѣ его тогдашніе сотоварищи. Онъ помѣщался со мной. Клаузевицъ очень часто пріѣзжалъ къ нему и ночевалъ. Здѣсь я съ нимъ познакомился и, можно сказать, что, начиная отъ Смоленска, до самаго отъѣзда Клаузевица изъ арміи въ корпусъ Витгенштейна, не проходило дня, чтобы мы не встрѣчались и на сборныхъ пунктахъ, и на маршѣ, и въ полѣ. Капитанъ Гоффманъ съ начала 1812 года, въ Дубнѣ, со мной сдружился и въ послѣдствіи почти до самой его смерти, уже Прусскимъ Генералъ-Губернаторомъ, въ Дюссельдорфѣ, былъ со мной въ перепискѣ. Впрочемъ, по обязанности моей въ 1812 г., болѣе или менѣе, я былъ знакомъ со всѣми Прусскими Офицерами, вступившими въ нашъ Генеральный Штабъ.

Отечественной войны, основанная на показаніяхъ: Шрекенштейновъ, Клаузевицевъ, Гофмановъ, Бернгарди и т. п., о которыхъ, какъ увидимъ въ концѣ III тома, и самъ Г. Богдановичъ отзывается не очень-то хорошо!

При Графѣ Паленѣ былъ Офицеръ Генеральнаго Штаба, Капитанъ Данненбергъ. Клаузевицъ, не знавшій ни слова по Русски, естественно, не могъ занимать должности Начальника Корпуснаго Штаба, и не занималъ ее. Онъ разъѣзжалъ отъ одного къ другому. Графъ Паленъ, до Бородинской битвы, или почти до самой Москвы, былъ съ своими войсками при 6 корпусѣ и т. д. Подъ Бородиномъ же сочинитель самъ помѣщаетъ Клаузевица при Уваровѣ.

Переложу ко второму тому. Замѣчанія на этотъ томъ будутъ пространнѣе, чѣмъ на первый томъ, по тому что онъ включаетъ въ себѣ главнѣйшія событія войны 1812 года: назначеніе Кутузова, Бородинскую битву, оставленіе Москвы, ея сожженіе и Тарутинское сраженіе.

ЗАМѢЧАНІЯ

НА ВТОРОЙ ТОМЪ.

Исчисляя заслуги Кутузова, предъ назначеніемъ его въ Главнокомандующіе въ 1812 году, между прочимъ сказано (стр. 11): «Удачный походъ на Дунаѣ, и миръ, заключенный въ роковой часъ разрыва съ Наполеономъ, упрочили славу Кутузова» и т. д.

Не думаю, чтобы выраженіе: удачный походъ на Дунаѣ, было удачно. Кутузовъ, принявъ начальство послѣ Графа Каменскаго, очистилъ правый берегъ Дуная и отступилъ въ Княжества. Верховный Визирь имѣлъ безразсудство переправиться за нимъ въ Слободзеѣ и окопаться, оставивъ лагерь свой безъ достаточнаго прикрытія. Сдѣсь Кутузовъ явилъ глубокое знаніе свойствъ непріятеля и, на основаніи того, принялъ, какъ искусный вождь, мѣры, о которыхъ онъ бы и не подумалъ противъ всякаго другого Европейскаго полководца. Генералъ-Лейтенантъ (Е. П.) Марковъ переправленъ былъ нѣсколько выше чрезъ Дунай и, имѣя въ авангардѣ Генералъ-Маіора (В. Д.) Иловайскаго, внезапно атаковалъ лагерь и, овладѣвъ имъ, отрѣзалъ всякое сообщеніе Визирю съ своими средствами. Попавшись такимъ образомъ въ западню со всѣмъ своимъ войскомъ, гибнувшимъ отъ голода, самъ онъ скрытно бѣжалъ на лодкѣ. [1] Послѣдствіемъ этого

---

[1] Полагаютъ, что Кутузовъ зналъ о намѣреніи Верховнаго Визиря бѣжать, но отдалъ приказаніе Флотиліи не препятствовать этому, въ томъ предположеніи, что безъ свободы Верховнаго Визиря онъ не могъ бы заключить мира по существовавшему тогда понятію Турокъ. Не вдаюсь въ дальнѣйшія по сему предмету разъясненія.

было заключеніе мира. Во всякомъ случаѣ слово: «удачный походъ на Дунаѣ» тутъ не йдетъ; оно могло быть замѣнено другимъ, болѣе соотвѣтственнымъ событію, на примѣръ: дѣйствіе при Дунаѣ.

Описывая характеръ и свойства Кутузова, Г.-М. Богдановичъ присоединяетъ, на стр. 16-й:.... «важнѣйшія бумаги, подносимыя къ подписи Фельдмаршала, оставляемы были до завтра, и это завтра повторялось иногда нѣсколько недѣль» и т. д. Не знаю, въ какой степени это справедливо, но не можетъ быть, чтобы важнѣйшія бумаги оставались имъ не подписанными, когда онъ былъ Фельдмаршаломъ, какъ сдѣсь сказано. Лично я никогда не состоялъ при немъ, но въ 1812 году, по должности, мною тогда занимаемой, бывалъ иногда и по нѣскольку разъ въ день въ Главной Квартирѣ, и не разъ получалъ на присылаемыя къ нему словесныя донесенія немедленныя и ясныя разрѣшенія. Я могъ бы слышать отъ товарищей то, что приписывается Фельдмаршалу, но и того не было. Да и какъ допустить, чтобы Главнокомандующій арміею, во время ея дѣйствія (и противъ кого еще? противъ Наполеона!), оставлялъ важнѣйшія бумаги по нѣскольку недѣль безъ подписи! Параграфъ продолжается одинаково о Кутузовѣ, и въ концѣ онаго ссылка на приложеніе къ XV главѣ № 41, но въ приложеніяхъ къ этой главѣ, послѣдняя № 14 (на стр. 499); въ опечаткахъ же не отмѣчено; слѣдовательно, нѣтъ возможности знать положительно, кто это такъ соперничаетъ съ Тьеромъ въ изображеніи нашего полководца?

На слѣдующей 17-й страницѣ продолжается очеркъ Кутузова, и тутъ поражаютъ слѣдующія выраженія: «не смотря на недовѣрчивость и скрытность своего характера, Кутузовъ былъ любимъ окружавшими его; недостатки и слабости его не помѣшали ему снискать и сохранить общее довѣріе войскъ. Когда, на канунѣ Люценскаго сраженія, одинъ изъ Адъютантовъ Фельдмаршала привезъ свѣдѣніе объ его смерти, приказано было скрыть эту вѣсть въ глубокой тайнѣ: такимъ образомъ уже не было Кутузова, но Русская армія пошла въ бой, какъ будьто руководимая его тѣнью.»

Не понимаю, что Генералъ Богдановичъ хотѣлъ сказать этѣмъ страннымъ выраженіемъ, въ особенности тогда, какъ Императоръ Александръ самъ лично находился при войскахъ. А при томъ, это можетъ быть принято за иронію; ибо къ какому подвигу руководила тѣнь Кутузова? А вотъ къ какому: мы проиграли Люценское сраженіе и изъ окрестностей Лейпцига ушли за Эльбу; потеряли сраженія: подъ Бауценомъ (Будышинымъ), Герлицемъ (Згорѣльцемъ) и отступили до Одера, а сдѣсь заключили перемиріе. Какъ же понять сказанное сдѣсь о тѣни Кутузова, руководившей будьто бы войска въ Люценскомъ сраженіи, первомъ въ Германіи, которое мы проиграли, и съ какими послѣдствіями! Сомнѣваюсь даже, чтобы хотѣли сохранить въ тайнѣ смерть Кутузова, съ цѣлью, чтобы этѣмъ не потрясти духъ солдата. Нашъ солдатъ отъ подобныхъ впечатлѣній не приходитъ въ уныніе, а, напротивъ, ожесточается и стремится къ отмщенію. Но, независимо отъ сего, повторяю: сдѣсь находился самъ Государь, если можно такъ выразиться, боготворимый, обожаемый солдатами и всѣми. Сверхъ же того, войсками подъ Люценомъ начальствовалъ Графъ Витгенштейнъ, къ которому любовь солдата, въ 1812 году, далеко превосходила ту, которую они питали къ Кутузову по самой простой причинѣ: Кутузовъ отдалъ непріятелю Москву, а Витгенштейнъ, не только что тогда, но и по нынѣ въ народѣ, почитается спасителемъ Петрова града. Словомъ, выраженіе неудачное во всѣхъ отношеніяхъ.

Разсмотрѣнный мною параграфъ, какъ замѣчено выше, заключается ссылкой, которой нѣтъ.

Въ этомъ же параграфѣ, на 15-й страницѣ, приведено обстоятельство, читанное мною еще въ 1834 году у самаго сочинителя «Записокъ,» на которыя ссылается Г. Богдановичъ, и вотъ какъ послѣдній представляетъ оное: «Одинъ изъ чиновниковъ Главной Квартиры его (Кутузова), Маевскій, говоритъ, что когда наши войска соединились на рѣкѣ Березинѣ, онъ осмѣлился

---

[2] Въ описываемое время Сергѣй Ивановичъ Маевскій былъ не просто однимъ изъ чиновниковъ, а Генералъ-Аудиторомъ арміи, исправляя иногда и обязан-

доложить Фельдмаршалу о пользѣ назначенія кого либо начальникомъ артиллеріи всѣхъ Русскихъ арміи. «Кого же лучше, отвѣчалъ Кутузовъ, какъ не Рѣзваго: онъ (стр. 16-я) человѣкъ умный, опытный и знаетъ это дѣло лучше всѣхъ.» Едва лишь онъ успѣлъ произнести эти слова, какъ пріѣхалъ къ нему Графъ Аракчеевъ. «Государю Императору угодно соединить командованіе всею артиллеріею въ лицѣ одного артиллерійскаго Генерала, сказалъ онъ; выборъ его предоставленъ Вашей Свѣтлости. Его Величество полагаетъ, что всего ближе ввѣрить этотъ постъ А. П. Ермолову.»— «Спросите у него,» отвѣчалъ Кутузовъ, указывая на Маевскаго: «мы только что объ этомъ говорили, и я самъ хотѣлъ просить Государя Императора, чтобы назначенъ былъ Ермоловъ. Да и можно ли сдѣлать лучшій выборъ?»

Я не знаю, какъ близки были ихъ отношенія, дозволяющія Генералъ-Аудитору, или еще, какъ Г. Богдановичъ говоритъ, одному изъ чиновниковъ, разсуждать, или и еще лучше, дать понять Фельдмаршалу необходимость сосредоточенія командованіемъ артиллеріею! Но болѣе всего кажется мнѣ невѣроподобнымъ то, что когда пріѣхалъ къ Кутузову Аракчеевъ изъ Петербурга отъ Государя, то, во первыхъ, конечно, прежде чѣмъ Графъ вошелъ въ комнату Князя, всѣ тѣ, которые могли въ ней случиться, получили бы весьма естественное приказаніе выйти, или, не дожидаясь приказанія, сами бы сдѣлали это: современники помнятъ, что такое былъ Аракчеевъ, особенно въ 1812 году. Во вторыхъ, если

ность Правителя Канцеляріи. Я съ нимъ былъ знакомъ гораздо прежде, съ 1808 года, потомъ въ 1812 году видѣлся часто. Въ 1813 году, въ Калишѣ, онъ и Скобелевъ получили полки, а Маевскій, какъ одинъ изъ храбрѣйшихъ и въ то время полковыхъ командировъ, вскорѣ получилъ Георгія и сдѣлался извѣстнымъ. Съ 1815 по 1828 годъ мы не видались, но въ Турецкую, 1828 – 1829 г., войну онъ былъ назначенъ Директоромъ Госпиталей. По окончаніи войны, въ чинѣ Генералъ-Лейтенанта, получилъ 13 дивизію и съ 1833 по 1835 годъ находился въ Тульчинѣ, гдѣ я тогда проживалъ. Не проходило дня безъ воспоминаній былаго. Мы давали другъ другу свои Записки, и я во многомъ съ нимъ не соглашался, а онъ дѣлалъ замѣчанія на мои. Онъ владѣлъ перомъ хорошо, но часто увлекался, для приданія силы своимъ выраженіямъ. Въ то время бѣловыя Записки его были уже сданы, а кому, не сказалъ, да я и не любопытствовалъ.

бы Аракчеевъ вошелъ въ кабинетъ Кутузова внезапно, то тѣмъ болѣе еще всѣ поспѣшили бы удалиться. Въ третьихъ, предположивъ, однако же, что чиновникъ рѣшился остаться и дожидать, покуда ему не будетъ приказано выйти, то рѣшительно ни въ какомъ уже случаѣ онъ не могъ оставаться, или не быть высланнымъ, когда Аракчеевъ началъ съ словъ: «Государь Императоръ» и пр. Слѣдовательно, повторяю, ни въ какомъ случаѣ чиновникъ Маевскій не могъ оставаться въ той же комнатѣ, [3] когда Аракчеевъ, присланный отъ Государя къ Кутузову, началъ сообщать Главнокомандующему волю Императора. Все, что написалъ Маевскій относительно Кутузова, Рѣзваго и Ермолова, онъ могъ слышать изъ смежной комнаты, Адъютантской, куда вышелъ; но чтобы Маевскій оставался присутствующимъ лицомъ въ той же комнатѣ, когда они говорили о томъ, этого, сто разъ повторяю, быть не могло и вошло въ Записки, такъ себѣ, для прикрасы.

По какъ бы то ни было, Г. Богдановичъ неумолимъ въ приводимыхъ имъ очеркахъ о Кутузовѣ безъ всякаго разбора, такъ что расточаемая ему мѣстами хвала, часто похожая на фразы, не только помрачается, но и совершенно исчезаетъ при исчисленіи его недостатковъ, какъ Главнокомандующаго, и даже какъ человѣка. Книга эта переведена уже на Нѣмецкій языкъ: жаль и очень жаль, что иноземцы изъ устъ нашего военнаго исторіографа получатъ ложное понятіе о лицѣ, которому, по какимъ бы то ни было причинамъ, но, однако же, была ввѣрена борьба съ гигантомъ. Положимъ, что кое-что могло быть отчасти и справедливо, [4] но въ классической книгѣ, описывающей столь важный для

---

[3] Этотъ служебный этикетъ или приличіе соблюдается и нынѣ даже между Директорами Департаментовъ. Если какой либо Директоръ Департамента входитъ къ другому, то, кто бы тутъ ни случился, тотчасъ удаляется. А здѣсь Аракчеевъ пріѣзжаетъ изъ Петербурга къ Фельдмаршалу, на Березинѣ — и чиновникъ остается третьимъ лицемъ. Не могло и не можетъ быть!

[4] Можно себѣ вообразить восторгъ Тьера! Онъ провозгласитъ сочиненіе нашего Профессора, если не выше, то, по крайней мѣрѣ, наравнѣ съ Ксенофонтовымъ описаніемъ отступленія десяти тысячъ. Самъ Тьеръ въ своей Исторіи сказалъ

Россіи эпизодъ, должно было избѣгать такихъ данныхъ, которыя могли быть писаны подъ вліяніемъ различныхъ страстей и отношеній, и во всякомъ уже случаѣ имѣть мѣсто не въ текстѣ, а въ приложеніяхъ, если уже признавалось необходимымъ ввести разсказъ «одного изъ чиновниковъ.»

Наконецъ, вотъ и дошли до XXII главы (стр. 174): «Сраженіе при Бородинѣ.»

Почтенный исторіографъ предпосылаетъ, какъ уже я замѣтилъ, [5] этой гигантской битвѣ какъ бы предисловіе, наставленіе, необходимое для описанія большихъ сраженій, гдѣ исчисляетъ онъ всѣ препятствія, которыя встрѣчаетъ «принимающій на себя священную обязанность жреца истины,» и какъ бываетъ онъ поставленъ въ тягостное положеніе увѣрять въ томъ, въ чемъ не убѣжденъ самъ.» Указавъ на всѣ препятствія и затрудненія эти, Г. Богдановичъ заключаетъ свое вступленіе слѣдующими словами: «Все сказанное нами показываетъ, по чему именно такъ рѣдки отчетливыя описанія большихъ сраженій, и можетъ, хотя отчасти, пояснить, по чему сраженіе при Бородинѣ изложено не совсѣмъ удовлетворительно даже въ лучшихъ военноисторическихъ сочиненіяхъ.»

Послѣ такого объясненія причинъ, до сихъ поръ не замѣченныхъ военными историками при описаніи большихъ сраженій, и въ особенности Бородинскаго, не совсѣмъ удовлетворительно изложеннаго въ лучшихъ военноисторическихъ сочиненіяхъ, мы вправѣ были ожидать, что почтенный исторіографъ нашъ, проникнувъ въ причины такихъ препятствій и, указавъ на нихъ, создастъ что либо образцовое, или, по крайней мѣрѣ, обой-

---

несравненно менѣе; онъ не столько отнимаетъ у Кутузова достоинствъ, сколько забавляется разсказомъ, что онъ былъ старъ, тяжелъ, кривъ, любилъ хорошо поѣсть, страстенъ къ женскому полу и т. п.

[5] При замѣчаніяхъ на общее предисловіе (т. I) сочиненія, это предпосланіе разсмотрѣно подробно; здѣсь нахожу необходимымъ вкратцѣ еще упомянуть о содержаніи этого предисловія къ Бородинскому сраженію.

детъ, устранитъ тѣ причины, которыя были неразгаданы его предшественниками, и изобразитъ эту великую битву достойно ея значенія. Но, къ сожалѣнію, указанныя и исчисленныя имъ причины, не смотря на всю свою истину, могутъ послужить указаніемъ только для другихъ; самъ же почтенный исторіографъ не руководствовался ими, и здѣсь невольно приходитъ на память двустишіе изъ одной сатиры Кантемира:

На столбъ дорожный нашъ философъ Петръ походитъ:
Всѣмъ путь указываетъ, а самъ по немъ не ходитъ.

Не сознавая въ себѣ достаточно силъ для достойнаго изложенія этой битвы, ограничиваюсь только замѣчаніями на нѣкоторые эпизоды оной, разсказываемые Г. Богдановичемъ. Я обращусь нѣсколько назадъ и начну съ того времени, когда только пошла рѣчь о Бородинѣ.

На стр. 135, между прочимъ, сказано: «Кутузовъ рѣшился принять сраженіе на позиціи у Бородина, избранной Генераломъ Вистицкимъ (а по свѣдѣтельству Беригарди, Генеральнаго Штаба Подполковникомъ Гартингомъ) и одобренной Беннингсеномъ.»

За симъ слѣдуетъ ссылка въ примѣчаніяхъ на XX главу № 45 (стр. 533): «Клаузевицъ приписываетъ выборъ позиціи Толю (Denkwurdig., т. II, 18 (§ 137).»

Не уже ли и въ этомъ случаѣ должно ссылаться на Беригарди и Клаузевицевъ? Вѣдь сказано же, что позиція избрана была Генераломъ Вистицкимъ (который былъ Генералъ-Квартирмейстеромъ 2-й арміи) и одобрена Беннингсеномъ. Взято же это изъ какихъ либо данныхъ; и какъ было не знать, имѣвши подъ руками матеріялы всѣхъ Архивовъ, кто избралъ позицію при Бородинѣ? Въ избраніи ея могли участвовать и Вистицкій, и Гартингъ, и Беннингсенъ, и Толь. Да за чѣмъ тутъ Беригарди, Клаузевицъ, какъ путеводители въ Исторіи Отечественной войны 1812 года?

Выборъ позиціи, начиная отъ Смоленска до Москвы, происходилъ слѣдующимъ образомъ: Генералъ-Квартирмейстеры, а иногда и Полковникъ Габбе, взявъ съ собой изъ находящихся

при Главной Квартирѣ Офицеровъ, сколько почитали нужнымъ, отправлялись на это порученіе. Встрѣтивъ мѣстность, которая казалась благопріятною, оставляли одного или двухъ Офицеровъ, для обозрѣнія ея въ подробностяхъ и легкой на глазомѣръ (не сходя съ лошади) съемки, и съ прочими отправлялись иногда далѣе. Найдя еще позицію, ее обозрѣвали, дѣлали также съемку и возвращались въ Главную Квартиру. Тутъ отдавали отчетъ объ одной или двухъ найденныхъ позиціяхъ; тогда отправлялись или Толь, или Вистицкій (если позиція не ими избрана) и наконецъ Беннингсенъ. Съ послѣдняго перехода къ Бородину ночью, Оберъ-Квартирмейстеры отправились съ дивизіонными Квартирмейстерами и Квартиргерами для принятія позиціи, каждый для своего корпуса. Въ этотъ разъ приказано было ожидать въ самомъ Бородинѣ. Съ разсвѣтомъ насъ потребовали къ Горкамъ: сдѣсь находились Вистицкій, Габбе, Гартингъ и другіе Офицеры Главной Квартиры. Вистицкій поручилъ Габбе указать мѣста правому флангу, а самъ, приказавъ примкнуть правый флангъ 6-го корпуса къ Горкамъ, поѣхалъ, въ сопровожденіи всѣхъ, по направленію къ лѣвому флангу. Я отсталъ, провѣряя отмѣриваемое пространство для каждаго полка, и когда догналъ Вистицкаго, тутъ былъ уже Толь, а вскорѣ на курганѣ показался и Беннингсенъ. Онъ и Толь сдѣлали нойкакое измѣненіе въ размѣщеніи. Когда я достигъ мѣста, гдѣ оканчивался лѣвый флангъ, Оберъ-Квартирмейстеръ 7-го корпуса началъ принимать мѣсто для 7-го корпуса, а я остался. Артиллерію Толь приказалъ поставить какъ придется, но во всякомъ случаѣ ее не располагать до его приказанія, которое вечеромъ и послѣдовало. Кромѣ размѣщенія конныхъ корпусовъ, въ пѣхотныхъ не было значительныхъ перемѣнъ, и 6-й оставался, какъ его первоначально поставили, по утру, 22-го числа, до ночи на 29-е.

Слѣдовательно, кто избралъ позицію при Бородинѣ? Конечно, Вистицкій, а Беннингсенъ и Толь ее одобрили. Можетъ быть, Гартингъ былъ употребленъ для обозрѣнія ея частностей; но чтобы онъ ее избралъ, это неосновательно, хотя онъ и былъ Офицеръ съ большими способностями.

Описывая Бородинскую позицію и разсуждая о возвышеніи или курганѣ, находящемся въ центрѣ оной, предъ интерваломъ

между 1 и 2 арміями, или между 6 корпусомъ Дохтурова и 7. Раевскаго, сказано (стр. 141): «Беннингсенъ изъявилъ мнѣніе въ пользу занятія позиціи по прямой линіи, предлагая построить на выдающемся возвышеніи сильное сомкнутое укрѣпленіе съ амбразурами кругомъ, на случай непріятельской атаки, съ какой бы стороны она ни послѣдовала. Такое укрѣпленіе, доказывалъ онъ, слѣдовало вооружить 24-ю, либо 36-ю, батарейными орудіями, безъ лошадей и занять нѣсколькими баталіонами. Напротивъ того, Толь полагалъ сдѣлать на этомъ пунктѣ люнетъ, вооружить его 18 орудіями и включить его въ будущую черту позиціи; Кутузовъ предпочелъ мнѣніе Толя, и такимъ образомъ расположеніе нашихъ армій было направлено отъ Горокъ къ возвышенію, а оттуда влѣво, подъ тупымъ исходящимъ угломъ, чрезъ Семеновское къ Утицѣ.»

Сдѣсь анахронизмъ: армія 22 числа была поставлена въ прямой линіи, такъ что возвышеніе это находилось впереди, а совѣщаніе, о которомъ сдѣсь говорится, происходило на самомъ курганѣ, въ полдень 25 числа, что далѣе будетъ видно; ибо не разъ должно будетъ говорить объ этомъ пунктѣ, слѣдуя за разсказомъ сочинителя, а теперь вотъ въ чемъ дѣло: сочинитель, между словами: «угломъ и чрезъ,» дѣлаетъ ссылку (№ 1, стр. 535). Естественно, что такой важный предметъ завлечетъ каждаго узнать, чье это засвѣдѣтельствованіе. Но очень ошибутся въ желаніи удовлетворить свою любознательность. Г. Богдановичъ, вмѣсто того, чтобы назвать источникъ, очень наивно говоритъ, что «по другимъ показаніямъ», [6] и присовокупляетъ: «позиція для 2-й арміи была избрана первоначально въ прямой линіи съ позиціею 1-й арміи Генераломъ Вистицкимъ, а Беннингсенъ, 24-го Августа, при осмотрѣ позиціи, найдя за лѣвымъ крыломъ ея оврагъ, осадилъ 2-ю армію назадъ [7] подъ исходящимъ угломъ, назвавъ тогда же курганъ, гдѣ находилась вершина его, ключомъ позиціи.»

---

[6] Да по какимъ же другимъ, когда и первыя не названы?

[7] Изъ этого видно, какъ почтенный сочинитель искалъ быть яснымъ и предостерегъ читателей отъ мысли, что могли осадить и впередъ.

Вѣдь это приличнѣе было помѣстить въ текстъ, и во всякомъ уже случаѣ сдѣсь ссылка была необходима, тѣмъ болѣе, что объ этомъ ни Бутурлинъ, ни Михайловскій-Данилевскій и никто не говорилъ печатно: обстоятельство важное, ибо могло дать совершенно другой исходъ битвы.

Описывая вооруженныя укрѣпленія на позиціи, говоритъ (стр. 142): «Начиная съ праваго фланга, сооружена на курганѣ у Горокъ, [8] по правую сторону дороги, батарея на три орудія (по тому что на этомъ пунктѣ невозможно было помѣстить болѣе артиллеріи), а другая на девять орудій впереди первой, въ разстояніи отъ нея 200 саженъ, на скатѣ отлогости, спускающейся отъ Горокъ къ Бородину. Обѣ эти батареи были заняты батарейною ротой Маіора Дитерикса.»

Опять нѣтъ ссылки, а она была необходима; ибо не только всѣ иностранные писатели говорятъ, что у Горокъ была сооружена сильная батарея, но и Михайловскій-Данилевскій (ч. II, стр. 187, изд. 1840) пишетъ: «насыпана была сильная батарея у Горокъ, [9] прикрытая другою батареей ниже ея въ 300 саженяхъ. [10]

Но еще болѣе: самъ же Г. Богдановичъ приводитъ вполнѣ донесеніе Барклая де Толли Князю Кутузову о Бородинской битвѣ, а въ донесеніи этомъ сказано (стр. 557): «Правый флангъ 6-го корпуса примкнулъ вечеромъ къ высотѣ у деревни Горки, на которой устроена была батарея изъ десяти батарейныхъ ору-

---

[8] Да вѣдь не сдѣсь былъ правый флангъ: это правый флангъ только 6 корпуса, а правый флангъ арміи простирался далѣе вправо отъ Горокъ, гдѣ было расположено нѣсколько корпусовъ и построены многія укрѣпленія; да и самъ Г. Богдановичъ помѣстилъ на своемъ планѣ нѣсколько такихъ укрѣпленій.

[9] Конечно, онъ разумѣлъ подъ словомъ сильная, по мѣстности ея, а уже не какъ не по количеству орудій; онъ видѣлъ эту батарею.

[10] Бутурлинъ не опредѣляетъ силы батареи (т. е., числа орудій), упоминая, что въ 200 саженяхъ ниже ея была другая.

дій» и т. д. [11] Слѣдовательно, ссылка была неизбѣжна; ибо отъ трехъ орудій до сильной батареи въ такомъ сраженіи, какъ Бородинское, разстояніе велико. Почтенный сочинитель, выписывая буквально все, что сказалъ выше, и если уже, по безпристрастію своему, какъ жрецъ истины, не хотѣлъ указать источника, то не слѣдовало выпускать изъ таинственнаго для публики (но извѣстнаго сочинителю) источника, стоящихъ передъ Дитериксомъ буквъ «Х. Ш.;» ибо Дитериксъ былъ подъ Бородиномъ не одинъ, а нѣсколько братьевъ, и всѣ—артиллеристы

Что касается до позиціи въ общемъ смыслѣ, то описывать ее подробно и исчислять ея недостатки и выгоды, сдѣсь было бы излишне. Замѣчу только одно, что на всемъ пространствѣ отъ Царева Займища, куда прибылъ Кутузовъ, до Москвы, не было ни одной позиціи, которая, послѣ всѣхъ недостатковъ, приписываемыхъ Бородинской, была бы для насъ лучше. А дать битву до Москвы, по соображеніямъ Главнокомандующаго, было необходимо. Слѣдовательно, вопросъ о позиціи рѣшается самъ собой. Перейду къ размѣщенію на оной войскъ.

Бородинская позиція, начиная съ ея праваго фланга отъ Москвы рѣки противъ с. Маслова, проходила чрезъ с. Горки, [12] три версты; отсюда до с. Семеновскаго двѣ версты, и наконецъ до Утицы [13] около трехъ верстъ. Всего протяженія до осьми верстъ.

---

[11] Несомнѣнно, что Барклай разумѣлъ тутъ объ батареи: одну на курганѣ, а другую, какъ замѣчено выше, на спускѣ къ Бородину; ибо онъ очень хорошо зналъ, что на курганѣ мѣста было только для трехъ орудій, посѣщая его нѣсколько разъ: 22, 23, 24, 25 и 26 числъ. Или, наконецъ, онъ предполагалъ при Горкахъ (но не на курганѣ), на случай, что армія предприметъ на другой день атаковать непріятеля, устроить еще батарею, для чего и приготовлены были ратники, какъ увидимъ далѣе, и это тѣмъ болѣе вѣроподобно, что и сочинитель говоритъ о вечерѣ 26 числа.

[12] На столбовой отъ Смоленска въ Москву дорогѣ передъ Горками около версты; на той же дорогѣ и село Бородино на Колочѣ.

[13] На такъ называемой старой Смоленской дорогѣ, соединяющейся съ столбовой въ Можайскѣ.

Такимъ образомъ пространство отъ Москвы рѣки до Горокъ естественно составляло правый флангъ: отъ Горокъ до Семеновскаго центръ, и наконецъ отъ Семеновскаго до Утицы лѣвый флангъ.

По прибытіи на эту позицію арміи, рано 22-го Августа, она расположилась слѣдующимъ образомъ: между Москвой рѣкой и Горками 2-й и 4-й пѣхотные корпусы, за ними 1-й и 2-й кавалерійскіе и Платовъ съ 9-ю Казачьими полками.

Между Горками и Семеновскимъ 6-й и 7-й пѣхотные корпусы; за ними 3-й и 4-й кавалерійскіе.

Между Семеновскимъ и Утицей, начиная отъ Семеновскаго, 8-й пѣхотный съ нѣсколькими еще полками влѣво къ Утицѣ и Казачій отрядъ Карпова, но въ ночь на 25 число направленъ туда, изъ резерва, еще третій пѣхотный корпусъ, который такимъ образомъ и связалъ войска, находящіяся въ Утицѣ, съ лѣвымъ флангомъ 8-го корпуса. За нимъ Московское и Смоленское ополченія.

Резервъ, состоящій изъ 5-го пѣхотнаго корпуса (гвардейскаго), съ нѣсколькими егерскими полками и артиллеріей, за 6-мъ и 7-ми корпусами, около с. Князькова. Далѣе, резервная артиллерія, Главная Квартира въ Татариновѣ.

Сдѣсь рождаются слѣдующія замѣчанія:

1. По чему, почти на осьмиверстномъ протяженіи первоначальнаго расположенія войскъ на позиціи, центромъ названъ только одинъ 6-й корпусъ, занимавшій изъ всей позиціи едва одну версту, тогда какъ, по естественному дѣленію позиціи, центръ ея должны были составлять 6-й и 7-й корпусы, расположенные въ прямой линіи отъ Горокъ до Семеновскаго по мѣстности единообразной? Это соотвѣтствуетъ и самому дѣленію позиціи, какъ замѣчено выше; тѣмъ болѣе, что съ самаго начала сраженія 6-й корпусъ составилъ уже не центръ, а правый флангъ боевой линіи; 7-й и 8-й корпуса и подошедшій еще 4-й, центръ, а 3-й корпусъ, съ нѣкоторыми другими войсками, и потомъ прибывшій

къ Утицѣ съ упраздненнаго праваго фланга, 2-й пѣхотный корпусъ, составлялъ лѣвое крыло боевой линіи.

2. Почему 8-й пѣхотный корпусъ, стоявшій на лѣвомъ флангѣ 7-го корпуса, не обозначенъ на планѣ, подобно всѣмъ другимъ корпусамъ, хотя всѣ дивизіи его: 27-я пѣхотная, сводная гренадерская (Воронцова), показаны какъ продолженіе лѣваго фланга 7-го корпуса, а 2-я гренадерская тутъ же за ними какъ бы во второй линіи или въ резервѣ; но обозначенія корпуса на планѣ нѣтъ, да и въ описаніи битвы чуть ли не одинъ только разъ упомянутъ 8-й корпусъ, и едва ли не столько же и начальникъ онаго, Г.-Л. Бороздинъ?

3. 25 Августа, по полудни, рѣшено было сдѣлать измѣненіе въ расположеніи войскъ 6 и 7 корпусовъ, стоявшихъ, какъ замѣчено выше, въ прямой линіи отъ Горокъ до Семеновскаго, имѣя предъ интерваломъ своимъ на треть пушечнаго выстрѣла, курганообразную высоту. Измѣненіе это заключалось въ томъ, чтобы 6 корпусъ, оставивъ свой правый флангъ при Горкахъ, подалъ свой лѣвый впередъ и примкнулъ къ помянутой высотѣ, а 7 корпусъ, оставивъ лѣвый флангъ при Семеновскомъ, правымъ примкнулъ бы къ той же высотѣ, которая по сему и включалась въ первую линію позиціи, составивъ такимъ образомъ выходящій уголъ между помянутыми двумя корпусами. Движеніе это приказано было привести въ исполненіе за нѣсколько времени до разсвѣта слѣдующаго дня, 26 Августа. [14] Одновременно съ приказаніемъ, отданнымъ для сего передвиженія, рѣшено было на помянутой высотѣ соорудить люнетъ для 18 батарейныхъ орудій, къ чему и приступлено около пяти часовъ по полудни, 25 Августа.

На той же 142 страницѣ сочинитель, разсказывая объ этомъ укрѣпленіи и описывая затрудненія, встрѣченныя отъ почвы и т. п., присовокупляетъ: «Сооруженіе этого укрѣпленія было начато

---

[14] По этой-то причинѣ, на планахъ сраженія, приложенныхъ къ нѣкоторымъ иноземнымъ сочиненіямъ, высота эта и показана впереди противъ интервала между 6 и 7 корпусами, какъ это снимавшіе планъ съ позиціи видѣли съ 22 по 25 число.

не прежде пяти часовъ по полудни 26 Августа, т. е., уже около вечера на канунѣ Бородинскаго сраженія, по тому что ратники Московскаго ополченія, командированные на работу, не были снабжены ни лопатами, ни кирками [15] и не имѣли ни малѣйшаго понятія о приготовленіи туровъ и фашинъ. На разсвѣтѣ готовы были амбразуры только на десять орудій и люнетъ далеко еще не былъ оконченъ. Артиллерія, занимавшая его, находилась подъ начальствомъ полковника Шульмана (стр. 143)... Недостатокъ въ фашинахъ не позволилъ сдѣлать одежъ; всѣ скаты были очень отлоги, что, съ одной стороны, замедляло насыпку брустверовъ, а съ другой, способствовало эскаладѣ; о палисадѣ и другихъ искусственныхъ препятствіяхъ не могло быть и рѣчи.»

И сдѣсь опять нѣтъ ссылки, не смотря на всю ея потребность: помимо уже того, что слабость этого укрѣпленія не представляла непріятелю большихъ препонъ къ овладѣнію онымъ, и которое онъ выставляетъ чрезвычайно крѣпкимъ, а уже по одному тому, что у насъ подумали такъ поздно объ укрѣпленіи ключа позиціи, какъ это было всѣми признаваемо. За чѣмъ же это новое обстоятельство, не высказанное ни Бутурлинымъ, ни Окуневымъ, ни Михайловскимъ-Данилевскимъ, не подкрѣплено ссылкой, откуда оно заимствовано? Я совершенно сознаю, что послѣ сказаннаго почтеннымъ Профессоромъ, въ 1 № «Военнаго Сборника,» 1858 года, приводить какъ это, такъ и все то, что и выше было сказано безъ ссылки, для него было затруднительно, но въ такомъ случаѣ уже не слѣдовало бы поминать онаго. [16]

---

[15] Не «по тому» начато было такъ поздно, какъ и самъ исторіографъ въ другомъ мѣстѣ скажетъ; кирками же и лопатами назначенное для работъ ополченіе тотчасъ было снабжено полками 6 корпуса.

[16] Г. Богдановичъ въ этихъ случаяхъ, какъ и должно, чрезвычайно строгъ относительно другихъ; вотъ что находимъ въ его Исторіи (т. I, стр. 525): «Новѣйшій историкъ войны 1812 г., Тьеръ, полагаетъ, что планъ дѣйствій Наполеона былъ составленъ имъ прежде, нежели наступленіе Русскихъ могло быть ему извѣстно. Излагая это мнѣніе, Тьеръ ссылается на переписку Наполеона съ Маршаломъ Даву, но не прилагаетъ въ доказательство приводимаго имъ факта» (т. I, стр. 528); далѣе встрѣчаемъ: «Генералъ Михайловскій-Данилев-

Между тѣмъ сдѣсь, для критическихъ соображеній, представляется слѣдующее, кажется, еще не разобранное, а именно:

Разсмотрѣть, имѣло ли вліяніе на ходъ сраженія передвиженіе 6 и 7 корпусовъ, съ цѣлію включить помянутое возвышеніе въ линію позиціи, на томъ основаніи, какъ говорилъ Толь, что если оставимъ оное внѣ линіи позиціи, впереди, то непріятель, занявъ его, будетъ обстрѣливать всю линію. Возвышеніе же онъ полагалъ укрѣпить люнетомъ и вооружить оный 18 батарейными орудіями. Или могло быть предпочтительнѣе мнѣніе Беннингсена, полагавшаго оставить корпуса на своихъ мѣстахъ, а на возвышеніи сдѣлать сомкнутое укрѣпленіе съ амбразурами кругомъ, вооружить оное 36 батарейными орудіями, съ тремя или болѣе комплектами зарядовъ, вынутыхъ изъ ящиковъ и помѣщенныхъ въ изготовленное для сего безопасное мѣсто, ящики же и всѣхъ лошадей отправить назадъ. Въ такое укрѣпленіе онъ думалъ помѣстить три, или четыре, баталіона. Беннингсенъ доказывалъ выгоду такого распоряженія тѣмъ, что непріятель хорошо устроеннымъ и сильно вооруженнымъ укрѣпленіемъ легко овладѣть не можетъ, что для того ему нужно будетъ употребить особыя усилія и, можетъ быть, цѣлый день, и безъ успѣха еще, тѣмъ болѣе, что у него не было высоты, которая командовала бы этѣмъ пунктомъ, тогда какъ укрѣпленіе могло бить непріятеля по всѣмъ направленіямъ, а все это въ совокупности должно будетъ неминуемо разстроить нападающихъ. [17] Мы же, напротивъ, присовокупляли

скій, не показывая, однако жь, откуда онъ заимствовалъ мнѣніе, выраженное Паскевичемъ» (на совѣтѣ при Смоленскѣ)». По Данилевскій писалъ это при живомъ еще Фельдмаршалѣ; слѣдовательно, упрекъ за это ослабѣвается, а Г. Богдановичъ не упоминаетъ поименно живыхъ, и говоритъ только «другіе» и т. п., и оставляетъ все безъ ссылки.

[17] Тутъ Беннингсенъ упомянулъ о Полтавской битвѣ, въ которой наши передовые редуты разстроили атакующихъ Шведовъ, и тогда на нихъ была сдѣлана общая атака. Мы увидимъ, какъ это укрѣпленіе, въ томъ даже несчастномъ состояніи, въ которомъ оно находилось, озабочивало непріятеля, не иначе называвшаго оное, какъ «terrible, fatale redoute» и т. п.; но невольно сознаешь, что если бы послѣдовали совѣту Беннингсена, то битва имѣла бы совершенно иной исходъ. Дѣйствительно, непріятель разшибся бы объ оное.

онъ, изъ нашихъ линій будемъ дѣйствовать не стѣсняясь и пользоваться всѣми моментами въ нашу выгоду и т. д. Относительно же мнѣнія Толя, который, какъ выше было видно, говорилъ, что непріятель, овладѣвъ высотой, будетъ громить наши линіи, Беннингсенъ возразилъ, что когда уже неотмѣнно должно допустить, что непріятель займетъ этотъ пунктъ, тогда будетъ еще хуже; ибо непріятель получитъ возможность анфилировать наши линіи въ обѣ стороны и довершитъ разстройство войскъ, которыя должны будутъ къ этому времени болѣе или менѣе быть уже въ такомъ положеніи безполезно выдвинутыми подъ сильный непріятельскій огонь. Толь возражалъ, и извѣстно, что Главнокомандующій предпочелъ его мнѣніе. Предсказанія Беннингсена, къ несчастію, буквально оправдались, [18] и укрѣпленіе, не будучи сомкнутымъ, дало возможность даже конницѣ Коленкура временно ворваться въ оный съ тыла. Критическому разсмотрѣнію будетъ предстоять разборъ выводовъ Беннингсена относительно его мнѣнія, и если бы оно было принято, то какого должно было ожидать послѣдствія отъ онаго? Самыя Семеновскія флеши были бы обезпечены. [19]

Г. Богдановичъ, разсуждая о помянутой высотѣ, и приведя вкратцѣ мнѣнія Беннингсена и Толя о родѣ укрѣпленія, присоединяетъ еще третье, но, по видимому, лицо таинственное, конечно, только ему извѣстное, предлагавшее построить на оной «укрѣпленіе въ видѣ бастіона съ полутенаялми по сторонамъ, и присовокупляетъ, что для сего не было ни времени, ни средствъ.»

Вотъ это-то послѣднее и вызываетъ на критическій анализъ слѣдующихъ обстоятельствъ:

---

[18] Помню очень хорошо, когда возвратились по своимъ мѣстамъ съ этой высоты, на которой происходили совѣщанія предъ Кутузовымъ, сидящимъ на скамейкѣ, всѣ опытныя лица отдавали предпочтеніе мнѣнію Беннингсена, но во время пренія всѣ молчали!... Монахтинъ, раздраженный, кажется, вѣрно объяснилъ это присутствовавшимъ, обвиняя Беннингсена; далѣе—молчу.

[19] Въ книгѣ: «Пятидесятилѣтіе Бородинской битвы и пр. 1866 г.», сказано объ этомъ нѣсколько словъ.

Съ самаго мгновенія занятія позиціи, 22 Августа, высота эта была признана ключомъ оной, что подтверждаетъ и нашъ почтенный исторіографъ. А потому спрашивается: по чему же на этотъ пунктъ, которому въ предстоящей битвѣ, по всему видимому, предназначалось играть значительную роль, не было тотчасъ обращено всего вниманія, для устройства на ономъ того или другого укрѣпленія? 22, 23, 24 и за полдень 25 чиселъ тутъ ни чего не предпринималось. На возвышеніи этомъ въ началѣ поставили 12 орудій и потомъ присоединили еще 6 и приготовили ничтожное количество туровъ и фашинъ, на правомъ же флангѣ начали возводить различныя укрѣпленія съ 22 числа; при Горкахъ устроили 23 ч. двѣ батареи и начали шанцы; при Семеновскомъ въ тотъ же вечеръ стали устроивать флеши, а при Шевардинѣ редутъ, который, при появленіи непріятеля 24 ч., не былъ еще совершенно окопченъ; то же самое отчасти было и съ флешами, но объ укрѣпленіи ключа позиціи не было еще и рѣчи. Только послѣ полудня 25 ч. рѣшено было поставить тутъ люнетъ, къ устройству котораго могли приступить около пяти часовъ подъ вечеръ и къ открытію, въ 6 часовъ утра 26 Августа, дѣйствій, онъ остался далеко не оконченнымъ. Слѣдовательно, если бы подумали о бастіонѣ съ полутеналями по сторонамъ, заблаговременно, то было бы и время и средство. А всѣ эти обстоятельства и требуютъ строгаго критическаго разбора, который, надо полагать, долженъ имѣть какіе либо слѣды въ архивахъ, что, съ помощію возможности проникать въ сокровенныя причины дѣйствій, объяснитъ развязку такихъ загадочныхъ распоряженій.

Недокончепность предпринятыхъ работъ на главныхъ пунктахъ позиціи и была единственною причиной, что непріятель, такъ сказать, съ перваго раза овладѣлъ всѣми нашими укрѣпленіями, которыя не разъ переходили изъ рукъ въ руки; то же было и съ Шевардинскимъ редутомъ: ни непріятелю овладѣть оными, ни намъ отбивать ихъ по нѣскольку разъ, не оказалось искуственныхъ препонъ, и только грудь Русскаго солдата, благоразумно и безстрашно предводимая начальниками, составляла единственную твердыню въ этой кровопролитной битвѣ.

Генералъ Богдановичъ находитъ, какъ и нѣкоторые другіе, что позиція наша при Бородинѣ была слишкомъ растянута, что правый флангъ ея долженъ былъ начинаться отъ Горокъ, и тогда два пѣхотныхъ и два кавалерійскихъ корпуса, составлявшіе оный, могли бы усилить настоящую боевую линію отъ Горокъ до Утицы, уменьшивъ такимъ образомъ протяженіе ея на три версты. Оставленное же четырьмя корпусами пространство могло быть наблюдаемо даже однимъ Платовымъ съ его Казаками; ибо, по мѣстности, лежащей предъ нашимъ правымъ флангомъ, нельзя было предполагать, чтобы Наполеонъ предпринялъ что либо важное на этомъ пространствѣ. Это неоспоримая истина, но она требуетъ быть также подверженной строгому критическому разсмотрѣнію, по сложности обстоятельствъ сего заключенія.

Не только что мѣстность, изрѣзанная глубокими и въ перпендикулярномъ направленіи къ нашей позиціи оврагами и, въ томъ же положеніи, длинными извилинами Колочи, затруднила бы движенія непріятельскихъ колоннъ и взаимное ихъ между собой, во время сообщенія для натиска на нашъ правый флангъ, но сдѣсь было еще то главное, что Наполеонъ не имѣлъ бы простора къ маневрированію, будучи для сего стѣсненъ на своемъ лѣвомъ крылѣ теченіемъ Москвы рѣки. Предположивъ съ его стороны даже успѣхъ, и пусть бы онъ оттѣснилъ наше правое крыло, то самый этотъ успѣхъ ни какъ не могъ бы равняться съ тѣми послѣдствіями, которыя онъ имѣлъ въ виду пріобрѣсти на нашемъ лѣвомъ. Правый нашъ флангъ былъ бы отодвинутъ только назадъ, и дорога къ отступленію чрезъ Можайскъ на Москву была бы намъ открыта, и ни въ какомъ случаѣ не могла быть угрожаема, составляя перпендикуляръ къ линіи расположенія нашего праваго фланга. Но увѣнчайся полнымъ успѣхомъ натискъ Наполеона на нашъ лѣвый флангъ, тогда, при малѣйшей оплошности Кутузова, арміи угрожала бы потеря сообщеній по столбовой дорогѣ на Можайскъ, могла (армія) быть стѣснена Москвой рѣкою, и непріятель, форсируя по старой Смоленской дорогѣ, чрезъ Утицу, могъ прійти въ Можайскъ и чрезвычайно затруднить наше положеніе. Но, повторяю опять, что это могло случиться тогда только, когда бы съ нашей стороны вдались въ обманъ; ибо правый флангъ и центръ нашъ были на

кратчайшемъ сообщеніи съ Можайскомъ. Въ свое время ни кто и не думалъ, что непріятель атакуетъ нашъ правый флангъ; всѣ знали, что Наполеонъ великій мастеръ своего дѣла, чтобы предпринять такую нелѣпость и не умѣть воспользоваться шансами, представлявшимися ему въ направленіи къ Утицѣ.

Войска наши, занимавшія правый флангъ въ началѣ сраженія, оставляли свои мѣста (кромѣ 1-го кавалерійскаго корпуса и Платова съ Казаками), и всегда во время поспѣвали туда, куда ихъ направлялъ Кутузовъ, что свѣдѣтельствуетъ и Г. Богдановичъ. Слѣдовательно, въ этомъ еще нѣтъ ни какого повода обвинять его, а по ходу сраженія, позиція наша сама собой вошла въ тѣ предѣлы, т. е., между Горками и Утицею, въ которые критики хотѣли ее включить при первоначальномъ занятіи оной.

Трудно допустить себѣ думать, чтобы Кутузовъ имѣлъ въ виду, на неприступномъ нашемъ правомъ флангѣ, поставить 22-го Августа и оставлять до утра 26-го числа четыре корпуса и Платова съ Казаками, въ томъ предположеніи, что непріятель изберетъ этотъ флангъ для главнаго своего напора. По чему не предположить, что все это было сдѣлано съ тою цѣлію, чтобы заставить Наполеона отдѣлить часть войскъ своихъ отъ замышленнаго имъ натиска на наше лѣвое крыло и лѣвый флангъ центра, давая тѣмъ ему понять, что такое скопленіе войскъ, почти третьей части арміи, на нашемъ правомъ флангѣ, могло угрожать его лѣвому и принять въ данный моментъ, въ свою очередь, наступательное движеніе? Тѣмъ болѣе предположеніе это вѣроподобно, что уже 24 и 25 Августа намѣренія Наполеона въ натискѣ на нашъ лѣвый флангъ сдѣлались очевидны.

Все это болѣе или менѣе прояснится строгимъ разборомъ расположенія непріятеля, какъ предъ битвой, когда онъ еще видѣлъ грозную массу войскъ нашихъ правѣе Горокъ, такъ и тогда, когда войска эти оставляли свои мѣста и направлялись туда, гдѣ ихъ присутствіе оказалось необходимымъ, и наконецъ, какія послѣ сего были передвиженія на лѣвомъ непріятельскомъ флангѣ? Внимательное разсмотрѣніе всѣхъ повѣствователей, въ особенно-

сти непріятельскихъ, объяснитъ это обстоятельство и разъ на всегда опредѣлитъ положительно, было ли распоряженіе это сдѣлано съ намѣреніемъ, или безсознательно, и вдался ли Наполеонъ въ обманъ?

При этомъ, для полноты обсужденія, критику необходимо принять въ соображеніе и слѣдующее: дѣйствительно ли Кутузовъ ожидалъ нападенія на свой правый флангъ и, въ этомъ предположеніи, расположилъ на оном почти третью часть арміи, или онъ думалъ этѣмъ только обмануть Наполеона? Въ томъ или другомъ случаѣ, одинаково замѣчательно, по чему обращено было такое вниманіе къ укрѣпленію этой неприступной части позиціи еще и искуственно? Ибо, какъ я сказалъ выше, всѣ инженерныя части 1-ой арміи отправлены были туда вечеромъ 22 Августа, для возведенія многихъ укрѣпленій, такъ что двѣ батареи и шанцы при Горкахъ, а равно и центральная батарея, поручены были мѣстному Офицеру Генеральнаго Штаба, за неимѣніемъ инженеровъ, занятыхъ преимущественно на помянутомъ флангѣ, и на устройство сообщеній на разныхъ мѣстахъ позиціи, и въ тылу оной, на случай отступленія.

Если возведеніемъ этѣхъ укрѣпленій думали только обмануть непріятеля и показать ему, что мы заботимся объ искуственномъ усиленіи нашего праваго фланга, ожидая нападенія на оный, или, въ случаѣ, что мы должны будемъ перейти въ наступательное движеніе и потерпѣть неудачу, то, чтобы имѣть точку опоры отъ преслѣдованія непріятельскаго, для сего достаточно было бы имѣть половинное число, или еще менѣе, знающихъ дѣло, а остальныхъ употребить тамъ, гдѣ, какъ всѣ предвидѣли, будетъ разыгрываться главная драма предстоящей битвы.

Словомъ, все, что относится до вышеозначенныхъ обстоятельствъ, только тогда получитъ приблизительную вѣроятность, когда будутъ критически разработаны всѣ данныя и матеріялы, съ содѣйствіемъ находящихся еще живыми, можетъ быть и изъ инженеровъ и пр. Иначе все останется голословнымъ, темнымъ, сбивчивымъ.

На стр. 144 говорится о расположеніи войскъ на позиціи и, между прочимъ, сказано: «Пѣхотные полки были построены въ баталіонныхъ колоннахъ, расположенныхъ въ двѣ линіи, такъ что между колоннами оставались интервалы, достаточные для развертыванія ихъ.»

Не знаю, какъ построены были полки въ другихъ корпусахъ; но что касается до 6 корпуса, то утвердительно могу сказать, что первая линія стояла развернутымъ фронтомъ; да какъ же это и могло быть иначе на позиціи, гдѣ изготовлялись къ оборонѣ? Могли ли опытные: Фельдмаршалъ Кутузовъ, Барклай, Багратіонъ, Беннигсенъ и другіе построить войска иначе? [20] Впрочемъ, есть тому еще живые свѣдѣтели, стоявшіе въ фронтѣ 6 корпуса. Объ этомъ нечего и говорить, какъ бы ни утверждали и ни были убѣждены, что Офицеры настоящаго времени лучше прежнихъ: [21] и прежде, точно также, какъ и нынѣ, понятіе о построеніяхъ для обороны или атаки было не чуждо.

На той же 144 страницѣ сказано: «состоявшіе же въ дивизіяхъ егерскіе полки сперва были разсыпаны въ цѣпи впереди фронта боевыхъ линій, а потомъ (когда потомъ?) отступили на позицію, за исключеніемъ двухъ полковъ (какихъ?), стоявшихъ въ лѣсу на правомъ крылѣ, и шести полковъ (опять какихъ?) въ кустахъ между Багратіоновыми флешами и Утицей, которые постоянно дѣйствовали въ разсыпномъ строю.» Объ этомъ говорится не только прежде Бородинской, но и Шевардинской битвы! На стр. 145, тоже прежде Шевардина, опять говорится объ егерскихъ полкахъ: «Егерскіе полки пѣхотныхъ корпусовъ, стоявшихъ въ боевыхъ линіяхъ, были разсыпаны впереди фронта этѣхъ войскъ, кромѣ 20, 21, 11 и 41 полковъ (въ послѣд-

---

[20] Въ диспозиціи, приведенной Г. Богдановичемъ, сказано, что армія располагается въ колоннахъ; но въ дѣйствительности въ колоннахъ стояла только вторая линія: опять повторяю, что говорю о 6 корпусѣ. Да на стр. 145, какъ видно будетъ, самъ же сочинитель говоритъ о предположеніи прикрыть всю первую линію брустверомъ: то вѣдь не колоннами же оборонятся за брустверомъ!

[21] С.-Петербургскія Вѣдомости, № 280, 1859 года.

ствіи поддержанныхъ 49 и 50 полками), кои (въ послѣдствіи чего?) занимали кусты по рѣчкѣ Каменкѣ и влѣво отъ флеши по направленію къ старой Смоленской дорогѣ, и двухъ егерскихъ полковъ, 4 и 34, стоявшихъ въ рощѣ, за правымъ крыломъ, между вторымъ пѣхотнымъ и 1 кавалерійскимъ корпусами». Такое повтореніе, сказанное на предшествующей 144 страницѣ, сбиваетъ читателя; ибо, что такое: прежде, потомъ, въ послѣдствіи? И все это говорится за два дня до Бородинской битвы. Гораздо лучше было бы излагать послѣдовательно дѣйствія, нежели говорить впередъ: это сбивчиво; впрочемъ, и весь разсказъ объ этомъ великомъ днѣ одинаково перепутанъ.

Продолжая описывать приготовленіе на Бородинской позиціи къ оборонѣ, сказано (стр. 145): «предположено было прикрыть брустверами всю пѣхоту, стоявшую въ первой линіи, но это намѣреніе осталось безъ исполненія». Опять безъ ссылки, и то же затрудненіе сдѣлать оную. [22]

Говоря о рѣшительности Кутузова ожидать непріятеля на Бородинской позиціи, Генералъ Богдановичъ, конечно, по своему умозаключенію (ибо нѣтъ ссылки), присовокупляетъ (стр. 164), что онъ (Кутузовъ) «не могъ льстить себя надеждой одержать рѣшительную побѣду; но для него достаточно было удержаться въ своей позиціи и преградить непріятелю путь къ Москвѣ». А если бы Кутузовъ успѣлъ въ этомъ вполнѣ, то развѣ это не было рѣшительною побѣдой? Отразить непріятеля отъ позиціи и преградить путь къ Москвѣ, чего же нужно было болѣе? А наконецъ, какое ручательство было и въ томъ, что онъ

---

[22] Отъ Горокъ противъ Псковскаго, а частію Московскаго, мушкетерскихъ полковъ, ровъ, если какъ тогда названо было, шанцы уже были сдѣланы, а далѣе мнѣ приказано было прекратить по тому только, чтобы не утомлять людей, предполагая употребить на работу ополченіе; а когда вечеромъ, 25 Августа, лѣвый флангъ 6 корпуса долженъ былъ податься впередъ къ центральной батареѣ, оставивъ лѣвый у Горокъ, то предположеніе продолжать шанцы далѣе было и вовсе оставлено; даже и то пространство, на которомъ они были уже проведены, пришлось разрушать; ибо они перерѣзывали линію полковъ, въ особенности Московскаго.

удержится на позиціи? Въ слѣдъ за послѣдними словами онъ присовокупляетъ еще: «И даже не рѣшительное сраженіе было выгодно для Русскихъ, по тому что заставляло Наполеона снова искать боя.» Смысла послѣднихъ словъ рѣшительно не понимаю. Во всякомъ случаѣ, по моему мнѣнію, подобное разсужденіе, пожалуй, могло бы имѣть свое мѣсто по окончаніи битвы, но отнюдь не прежде.

Въ заключеніи диспозиціи Князя Кутузова было сказано (стр. 169): «Возлагая все упованіе на помощь Всесильнаго и на храбрость Русскихъ воиновъ, при счастливомъ отпорѣ непріятельскихъ силъ, дамъ повелѣнія на преслѣдованіе, для чего и буду ожидать безпрестанныхъ рапортовъ о дѣйствіяхъ, находясь за 6 корпусомъ.» [23]

По повѣствованію Генерала Богдановича, Кутузовъ представляется первымъ нарушителемъ своей диспозиціи: Кутузовъ (говоритъ и онъ, стр. 177) «на разсвѣтѣ отправился изъ Татариновой въ Горки, гдѣ и находился, вмѣстѣ съ Генераломъ Беннингсеномъ, до самого конца битвы.» Неправда! Кутузовъ былъ вѣренъ своей диспозиціи: онъ былъ съ разсвѣтомъ дня у Горокъ, и отправился, какъ назначилъ, за 6 корпусъ, около версты отъ 2 линіи, куда я неоднократно былъ посылапъ къ нему съ донесеніемъ отъ Генераловъ Дохтурова и Капцевича. Около полудня онъ появился на нѣкоторое время опять у Горокъ, и потомъ, до конца сраженія, оставался тамъ, гдѣ назначилъ это диспозиціей. Въ пять часовъ, будучи посланъ къ нему въ этотъ день въ послѣдній разъ, я нашелъ его на томъ же мѣстѣ. Это могутъ подтвердить, кромѣ меня, и другіе, находящіеся еще въ живыхъ и посылавшіеся къ нему съ донесеніями. Ни Бутурлинъ, ни Михайловскій-Данилевскій, никто, какъ мнѣ извѣстно, не гово-

---

[23] Стр. 172: «На пространствѣ квадратной мили находилось двѣсти пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, болѣе шестидесяти тысячъ лошадей и болѣе тысячи двухсотъ орудій.» Не приличнѣе ли было въ Русской Отечественной книгѣ опредѣлить квадратъ верстами, или, по крайней мѣрѣ, назвать, какая миля: Англійская, Итальянская, Нѣмецкая, Шведская, или какая другая?

рить того, что повѣствуетъ Г. Богдановичъ. [24] И можно ли допустить самую мысль о томъ, чтобы Кутузовъ, въ этотъ рѣшительный день, удалился отъ театра главныхъ дѣйствій Утицы: Семеновскаго и центральной батареи, на оконечность праваго фланга центра, гдѣ не было ни какой нужды ему находиться, послѣ того, какъ онъ предписалъ движеніе Платова и Уварова? А при томъ это было бы и безразсудно; ибо хотя на Горки постоянно и не сосредоточивалось сильныхъ батарей, какъ на Семеновское и на центральную батарею, однако же по временамъ были направляемы непріятельскія орудія и на этотъ пунктъ, въ особенности послѣ окончательнаго овладѣнія центральною батареей, когда конница атаковала 7 дивизію, канонада была очень живая. Слѣдовательно, повторяю, Кутузову было бы безразсудно, какъ Главнокомандующему, и по одному этому, въ продолженіе цѣлаго дня, подвергать себя болѣе или менѣе усиленной канонадѣ.

Въ слѣдъ за приведенными строками Генералъ Богдановичъ присовокупляетъ: «Какъ успѣхъ боя рѣшался на лѣвомъ крылѣ и въ центрѣ, то нашъ Главнокомандующій не могъ имѣть непосредственнаго вліянія на ходъ сраженія, [25] тѣмъ болѣе, что преклонность лѣтъ заставляла его постоянно оставаться на мѣстѣ и ограничиваться распоряженіями, которыя, по отдаленію его отъ пунктовъ рѣшительной непріятельской атаки, не всегда были своевременны.» Да по чему же не приведено ни чего въ примѣръ этому? Обвиненіе голословное! Сочинитель продолжаетъ послѣ точки: «Это обстоятельство, лишивъ нашу армію необходимаго единства въ дѣйствіяхъ, оказало невыгодное вліяніе на ходъ сраженія.» Здѣсь опять ссылка на Гоффмана, стр. 54. Но вотъ что замѣчательно, что послѣ такого обвиненія, Г. Богдановичъ, на стр. 226, говоря о неправильности занятія позиціи и

---

[24] Генералъ отъ Кавалеріи Монтрезоръ, бывшій тогда Адъютантомъ Кутузова, можетъ свѣдѣтельствовать это, тоже Генералъ-Адъютантъ Граббе; да есть еще, повторяю, и другіе: имъ должно дать болѣе вѣры, нежели Клаузевицу, Гоффману и т. под.

[25] Самъ Тьеръ ни чего сильнѣе не сказалъ противъ Кутузова. Здѣсь онъ показанъ совершенно ничтожнымъ.

расположенія на ней войскъ, повторяя опять обвиненія Кутузова за то, что онъ (только въ воображеніи сочинителя) былъ цѣлый день у Горокъ, смягчился къ старцу и говоритъ: «...Кутузовъ во все продолженія боя, находясь у Горокъ, не могъ имѣть непосредственнаго вліянія на ходъ дѣла (и вдругъ), но всѣ его распоряженія были весьма основательны.» Надо полагать, что почтенный сочинитель позабылъ сказанное имъ на 177 страницѣ (см. выше). Что же, наконецъ, все это значитъ? Какъ все это назвать и чему вѣрить? Сдѣсь еще можно было бы привести и послѣдующія строки, въ которыхъ говорится, что «невыгодное первоначальное расположеніе арміи то же не имѣло вліянія; ибо всѣ части во время поспѣвали къ надлежащему мѣсту.» Дѣйствительно, какъ очень справедливо сказалъ почтенный сочинитель замѣчательной статьи: «Недоумѣнія, возбужденныя чтеніемъ Исторіи Отечественной войны 1812 года, соч. Г. Богдановича»: [26] «книга невольно выпадаетъ изъ рукъ.» Но довольно объ этомъ, а то можно зайти далеко. Спрашиваю только: въ чемъ же Кутузовъ виноватъ, если и съ этого пункта всѣ его распоряженія были основательны и всѣ направляемыя имъ части во время поспѣвали?

Относительно Беннингсена такая же небылица. Беннингсенъ безпрерывно являлся, въ продолженіе цѣлаго дня, на разныхъ пунктахъ битвы. О. П. Глинка, близко видѣвшій все то, что описываетъ, свѣдѣтельствуетъ (Очерки Бородинской битвы, ч. II, стр. 21, 76, 77), что Беннингсенъ, въ самыя жаркія схватки, явился на лѣвомъ флангѣ, и присовокупляетъ, что, «въ самый разгаръ битвы, за реданты и за редантами (Семеновскія) Беннингсенъ прискакавъ, вмѣстѣ съ Барклаемъ, ободряли войска» и пр. Почтенный сочинитель «Очерковъ» не только что видѣлъ тутъ Беннингсена, но передаетъ и слышанный имъ разговоръ и т. д. Словомъ, всѣ бывшіе въ этой исполинской битвѣ могутъ свѣдѣтельствовать, что видѣли побѣдителя при Прейсиш-Эйлау на Бородинскихъ поляхъ во всѣ критическіе моменты; одинъ только

[26] Статья помѣщена въ «Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ». Кн. третья, 1866 г.

Генералъ Богдановичъ, полвѣка спустя, видитъ его цѣлый день въ Горкахъ!

Далѣе, на 177-й страницѣ, сказано: «По утру, въ исходѣ 9-го часа, правая Французская батарея Генерала Сорбье... открыла огонь, вмѣстѣ съ выдвинутыми на одну съ нею высоту батареями Генерала Пернети.» Значитъ, что дѣло началось въ исходѣ девятаго часа. Но на страницѣ 179 сказано: «Одновременно съ началомъ упорнаго боя на Семеновскихъ высотахъ, Вице-король атаковалъ Бородино. Въ шесть часовъ утра, вмѣстѣ съ открытіемъ канонады, направлены были.... войска на Бородино» и т. д. Сдѣсь обозначенъ уже не исходъ девятаго часа, а шесть часовъ утра. Я искалъ, нѣтъ ли въ опечаткахъ исправленія той или другой цифры, но тщетно. Несомнѣнно, что одна изъ цифръ выставлена ошибочно; ибо въ разныхъ мѣстахъ далѣе говорится о разгарѣ битвы въ седьмомъ, въ осьмомъ часу; тѣмъ не менѣе этотъ недосмотръ, вмѣстѣ съ множествомъ подобнаго, доказываетъ, по крайней уже мѣрѣ, въ высшей степени небрежность.

Описывая атаку на Бородино, защищаемое гвардейскими егерями, между прочимъ сказано (стр. 180): «Барклай де Толли, находившійся тогда, съ своей свитой, на Горицкой батареѣ, направилъ противъ непріятеля 1-й егерскій полкъ Полковника Карпенки (II-й дивизіи) и егерскую бригаду Полковника Вунча (19-й и 40 егерскіе полки 24-й дивизіи)» и т. д.

Нѣтъ ссылки, откуда это почерпнуто. Михайловскій-Данилевскій упоминаетъ о Карпенкѣ съ 1-мъ егерскимъ полкомъ, и о Вунчѣ съ 19-мъ и 40-мъ. Бутурлинъ же говоритъ объ одномъ только Вунчѣ съ его двумя полками. Но главное въ томъ, что Г. Богдановичъ говоритъ, что «Барклай де Толли направилъ 1-й егерскій полкъ Карпенки и Вунча съ 19-мъ и 40 мъ егерскими полками.» Вмѣстѣ съ тѣмъ приводитъ донесеніе Барклая де Толли Князю Кутузову о Бородинской битвѣ, гдѣ нѣтъ и рѣчи о Карпенкѣ, [27] а говорится (стр. 553): «Я приказалъ Полковнику Вунчу,

---

[27] Значитъ, что это вставлено самимъ сочинителемъ въ донесеніе Барклая. Такія дополненія замѣчены прежде меня другими.

начальнику егерской бригады 24-й дивизіи, атаковать сего непріятеля въ правый флангъ. Сей храбрый Офицеръ ударилъ въ штыки, и вмигъ, перешедшій на нашъ берегъ, непріятель былъ опрокинутъ. Лейбъ-гвардіи егерскій полкъ присоединился къ сей бригадѣ и прогналъ опять непріятеля за рѣку; мостъ же сожгли до основанія, не взирая на сильный огонь непріятельскій.»

Изъ сего каждый безпристрастный читатель усмотритъ, какъ необходима была ссдѣсь сылка и даже критическое изслѣдованіе показаній, между собою не согласующихся. Это важно еще тѣмъ болѣе, что Генералъ Богдановичъ, не смотря на авторитетъ Барклая де Толли, пишетъ другое, а откуда взятое, про то знаетъ только онъ и Аллахъ!

Замѣчу сдѣсь мимоходомъ: гдѣ же былъ Кутузовъ въ это время? Вѣдь, какъ замѣчено выше, онъ долженъ былъ находиться тутъ же, на Горицкой батареѣ? По это уже почти придирки, хотя на основаніи двухъ предисловій и можно требовать самой тщательной отчетливости, или только бы одпаго согласованія тѣхъ обстоятельствъ, которыя описываются въ разныхъ мѣстахъ. Пусть правильно или нѣтъ, все равно, было бы только гладко! [28]

Сдѣсь не лишне еще разъ сказать, что, не бывши въ томъ сраженіи, которое описываемъ, и блуждая въ матеріялахъ, во множествѣ объ ономъ имѣющихся, трудно, или едва ли возможно, распутать разногласія, встрѣчающіяся на каждомъ шагу, хотя всѣ этѣ разнорѣчія справедливы относительно своего основанія. Такъ, на примѣръ, нѣтъ ни чего проще, какъ объяснить помянутое разногласіе въ показаніяхъ о Карпенкѣ и Вунчѣ; но это можетъ сдѣлать только тотъ, кто былъ свѣдѣтелемъ.

Вотъ развязка этому: 25-го Августа, когда сооружалась центральная батарея на курганѣ, отъ котораго начинается узкая, бо-

---

[28] Что касается вниманія Г. Богдановича, на согласованіе одного и того же событія, въ одной и той же книгѣ, то это положительно доказано въ 199 нумерѣ Русск. Инв. 1858 г. четырьмя статьями Военно-Энциклопедическаго Лексикона, издававшагося подъ его редакціею.

лѣе оврагоподобная, потомъ постепенно расширяющаяся, лощина или балка, къ правому берегу Колочи, и, сходясь съ Горицкой, оканчивается противъ Бородина; то въ лощинѣ этой, саженяхъ въ двадцати отъ кургана, вооруженнаго 18-ю орудіями, приказано было поставить два орудія [29] батарейной роты Веселицкаго, для обстрѣливанія оврага. Начальникъ же Штаба 6-го корпуса, Полковникъ Монахтинъ, по распоряженію Барклая, приказалъ мнѣ поставить егерскую бригаду Вунча, на половинѣ пути отъ помянутыхъ двухъ орудій Вальца и села Бородина, занятаго гвардейскими егерями, что разумѣется было тотчасъ исполнено и о томъ донесено. Слѣдовательно, Барклай де Толли зналъ, что Вунчъ ближе всѣхъ къ Бородину, а о точномъ мѣстопребываніи Карпенки, съ 1-мъ егерскимъ полкомъ, разсыпанными вмѣстѣ съ другими въ кустарникахъ по Колочѣ, могъ и не знать, между тѣмъ какъ полкъ Карпенки, вмѣстѣ съ 18-мъ егерскимъ полкомъ, находились влѣво отъ устья помянутой балки, идущей отъ кургана. По первымъ выстрѣламъ въ Бородинѣ, Карпенко; съ 1-мъ баталіономъ, бросился къ оному, а въ слѣдъ за нимъ поспѣшилъ туда же и Вунчъ, съ своимъ 19 егерскимъ полкомъ, до полученія еще приказанія отъ Барклая де Толли. Когда же приказаніе это было передано, то и Созоновъ, съ 40 егерскимъ полкомъ, присоединился къ 19-му егерскому полку.

Отъ жреца истины, рѣшившагося писать безпристрастно и о своихъ и о непріятелѣ, не должно быть скрыто одно обстоятельство, которое ему могли бы подтвердить очевидцы, если онъ, какъ говоритъ въ Предисловіи, дѣйствительно прислушивался къ ихъ разсказамъ: что гвардейскіе егеря, занявъ Бородино, обрадовались, найдя въ богатомъ селѣ этомъ пространныя бани, и захотѣли воспользоваться ими по очереди. Въ то самое время, когда Французы сдѣлали нападеніе, цѣлый баталіонъ былъ въ баняхъ. Вотъ настоящая причина потери и

---

[29] Съ орудіями былъ Прапорщикъ Вальцъ 2-й (Александръ), и мѣсто онымъ показалъ дивизіонный Квартирмейстеръ 24 дивизіи, П. П. Бронинъ, который, при первой атакѣ курганной батареи, 26 числа, былъ раненъ ядромъ въ обѣ ляжки.

30-ти Офицеровъ и половины людей. Многіе, выскочивъ изъ бани, успѣли надѣть только суму и схватить ружье, и такъ вступили въ бой. Нѣсколько въ такомъ видѣ найдены были убитыми. [30] Полвѣка прошло, къ чему скрывать истину, какъ почтенный сочинитель выразился при описаніи Московскаго пожара. Вся армія знала этотъ несчастный случай, и онъ могъ бы найти мѣсто въ приложеніяхъ.

Стр. 183: «Графъ Воронцовъ былъ тяжело раненъ штыкомъ.» Это откуда? Гдѣ ссылка? Нѣтъ ея, какъ большею частію, гдѣ сочиняется обѣщанное новое!

Въ 1812 году я былъ въ первой арміи, но имя Графа, хотя и находившагося во второй, было извѣстно всѣмъ, и какъ онъ былъ раненъ, тоже. Съ начала же 1813 года по исходъ 1818 я былъ съ нимъ неразлучно. То же самое опять съ половины 1823 до начала 1828 года. Неоднократно заходила рѣчь о Бородинской битвѣ, и съ нимъ и съ его Адъютантами; но я никогда не слыхалъ о штыкѣ. Еще болѣе: я прожилъ три года во Франціи вмѣстѣ съ М. А. Маркусомъ (въ послѣдствіи Лейбъ-Медикомъ), перевязывавшимъ Графа на самой батареѣ, какъ это было всѣмъ извѣстно, и отъ него не слыхалъ о штыкѣ, да и не могло быть рѣчи о штыкѣ: всѣ знали рану Князя Воронцова. Прочитавъ въ настоящей книгѣ, что Воронцовъ раненъ штыкомъ, я остановился въ недоумѣніи, но, увидѣвъ, что нѣтъ ссылки, рѣшился получить ее изъ первыхъ рукъ, и написалъ М. А. Маркусу, зная, что онъ, кромѣ удивительной памяти, имѣетъ еще журналъ, и просилъ его разрѣшить мое недоумѣніе. Онъ, тоже больной, на другой день прислалъ мнѣ записку, съ выпиской изъ своего дневника, слѣдующаго содержанія: «Графъ Воронцовъ былъ раненъ пулею въ бедро; пуля проникла глубоко до бедренной артеріи, но не повредила оной, по тому что, при перевязкѣ Графа на батареѣ, я вытащилъ пулю съ рубашкой, и тогда пальцемъ въ глубинѣ раны могъ ощупать бьющуюся артерію. Когда поса-

---

[30] Есть еще нѣкоторыя подробности сему происшествію, но полагаю излишнимъ говорить о нихъ.

дилъ я Графа на телѣжку и прощался съ нимъ, ядро разбило переднее колесо.» Подписалъ: «Маркусъ, исправлявшій должность дивизіоннаго Доктора 27-й дивизіи Генерала Невѣровскаго.» И такъ, откуда заимствовано свѣдѣніе, что Графъ раненъ штыкомъ? Ужь не изъ сказки ли Керъ-Портера, или кто другой подшутилъ? [31] Но, можетъ быть, почтенный сочинитель думалъ придать этѣмъ Графу болѣе славы, самоотверженія. Но это трудъ напрасный: Графъ Михайло Семеновичъ былъ слишкомъ извѣстенъ въ этомъ отношеніи, и прежде Европейскихъ войнъ и послѣ оныхъ на Кавказѣ, когда онъ былъ уже Главнокомандующимъ, а не дивизіоннымъ начальникомъ, какъ при Бородинѣ, не разъ бравшись за шашку съ невозмутимостью, его всегда отличавшею. [32] Въ Бородинѣ не представлялось ему случая быть раненымъ штыкомъ

---

[31] Также сказано, что Тучковъ 4-й убитъ ядромъ, и опять безъ ссылки. Но какъ я зналъ Александра Алексѣевича лично, служивъ вмѣстѣ всю Шведскую войну и бывъ знакомъ со всѣми Офицерами Ревельскаго полка, то на другой день въ Можайскѣ, проѣзжая мимо полка, я завернулъ въ оный, и мнѣ говорили, что онъ убитъ пулею прямо въ лобъ чрезъ шляпу, и что Адъютантъ его, Миллеръ, раненый тоже пулей, былъ убитъ ядромъ, когда его несли, и о другихъ знакомыхъ. Но подобной ссылки, какъ о Графѣ, представить не могу; это дѣло исторіографа. Между тѣмъ подобныя сказки дѣлаются достояніемъ Исторіи! А доказательство тому—«Русскій Вѣстникъ» (Генварь, 1862 г., стр. 159), конечно, со словъ Г. Богдановича, ранитъ Князя Воронцова также штыкомъ. Изъ иноземцевъ, сколько мнѣ извѣстно, только одинъ Керъ-Портеръ говоритъ о такой ранѣ.

[32] Въ продолженіе всей моей боевой жизни мнѣ встрѣчалось видѣть много храбрыхъ (я разумѣю тутъ и мужество и сохраненіе присутствія духа въ величайшихъ опасностяхъ), но такія качества, какъ въ Князѣ Воронцовѣ, я встрѣтилъ только у Барклая де Толли и у Графа П. П. Палена. Въ нихъ не замѣчалось ни какого измѣненія ни въ рѣчахъ, ни въ расположеніи духа, ни въ движеніяхъ, ни въ самыхъ физіономіяхъ. Осыпаемые картечью и пулями, они не измѣняли своего положенія, какъ и въ кабинетѣ среди мирныхъ занятій и пр. Многіе и очень многіе не уступали имъ въ храбрости среди величайшихъ опасностей; но одни дѣлались веселѣе, другіе мрачнѣе, одни измѣняли голосъ, отдавали приказаніе голосомъ болѣе громкимъ, нежели обычнымъ; другіе дѣлались молчаливѣе, въ физіономіяхъ нѣкоторыхъ замѣчалось необычное, и всѣ не оставляли опасностей даже тогда, когда бы могли болѣе отдалиться отъ нихъ. Словомъ, исключая названныхъ выше трехъ лицъ, во всѣхъ другихъ видны

такъ, какъ былъ раненъ Тучковъ 3-й подъ Лубиномъ, Лихачовъ (прикладомъ), тоже дивизіонный начальникъ, подъ Бородиномъ.

На стр. 184: «Новороссійскіе драгуны (а по другимъ свѣдѣніямъ кирасиры Дуки) овладѣли конною батареей.» Что же это значитъ? Въ Исторіи Отечественной войны, написанной по достовѣрнымъ источникамъ, не извѣстно, кѣмъ совершенъ описываемый подвигъ! Если бы онъ былъ совершенъ непріятелемъ, то это еще кое-какъ, но собственными нашими войсками!! «Новороссскіе драгуны, а по другимъ свѣдѣніямъ кирасиры Дуки, овладѣли непріятельскою конною батареей!» Подвигъ немаловажный! А въ Отечественной войнѣ, для изложенія которой Г. Богдановичъ получилъ всѣ средства, это событіе должно быть опредѣлено положительно. Какое впечатлѣніе сдѣлаетъ такое повѣствованіе на участниковъ подвига, если есть изъ нихъ живые, или на сыновей, которымъ отцы передавали свои дѣла, въ этотъ ужасный день, ими совершенныя? Генералу Богдановичу открыты были всѣ Архивы. Въ сомнительныхъ случаяхъ онъ могъ прибѣгнуть къ формулярамъ того времени, и затрудненіе въ опредѣленіи полка исчезло бы. При томъ же: что такое кирасиры Дуки? Подъ его начальствомъ былъ не одинъ полкъ: который же изъ нихъ совершилъ подвигъ? Если тотъ, котораго онъ былъ шефомъ, то такъ бы и сказать, а то мракъ и мракъ!

Но еще лучше: чрезъ десять строкъ сдѣлана ссылка подъ № 11; я заглянулъ въ нее съ намѣреніемъ, не добьюсь ли толку, и вотъ что нашелъ (стр. 541): «Рапортъ Князю Кутузову Генералъ-Маіора Графа Сиверса, отъ 26-го Сентября, за № 278 (В. Т. Депо № 29, 177), Bernhardi 11, 70, 71, Hoffmann 50» (!).

Помилуйте же! Сдѣсь, конечно, рапортъ Графа Сиверса, доносящаго о своихъ дѣйствіяхъ, долженъ былъ быть достовѣрнѣе

были впечатлѣнія, борьба естественная при видѣ смерти съ долгомъ, съ честію, которые силою души торжествовали надъ животной природой человѣка... Сдѣсь длинно и неумѣстно было бы приводить всѣ тѣ замѣчанія, которыя я могъ собрать объ этомъ предметѣ, съ приложеніемъ ихъ къ личностямъ и т. д.

Бенигарди и даже Гофмана, находившагося на лѣвомъ флангѣ при Утицѣ; слѣдовательно, далеко отъ описываемаго подвига, и во всякомъ случаѣ въ текстѣ должно было назвать положительно полкъ, и если иноземцы, и даже наши писатели, приписывали подвигъ другимъ полкамъ, то, пожалуй, можно было упомянуть въ приложеніи и разсмотрѣть критически, но по другимъ; въ подобномъ случаѣ, повторяю, въ текстѣ неловко; рапортъ Графа Сиверса, начальника части дивизіи въ свое время, отчетъ начальству, есть фактъ несокрушимый.

Стр. 186: «Герой Багратіонъ, Генералъ по образу и подобію Суворова, какъ называлъ его Графъ Растопчинъ.» Гдѣ и когда такъ названъ Багратіонъ Графомъ Растопчинымъ, любопытно было бы указать по странности выраженія. Положимъ, еще можно допустить по образцу, но не по образу, а еще менѣе подобію. Это выраженіе, взятое изъ книги Бытія, вовсе не йдетъ, и въ особенности безъ ссылки, которою это неловкое выраженіе Господинъ Профессоръ спустилъ бы съ своей отвѣтственности.

Въ слѣдъ за помянутыми словами, на этой же страницѣ: «Пораженный (Багратіонъ) въ ногу картечною пулею, раздробившею ему берцовую кость» и т. д. Подъ словомъ картечь въ мое время понимали извѣстное число пуль, правильно сложенныхъ и обвязанныхъ сѣткой изъ проволоки, или также уложенныхъ въ жестяную форму. Слѣдовательно, ранить картечью, значитъ ранить пулею. [33] Это поясненіе едва ли не лишнее; лучше было бы сказать, въ которую ногу, по тому что въ рапортѣ Кутузова Государю (стр. 230) сказано просто: «Багратіонъ раненъ пулею въ лѣвую ногу.» Сдѣсь, конечно, должно полагать, что ружейною; ибо, въ противномъ случаѣ, по тогдашнему понятію, было бы сказано картечью, а Михайловскій-Данилевскій (т. II, стр. 219) говоритъ, что «черепокъ чугуннаго ядра [34] ранилъ Князя

---

[33] Что въ другихъ случаяхъ Г. Богдановичъ и соблюдаетъ, какъ, на пр., (т. 1, стр. 300) онъ говоритъ просто, что Генералъ Филисовъ былъ раненъ картечью, и многіе другіе.

[34] Сдѣсь тоже замѣчательное выраженіе: вмѣсто гранаты — чугунное ядро! Въ этомъ случаѣ Казаки правильнѣй выражаются, называя ихъ просто—чугунки.

Багратіона въ правую ногу и пробилъ переднюю часть берцовой кости.» Хотя чрезъ нѣсколько страницъ говоритъ (стр. 255), что онъ былъ раненъ уже не въ правую, а «въ лѣвую,» и уже не черепкомъ чиненаго ядра, а «пулей.»

Между тѣмъ, какъ оба исторіографа не прибѣгли къ источнику, болѣе другихъ вѣрному, а именно, къ «Запискамъ о походахъ 1812, 1813 и 1814 годовъ, Князя П. Б. Голицына,» находившагося на ординарцахъ при Князѣ Багратіонѣ, и на стр. 16-й описавшаго этотъ моментъ слѣдующими словами: «Въ 11 часовъ утра, обломокъ гранаты ударилъ нашего возлюбленнаго Генерала въ ногу и сбросилъ его съ коня.» Князь П. Б. Голицынъ есть лучшій свѣдѣтель, тѣмъ болѣе еще, что онъ отвезъ раненаго Главнокомандующаго въ Симу, имѣніе отца своего, гдѣ Князь Петръ Ивановичъ и скончался, 2-го Сентября.

«Когда Кутузову донесли о ранѣ Багратіона, то, «обратясь (стр. 186) къ находившемуся въ его свитѣ Герцогу Александру Виртембергскому, Кутузовъ предложилъ ему начальство надъ 2-ю арміею; но едва лишь Герцогъ успѣлъ отправиться на лѣвое крыло, начальство надъ 2-ю арміею было поручено Генералу Дохтурову.»

Отъ кого же послѣдовала эта перемѣна? Сочинитель обѣщаетъ проникать въ сокровенности, а это обстоятельство не долженствовало оставаться темнымъ, или лучше было бы совсѣмъ не упоминать о назначеніи Герцога, отправившагося уже на мѣсто чести. Онъ доказалъ свои военныя дарованія при Данцигѣ. Не надо также забывать и то, что онъ былъ родной дядя Императора Александра. Безъ поясненія этого обстоятельства могутъ быть многіе толки. Память его должна быть очищена отъ тѣни, набрасываемой приведенными словами, которыя могутъ дать пищу многимъ перетолкованіямъ.

На этой же 186 страницѣ четвертое замѣчаніе: Г. Богдановичъ изобразилъ ужасы битвы при Семеновскомъ словами: «Гулъ орудій, призывы начальниковъ, побѣдные клики, стоны раненыхъ,

сливаясь съ перестрѣлкою и съ звуками холоднаго оружія, напоминали воображенію послѣдній день міра.»

Я не поэтъ, а по тому ни какъ не понимаю, чтобы воображенію могло напоминать о томъ, чего еще не было. Могло представлять воображенію—это другое дѣло. [35] Относительно же картины битвы, то изображенная сдѣсь должна уступить краснорѣчивости воображенія о семъ Керъ-Портера (р. 154), также, какъ и Г. Богдановичъ, не видавшаго онаго. Этѣ слова: «напоминали воображенію послѣдній день міра» равносильны, если еще не превосходятъ выраженія Михайловскаго-Данилевскаго (т. II, стр. 196, изд. 1841 г.): «Ночь освѣтила новые пожары» (!). Если бы не предъявлено было Генераломъ Богдановичемъ притязанія на достовѣрность и непогрѣшимость своей Исторіи, то этѣ слова могли бы быть и не замѣченными; но сдѣсь рѣчь идетъ о томъ, что не всѣ же читатели не понимаютъ дѣла и будутъ довольствоваться только предисловіемъ и журнальнымъ воспѣваніемъ.

Стр. 191: «Наконецъ дѣло было рѣшено сдѣсь атакой во фланъ непріятелю Ахтырскаго гусарскаго полка (вооруженнаго пиками, по увѣренію Шрекенштейна и Бернгарди).»

Что же и это? Опять достовѣрная Исторія не можетъ опредѣлить, какимъ оружіемъ нашъ Гусарскій полкъ былъ вооруженъ? Ну просто было бы сказать уже пиками, не упоминая свѣдѣтельства двухъ иноземныхъ Нѣмцевъ о вооруженіи нашихъ войскъ! Можно допустить ихъ сужденіе о битвѣ, но стыдно намъ не знать, чѣмъ мы были вооружены. Знаютъ же и не одни только Профессоры военныхъ наукъ, чѣмъ были вооружены Скивы, Амазонки, Евреи, Египтяне, Греки, Римляне, Галлы и пр., по

---

[35] Впрочемъ, нѣдь какой-то Нѣмецъ, независимо отъ «Космоса,» составляетъ міръ въ стаканѣ; значитъ, что онъ знаетъ, какъ онъ сотворенъ (см. Русск. Инв. 1866 г.), а какъ оканчивается, разсказано Барономъ Брамбеусомъ, съ іероглифовъ, найденныхъ имъ въ одной изъ пещеръ Мелвѣжьяго острова.

довольно! Пожалуй, если было нужно и сдѣсь упомянуть Бергарди и Шрекенштейна, какъ авторитетъ о вооруженіи нашего полка, то, для куріоза, сказать бы въ примѣчаніяхъ, но ни какъ не въ текстѣ; а если полкъ былъ дѣйствительно вооруженъ пиками, то и имена этѣхъ лицъ излишни, развѣ только для увеличенія цифры ссылокъ.

Стр. 192. «Къ счастію, густая пыль, поднявшаяся столбомъ при кавалерійскихъ атакахъ, и дымъ отъ выстрѣловъ многочисленной артиллеріи, которой большая часть (какъ увѣряютъ, до семисотъ орудій) была сосредоточена съ обѣихъ сторонъ въ окрестностяхъ Семеновскаго, не позволили непріятелю видѣть, до какой степени было разстроено и ослаблено лѣвое крыло нашей арміи.»

Кто же увѣряетъ?.. Во всемъ параграфѣ, оканчивающемся на слѣдующей страницѣ, нѣтъ ссылки даже ни на Бергарди, ни на Шрекенштейна. Между же тѣмъ это важное событіе должно быть основано на фактѣ, а не на голословномъ: какъ увѣряютъ, и засвѣдѣтельствовано разстройство и ослабленіе лѣваго крыла нашей арміи.

Описывая дѣйствіе при Утицѣ, сказалъ (стр. 193): «Тучковъ, пользуясь бездѣйствіемъ непріятеля, отвелъ свои войска назадъ, и расположилъ ихъ на болѣе выгодной позиціи, близъ высокаго кургана, на которомъ, по тѣснотѣ его вершины, можно было поставить только четыре батарейныхъ орудія» и т. д.

На страницѣ же 203 говорится опять объ этомъ курганѣ, доставшемся непріятелю и который мы вновь заняли: «Лишь только дружными усиліями нашихъ войскъ непріятель былъ сброшенъ съ кургана, мы поспѣшно взвезли на оный шесть батарейныхъ орудій и, поставя ихъ на уменьшенныхъ интервалахъ, открыли пальбу» и т. д.

На стр. 193 было сказано, что «по тѣснотѣ вершины кургана, можно было поставить только четыре батарейныхъ орудія», а сдѣсь помѣщается шесть, правда на уменьшенныхъ интерва-

лахъ; но по чему же это не сдѣлано прежде, а утвердительно сказано, что можно было помѣстить только четыре? Если бы еще присовокуплено было, что эти орудія размѣщены были на указанную для ученья дистанцію, орудіе отъ орудія, это было бы понятно. Понятно и то, что тамъ, гдѣ поставлено двѣнадцать орудій, два могутъ, иногда, найти еще мѣсто; но тамъ, гдѣ, по тѣснотѣ вершины, можно было поставить только четыре, трудно найти мѣсто еще двумъ. Подобные промахи очень часто случаются у компиляторовъ, пишущихъ по разнымъ запискамъ, не согласивъ оныхъ, и сдѣсь это видимо. Такой обмолвки очень хорошо можно было бы избѣгнуть, сказавъ въ первый разъ просто, что было поставлено четыре орудія, а въ другой разъ и шесть, пожалуй, съ прибавкой, на уменьшенныхъ интервалахъ; но такъ, какъ это сдѣлано, очень неловко.

Сдѣсь замѣчательно то, что ссылка (25 гл. XXII) о возможности помѣщенія на курганѣ только четырехъ орудій еще болѣе для меня непонятна; вотъ она (стр. 542): «Hoffmann 52, 53 и 58. Bernhardi II, 73. Коновницынъ, въ рапортѣ Кутузову, писалъ... что на курганѣ были поставлены шесть орудій роты Полковника Глухова» (!).

За чѣмъ говорить изъ Гофмана и Бернгарди, а не изъ офиціяльнаго донесенія Коновницына?! Опять повторяю, что это могло имѣть мѣсто въ приложеніи, но не въ текстѣ, да за чѣмъ и въ приложеніи писать такой вздоръ? За чѣмъ вездѣ, и кстати и не кстати, втискивать засвѣдѣтельствованія этѣхъ иноземцевъ?

Со 194 страницы начинается первая атака на курганную батарею, о которой я уже много говорилъ, а въ другомъ мѣстѣ придется говорить и еще болѣе, а по тому сдѣсь замѣчу только, что Генералъ Богдановичъ не всегда уже называетъ эту батарею батареей Раевскаго; ибо, не смотря на то, что онъ (въ 1 нумерѣ «Военнаго Сборника» 1858 года) утверждалъ, что она такъ называлась, но въ послѣдствіи, по видимому, не найдя въ современныхъ документахъ себѣ подпоры, даже и у Бернгарди, Гофмана, Клаузевица и Шрекенштейна, чѣмъ не упустилъ бы онъ воспользоваться, рѣшился называть ее попеременно дюжиной различныхъ именъ, о чемъ далѣе скажу подробнѣе.

Стр. 196. Опять: «говорятъ, будьто бы Ермоловъ отклонялъ Кутайсова отъ намѣренія ѣхать съ нимъ во 2 армію, въ которой, замѣтить слѣдуетъ, былъ свой начальникъ артиллеріи.» Но кто же говоритъ? Впрочемъ, это очень вѣроподобно; ибо Ермоловъ понималъ значеніе начальника артиллеріи арміи, которому предстояли заботы не для отбитія батареи, ведя на нее баталіонъ.

На стр. 199 встрѣчается, выписанный изъ Михайловскаго-Данилевскаго (но безъ ссылки), панегирикъ Кутайсову, гдѣ сказано, что будьто бы смерть его имѣла сильное вліяніе на Бородинское сраженіе; что отъ этого простояли нѣсколько ротъ артиллеріи въ резервѣ; что встрѣтился недостатокъ въ снарядахъ и т. п. Все это могъ еще писать Данилевскій, утверждавшій, что Кутузовъ говорилъ это ему, но Г. Богдановичу не слѣдовало разсказывать эту притчу, или, по крайней мѣрѣ, сослаться, отъ кого онъ ее знаетъ. Онъ же самъ пишетъ (стр. 195), что на курганной батареѣ не было снарядовъ, когда непріятель атаковалъ ее, а тогда, вѣдь, Кутайсовъ былъ еще живъ, и погибъ послѣ въ головѣ баталіона, съ которымъ онъ бросился преслѣдовать выбитаго уже непріятеля. Но главное, въ повѣствованіи почтеннаго исторіографа есть то, что на центральной батареѣ не было недостатка въ зарядахъ, что мнѣ, какъ близкому тогда свѣдѣтелю на этомъ пунктѣ, коротко извѣстно. Батарея начала тотчасъ дѣйствовать, какъ только Ермоловъ, Монахтинъ и Капцевичъ, съ полками 6 корпуса, ее очистили отъ остатковъ бригады Генерала Бонами. [36] Самъ сочинитель, упоминая о Ермоловѣ и Монахтинѣ, называетъ полки 6 корпуса, Дохтурова, но такъ, что тотъ, кто близко не ознакомленъ съ составомъ тогда корпусовъ, приметъ этѣ полки принадлежащими къ 7 корпусу Раевскаго.

---

[36] Весь этотъ періодъ о Кутайсовѣ, разсказанный Михайловскимъ-Данилевскимъ (и цѣликомъ взятый Г. Богдановичемъ), будьто бы со словъ Кутузова, разъясненъ въ статьѣ: «Нѣсколько словъ по поводу двухъ сочиненій, вышедшихъ въ Варшавѣ» и пр. Матеріалы для Отечественной войны 1812 г. Спб. 1867 г., стр. 112 и пр.

Стр. 199—200: «Нѣсколько минутъ (?!) спустя по взятіи батареи (центральной) нашими войсками былъ тяжело раненъ даровитый Офицеръ, начальникъ Штаба 6 пѣхотнаго корпуса, Полковникъ Монахтинъ. «Ребята!» сказалъ онъ солдатамъ 6 корпуса, поставленнымъ въ прикрытіе при орудіяхъ: [37] «Эта батарея — Россія; отстоимъ ее грудью богатырскою!» И съ послѣднимъ словомъ палъ, пораженный въ животъ картечью.»

Сдѣсь, во первыхъ, слово взятіе неумѣстно: оно должно быть замѣнено словомъ «по отбитіи». Во вторыхъ, Монахтинъ былъ раненъ среди самой батареи, въ свалкѣ, когда ее отбивали у войскъ Бонами. Въ третьихъ, получивъ два удара штыкомъ въ лядвію, онъ продолжалъ распоряжаться. Въ четвертыхъ, раненъ не картечью, [38] а ружейною пулей въ животъ, какъ оказалось послѣ, съ прострѣломъ только сальника Въ пятыхъ, не повергался на землю, а его тотчасъ снялъ съ лошади, съ помощію другихъ, бывшій при немъ старшій Адъютантъ, Дубельтъ (въ послѣдствіи Генералъ отъ Кавалеріи). За тѣмъ онъ проводилъ его на первый перевязочный пунктъ, гдѣ былъ нашъ корпусный Докторъ, Кошеревскій, который перевязалъ его и сказывалъ намъ, что рана въ животъ не опасна, слѣдовательно, не тяжело. Смерть его извѣстна: я писалъ о ней и независимо отъ того, что я былъ близкій тому свѣдѣтель, но и имѣю собственноручный разсказъ Дубельта. Эпизодъ этотъ былъ уже подробно изложенъ мною. [39] Въ шестыхъ, Михайловскій-Данилев-

---

[37] Какимъ же это образомъ? На стр. 194 говорится, что тутъ былъ 7 корпусъ, а сдѣсь вдругъ солдаты 6 корпуса поставлены въ прикрытіе при орудіяхъ!.. А еще спорилъ въ 1 нумерѣ «Военнаго Сборника,» 1858 г.! Кто же изъ насъ правъ? Тутъ разсудитъ самъ Г. Богдановичъ.

[38] Чего и быть не могло. Откуда взялась бы картечь на батареѣ, гдѣ, кромѣ нашихъ пушекъ, не было другихъ; да если бы Французы и могли откуда ни будь дѣйствовать картечью, то не сдѣлали бы этого; ибо, когда схватились въ рукопашную, то надо было бить и своихъ. Въ прежнее время, когда у насъ существовалъ кулачный бой, дѣйствовали на такъ схватившихся только пожарными трубами.

[39] См. тамъ же.

скій относитъ этотъ подвигъ къ одному изъ редутовъ или флешей Семеновскаго. Это была ошибка. Откуда же Г. Богдановичъ почерпнулъ то, что Монахтинъ раненъ не на Семеновскихъ укрѣпленіяхъ, а на центральной батареѣ? Перемѣняя то, что предшествовавшіе историки говорили, мы обязаны дѣлать ссылки: почему же ихъ нѣтъ? Понято: по тому что это взято отъ лица, на котораго неловко ссылаться!

На этой же страницѣ: «Генералъ Ермоловъ, сдавъ батарею Лихачову, отправился къ лѣвому флангу позиціи, и также былъ тяжело раненъ въ шею.»

Къ чему такъ часто и такъ напрасно ставить слово тяжело? Коль скоро пуля попала въ шею, она могла ранить и легко и тяжело. Ермолову это прилагательное не нужно; рана была чувствительна, но не тяжела, такъ какъ былъ раненъ Багратіонъ, Тучковъ 1-й и другіе, коимъ это слово приложено. Но сдѣсь оно очень неудачно; ибо самъ же Г. Богдановичъ изображаетъ Ермолова, чрезъ пять дней подъ Москвой, неутомимымъ дѣятелемъ въ совѣтахъ и не покидающимъ коня. Какъ же все это согласовать?

Стр. 201. Когда Адъютантъ Милорадовича прискакалъ къ Принцу Евгенію Виртембергскому, требуя его къ своему Генералу, «на вопросъ Принца: «гдѣ найти его?» Бибиковъ показалъ рукой, которую въ это мгновеніе оторвало ядромъ; онъ поднялъ другую и, указавъ, куда надлежало ѣхать Принцу, отвѣчалъ: «Сюда поспѣшите!»

Параграфъ, въ которомъ это, между прочимъ, разсказывается, имѣетъ сорокъ пять строкъ и ни одной ссылки. Я разсказалъ этотъ случай печатно въ 1858 году, [40] изъ книги принца Евге-

---

[40] См. тамъ же. Высказавъ это присутствіе духа Бибикова (бывшаго въ послѣдствіи Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ), я взывалъ къ извлеченію подобныхъ примѣровъ, которыхъ 1812 годъ былъ преисполненъ. Но каково было удивленіе, когда, чрезъ два года послѣ сего, въ появившейся «Исторіи Отечественной войны,» разсказанъ едва ли не только одинъ этотъ, мною упомянутый, примѣръ, а многіе

нія, изданной въ Бреславлѣ, на Нѣмецкомъ языкѣ. По чему нѣтъ ссылки ни на того, ни на другого? А какія были обѣщанія!

Стр. 208. Описывая движенія Уварова на лѣвый флангъ Французовъ, между прочимъ сказалъ: «Пѣхота Вице-Короля, занимавшая выходъ съ плотины, опасаясь быть отброшенной въ болото, отошла отъ рѣчки, что способствовало лейбъ-Казачьему полку промчаться чрезъ плотину въ кусты и кинуться въ тылъ непріятельской пѣхоты. Пользуясь суматохой, которую произвело это неожиданное нападеніе, наши Казаки отступили обратно чрезъ плотину.» Не понимаю связи всего этого параграфа. Не понимаю, отъ чего же они ушли? Для чего они ходили? Лучшаго успѣха ожидать не могли. Во всякомъ случаѣ, тутъ что-то или не договорено, или переговорено.

На этой же страницѣ Г. Богдановичъ излагаетъ свое мнѣніе о поискѣ Уварова; разсужденія его требуютъ замѣчаній нѣсколько пространныхъ, а по тому оныя будутъ сдѣланы при окончаніи настоящихъ бѣглыхъ только указаній.

Теперь дошли до описанія послѣдней борьбы центральной батареи и овладѣнія оною. Посмотримъ, съ какою отчетливостію

другіе, вошедшіе уже въ печатныя страницы, не упомянуты, какъ, на пр., подвигъ Раевскаго и сыновей его при Салтановкѣ, Графа Растопчина въ Бороновѣ, помѣщицы Бѣлявиной, которая, получивъ извѣстіе о двухъ павшихъ сыновьяхъ своихъ, посылаетъ послѣдняго сына, еще юношу, въ армію и множество другихъ! А сколько есть въ запискахъ участниковъ такихъ подвиговъ, объясняющихъ Русскій духъ! Какъ, на примѣръ, Графа Пашина, доставившаго сына своего, Александра, почти отрока, въ Бородино, за два дня до битвы, поручивъ его извѣстному храбростію Генералу Дохтурову. Но едва 17-ти лѣтній Графъ, котораго Генералъ приказалъ помѣщать со мной, былъ одушевленъ такимъ патріотизмомъ, такимъ желаніемъ раздѣлить всѣ опасности, что должно было его удерживать въ безполезномъ самопожертвованіи: это общій тогда духъ, который есть принадлежность повѣствованія Отечественной войны, а почтенный исторіографъ похерилъ подобные подвиги, вошедшіе даже печатно въ предшествовавшія исторіи. Въ 1845 году, когда я послѣдній разъ видѣлъ Графа Александра Пашина, онъ и тогда, вспоминая объ эпизодахъ тої поры, воспламенялся и съ жаромъ вступалъ въ разговоръ; и тому подобные патріотическіе подвиги, повторяю, прямо принадлежащіе «Отечественной войнѣ».

и ясностію нашъ почтенный Господинъ Профессоръ военныхъ наукъ и исторіографъ Отечественной войны изображаетъ это событіе, главное, или, можно сказать, единственное въ 1812 году, какъ подвигъ мужества съ обѣихъ сторонъ.

На стр. 210-й, сказавъ, что «Французскіе историки сравниваютъ наше курганное укрѣпленіе со стальной массой, сверкавшей пламенемъ», [41] сочинитель продолжаетъ: «Кирасиры Ватье, перейдя Семеновку, ниже устья Каменки, направились кратчайшимъ путемъ влѣво отъ батареи и опрокинули часть 6-го пѣхотнаго корпуса, стоявшую правѣе укрѣпленія, въ Горицкій оврагъ, [42] между тѣмъ какъ 5-й кирасирскій полкъ, слѣдовавшій, въ послѣднемъ эшелонѣ, повернулъ вправо, перенесся черезъ ровъ и брустверъ на батарею.»

Изъ приведенныхъ словъ, кажется, очень ясно, что кирасиры, повернувшись вправо, вскочили въ батарею, перенесясь черезъ ровъ и брустверъ. Сдѣсь инаго толкованья и быть не можетъ. За тѣмъ сочинитель продолжаетъ: «но огонь пѣхоты, расположенной за укрѣпленіемъ, тотчасъ заставилъ (стр. 211) кирасировъ очистить его, и самъ Коленкуръ былъ убитъ пулей въ горжѣ батареи». И изъ этого опять ясно, что послѣ того, какъ кирасиры перенеслись черезъ ровъ и брустверъ на батарею, пѣхота, расположенная за батареей, заставила кирасиръ тотчасъ очистить ее. Наконецъ ясно и то, что Коленкуръ убитъ пулей. [43] А между тѣмъ эта кажущаяся ясность, помимо того, что, какъ увидимъ, неправильно разсказано, ставитъ въ тупикъ, какъ понимать сдѣсь, что «влѣво,» что «правое» и что «вправо?» Отъ какого пункта берутся всѣ эти направленія? Въ особенности же путаешься обозначеніемъ мѣста переправы кирасиръ. По чему

---

[41] Это такъ, но это говорится изъ тогда, когда наступила на опомъ борьба, а не прежде, какъ говорится сдѣсь; это я замѣчаю мимоходомъ.

[42] О Горицкомъ оврагѣ будетъ случай сказать нѣсколько словъ далѣе.

[43] Сочинитель говоритъ, что онъ убитъ въ горжѣ; значитъ, что онъ, перенесясь черезъ ровъ и брустверъ, не хотѣлъ тѣмъ же путемъ оставить укрѣпленія, а сталъ спасенія чрезъ горжу. Во всякомъ случаѣ не ясно, не отчетливо.

Госуд ротзенная ордена Ленина БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. ЛЕНИНА

бы не сказать такъ, какъ это сказано большею частію историковъ-участниковъ въ битвѣ, и особенно въ разсказываемомъ эпизодѣ, и тогда, какъ увидимъ далѣе, оказалось бы, во первыхъ: что кирасиры повернули не на право, а на лѣво; во вторыхъ, что они не переносились черезъ ровъ и брустверъ, и въ третьихъ, что Коленкуръ убитъ не пулею, а ядромъ. Изъ вышесказаннаго почтеннымъ исторіографомъ видны три ясныя опредѣленія, отуманивающія, однако, истину. Неясность же въ приведенномъ текстѣ только одна, и именно въ обозначеніи мѣста, занимавшагося пѣхотой. Что такое «сзади укрѣпленія?» Это очень неопредѣлительно. Всѣ безъ изъятія повѣствователи единогласно обозначаютъ ея мѣсто «за оврагомъ, противъ горжи.» Горжа же была пространна; она открывала совершенно всю внутреннюю часть укрѣпленія. Объ этомъ послѣ.

«Дивизія Де Франса слѣдовала, оставя батарею влѣво, атаковать нашу позицію, одновременно съ кирасирами, но она нѣсколько опоздала, а между тѣмъ корпусъ Латуръ-Мобура также пошелъ въ атаку, въ обходъ батареи съ лѣваго фланга. Уланская дивизія Рожнецкаго, построенная въ двѣ линіи, составляла правое крыло, а кирасирскіе полки, двигавшіеся одни за другими, лѣвое; въ центрѣ находились конныя батареи. Впереди всѣхъ Саксонская гвардія пошла въ атаку прямо на батарею, а кирасиры Цастрова и Малаховскаго, поддержанные Вестфальскою бригадой, ударили на полки Перновскій, Кексгольмскій и 33-й егерскій, стоявшій съ лѣвой стороны батареи, нѣсколько позади горжи ея, въ оврагѣ (!); но этѣ храбрые полки, допустивъ непріятеля на разстояніе около шестидесяти шаговъ, встрѣтили его залпами и обратили назадъ въ совершенномъ разстройствѣ.»

Во первыхъ, замѣчу, что названные полки никогда не стояли въ оврагѣ за горжею, а за оврагомъ, и сдѣсь-то они блистательно отбивались. Въ оврагѣ же была пѣхота, но не за горжею укрѣпленія, а саженъ полтораста впереди онаго къ Колочѣ; это былъ отрядъ Г.-М. Цыбульскаго, составленный изъ 24 дивизіи, и именно изъ Уфимскаго и Ширванскаго мушкетерскихъ полковъ и части 19-го егерскаго. Объ этѣхъ-то, засѣвшихъ въ

оврагъ, такъ распространяется Шрекенштейнъ. Весь приведенный выше параграфъ очень неясенъ: «дивизія Де Франса нѣсколько опоздала атаковать нашу позицію одновременно съ кирасирами.» Съ какими кирасирами? Съ кирасирами Коленкура, или съ какими другими? Тутъ были и Саксонскіе и Польскіе. «А между тѣмъ,» т. е., между тѣмъ, какъ Де Франсъ опоздалъ, Латуръ-Мобуръ также пошелъ въ атаку, въ обходъ батареи съ лѣваго фланга.» Въ обходъ батареи! Значитъ, что между тѣмъ, какъ Коленкуръ переносился чрезъ ровъ и брустверъ, то Латуръ-Мобуръ пошелъ въ обходъ. Изъ этого выраженія не иное что можно понять, какъ на эту же батарею, но только въ обходъ, чтобы напасть на нее съ тыла? По общему же засвѣдѣтельствованію, именно съ тыла-то, чрезъ горжу, и вскочилъ Коленкуръ. Потомъ опять неясность. Росписавъ, какъ видѣли выше, боевой порядокъ корпуса, такъ что по пространству, которое онъ долженъ былъ занимать, дѣло шло не о батареѣ, вдругъ читаемъ: «впереди всѣхъ Саксонская гвардія [44] пошла въ атаку, прямо на батарею.» Пока она идетъ въ атаку, мы видѣли, что кирасиры Цастрова и Малаховскаго атаковали нашу пѣхоту, ставшую за горжею, и были отбиты. Въ слѣдъ за симъ сочинитель продолжаетъ любимымъ своимъ словомъ: «между тѣмъ Тильманъ, съ Саксонскими гвардейскими кирасирами, перейдя черезъ ровъ и брустверъ, ворвался въ укрѣпленіе.»

Сдѣсь опять ясно только одно то, что войска Тильмана ворвались въ укрѣпленіе, перейдя ровъ и брустверъ, точно также, какъ предъ симъ сдѣлалъ это и Коленкуръ. И хотя сочинитель ни слова не говоритъ о томъ, что сталось съ укрѣпленіемъ, по изгнаніи изъ онаго Коленкура, но можно подразумѣвать, что укрѣпленіе получило возможность къ сопротивленію и противъ Тильмана; ибо замѣтивъ, что пѣхота наша, занимавшая батарею, оборонялась отчаянно, [45] заключаетъ помянутый пара-

---

[44] Конная гвардія («garde de corps»): вся номенклатура сдѣсь полковъ, національностей и имена предводителей, обозначаются такъ, что очень трудно уразумѣть участвующихъ въ описываемые моменты.

[45] А вмѣстѣ съ тѣмъ дается подумать, что Тильманъ, какъ будто въ одно время

графъ ссылкой № 8, и въ слѣдъ за симъ описываетъ плѣненіе тутъ Генерала Лихачова: эпизодъ, не менѣе замѣчательный разсказомъ своимъ, о которомъ замѣчу послѣ, а теперь обращаюсь къ ссылкѣ № 8, которою онъ указываетъ на источники для своего разсказа.

Въ ссылкѣ этой (стр. 546) находимъ: «Hoffman 61; Bernhardi 103, 104; Boutourlin I, 342, 343; Schrekenstein 84, 124.»

Какъ близкій свѣдѣтель описываемаго эпизода, я вмѣнилъ себѣ въ обязанность заглянуть въ указываемые почтеннымъ сочинителемъ источники.

Гофманъ, изъ Прусской службы, въ 1812 году находился Капитаномъ въ нашемъ Генеральномъ Штабѣ и во время Бородинской битвы, въ войскахъ, дѣйствовавшихъ при Утицѣ, почти за четыре версты отъ центральной батареи. По окончаніи войны, будучи Полковникомъ, вновь перешелъ въ Прусскую службу, и уже Генералъ-Лейтенантомъ, чрезъ 34 года послѣ помянутаго сраженія, описалъ оное и издалъ въ 1846 году, посвятивъ сочиненіе свое Принцу Евгенію Виртембергскому. [46] Гофманъ чистосердечно объявляетъ, что свѣдѣніями о взятіи центральной батареи и о кавалерійскихъ атакахъ онъ обязанъ Шрекенштейну, находившемуся при бригадѣ Тильмана. [47] Казалось, что, послѣ такого заявленія, ссылка на него не должна бы имѣть мѣста съ ссылкой на

съ Коленкуромъ занялъ батарею, перешелся чрезъ ровъ и брустверъ въ другомъ мѣстѣ. Ясно!

[46] Die Schlacht von Borodino mit einer Uebersicht des Feldzug von 1812, v. General v. Hoffmann. Koblenz, 1846. Въ этомъ же году Принцъ Евгеній Виртембергскій издалъ и свою книгу.

[47] Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что Шрекенштейнова книга появилась въ свѣтъ только въ 1853 году, т. е., девять лѣтъ спустя послѣ книги Гофмана; слѣдовательно, заимствованное Гофманомъ у Шрекенштейна можетъ относиться только къ рукописи, еще не обнародованной, а можетъ быть еще и не вполнѣ составленной, а пожалуй и изъ устныхъ разсказовъ, что и очень правдоподобно, какъ увидимъ изъ печатнаго разсказа Шрекенштейна.

Шрекенштейна, котораго и самаго, какъ видно будетъ, разсказъ слишкомъ неположителенъ. По такъ какъ Г. Богдановичъ нашелъ это совмѣщеніе удобнымъ, то слѣдуетъ заглянуть и въ разсказъ Гофмана, который, можетъ быть, прибавляетъ кое-что и имъ самимъ видѣнное.

На 61 страницѣ, на которую ссылается Г. Богдановичъ, Гофманъ дѣйствительно говоритъ, что Коленкуръ проникъ въ укрѣпленіе не чрезъ горжу, чего будто бы сдѣлать было не возможно по причинѣ крутизны, но что кирасиры проникли чрезъ части бруствера, уже утоптаннаго. [48] За чѣмъ же нашъ историографъ ни слова не сказалъ, что брустверъ былъ растоптанъ, и тѣмъ какъ бы усиливаетъ подвигъ непріятеля? Гофманъ сказавъ, что пѣхота, стоявшая за оврагомъ (Г. Богдановичъ пишетъ просто сзади или въ оврагѣ), своимъ огнемъ скоро выгнала Коленкуровыхъ кирасиръ, присовокупляетъ, что въ слѣдъ за симъ Саксонскіе garde de corps, тоже чрезъ части утоптаннаго бруствера, «гдѣ мѣстность не такъ была крута,» вошли въ укрѣпленіе, производившее еще сильный огонь, и что только пѣхота Вице-Короля окончательно заняла укрѣпленіе и взяла въ плѣнъ Лихачова. Слѣдовательно, и появленіе среди укрѣпленій конницы Тильмана не могло еще овладѣть онымъ. Появленіе же конницы Тильмана въ укрѣпленіи дѣйствительно было, но, какъ увидимъ, совершенно при другихъ условіяхъ. [49] Посмотримъ второй источникъ.

---

[48] Валъ, въ особенности по флангамъ, былъ не совсѣмъ еще и оконченъ, когда началось сраженіе, а потомъ дѣйствіе непріятельской артиллеріи, и особенно въ борьбѣ вломившейся въ укрѣпленіе бригады Генерала Бонами, потомъ преслѣдованіе спасавшихся, много попортили брустверъ вообще, въ особенности же фланговыя части, въ коихъ и во всѣ амбразуры были одѣты фашинами; все это дѣйствительно представляло удобство проникнуть въ оный.

[49] Сочинитель присовокупляетъ, что при сильныхъ атакахъ Французской кавалеріей, нашей пѣхоты (послѣ овладѣнія укрѣпленіемъ) онъ видѣлъ Барклая, долго стоявшаго у Перновскаго полка (10-й дивизіи), атакованнаго со всѣхъ сторонъ: «онъ, казалось, искалъ смерти.» Прибывшіе полки 23-й дивизіи (4 корпуса) и отбили всѣ атаки, но, по мнѣнію сочинителя, Барклай былъ слабъ, чтобы предпринять что либо противъ взятаго укрѣпленія.

Бернгарди—издатель и дополнитель Записокъ Графа Толя, появившихся въ 1851 году. [50] Многое въ Запискахъ Графа не могло принадлежать ему, и всеконечно уже есть дополненіе издателя, лица не военнаго и Нѣмца, вездѣ старающагося унижать Русскихъ, что замѣчено и самимъ Г. Богдановичемъ; но дѣло не въ этомъ: обратимъ вниманіе на его разсказъ, послужившій источникомъ нашему исторіографу. Бернгарди, описывая этотъ эпизодъ, одинаково, какъ и Гофманъ, заявляетъ его заимствованнымъ у Шрекенштейна же и еще отъ какого-то Французскаго Штабъ-Офицера, присовокупляя: «на разсказы этѣ полагается.» Странная ссылка и на Бернгарди! Пусть еще на Гофмана: этотъ, по крайней мѣрѣ, участвовалъ въ Бородинской битвѣ и, находясь отдаленно отъ центральнаго укрѣпленія, могъ заимствовать этотъ эпизодъ у своего камрада; но Бернгарди едва ли былъ тогда и на свѣтѣ; Графу же Карлу Ѳедоровичу не было надобности прибѣгать къ засвѣдѣтельствованію Шрекенштейна въ томъ, что происходило у насъ. Онъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей въ этотъ великій день.

Но какъ бы то ни было, а Бернгарди говоритъ (т. II, S. 101—103 etc.), что Коленкуръ проникъ въ укрѣпленіе, частію чрезъ ровъ и брустверъ, который былъ разбитъ артиллеріею и утоптанъ прежними атаками, а по тому было гораздо легче, нежели чрезъ горжу, въ которой онъ былъ и убитъ. Когда же Французскіе кирасиры были вынуждены оставить укрѣпленіе, тогда Саксонскіе garde de corps, не смотря, что укрѣпленіе производило еще сильный огонь, ворвались въ оное чрезъ ровъ и брустверъ.» Само собою разумѣется, что послѣ Коленкура сдѣлать это было еще легче. Бернгарди присовокупляетъ, что тутъ былъ взятъ въ плѣнъ раненый Генералъ Лихачовъ, Вице-Король же, съ тремя пѣхотными дивизіями, спѣшилъ къ укрѣпленію, и вошелъ въ оное со стороны откоса. Вообще разсказъ этого періода чрезвычайно сбивчивъ, и Г. Бернгарди видимо натягиваетъ всю славу на свой элементъ. Онъ говоритъ то, чего Графъ Толь

---

[50] Denkwürdigkeiten aus Leben der Kaiserl.-Russisch. General von den Infanterie Carl Friedrich Grafen von Toll. Theodor von Bernhardi. Leipzig, 1856.

ни какъ сказать не могъ, а въ особенности вопреки всѣхъ засвѣдѣтельствованій, что будто бы «Русскіе, защищавшіе укрѣпленіе, частію бѣжали (!), частію сражались около орудій, но должны были уступить ворвавшейся Саксонской конницѣ.» Перваго не было, а послѣднее произошло по тому, что даже артиллеристы, вооруженные одними банниками и пальниками, какъ извѣстно, не хотѣли сдаваться, предпочитая смерть плѣну.

Относительно же того, что Коленкуръ, послѣ атаки нашей пѣхоты, повернулся будто бы на право, чтобы атаковать центральное укрѣпленіе, то по самому уже описанію мѣстности видно, что этого быть не могло, а что для сего онъ обратился на лѣво, какъ всѣ повѣствователи-участники свѣдѣтельствуютъ. Замѣчательно, что нашъ почтенный исторіографъ ввелъ эту ерунду въ свою исторію. Вице-Король стоялъ противъ самаго центральнаго укрѣпленія нашего, а Коленкуръ правѣе, у Мюрата, который и направилъ его для атаки нашей пѣхоты, стоявшей на Семеновскихъ высотахъ, и если бы послѣ сего онъ повернулся на право, то очутился бы въ Утицѣ, а не въ тылу центральной батареи. Но пусть эта путаница не была разобрана, какъ бы то слѣдовало; но за чѣмъ, повторяю, Г. Богдановичъ не внесъ ихъ засвѣдѣтельствованій, что ровъ и брустверъ были растоптаны, сглажены, а по тому и не представляли нашимъ надежной обороны?!

По порядку сдѣсь слѣдовало бы привести Бутурлина, но такъ какъ онъ показываетъ совершенно отлично отъ упомянутыхъ съ нимъ трехъ Нѣмецкихъ писателей, и не извѣстно даже, по чему Бутурлинъ попалъ вмѣстѣ съ ними, то и отнесу его далѣе въ число Русскихъ, говорящихъ объ этомъ эпизодѣ, а сдѣсь буду продолжать тотъ же родъ и приведу показаніе Шрекенштейна.

Шрекенштейнъ написалъ книгу свою о дѣйствіи конницы въ этой битвѣ чрезъ 43 года. [51] Эпизодъ борьбы съ центральной

---

[51] Die Kavelerie in der Schlacht an der Moskwa (von den Russen: Schlacht bei Borodino gennant...) am 7 September 1812. Nebst einigen ausfürlichen Nachrichten

батареей находится на стр. 81 — 94 включительно. [52] Разсматривая внимательно эту книгу, приходишь къ заключенію, что для составленія оной, по крайней мѣрѣ, эпизода овладѣнія центральной батареей, Генералъ Шрекенштейнъ не имѣлъ современныхъ записокъ, а писалъ чрезъ 43 года на память; а если и имѣлъ оныя, то не иначе, какъ въ видѣ самыхъ краткихъ замѣчаній, и это я основываю на слѣдующемъ: во первыхъ, по заявленію Гоффмана и Бернгарди, всѣми свѣдѣніями, относящимися до борьбы на центральной батареѣ, они обязаны Г. Шрекенштейну, какъ участнику при овладѣніи оною. Гоффманъ издалъ книгу свою за девять лѣтъ до выхода книги Шрекенштейна. Слѣдовательно, Гоффманъ долженъ былъ довольствоваться разсказами и записывать оные, или просматривать краткія замѣчанія, которыя могъ имѣть Шрекенштейнъ. Тоже самое и Бернгарди, который хотя и издалъ книгу свою въ 1856 году, т. е., въ слѣдующемъ послѣ появленія книги Шрекенштейна, но, само собою разумѣется, что въ столь короткій промежутокъ времени онъ не могъ перемѣнить того, что вошло уже въ рукопись (составившую три толстыхъ печатныхъ тома), которая въ это время, очень можетъ быть, находилась и въ типографіи. А отъ этого и произошло, что многое, приводимое Гоффманомъ и Бернгарди, какъ будто бы сообщенное Шрекенштейномъ, не согласуется съ тѣмъ, что высказывается въ его книгѣ; и во вторыхъ, самъ сочинитель этой послѣдней книги разсказываетъ, что когда полкъ Пастрова остановился и не могъ ни чего сдѣлать стоящей въ оврагѣ пѣхотѣ (отрядъ Цыбульскаго), «то я, продолжаетъ Г. Шрекенштейнъ, послѣдовалъ за тѣми, которые вошли въ укрѣпленіе (центральное). Онъ былъ такъ полонъ конниками, что я не могъ пробраться впередъ, и замѣтилъ только, что въ немъ происходила сильная свалка, [53] возвра-

---

über den Leistungen des 4 Kavalerie Corps unter der Anführung des General Latour-Maubourg. Von General-Leutenant Freyherrn Böth von Schrekenstein. Münster, 1835.

[52] Г. Богдановичъ означаетъ «стр. 84 и 124.» На первой дѣйствительно начинается эпизодъ, но на 124 продолженіе списка Офицерамъ, убитымъ въ Бородинскомъ сраженіи вообще!

[53] Ясно, что конница не могла одолѣть защитниковъ укрѣпленія.

тился къ полку Цастрова. Кажется, я хотѣлъ отыскать Г. Тильмана, и я говорю истину, что у меня обо всемъ этомъ осталось только темное воспоминаніе. Въ такихъ обстоятельствахъ обыкновенно слѣдуешь мгновенному внушенію; не вполнѣ знаешь, что дѣлаешь, и послѣ, слыша разсказы, перепутываешь съ ними и то, что самъ видѣлъ» и т. д. Вообще разсказъ во многомъ неположителенъ; такъ, на примѣръ: безпрестанно встрѣчаешь «кажется; можетъ быть; не замѣтилъ; могъ только замѣтить, что пѣхота Вице-Короля шла на укрѣпленіе; не помню; полагаю; сколько помню.» Онъ выказываетъ сомнѣніе, что Французскіе кирасиры были на батареѣ прежде Тильмана; потомъ приводитъ засвѣдѣтельствованіе Шамбре, который и положительно говоритъ, что «дивизія Ватье, послѣ отступленія отъ редута, заняла прежнее свое мѣсто на правомъ флангѣ Вице-Короля; когда этотъ послѣдній и Тильманъ шли на укрѣпленіе, то оно производило сильный огонь; сколько замѣтилъ, около укрѣпленія падало еще много людей; когда Саксонскіе garde de corps подходили, на нихъ лился потокъ пуль;» а въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что, «вѣроятно, въ укрѣпленіи пѣхота постоянно не находилась, по тому что артиллерія занимала всѣ мѣста и, кажется, разсчитывали двинуть ее въ укрѣпленіе изъ оврага, бывшаго за онымъ,[54] но что быстрая атака конницы со всѣхъ сторонъ не дозволила многимъ предположеніямъ исполниться; но очень хорошо помнитъ, что многіе изъ его товарищей, бывшихъ въ укрѣпленіи прежде его, разсказывали, что «видѣли, какъ гарнизонъ выходилъ чрезъ горжу и часть его изрублена.» Что за ерунда! Кто же осыпалъ пулями? Съ кѣмъ боролся Коленкуръ и потомъ Тильманъ? Не съ одними же артиллеристами боролись Французскіе, а потомъ Саксонскіе, кирасиры и другіе; и какимъ образомъ, когда непріятель бился въ укрѣпленіи, часть гарнизона оставляла оное чрезъ горжу! Все, что было въ укрѣпленіи, повторяю, предпочитало смерть плѣну и, конечно, уже не помышляло бѣжать изъ онаго. Самъ же онъ говоритъ, что слышалъ, какъ «одинъ Русскій Офицеръ, имѣвшій Анненскій крестъ на шеѣ,

[54] Вѣроятно, Г. Богдановичъ заимствовалъ у Шрекенштейна помѣщеніе пѣхоты въ оврагѣ за укрѣпленіемъ, какъ это замѣчено выше.

защищался на лафетѣ и былъ изрубленъ.» Г. Шрекенштейнъ продолжаетъ говорить иногда и очень много, но очень мало утвердительно: «Кажется, я могу утверждать; Г. Тильманъ, вѣроятно, ходилъ лично въ атаку. Что происходило за шанцемъ [55] и въ нижней части оврага (у Цыбульскаго), за дымомъ не было видно; полагаю, что атака не удалась. Кажется, что тогда пришли Польскіе кирасиры. Попытка должна была быть неудачна. Что было въ этомъ дѣлѣ, я не знаю; знаю только, что Полковникъ Малаховскій былъ очень доволенъ подвигомъ моихъ кирасиръ.»

Пріостанавливаюсь исчисленіемъ подобныхъ засвѣдѣтельствованій Г. Шрекенштейна (а этотъ «роди Гофмана и Беригарди»), котораго Г. Богдановичъ предпочелъ даже Маркизу Шамбре, объявленному имъ въ предисловіи за историка противъ всѣхъ другихъ болѣе безпристрастнаго, и на такомъ основаніи сдѣлалъ на него и болѣе ссылокъ, нежели на другихъ, сдѣсь же и не упоминаетъ о немъ. По чему?—Про это знаетъ онъ и Аллахъ. Но какъ бы то ни было, обратимся къ главной цѣли овладѣнія укрѣпленіемъ. Г. Шрекенштейнъ говоритъ, что «garde de corps ворвались въ оное чрезъ осыпавшійся, вырытый въ рыхломъ пескѣ, ровъ и разбитый брустверъ». На другой день, когда Г. Шрекенштейнъ осмотрѣлъ укрѣпленіе, то, относительно его фигуры (чертежа), осталось у него «темное воспоминаніе.» Но присовокупляетъ, что «такъ-какъ шанецъ этотъ сооруженъ поспѣшно и состоялъ изъ щебня и глины, то удивительно какъ пострадалъ и подъ конецъ могъ доставлять защитникамъ только малое прикрытіе. Земля же обсыпалась въ ровъ, такъ что онъ сдѣлался очень неглубокимъ. [56] Линіи состояли только изъ брустверa и неширокаго рва, который весь былъ почти засыпанъ. Орудія стояли внутри верка и думаю, что брустверъ былъ сдѣланъ только для прикрытія пѣхоты.» Что за ерунда опять: то пѣхоты не было, то сдѣлано для пѣхоты?! и т. п. А вотъ и

---

[55] Такъ вездѣ почти онъ называетъ нашу центральную батарею.

[56] И первоначальную глубину онъ даетъ въ три фута.

еще: Г. Шрекенштейнъ сосчиталъ въ укрѣпленіи орудія; число ихъ не согласно съ другими историками, что еще не бѣда; но онъ говоритъ, что орудія наши были десятифунтоваго калибра, ни когда у насъ, по крайней мѣрѣ въ 1812 году, не существовавшаго.

И такъ, вотъ источникъ, который избранъ почтеннымъ исторіографомъ нашимъ, чтобы описать дивный подвигъ Русскихъ. И это сдѣлано не по тому, чтобы не было другихъ засвѣдѣтельствованій; нѣтъ, ихъ множество, какъ это увидимъ далѣе, а теперь посмотримъ эпизодъ о плѣненіи Лихачова, разсказываемый нашимъ исторіографомъ, въ слѣдъ за ссылкой № 8. Не посчастливится ли ему, по крайней мѣрѣ, сдѣсь; и вотъ какъ начинаетъ онъ: «Въ углу укрѣпленія, на походномъ стулѣ, сидѣлъ, изнуренный болѣзнію, но крѣпкій духомъ, начальникъ защитниковъ кургана, Генералъ Лихачовъ. Возвышая слабый свой голосъ среди грома выстрѣловъ и крика сражающихся, онъ возбуждалъ своихъ подчиненныхъ къ геройскимъ подвигамъ. Когда же, наконецъ, уже не было ни какой возможности отстоять батарею, Лихачовъ собралъ послѣднія силы и кинулся въ толпу непріятелей, чтобы погибнуть вмѣстѣ съ потерею залога, ввѣреннаго его защитѣ Отечествомъ. Уже храбрый воинъ, пораженный нѣсколько разъ штыками, былъ повергнутъ на землю, но непріятели, узнавъ въ немъ Русскаго [57] Генерала, остановили смертный ударъ, готовый поразить его.»

За симъ слѣдуетъ ссылка № 9, къ которой обращусь послѣ, а теперь сдѣлаю нѣсколько замѣчаній на текстъ.

---

[57] Замѣчу мимоходомъ, что, по моему мнѣнію, сдѣсь слово Русскій—совершенно лишнее. У насъ подъ Бородиномъ не было другихъ Генераловъ, кромѣ Русскихъ. Такое обозначеніе могло бы быть правильно приложено къ Генералу Наполеоновской арміи, въ коей были Генералы Французскіе, Прусскіе, Виртембергскіе, Саксонскіе, Баварскіе, Вестфальскіе, Итальянскіе, Польскіе, словомъ, множество различныхъ національныхъ войскъ съ ихъ Генералами, да и самъ Г. Богдановичъ, описывая (стр. 197) плѣненіе Генерала Бонами на этой же батареѣ, не называетъ его Французскимъ Генераломъ и пр.

Для изнуреннаго болѣзнію въ той степени, какъ Г. Лихачовъ тутъ представляется, нужно было имѣть особенныя силы, чтобы перенести пораженіе нѣсколькими штыками, быть повергнутымъ на землю, и послѣ всего этого, какъ извѣстно изъ нѣкоторыхъ Французскихъ писателей, онъ, взятый въ плѣнъ, отправленъ былъ пѣшкомъ къ Наполеону въ Шевардино! Все это какъ-то невѣроятно! Лихачовъ въ это время дѣйствительно страдалъ, но не былъ лишенъ силъ до той степени, какъ онъ тутъ описывается, сидящимъ на стулѣ въ углу укрѣпленія (а по нѣкоторымъ, и нюхающій еще табакъ) и пр. Онъ могъ и сидѣть, и лежать, и прохаживаться, какъ это бываетъ въ случаяхъ, когда кругъ начальствованія ограничивается нѣсколькими шагами и все находится подъ глазами. Но не въ этомъ сила.

Въ ссылкѣ № 9 (стр. 546) показанъ источникъ, а именно: «Императоръ Александръ 1-й и его сподвижники въ 1812, 1813, 1814 и 1815 годахъ. Т. I, Жизнеописаніе Лихачова». И что жь оказывается? Въ приведенномъ источникѣ ни слова не говорится о штыкахъ, а просто сказано: «поверженный ружейными прикладами на землю.» Положимъ, что въ поэзіи названіе штыкъ и прикладъ можетъ быть допущено, по тому что это оконечности одного и того же ружья; да какимъ же образомъ Г. Богдановичъ описываетъ овладѣніе редутомъ конницею, а говоритъ о ранахъ Лихачова штыками, и ссылается на источникъ, въ которомъ, вмѣсто штыковъ, оказываются приклады, которые тоже, какъ и штыкъ, есть принадлежность пѣхоты, а не конницы, въ особенности не спѣшенной, гдѣ у драгунъ и могли бы встрѣтиться штыки и приклады, но этого, вѣдь, тутъ не было? Сочинитель начинаетъ говорить о пѣхотѣ уже послѣ плѣненія Лихачова, и вотъ онъ какъ это дѣлаетъ, тотчасъ послѣ ссылки № 9, на страницахъ 211 и 212:

«Въ продолженіе этого боя (т. е., боя конницы въ укрѣпленіи съ Лихачовымъ) Вице-Король, съ пѣхотными дивизіями Брусье, Морана и Жерара, подошелъ къ кургану, [58] и занялъ

---

[58] О различныхъ наименованіяхъ, даваемыхъ сочинителемъ этому укрѣпленію, говорится особо.

головными своими баталіонами (9-го линейнаго полка) нашу батарею.» Значитъ, онъ не участвовалъ въ овладѣніи батареей, а занялъ, т. е., смѣнилъ конницу, которая взяла ее, какъ о томъ сочинитель выше и говорилъ. [59] Конницу эту мы тотчасъ видимъ въ другомъ уже мѣстѣ.

Въ концѣ этого параграфа ссылка № 10, и въ ней (стр. 346) «Thier XIV, 379, 380, Bernhardi II, 103, двухъ лицъ, не участвовавшихъ въ битвѣ, и потомъ ссылка на Жизнеописаніе Генерала Костенецкаго, не имѣющая ни какого отношенія къ эпизоду о занятіи укрѣпленія, по чему о ней и не будетъ рѣчи, а обращусь къ двумъ первымъ.

Посмотрѣвъ, въ Тьерѣ, на указанныя страницы 379 и 380, я нашелъ, что въ нихъ идетъ рѣчь не о Бородинской битвѣ, а уже о пребываніи Наполеона I въ Москвѣ; описаніе же помянутой битвы оканчивается у него на ст. 347. Заглянулъ въ опечатки: тамъ нѣтъ! Что же это значитъ? [60] Такія шуточки, и не въ маломъ числѣ, вѣдь у всякаго отобьютъ охоту справляться въ приводимыхъ ссылкахъ; но пойдемъ далѣе. [61]

Выше было видно, что почтенный военный исторіографъ нашъ, описывая овладѣніе непріятелемъ центральной батареей нашей, говоритъ, что кирасиры Ватье перенеслись чрезъ ровъ и брустверъ и вторгнулись въ укрѣпленіе, и когда они огнемъ нашей пѣхоты были вынуждены оставить укрѣпленіе, то Саксонская конница Тильмана тѣмъ же путемъ, черезъ ровъ и брust-

---

[59] Всѣ другіе повѣствователи, какъ увидимъ, говорятъ, что нѣсколько полковъ пѣхоты Вице-Короля въ одно время со всѣхъ сторонъ бросилось на укрѣпленіе.

[60] Кажется, что въ 1859 году, когда сочиненіе Г. Богдановича появилось, не было втораго изданія Тьера, кромѣ перваго, въ огромномъ числѣ экземпляровъ. Да если бы и было, то, при указаніи на страницы, слѣдовало бы указать изданіе.

[61] Между тѣмъ, нельзя, однако же, отрицать, чтобы послѣ каждаго изъ трехъ томовъ не замѣчались погрѣшности, но какія! Перестановка буквы, запятой, вмѣсто другого знака препинанія, и обратно, а на правильное возстановленіе именъ и тому подобное не обращено вниманія.

веръ, вновь овладѣла укрѣпленіемъ. Повѣствованіе свое Генералъ Богдановичъ основываетъ, какъ видно было выше, на описаніи этого эпизода тремя Нѣмецкими сочинителями. [62] Правда, они говорятъ, что Коленкуръ проникъ въ укрѣпленіе не чрезъ горжу, какъ это свѣдѣтельствуется многими другими, но что, какъ 5 кираспрскій полкъ Коленкура, такъ и Тильманъ, проникли въ оное чрезъ ровъ и брустверъ, и прибавляютъ, что ровъ и брустверъ были утоптаны, и что этотъ путь былъ удобнѣе, нежели чрезъ горжу, по причинѣ ея крутизны. Нашъ исторіографъ не нашелъ нужнымъ дѣлать эту оговорку, а сказалъ просто: «перенеслись чрезъ ровъ и брустверъ», да и баста!

Допустимъ, что это былъ пропускъ, или недосмотръ, при поспѣшности сложенія исторіи, но сдѣсь замѣчательно то, что Генералъ Богдановичъ, для описанія этого высшей важности эпизода, избралъ только трехъ Нѣмецкихъ повѣствователей, разсказывающихъ оный почти одинаково [63] и совершенно противно засвѣдѣтельствованіямъ всѣхъ другихъ очевидцевъ, и нашихъ, и Французскихъ, и даже Нѣмецкихъ, писавшихъ не сорокъ лѣтъ спустя, а гораздо ближе къ событію, при жизни еще многихъ дѣятелей той поры.

Для объясненія этого эпизода, я укажу на нѣкоторые источники, заслуживающіе довѣріе, конечно, несравненно болѣе, нежели избранные Г. Богдановичемъ: Гофманъ, Бернгарди и Шрекенштейнъ, [64] и начну, какъ и почтенный исторіографъ, съ Нѣмецкихъ, потомъ приведу засвѣдѣтельствованія Французовъ, Италіянцевъ и Англичанъ, и заключу показаніями Русскихъ, соблюдая, по возможности, помѣщать прежде сказанія участвовавшихъ въ

---

[62] Четвертый изъ указанныхъ, Бутурлинъ; но этотъ, какъ замѣчено выше, говоритъ оное съ тремя другими.

[63] Выше было замѣчено, что запѣвалой былъ Шрекенштейнъ, сознающійся, что «о всемъ этомъ осталось у него только нѣмое воспоминаніе». Гофманъ и Бернгарди начали подтягивать, а за ними послѣдовали нѣсколько и болѣе мелкихъ нѣвцовъ, а въ заключеніе и нашъ Г. исторіографъ.

[64] Мы видѣли, что эти лица составляютъ одно—Шрекенштейна.

битвѣ, и за тѣмъ повѣствователей-компиляторовъ въ послѣдовательномъ порядкѣ.

Миллеръ, Маіоръ Виртембергскаго Генеральнаго Штаба (Darstellung der Feldzugs des Franz. verbundeten Armee gegen die Russen im Jahr 1812 etc., v. Moritz v. Müller. Stuttgart, 1822, in 4°, 2 v.) (S. 118), что Коленкуръ, съ 5 кирасирскимъ полкомъ, вторгнулся въ редутъ [65] съ тыла (чрезъ горжу), но пѣхота Русскаго 6 корпуса заставила его тотчасъ оставить укрѣпленія, которымъ вскорѣ овладѣла пѣхота Вице-Короля. [66] Другое Нѣмецкое сочиненіе (Der Krieg d. Franzosen und ihrer Alliirten gegen Russland, von ...r. Leipzig, 1814, in 8, 2 v.) говоритъ (S. 113) то же самое.

Бомсдорфъ, Прусскій Маіоръ и Бригадный Адъютантъ (Mittheilungen aus dem Russischen Feldz. etc. Leipzig, 1818, in 12, 2 v.), разсказавъ (t. II, S. 113) вскользь, что Коленкуръ съ 5 кирасирскимъ полкомъ бросился на центральную батарею, но былъ убитъ, а кирасиры прогнаны, присовокупляетъ, что укрѣпленіе взялъ Тильманъ, войдя въ оное чрезъ ровъ и брустверъ, а частію и чрезъ горжу, въ одно время съ Французскими кирасирами, вторгнувшимися съ другой стороны. [67]

Въ Прусскомъ военномъ журналѣ, издававшемся Офицерами Генеральнаго Штаба (Denkwürdigkeiten für die Kriegs-Kunst und Kriegs-Geschichten, v. einigen Officieren des Königl.-Preussischen Generalstab. Berlin, 1818), говорится (3 Heft, S. 117) почти тоже.

---

[65] Иноземцы называютъ укрѣпленіе то редутомъ, то батареей, то шанцами и т. п. Я буду называть центральнымъ укрѣпленіемъ, батареей, которая и была дѣйствительно таковой, изображая общимъ очертаніемъ полумѣсяцъ.

[66] О Тильманѣ—ни слова.

[67] Разсказъ не вполнѣ ясенъ, но во всякомъ случаѣ набѣгъ конницы съ разныхъ сторонъ въ одно время точенъ, какъ это разъяснится въ заключеніи. Не спутывается ли здѣсь сочинитель, а за нимъ и другіе? Саксонскіе кирасиры дѣйствительно вскочили на батарею, но не на эту, а на одну изъ Семеновскихъ флешей, что Шамбре разсказываетъ въ т. II, стр. 67, а также есть и другіе, Нѣмецкіе, писатели, изъ коихъ очень не многіе описываютъ съ должною ясностію.

Вольдендорфъ, Маіоръ Баварскаго Генералъ-Квартирмейстерскаго Штаба (Kriegsgeschichte von Bayern unter König Maximilian etc. München, 1826) говоритъ (т. III, S. 151, 153): «26 дивизія Русскихъ, сильно атакованная дивизіею Де Франса (конная), около Семеновскаго, приведена была въ безпорядокъ. Мюратъ, видя, что Вице-Король приготовляется къ атакѣ центральной батареи, приказалъ Коленкуру оттѣснить отъ онаго 12 дивизію, Русскую, и потомъ повернуться влѣво и, если можно, ворваться въ укрѣпленіе. Коленкуръ бросился со 2 кирасирскимъ корпусомъ и, оттѣснивъ пѣхоту, замѣтилъ, что онъ проскакалъ линію указанной батареи, повернулъ влѣво и чрезъ тылъ ворвался въ оную; однако Русскіе, стоявшіе за оврагомъ, заставили кирасиръ удалиться изъ оной, при чемъ былъ убитъ Коленкуръ. Но Вице-Король велъ уже пѣхоту на приступъ укрѣпленія, въ которомъ Русскіе рѣшились побѣдить, или умереть. Лѣвый флангъ наступающей пѣхоты (дивизіи: Брусье, Морана и Жерара), былъ прикрытъ конницею Груши, въ головѣ которой шли Баварскіе полки №№ 1 и 2. Правый флангъ прикрывался конницею Монбрена (2 корпусъ). Французская пѣхота, полки № 9, 17, 21 и 35, окружили укрѣпленіе и, по кровопролитномъ сопротивленіи, овладѣли онымъ, въ то время, когда кирасиры оставили его».

Сочинитель, какъ видѣли, Баварецъ, участвовалъ при этомъ овладѣніи, и по тому такъ отчетливо и правильно излагаетъ, какъ это замѣтится въ заключеніи. О Тильманѣ нѣтъ и помина. Онъ не натягиваетъ на свой элементъ того, что другіе дѣлаютъ изо всей силы.

Меергеймъ (Erlebnisse eines Veteranen der grossen Armee während des Feldzuges in Russland, 1812. Dresden, 1860) [99] говоритъ (S. 99, 100), что «когда Саксонцы вошли въ укрѣпленіе, то увидѣли, что не были первыми; ибо онъ былъ заваленъ убитыми Французскими кирасирами Коленкура и пѣхотой (Бонами). Тильманъ съ бригадой устремился чрезъ ровъ и брустверъ въ укрѣ-

[99] Книга написана участникомъ и, по смерти его, издана сыномъ, Капитаномъ Саксонскихъ войскъ бригады Кронъ-Принца, Рихардомъ Меергеймомъ.

ленiе. «Само собою разумѣется (присовокупляетъ сочинитель), многiе дрались не рву, но потомъ, слѣдуя примѣру Минквица и храбрыхъ предводителей, Тильмана и Латура, перешли чрезъ брустверъ и увидѣли ужасную рѣзню. Тильманъ находился съ бригадой въ опасномъ положенiи въ укрѣпленiи. Въ одно съ нами время пѣхота, находящаяся на лѣво и штурмовавшая укрѣпленiе, намъ помогла».

Какъ Саксонецъ, онъ не могъ не сказать нѣсколько словъ о Тильманѣ, но несравненно скромнѣе другихъ; въ сущности, какъ видно будетъ, онъ говоритъ правильно: конница, прикрывавшая фланги пѣхоты, охватила окончности разрушеннаго брустера, и пока пѣхота одолѣвала защитниковъ, конница начала перебираться имъ въ тылъ, думая тѣмъ и охранить себя отъ производимаго огня изъ за оврага. Впрочемъ, Меергеймъ приписываетъ прямо пѣхотѣ окончательное овладѣнiе этой батареей.

Штабъ-Офицеръ Саксонскаго Генеральнаго Штаба (Die Feldzug der Sachsen in den Jahren 1812, und 1813. Dresden, 1821) говоритъ (S. 433—435), что «бой, для овладѣнiя центральною батареей, былъ самый ужасный. Русскiе употребляли всѣ усилiя, чтобы удержать этотъ главный пунктъ своей позицiи. По-минованiи опасности на лѣвомъ крылѣ, Вице-Король возвратился къ позицiи противъ центральной батареи, чтобы употребить всѣ силы для занятiя оной. Всѣ строились къ приступу, а корпусъ Груши долженъ былъ прикрывать лѣвый флангъ атакующихъ. Въ это время пронеслась дивизiя Ларжа, въ головѣ которой была бригада Тильмана, которая бросилась въ укрѣпленiе, но едва была бы въ состоянiи удержать оное, если бы не подоспѣлъ Вице-Король съ пѣхотой на штурмъ, и тогда укрѣпленiе было взято».

Въ описанiи войнъ, послѣдовавшихъ послѣ паденiя Людовика XVI (Geschichte der Kriege in Europa seit dem Jahre 1792 etc. Berlin, Posen und Bamberg 1839, mit 4 Planen, Jahr 1812), свѣдѣтельствуется (9-te Theil, S. 95), что Коленкуръ проникъ въ укрѣпленiе черезъ горжу, гдѣ и былъ убитъ, а потомъ Тильманъ черезъ ровъ и брустверъ, между тѣмъ прибыла пѣхота Вице-Короля и т. п. Сочинитель усиливается возвышать свой эле-

ментъ, и какъ ни запутываетъ этотъ эпизодъ, но итогъ тотъ, что пѣхота окончательно овладѣла онымъ, а до того времени наскакивавшая на него конница не могла оставить его за собой.

Либенштейнъ (Der Krieg Napoleons gegen Russland in des Jahren 1812 und 1813, von L. A. F. Liebenstein. Frankfurt am Main, 1819, in 8, 2 v.), говоритъ (S. 53 etc.), что «Коленкуръ, съ 2 кирасирской дивизіей Ватье, бросился въ головѣ 5-го кирасирскаго полка на лѣвую сторону батареи чрезъ горжу, и убитъ ядромъ. Кирасиры, осыпанные огнемъ стоявшей за оврагомъ пѣхоты, отступаютъ. Между тѣмъ подоспѣла Французская пѣхота, поддерживаемая конницею Груши, которая прошла справа и лѣва окопъ укрѣпленія, и здѣсь произошелъ ужасный бой, въ которомъ Груши и три его Адъютанта ранены. Укрѣпленіе было окружено Французами, но оставалось еще во власти Русскихъ. Тутъ ворвались въ оное полки пѣхотной дивизіи Брусье и 2-й дивизіи Морана, подъ предводительствомъ Вице-Короля и его Штаба. Русскіе артиллеристы заколоты при орудіяхъ, которыми такъ геройски защищались. Внутренность представляла ужасное зрѣлище. Брустверы были разрушены, пушки опрокинуты, лафеты раздроблены; кучами лежали убитые и стопавшіе отъ ранъ. Всѣ защитники укрѣпленія пали, исключая одного Офицера, ими предводившаго. [69] Завидуя почтенной смерти своихъ товарищей, и желая раздѣлить ее вмѣстѣ съ ними, онъ бросился на Французовъ со шпагой въ рукахъ, но, чтобы остался хотя одинъ свѣдѣтель ихъ побѣды, они отказали ему въ смерти. Герой обезоруженъ и отведенъ къ Вице-Королю, который встрѣтилъ его съ уваженіемъ, какъ должною данью его доблести.» Но чему бы Г. Богдановичу не предпочесть такое отчетливое описаніе, какъ увидимъ, и многія другія Шрекенштейновой ерундѣ? Здѣсь, какъ и слѣдовало, не упоминается Тильманъ, а только корпусъ, въ которомъ онъ находился, и выставлены одни главные дѣятели.

---

[69] Это былъ, разумѣется, Генералъ Ахачовъ.

· Шнейдавиндъ (Die Feldzuge in den Jahren 1812—1815. Bamberg, 1826. Erster Band) описываетъ это событіе слѣдующимъ образомъ (S. 133—135): «Мюратъ и Вице-Король условились приступить единовременно къ центральной батареѣ съ разныхъ сторонъ: Коленкуръ, съ 2 кирасирскимъ корпусомъ, долженъ былъ перейти равнину между Семеновскимъ и батареею, опрокинуть войска, защищающія сію послѣднюю, и стараться пробраться въ нее съ тыла. Въ это же время пѣхотныя дивизіи: Брусье, Жерара и Морана (корпуса Вице-Короля) должны дѣйствовать слѣва. Въ головѣ 5 кирасирскаго полка дивизіи Ватье, Коленкуръ бросился на тылъ укрѣпленія. Тутъ онъ былъ убитъ, кирасиры же его не могли выдержать сильнаго огня, производимаго корпусомъ Остермана, и Русскіе вновь овладѣли укрѣпленіемъ, [70]ославъ свою конницу преслѣдовать Французскую. Въ одно время бригада Тильмана (корпуса Латуръ-Мобура), взявъ лѣвѣе, приблизилась къ укрѣпленію, [71] когда Адъютантъ Наполеона передалъ ей приказаніе взять это укрѣпленіе. 3 кирасирскій полкъ тотчасъ бросился исполнить это приказаніе. Саксонскіе garde de corps тоже бросились чрезъ брустверъ, уже много поврежденный, и оно было взято. Часть Русскихъ вышла (!), другая же еще сильно сражалась и получила подкрѣпленіе, съ приказаніемъ, во что бы ни стало, вновь овладѣть онымъ (за чѣмъ же вновь овладѣвать, когда она еще не уступала укрѣпленія?), и уже Саксонскіе и Польскіе кирасиры стали ослабѣвать (ясно, что не одолѣли еще), не смотря на присланные къ нимъ два полка Французскихъ конныхъ карабинеръ; они употребляли послѣднія усилія, чтобы удержать за собой укрѣпленіе, какъ приблизились къ оному, вначалѣ одинъ, а потомъ еще два пѣхотные полка корпуса Вице-Короля, который бросился съ 9 и 35 полками, обойдя укрѣпленіе слѣва, и вторгнулся въ оное. Генералъ Лихачовъ былъ при этомъ взятъ въ плѣнъ.»

---

[70] Русскіе не оставляли укрѣпленія; они только отбились отъ кирасиръ; слѣдовательно, имъ не нужно было вновь брать онаго.

[71] Это конница шла на флангахъ пѣхоты Вице-Короля. Въ заключеніи, при согласованіи всѣхъ разнорѣчій, это поясняется.

Что за безсмыслица: одна часть (изъ укрѣпленія) ушла, другая, т. е., оставшаяся еще, сильно защищалась и получила подкрѣпленіе! Вѣдь это чистая чушь: ушла и получила подкрѣпленіе; и это все защищалось такъ, что, не смотря на присланные два конно-карабинерные полка, наши одолѣвали ихъ, а только прибытіе трехъ пѣхотныхъ дивизій рѣшило бой. Чѣмъ же тутъ хвастаться? Фразы не затемняютъ послѣдовавшихъ итоговъ; и какъ бы Г. Шпейдавпидъ, со всею своею братіею, ни натягивалъ подвиговъ на своихъ брудеровъ, но итогъ, ими же самими высказываемый, обличаетъ ихъ: имъ хочется показать, что, мы, де, были Русскихъ лучше, нежели то дѣлали тогдашніе наши господа, Французы. Но, не смотря на всѣ натяжки, на свой Индо-Германскій элементъ, въ этомъ случаѣ ясно видно, что укрѣпленіемъ окончательно овладѣла пѣхота Вице-Короля, какъ въ заключеніи этого эпизода и окажется.

Въ другомъ сочиненіи (Prinz Eugen. Stokholm, 1857) Шпейдавпидъ остылъ и положительно уже говоритъ (S. 225), что Коленкуръ атаковалъ пѣхоту (у Семеновскаго) и, отбросивъ ее, повернулъ на лѣво и съ кирасирами ворвался въ укрѣпленіе, «съ тыла чрезъ горжу;» кирасиры прогнаны, и Коленкуръ былъ убитъ, и что въ это время «бригада Тильмана, принявъ лѣвѣе, приблизилась къ укрѣпленію, которое ей приказано было взять. Она ворвалась чрезъ брустверъ, и уже Русскіе, подъ начальствомъ Лихачова, стали одолѣвать ее, но подоспѣла пѣхота Вице-Короля и овладѣла укрѣпленіемъ. Лихачовъ былъ взятъ въ плѣнъ» и т. д. Опять очень ясно, что, не смотря на наскоки конницы Коленкура, пусть и Тильмана съ Саксонцами и другими Нѣмецкими и Польскими полками, а укрѣпленіи не было ими взято: оно защищалось чѣмъ попало, и только навалившіяся три пѣхотныя дивизіи окончательно овладѣли онымъ.

Бишофъ (Geschichte des Feldzug von 1812 in Russland etc., von L. Wesel u. Leipzig. 1840) свѣдѣтельствуетъ, что Коленкуръ повернулъ на лѣво въ горжу, и былъ убитъ ядромъ. Одинъ эскадронъ вскочилъ чрезъ брустверъ, что было гораздо легче, ибо онъ былъ совершенно обрушившимся; точно также, чтобы и оставить укрѣпленіе, Кирасиры подвергались менѣе,

спасаясь черезъ оный, нежели черезъ горжу, обстрѣливаемую изъ за оврага.

Рёдеръ (Францъ), Полковникъ Генеральнаго Штаба Великаго Герцогства Гессенскаго (Der Kriegszug Napoleons gegen Russland im Jahr 1812. Mit Planen und Carte. Leipzig, 1848) говоритъ (S. 145, 146): «Мюратъ приказалъ Коленкуру обойти отъ Семеновскаго большую батарею (центральную), наносившую большія потери войскамъ, и овладѣть ею съ тыла. Приказаніе это было исполнено. Коленкуръ, въ головѣ 2-й кирасирской дивизіи, опрокинувъ все, имъ встрѣченное, и замѣтивъ, что миновалъ уже батарею, приказалъ 5 кирасирскому полку вернуться, [72] и такимъ образомъ ворвался въ батарею съ тыла. Но Французы не могли въ ней держаться и едва не покинули ея, какъ на помощь къ нимъ подошла пѣхота Вице-Короля, приступившая къ укрѣпленію съ фронта и флаговъ. При этомъ былъ взятъ Генералъ Лихачовъ» и т. д. За симъ, вѣроятно, для удовлетворенія самолюбія своего элемента и чтобъ не раздразнить его истиной, сочинитель приводитъ, въ выноскѣ, разсказъ Австрійской военной газеты: «Кирасиры (т. е., Коленкура) отступили, и Русскіе опять овладѣли батареей. (Вздоръ! До пѣхоты Вице-Короля батарея была за нами.) Въ это время Саксонская бригада 4 кавалерійскаго корпуса взяла влѣво, какъ въ два часа по полудни прискакалъ Адъютантъ Наполеона съ приказаніемъ взять большую батарею. Саксонцы и Поляки (три полка), не смотря на картечь и ядра, перешли брустверъ, почти уничтоженный уже огнемъ, при чемъ Адъютантъ Тильмана, Поручикъ Минквицъ, былъ первымъ, вскочившимъ въ укрѣпленіе, которое и было взято (!). Часть Русскихъ войскъ удалилась, другая сражалась и еще оспаривала; скоро Русскіе были подкрѣплены и Саксонцы уже отчаявались, какъ въ это время подошла пѣхота Вице-Короля». Что опять за безтолочь! Минквицъ вскочилъ—и укрѣпленіе было взято, и Саксонцы уже отчаявались—но въ это время подошла пѣхота Вице-Короля, т. е., спасла ихъ.

---

[72] Хотя сочинитель не говоритъ на лѣво, но отъ Семеновскаго онъ, повернувшись на право, попалъ бы, повторяю, въ Утицу.

Въ книгѣ очевидца 1812 г., или Наполеонъ въ Россіи (Das Buch von Jahr 1812, oder Napoleon in Russland. Dargestellt von einem augenzeugen. Zw. Band. Mit 3 Planen. Leipzig, 1844), разсказывается (S. 273, 274), что «Польскіе и Нѣмецкіе кирасиры 4 корпуса Латуръ-Мобура, подъ начальствомъ Тильмана съ одной стороны, а съ другой Коленкуръ со 2 кирасирскимъ корпусомъ, обогнувъ укрѣпленіе, соединились въ тылу онаго. Русскіе, замѣтивъ, что они не имѣютъ пѣхоты, дѣйствовали всѣми родами оружія, и уже Французы должны были отступить, какъ имъ на помощь пришелъ Вице-Король съ пѣхотными дивизіями Брусье, Жерара и Морана.

Хотя разсказъ этотъ и не вполнѣ отчетливъ: такъ на примѣръ, сказано, что когда 2 и 4 корпуса соединились въ тылу укрѣпленія и общими силами начали наступать на оное, то, будьто бы, сдѣсь лично распоряжался Мюратъ, чего ни одинъ изъ другихъ повѣствователей не говоритъ; изъ всего видно, что участникъ въ битвѣ не находился на этомъ пунктѣ; однако, не менѣе того ясно видно, что конница не могла одолѣть защитниковъ укрѣпленія, которое пало тогда только, когда налѣзли на оное три пѣхотныя дивизіи.

Цельнеръ (Geschichte des Feldzugs in Russland im Jahre 1812 etc., v. L. Cellner. Reutlingen, 1839) приписываетъ (S. 81) подвигъ овладѣнія центральною батареей Коленкуру, [73] но о Тильманѣ и Саксонцахъ ни слова.

Стегеръ (Der Feldzug von 1812, v. Friedr. Steger etc. Braunschweig, 1845) говоритъ (S. 98), что, для овладѣнія центральною батареей, приготовились три пѣхотныя дивизіи: Брусье, Морана и Жерара, и Саксонская конница. Коленкуръ бросился въ тылъ и ворвался въ редутъ, между тѣмъ какъ пѣхота съ фронта овладѣла брустверомъ и т. д.

---

[73] Цельнеръ говоритъ, что Коленкуръ убитъ пулей. То же говорятъ еще двое, конечно, списывая одинъ у другого, а отъ нихъ, конечно, заимствовалъ и нашъ исторіографъ.

Профессоръ Вёрль (Geschichte der Kriege von 1729 bis 1815, mit Schlachten-Atlas. Von Proffesor Dr. S. C. Woerl etc. Freiburg und Breisgau, 1852, petite in fol., 2 v.) пишетъ (S. 203), что кирасиры ворвались въ укрѣпленіе чрезъ горжу и казалось, что оно взято, но Русскіе съ другихъ батарей осыпали ихъ огнемъ. Коленкуръ палъ съ большею частію кирасиръ, подоспѣла пѣхота Вице-Короля съ конницею Груши, и укрѣпленіе было взято штурмомъ.

Маіоръ Бейтцке, компиляторъ, преимущественно изъ Бернгарди, издалъ книгу свою только въ 1856 году (Geschichte des Russischen Krieges im Jahre 1812, von Heinrich Beitzke, Major u D., mit Plan etc. Berlin, 1856) описываетъ (S. 210 etc.) этотъ эпизодъ слѣдующимъ образомъ: «Вице-Король употребилъ для приступа три пѣхотныя дивизіи: Итальянскую, Брусье, и Французскія, Морана и Жерара. Для поддержанія атаки пѣхоты, приданъ былъ ему кавалерійскій корпусъ Груши. Сверхъ того, Императоръ назначилъ многочисленную конницу корпусовъ Монбрена и Латуръ-Мобура, владѣвшихъ уже Семеновскою возвышенностью (plateau), для атакъ лѣваго фланга Барклая и тыла центральной батареи. Такимъ образомъ атака на оное ведена была съ двухъ сторонъ. Въ то время, какъ дивизіи Вице-Короля, поддерживаемыя страшною артиллеріею, шли отъ нижняго Семеновскаго оврага и Колочи, на штурмъ холма, на которомъ находилась центральная батарея, конница Монбрена и Латуръ-Мобура бросилась на лѣвый флангъ Русскихъ и съ тылу приступила къ страшному холму. Рѣдкимъ случаемъ удалось конницѣ Монбрена, которую по смерти его велъ пылкій Коленкуръ, ворваться въ укрѣпленіе съ тыла вмѣстѣ съ своею смертью. Французская конница не удержала за собой укрѣпленія и была выгнана ожесточенными Русскими. Но еще одна атака Саксонскаго Генерала Тильмана въ головѣ garde de corps, которая въ этотъ день покрыла себя славой, рѣшила (облегчила) обладаніе онымъ въ пользу Французовъ. [74] Между тѣмъ дивизіи

[74] Тильманъ принадлежалъ къ конницѣ, которая назначена была прикрывать съ фланговъ движеніе пѣхоты Вице-Короля, и пока та боролась съ защитниками разрушеннаго рва и бруствера, конница прошла около фланговъ и, найдя окопъ сглаженнымъ, и набѣгая огня изъ за оврага, частію вскочила въ укрѣпле-

Вице-Короля подступили и вошли съ другой стороны.» Далѣе сочинитель описываетъ мужественную борьбу Барклая съ кавалеріей и заключаетъ, что Французы, овладѣвъ холмомъ, будто бы начали укрѣплять его. Замѣчательно, что Бейнце, при описаніи этого эпизода, разнорѣчитъ съ Бернгарди и говоритъ правильнѣе.

Сдѣсь приведу два сочиненія, писанныя лицами, служившими въ Русской арміи и блистательно участвовавшими въ Бородинскомъ боѣ, которые могли бы быть причислены къ историкамъ Русскимъ; но, какъ сочиненія ихъ писаны по Нѣмецки и изданы за границей, спустя нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ событія, то и отношу ихъ къ разряду Нѣмецкихъ; ибо иначе должно было бы причислить къ Русскимъ и Гоффмана и Клаузевица, какъ тогда временно же служившихъ въ рядахъ нашихъ.

Принцъ Евгеній Виртембергскій, въ своихъ «Воспоминаніяхъ» (Erinnerungen aus dem Feldzuge des Jahres 1812 in Russland. Als Commentar etc., Breslau, 1846), говоритъ (S. 85—87):.... [75] «1-й кирасирскій корпусъ Коленкура (младшаго), который принялъ надъ нимъ команду послѣ убитаго Монбрена и раненыхъ Ватье и Де Франса, и 3-й, подъ начальствомъ Груши, должны были устремиться на укрѣпленіе съ лѣвой, а 4-й, Латуръ Мобура, съ правой стороны: Вице-Король съ дивизіями: Морана, Жерара и Брусье получилъ повелѣніе атаковать его въ то же время съ фронта. Непріятельская (т. е., Французская) конница охватила со всѣхъ сторонъ и возвышеніе, на которомъ находилась батарея и всѣ стоящіе по близости отъ нея Русскіе баталіоны... Коленкуръ палъ; но Тильманъ, въ головѣ Саксонскихъ кирасировъ, ворвался въ укрѣпленіе чрезъ открытую его горжу. [76] Артиллеристы

ніе, но оно еще сопротивлялось, какъ это видно изъ сказанія большей части очевидцевъ, и пало только предъ тремя дивизіями пѣхоты, тогда какъ въ ней не осталось почти уже ни одного человѣка.

[75] Сохраняю сдѣсь переводъ «Военнаго Журнала», 1848 г., № 1, стр. 70 и 71.

[76] Нѣсколько далѣе Принцъ говоритъ въ этомъ отношеніи другое. Разсказавъ

частію были изрублены, частію захвачены въ плѣнъ. Другія Французскія извѣстія приписываютъ весь успѣхъ атаки 9-му и 35-му полкамъ, говоря, что они первые, подъ личнымъ предводительствомъ Вице-Короля, овладѣли высотой. Какъ бы то ни было, только въ самомъ укрѣпленіи Французы не оставили ни какихъ войскъ, по тому что сторона его, обращенная къ намъ, не имѣла ни какой фортификаціонной выгоды.

Принцъ, не будучи самъ на этомъ пунктѣ, описываетъ, какъ видѣли выше, событіе на ономъ очень поверхностно, но, однако же, говоритъ положительно, что кирасиры проникли чрезъ горжу, а не переносились чрезъ ровъ и брустверъ. Изъ самаго разсказа видно, что Тильманъ ворвался въ укрѣпленіе, гдѣ многіе артиллеристы были изрублены, но не сказано, что онъ завладѣлъ укрѣпленіемъ, которое въ то же время окончательно взято пѣхотой. Относительно того, что приписывается Тильману, то это заимствовано отъ нѣкоторыхъ изъ его земляковъ.

Флигель-Адъютантъ, въ 1812 г., Полковникъ Вольцогенъ, въ послѣдствіи Прусскій Генералъ отъ инфантеріи (Memoiren. Leipzig, 1851), участникъ въ битвѣ, находясь при Барклаѣ де Толли, свѣдѣтельствуетъ (S 143—144), что Мюратъ приказалъ Коленкуру взять укрѣпленіе съ тыла, между тѣмъ какъ Вице-Король, съ тремя пѣхотными дивизіями, приступитъ съ фронта и съ правой стороны. Часть Французской конницы пошла на Русскую пѣхоту, а Тильману, съ Саксонскими кирасирами, удалось войти въ укрѣпленіе, которое между тѣмъ, послѣ упорнаго боя, взято пѣхотой Вице-Короля, и плѣненъ Генералъ Лихачовъ.

Сдѣсь ясно, что редутомъ, какъ это и было, овладѣла пѣхота, конница же тутъ, какъ говорится, только гарцовала, а Тильманъ прилетенъ, какъ Нѣмецъ: нужно же было показать, что и мы, де, пахали и торжествовали надъ Русскими.

взаимныя атаки нашей конницы съ непріятельскою, присовокупляетъ: «Дѣло кончилось тѣмъ, что пѣхота Вице-Короля удержалась на возвышеніи батареи, а Русскіе за Горжскимъ оврагомъ» и т. д.

Прекращаю дальнѣйшую выписку изъ Нѣмецкихъ повѣствователей, коихъ сдѣсь, болѣе или менѣе извѣстныхъ, [77] приведено двадцать, независимо отъ трехъ указанныхъ Г. Богдановичемъ. Приводя болѣе, оказался бы тотъ же итогъ, о которомъ замѣчу при приведеніи источниковъ Французскихъ и другихъ, а равно и нашихъ.

Теперь приведу повѣствованія Французовъ, и начну съ Генерала Маркиза Шамбре, котораго Г. Богдановичъ, для составленія своей Исторіи, избралъ изъ всѣхъ, какъ болѣе правдиваго и безпристрастнаго, но въ изложеніи эпизода овладѣнія центральной батареей, конечно, заподозрилъ его, вмѣстѣ со всѣми Французами участниками, и не призвалъ ни одного изъ нихъ къ засвѣдѣтельствованію.

Маркизъ Шамбре, артиллерійскій Полковникъ, въ послѣдствіи Генералъ (Histoire de l'expédition de Russie, avec atlas etc. Paris, 1825, in 8, 3 vol.), положительно говоритъ (t. 1, p. 71, 72), что Коленкуръ, въ головѣ дивизіи Ватье, съ 5-мъ кирасирскимъ полкомъ, пріобрѣтя успѣхи въ атакѣ нашихъ линій, повернулъ на лѣво (а не на право, какъ пишетъ Г. Богдановичъ), атаковалъ войска, стоявшія тотчасъ за батареей, и потомъ проникъ въ оную чрезъ горжу (а не переносился ни чрезъ ровъ, ни чрезъ брустверъ), въ то время, какъ прямо на редутъ подходила пѣхота Вице-Короля, а о Тильманѣ и Саксонцахъ ни слова.

---

[77] Клаузевицъ, въ описаніи Бородинской битвы, почти ни чего не говоритъ объ этомъ эпизодѣ, но за то, на страницѣ 158, изволилъ сказать, что въ Бородинѣ съ обѣихъ сторонъ дѣйствовало двѣ тысячи пушекъ! Это простительно Керъ-Портеру, дающему, на стр. 154, то же число орудій, и Бретонъ де ла Мартиньеру, на стр. 44; но Французамъ это ни по чемъ. Такъ въ жизнеописаніи Генерала Фріана находимъ, что Преображенскій полкъ подъ Бородиномъ потерялъ (p. 239) 3600 человѣкъ!!, а въ жизнеописаніи Наполеона (L'Empereur Napoleon. Paris, 1837, p. 141) prince Kimniskou Golonitcheff Koutousoff! Pouttourlin! Кажется, авторъ, обогатившій изданіе свое множествомъ гравюръ работы Réveil-я, въ 25 лѣтъ могъ вычитать настоящія имена, имъ приведимыя. «Въ пятидесятилѣтіи Бородинской битвы» приведено нѣсколько подобныхъ примѣровъ, и, если обстоятельства позволятъ, я соберу всѣ такіе курьезы въ одно цѣлое.

Генералъ Пеле (Bibl. hist. et milit. 1853, t. VII), лучше многихъ описавшій Бородинскую битву, [78] свѣдѣтельствуетъ (p. 527), что Коленкуръ ворвался въ укрѣпленіе съ тыла, и въ то же время, чрезъ брустверъ, проникала помянутая пѣхота, и опять нѣтъ и помина о Тильманѣ и о Саксонцахъ.

Лабомъ, Полковникъ Генеральнаго Штаба, находившійся при Вице-Королѣ (Relation complète de la campagne de Russie en 1812. Sixième édit. Paris, 1820), а по тому не только что свѣдѣтель, но и близкій дѣятель въ описываемомъ эпизодѣ, излагаетъ оный съ особенными подробностями, не встрѣчаемыми у другихъ историковъ..[79] Разсказавъ удачную атаку кавалерійскихъ корпусовъ, направленныхъ Мюратомъ на Семеновскую возвышенность (plateau), присовокупляетъ (p. 150 — 155): «Вице-Король, желая воспользоваться этою рѣшительною минутою, тотчасъ дѣлаетъ распоряженіе для совокупной, дружной атаки большой батареи 1-ю, 3-ю и 4-ю дивизіями. По постройкѣ въ боевовой порядокъ, войска эти бодро двинулись впередъ; они шли на укрѣпленіе, когда всѣ орудія онаго дѣйствовали картечью, внося въ ряды наши опустошеніе и ужасъ. Сначала солдаты поколебались отъ такой гибельной встрѣчи. Замѣтивъ это, Вице-Король воспламенялъ ихъ къ храбрости, напоминаніемъ каждому полку прежнихъ ихъ подвиговъ, одному онъ говорилъ: «Сохраните за собой ту храбрость, которая доставила вамъ названіе непобѣдимыхъ!» другимъ: «Помните, что ваша слава зависитъ отъ сегодняшняго дня!» потомъ, обратясь къ 8-му линейному полку, онъ, съ волненіемъ, вскричалъ: «Храбрые солдаты! Вспомните, что въ Ваграмѣ вы были со мной, когда мы прорвали

---

[78] Пеле былъ начальникомъ Штаба пѣхоты, Онъ разставлялъ войска и самъ водилъ части, по тому присовокупляетъ, что, по занятіи укрѣпленія, Французы опрокинули пушки изъ опасенія, что если мы опять возьмемъ редуть обратно, какъ это было утромъ, то чтобы не могли изъ нихъ дѣйствовать.

[79] Я сохраню разсказъ этотъ вполнѣ; ибо онъ, при описаніи эпизода, не можетъ быть исключенъ, какъ свѣдѣтельствующій о той геройской оборонѣ, которую оказали защитники укрѣпленія, и т. д.

центръ непріятеля.» Такими словами, но болѣе личнымъ примѣромъ, онъ возбудилъ ихъ мужество, такъ что вездѣ послышался трепетный голосъ радости, и всѣ опять двинулись впередъ [80] на укрѣпленіе, поклявшись честью, что ни пули, ни ядра, ни раны, не вынудятъ ихъ отступить ни на шагъ. Вице-Король, объѣзжая ряды, приказывалъ атаковать съ хладнокровіемъ, и направлялъ наступленіе, возбуждая дивизію Брусье, между тѣмъ, какъ Генералъ Пансути, въ головѣ тяжелой кавалеріи Генерала Сенъ-Жермена, атаковалъ то, что находилось вправо, и очищалъ равнину до оврага сожженной деревни. Бригада карабинеровъ, подъ начальствомъ Генераловъ Польтра и Шуара, одинаково шла въ головѣ, обращая всѣхъ, которые осмѣливались воспротивляться. Они покрыли себя славой одинаково, какъ и конные егеря Пажоля. Генералъ Монбренъ, въ головѣ своей конницы, окончилъ славную свою жизнь, когда бригада кирасиръ, принадлежавшая къ его же корпусу, получила приказаніе атаковать непріятеля, который тутъ встрѣтится, [81] и дебардировать большую батарею, дѣйствующую во флангъ всей нашей конницѣ. Въ одно мгновеніе эта бригада (въ которой, въ числѣ другихъ, находился 5-й кирасирскій полкъ), подъ начальствомъ Коленкура, бросилась на укрѣпленіе, и представила нашимъ удивленнымъ взорамъ чудесное зрѣлище: все это возвышеніе, которое господствовало надъ нами, казалось движующеюся желѣзною горой: блескъ оружія, касокъ и кирасъ, отражая солнечные лучи, смѣшивались съ огнемъ пушекъ, метавшихъ смертью во всѣ стороны, представляли изъ

---

[80] Опять! слово знаменательное въ устахъ участника, доказывающее дѣятельную оборону храбрыхъ защитниковъ, которые, угрожаемые со всѣхъ сторонъ торжествующею конницею, могли огнемъ своимъ остановить три пѣхотныя дивизіи такъ, что требовались необыкновенныя усилія, чтобы заставить ихъ вновь тронуться впередъ. Жаль, что все это исключено изъ нашей Отечественной Исторіи, и, не говоря уже о печеныхъ яблокахъ на деревьяхъ и о многомъ, тому подобномъ, внесенномъ въ страницы ея, но и въ самомъ эпизодѣ этомъ выше упомянутый разсказъ историка-участника, занимающаго одно изъ первыхъ мѣстъ, могъ бы найти мѣсто гораздо приличнѣе, нежели многое, разсказанное Шрекенштейномъ, который, какъ замѣчено выше, смутно припоминаетъ то, что «описываетъ». Лабомъ же писалъ тотчасъ послѣ войны.

[81] Пространство это между Семеновской и центральной батареями.

укрѣпленія видъ вулкана среди арміи. Непріятельская пѣхота, стоявшая близъ оврага, находящагося за укрѣпленіемъ, произвела столь ужасный залпъ на нашихъ кирасиръ, что заставила ихъ удалиться; тогда наша пѣхота заступаетъ ихъ мѣсто; она поддерживается 3-мъ кавалерійскимъ корпусомъ Груши, коего полки, подъ начальствомъ Генераловъ: Лагусе, Шателя, Тири и Домапже, и Полковниками: Лафопа, Бріяна и Талуе, опрокидываютъ все, что имъ встрѣчается; Адъютанты: Карбонель, Тюрень, Грамонъ и Дюфоръ ранены около Генерала Груши; самъ онъ скоро раненъ осколкомъ гранаты, но при видѣ, что укрѣпленіе скоро будетъ нашимъ, онъ забываетъ, что кровь его течетъ. Наши войска (т. е., конница), дебардировавъ ретрашаменты, производятъ ужасное избіеніе Русскихъ, которыхъ всѣ усилія обращены были, чтобы намъ не восторжествовать овладѣніемъ оныхъ. Вице-Король и его Штабъ, не смотря на страшный непріятельскій огонь, идя въ головѣ дивизіи Брусье, впереди 7-го и 13-го легкаго, 21-го и 30-го линѣйныхъ полковъ, бѣглымъ шагомъ вошли въ укрѣпленіе черезъ горжу и избили артиллеристовъ на ихъ пунктахъ.» [82] Пропускаю эпизодъ столкновенія кавалергардовъ и другой конницы съ Французскою, и потери, ею понесенныя. Лабомъ продолжаетъ: «Внутренность укрѣпленія представляла ужасающую картину. Трупы лежали кучами, и между ними много раненыхъ, коихъ вовсе не могли быть внимаемы; всѣхъ оружіи люди, разбросанно покрывали пространство внутри укрѣпленія; парапеты, въ половину разрушенные, имѣли всѣ свои гребни сбитыми, а амбразуры замѣчались только по пушкамъ; но большая часть пушекъ была опрокинута, и отдѣльно отъ своихъ разбитыхъ лафетовъ. [83] Среди этого безпорядка я замѣтилъ одного Русскаго артиллериста, имѣвшаго въ петлицѣ три ордена: этотъ храбрый подавалъ еще признаки жизни. Въ одной рукѣ онъ держалъ обломокъ шпаги, а другою крѣпко прижималъ къ себѣ

---

[82] Сдѣсь Лабомъ упоминаетъ о молодомъ Сенъ-Марсенѣ, который первый изъ Штаба Вице-Короля вскочилъ въ укрѣпленіе, получилъ въ затылокъ сабельный ударъ, награжденъ крестомъ почетнаго легіона, присовокупляя, «что эта схватка навсегда останется достославной для Штаба 4 корпуса,» т. е., Вице-Короля.

[83] Очень естественное явленіе..., что поясняется въ своемъ мѣстѣ.

пушку, которая такъ хорошо ему служила. Непріятельскіе солдаты, на которыхъ возложена была защита этого укрѣпленія, предпочли лучше умереть, нежели сдаться; то же было бы и съ Генераломъ, который ими начальствовалъ, если бы уваженіе, внушенное его мужествомъ, не спасло ему жизни. Этотъ почтенный воинъ обѣщалъ умереть на своемъ посту, и хотѣлъ сдержать свое слово; оставшись одинъ изъ всѣхъ, онъ бросился на насъ, чтобы получить смерть: солдаты готовы были зарѣзать его, если бы честь имѣть такого плѣнника не остановила жестокость ихъ. Вице-Король, желая почтить въ немъ несчастное мужество, передалъ его Полковнику Асселину, для препровожденія къ Императору.»

Кажется, Лабомъ заслуживалъ бы ссылки преимущественно не только что предъ Шрекенштейномъ, да и предъ многими другими, но, конечно, почтенный исторіографъ нашъ имѣлъ на это свои причины не вѣрить ему сдѣсь, а вѣрить тамъ, гдѣ показанія его скорѣй сомнительны, нежели достовѣрны; но во всякомъ же случаѣ такого дѣятеля въ описываемомъ эпизодѣ обойти было нельзя, не опровергнувъ критически его разсказы.

Ассоланъ (Camp de Russie en 1812, par Alfred Assolant. Paris, 1866), говоря объ атакѣ этой батареи, присовокупляетъ (p. 179), что Коленкуръ, поворотивъ назадъ влѣво, овладѣлъ укрѣпленіемъ, и убитъ въ лобъ изъ biscaïen [84] (большаго ружья).

Полковникъ Шапюи, которому исторія кампаніи 1812 г. такъ обязана разъясненіемъ многихъ эпизодовъ, между прочимъ, въ замѣчаніяхъ на предшествовавшихъ ему повѣствователей на этомъ поприщѣ, говоритъ (Bibliot. hist et milit. t. VII, p. 568), что 4-й кирасирскій полкъ (Коленкуръ) проникъ въ редутъ съ тыла; и далѣе, поясняя сказанное Генераломъ Фезанзакомъ, что кирасиры, овладѣвшіе редутомъ, были изгнаны, но что потомъ онъ былъ взятъ пѣхотой Вице-Короля, присовокупляетъ (p. 591),

---

[84] Ни какихъ biscaïen въ рукахъ Бородинцевъ не было; да и вообще въ арміи, съ 1807 года, когда я началъ службу, такихъ ружей и въ употребленіи войсками не встрѣчалъ.

что «голова 5-го кирасирскаго полка (Коленкуръ) проникла въ редутъ чрезъ горжу, но изгнана изъ онаго Русскими, храбро защищавшимися. Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ такой борьбы непріятельскія войска, стоявшія за укрѣпленіемъ, произвели столь сильный ружейный и пушечный огонь на кирасиръ, какъ вторгнувшихся въ редутъ, такъ и находившихся внѣ онаго, что 5 кирасирскій полкъ былъ принужденъ отступить; но въ то самое время, когда онъ оставлялъ редутъ, 21-й, 17-й, 9-й и 35 полки лѣзли чрезъ брустверъ и вступили въ бой съ тѣми, которые не подпали подъ палаши кирасиръ. Дивизіонный Генералъ Лихачовъ былъ взятъ въ плѣнъ.» и пр. Что же можетъ быть яснѣе: пѣхота, штурмовавшая укрѣпленіе съ фронта, овладѣла онымъ и взяла Лихачова въ плѣнъ тотчасъ послѣ, какъ кирасиры были изгнаны!

Баронъ Денье (Itinéraire de l' Empereur Napoleon pendant la campagne de 1812 etc. Paris, 1842) говоритъ (p. 76, 77): «Непріятель упорно противостоитъ, но въ особенности являетъ онъ энергическое упорство въ центрѣ; роковой редутъ [85] опустошаетъ ряды наши; онъ взятъ, отбитъ, опять взятъ, и вновь оспариваемъ. Наполеонъ, въ нетерпѣніи прекратить взаимное избіеніе, отдаетъ приказаніе овладѣть этой гигантской батареей съ эполементами и рвами. [86] Коленкуръ, разсудивъ, что пѣхоту должно ободрить, располагаетъ атаку и, обойдя редутъ, проникаетъ (слѣдовательно, съ тыла чрезъ горжу), и падаетъ въ опомъ мертвымъ. Пѣхота поддерживаетъ это движеніе. Ожесточеніе одушевляетъ всѣ сердца; забываютъ все, чтобы вырвать только побѣду изъ рукъ непріятеля; Русскіе защищаются какъ львы; Французы сражаются какъ герои» и т. п.

---

[85] Каждый разъ, какъ приходится говорить о немъ, невольно съ грустью припоминаешь совѣтъ Бенингсена. Если эта не окончепная батарея, подобная полумѣсяцу, могла столько озабочивать непріятеля, то что бы произвелъ редутъ съ прорѣзанными кругомъ амбразурами, съ двойнымъ числомъ орудій и четырьмя батальонами!!

[86] Слишкомъ преувеличено—для хвастливости.

Генералъ Графъ Солтыкъ, находившійся при Наполеонѣ (Napoleon en 1812, mém. hist. et milit. de la campagne de Russie, etc. avec une carte. Paris, 1836, gros in 8°), говоритъ (p. 239—240), что въ головѣ втораго кавалерійскаго корпуса шелъ Колепкуръ; въ началѣ конница эта атаковала корпусъ Остермана, и потомъ, смѣлымъ фланговымъ движеніемъ на лѣво (а не на право), обошла большую батарею (центральную), въ которую 5 кирасирскій полкъ, шедшій въ головѣ (а не въ послѣднемъ эшелонѣ), проникъ, чрезъ горжу, въ батарею. Но артиллерія оной была уже разстроена [87] и пѣхота Вице-Короля вскорѣ послѣ подошла къ оной съ фронта и овладѣла ею». И здѣсь нѣтъ ни слова о томъ, чтобы кирасиры переносились чрезъ ровъ и брустверъ, а ворвались въ укрѣпленіе чрезъ горжу, и что овладѣла онымъ пѣхота; нѣтъ помина о Тильманѣ и Польскихъ Генералахъ, чего бы Графъ Солтыкъ не упустилъ сдѣлать, онъ, который упоминаетъ не только что о подвигахъ, но и о каждомъ шагѣ своего родича Поляка. [88]

Генералъ-Адъютантъ Наполеона, Раппъ (Mémoires. Paris, 1823) свѣдѣтельствуетъ то же (p. 205), что Колепкуръ проникъ въ редутъ съ тыла, и присовокупляетъ, что одинъ солдатъ, скрыв-

---

[87] Она могла очень потерпѣть отъ ужаснаго и продолжительнаго огня многочисленной непріятельской артиллеріи, но не была разстроена; ибо въ то самое время, какъ Колепкуръ появился въ горжѣ, наше укрѣпленіе производило убійственный еще огонь на наступающую на оную пѣхоту, что свѣдѣтельствуется Лабомомъ и множествомъ другихъ очевидцевъ-повѣствователей, не иначе называющихъ это укрѣпленіе, какъ fatale, terrible и т. п.

[88] Замѣчательно, что и здѣсь Графъ Солтыкъ ищетъ изливать злобу противъ Русскихъ вымыслами, самыми пошлыми, о которыхъ ни одинъ изъ другихъ повѣствователей не упоминаетъ; такъ, на примѣръ, о представленіи Наполеону Г. Лихачова съ какимъ-то вымышленнымъ Адъютантомъ, тогда какъ одинъ изъ его Адъютантовъ, Капитанъ Калмаковъ, былъ раненъ и не попалъ въ плѣнъ, другой Адъютантъ Левенштернъ былъ посланъ къ Кащевичу, и уже не могъ возвратиться въ укрѣпленіе, въ это время взятое; о найденномъ зарядѣ, составленномъ изъ гвоздей и желѣзныхъ отрубковъ и т. п., и отзывѣ о семъ Наполеона, съ множествомъ другихъ вымышленныхъ безобразностей, приписываемыхъ Русскимъ.

шійся въ амбразурѣ, убилъ его на повалъ; но чѣмъ и какъ, не говоритъ.

Унгеринъ, въ образцовомъ твореніи своемъ (Des explois et des vicissitudes de la cavallerie etc. Bataille de Borodino. Journal des sciences milit. etc. 1849, № 28, статья помѣщенная въ нѣсколькихъ нумерахъ), свѣдѣтельствуетъ то же, что 5 кирасирскій полкъ, послѣ извѣстной атаки цѣлымъ корпусомъ, повернулъ на лѣво и бросился въ редутъ чрезъ горжу. «Правда, присовокупляетъ Унгеринъ, что послѣ огромныхъ потерь и самого Коленкура, кирасиры принуждены были оставить редутъ, и что Русская конница одно время отбила атаку Французской; но вторая атака, произведенная Саксонскою кирасирскою бригадой Тильмана, имѣла лучшій успѣхъ и окончательно облегчила Французамъ обладаніе этой знаменитой батареей, которую пѣхота Вице-Короля скоро и заняла» и пр. Сдѣсь ясно, что Тильманъ поддержалъ Французскую конницу, которая подалась было назадъ, и тѣмъ облегчилъ пѣхотѣ Вице-Короля овладѣть батареей. Если бы Тильманъ, какъ говоритъ Генералъ Богдановичъ, на основаніи засвѣдѣтельствованія только Шрекенштейна, переносился чрезъ ровъ и брустверъ въ батарею послѣ того, какъ изъ оной выгнаны были кирасиры Коленкура, то, конечно, Унгеринъ, посвятившій трудъ свой спеціяльному изложенію дѣйствій конницы, ни какъ бы не упустилъ сказать о томъ. Но онъ объясняетъ событіе вѣрно, какъ это будетъ видно далѣе.

Офицеръ Французскаго Генеральнаго Штаба, въ классическомъ твореніи своемъ (Mémoires pour servir à l'hist. de la guerre entre la France et la Russie en 1812, par un officier de l'etat-major de l'armes François etc. 2 vol. in 4), говоритъ (t. I, p. 185) то же, что и всѣ вышеназванные участники и очевидцы, т. е., что Коленкуръ, послѣ успѣшной общей атаки, перешедши за линію большой батареи, поворотилъ влѣво съ 5 кирасирскимъ полкомъ, и вторгнулся въ оную чрезъ горжу. Но огонь батареи и пѣхоты 24 дивизіи, стоявшей за оврагомъ, раздѣляющимъ оба редута, [89] принудилъ кирасиръ очистить оный. Между тѣмъ дви-

[89] Сдѣсь сочинитель разумѣетъ орудія, стоявшія чрезъ дорогу отъ Горокъ; ибо

женіе 4 корпуса (Вице-Короля) продолжалось, и 21, 17, 9 и 34 полки окружили батарею съ фронта и фланговъ, и вошли въ оный, когда кирасиры очищали его.

Графъ Сегюръ (Hist. de Napoleon et de la grande armée pendant l'anne 1812, 4-e édit. Bruxelles, 1825, in 8, 2 v.) разсказываетъ (t. I, p. 297), что, когда, по смерти Монбрена, Коленкуръ принялъ начальство надъ корпусомъ, Мюратъ, указавъ ему на вновь выставленныхъ Русскихъ, сказалъ, что надо ихъ опрокинуть до линіи горжа ихъ большой батареи, и что между тѣмъ какъ легкая кавалерія будетъ пользоваться своими успѣхами, онъ, «Коленкуръ, долженъ внезапно повернуться съ своими кирасирами влѣво, чтобы взять въ тылъ этотъ ужасный (terrible) редутъ, котораго фронтъ поражалъ еще Вице-Короля. [90] Коленкуръ, исполнивъ это, былъ убитъ пулей,» и присовокупляетъ, что, когда происходила эта атака, Вице-Король, увидѣвъ, что редутъ прекратилъ противъ него огонь, поспѣшилъ раздѣлить побѣду и увѣнчалъ оную овладѣніемъ укрѣпленія. [91] Ни слова о Тильманѣ и пр. Генералъ Гурго, не прощающій Сегюру ни одной, такъ сказать, запятой, умалчиваетъ объ этомъ эпизодѣ.

Баронъ Фенъ, Секретарь Наполеона и Архивистъ его (Manucrit de mil-huit-cent douze, etc. Paris. 1812, grand in 8, 2 v.) ни-

---

другихъ батарей или редутовъ въ право отъ центральной до Горокъ не было, хотя на нѣкоторыхъ иноземныхъ планахъ это и показано. Въ разныхъ и другихъ мѣстахъ стояли орудія, но безъ искуственнаго прикрытія.

[90] Сегюръ приписываетъ Мюрату мысль объ овладѣніи укрѣпленіемъ съ тыла, а Вине, издавшій Записки Графа Бельяра, говоритъ (t. I, p. 31), что мысль взять этотъ редутъ съ тыла была дана Мюрату Графомъ Бельяромъ; дружба ихъ извѣстна. Капфигъ же, какъ увидимъ далѣе, приписываетъ это Наполеону. Но тутъ едва ли было какое либо предварительное соображеніе этого рода; мнѣ кажется, оно родилось внезапно въ головѣ двадцатишестилѣтняго Корпуснаго Командира послѣ успѣшно-произведенной предъ тѣмъ атаки.

[91] Прекращенія огня противъ наступающей пѣхоты не было; напротивъ свѣдѣтельствуется, что картечь опустошала ряды ея и что во рву и на разбитомъ брустверѣ защищались еще чѣмъ могли. Фразъ у Графа Сегюра достаточно.

шетъ (t. II, p. 35, 36), что Коленкуръ вторгнулся въ редутъ съ тыла въ то время, когда Вице-Король штурмовалъ брустверъ.

Мортонвалъ (Hist. de la guerre de Russie en 1812. Portaits, plans et cartes. Paris, 1829) разсказываетъ (p. 275), что Коленкуръ, послѣ успѣшной атаки, обращается назадъ, влѣво на тылъ укрѣпленія, и беретъ оное. Огонь съ Русскихъ батарей и пѣхоты 24 дивизіи осыпаетъ его; онъ падаетъ мертвымъ. Малое число кирасиръ, избавившихся отъ этого убійственнаго огня, оставляютъ свои пріобрѣтенія, но Вице-Король, съ 21, 17, 9 и 35 полками, штурмуютъ укрѣпленіе съ фронта и фланговъ, и врываются въ оное въ то время, какъ кирасиры оставляютъ его. Пѣхота производитъ ужасную бойню надъ оставшимися послѣ конницы. Укрѣпленіе взято, и Генералъ Лихачовъ плѣненъ.

Генералъ Водонкуръ (Hist. polit. et milit. du Prince Eugène Napoleon, Vice-Roi d'Italie. Paris, 1828) разсказываетъ (t. II, p. 103), что Король Неаполитанскій, увидѣвъ распоряженія Вице-Короля и желая воспользоваться оными, приказалъ 2-му кавалерійскому корпусу атаковать пѣхоту и стараться проникнуть до центральнаго укрѣпленія. Коленкуръ, опрокинувъ двѣ линіи Русскихъ, въ головѣ 5-го кирасирскаго полка ворвался въ укрѣпленіе чрезъ горжу, но непріятель, стоявшій за оными, заставилъ нашу конницу покинуть батарею; Коленкуръ былъ убитъ. Почти въ то же время Вице-Король наступалъ, и непріятель, только что вновь занявшій укрѣпленіе, [92] былъ опять атакованъ. Пѣхотные полки (пропускаю одни и тѣ же названія) вторгнулись въ оное. Все, что тутъ было, убито, а Генералъ взятъ въ плѣнъ.

Форъ (Faur), корпусный Докторъ 1-го кавалерійскаго корпуса, во время войны 1812 года (Souvenirs du nord, ou la guerre de Russie. Paris, 1821) говоритъ (p. 55), что 5-й кирасирскій полкъ вскочилъ въ укрѣпленіе, и тѣмъ облегчилъ пѣхотѣ овладѣніе оными.

---

[92] Пѣхота не оставляла укрѣпленія, но она отстаивала оное до послѣдней минуты, до послѣдняго человѣка.

Генералъ Фезензакъ (Souvenirs militaires de 1804 à 1814. Paris, 1863), говоритъ только (p. 235), что Коленкуръ былъ убитъ въ редутѣ.

Дю-Кассъ (Mémoires etc. corresp. polit et milit. du Prince Eugène etc. Paris, 1859) приводитъ (t. VIII, p. 8), что, когда Вице-Король возвратился съ лѣваго фланга и устроивалъ пѣхоту въ наступательный порядокъ на центральную батарею, Коленкуръ бросился на лѣвую сторону укрѣпленія и маршъ маршемъ (pas de charge) вскочилъ въ оное чрезъ горжу.... Коленкуръ убитъ; а уцѣлѣвшіе кирасиры вынуждены были очистить укрѣпленіе. Но въ это время подходила пѣхота Вице-Короля (пропускаю тѣ же именованія дивизіи и полковъ) и «въ свою очередь уже окончательно овладѣла онымъ. Всѣ, защищавшіе оное, были убиты, или плѣнены.[93] Лихачовъ былъ взятъ.» Далѣе, въ представленіи Вице-Короля молодаго Сенъ-Марселлена къ кресту, читаемъ: «храбрость, имъ оказанная, при взятіи укрѣпленія, неоспорима.» Изъ сего ясно, что бой, при овладѣніи брустверомъ, происходилъ, Сенъ-Марселленъ былъ раненъ въ шею бѣлымъ оружіемъ. Генералъ Ланаберъ и многіе другіе были тутъ убиты.

Наконецъ 18-й бюллетень, излагая Бородинскую битву, положительно говоритъ, что Коленкуръ, съ 5-мъ кирасирскимъ полкомъ, проникаетъ въ редутъ чрезъ горжу и убитъ ядромъ и т. д. Положимъ, что отчеты бюллетеней не всегда признавались вѣрными, но въ этомъ случаѣ нѣтъ уже никакого повода подозрѣвать бюллетень въ неточности: онъ былъ написанъ въ то же время, и, конечно, братъ убитаго, Оберъ-Шталмейстеръ, видѣлъ трупъ павшаго.

И такъ, по повѣствованію приведенныхъ выше нѣсколькихъ Нѣмецкихъ и Французскихъ историковъ, бывшихъ дѣятелями въ Бородинской битвѣ и описавшихъ ее, ни одинъ не говоритъ того, о чемъ разсказываетъ Генералъ Богдановичъ. Прежде,

---

[93] Плѣнныхъ не было, кромѣ лежавшихъ раненыхъ, но изъ нихъ, конечно, ни одинъ не остался въ живыхъ.

чѣмъ сдѣлать общій выводъ о разсматриваемомъ предметѣ, приведу къ свѣдѣтельствованію объ этомъ эпизодѣ повѣствованіе нѣсколькихъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ, историковъ, имѣвшихъ всю возможность почерпать свѣдѣнія отъ участниковъ въ событіяхъ.

Генералъ Саразенъ (Hist. de la guerre de Russie etc. Paris, 1815) говоритъ, что Коленкуръ съ кирасирами врывается въ редуть чрезъ горжу.

Въ описаніи революціонныхъ войнъ (Tableau des guerres de la révolution etc. Paris, 1838) сказано (p. 429), что кирасиры Коленкура, поддерживаемые огнемъ 80-ти орудій, соединенныхъ съ Фріаномъ, опрокидываютъ все, имъ встрѣчающееся, проникаютъ въ редуть чрезъ горжу; Коленкуръ убитъ, а кирасиры, осыпанные ядрами, оставляютъ это «роковое» покореніе, и Вице-Король беретъ укрѣпленіе.

Въ Beautés, victoires, et combats etc. (p. 240,) говорится, что бригада кирасиръ, бросившаяся въ редутъ, потрясенная отъ неожиданнаго залпа пѣхоты, скоро была вынуждена отступить, но на мѣсто ихъ пѣхота Вице-Короля бросается на редутъ и врывается въ него чрезъ горжу. [94]

Въ Trophées des armées Françaises (Paris, 1819 — 1820, t. V, p. 124—125) этотъ эпизодъ описывается такъ: «5-й кирасирскій полкъ проникъ въ редутъ чрезъ горжу, но не могъ утвердиться. Артиллерія, стоящая за оврагомъ, понудила его тотчасъ удалиться. Коленкуръ палъ, смертельно раненый ядромъ. Вице-Король бросился на редутъ, и овладѣлъ онымъ.»

Сентъ-Илеръ (Hist. de la camp. de Russie pendant l'année 1812. Paris) говоритъ (t. II, p. 22), что «Коленкуръ круто повернулъ назадъ на лѣво и чрезъ горжу съ 5-мъ кирасирскимъ полкомъ ворвался въ укрѣпленіе. Но непріятельская пѣхота, стоявшая за оврагомъ, принудила ихъ отступить. Между тѣмъ (p. 23) Фран-

[94] Часть оной дѣйствительно могла пройти и въ горжу.

цузская пѣхота, окруживъ укрѣпленіе съ фронта и фланговъ, проникла въ оное.... артиллеристы не хотѣли сдаваться и всѣ переколоты; Лихачовъ взятъ въ плѣнъ.»

Лавале (Hist. des Français etc. Paris, 1838 — 1840) пишетъ (t. V, p. 545): «кирасиры Колекура проникаютъ въ редутъ чрезъ горжу, а пѣхота Ланабера штурмомъ чрезъ парапетъ.»

Бинъйонъ (His de France depuis le commencement de la guerre de Russie jusqu'à la deuxième restauration. Bruxelles, 1846) разсказываетъ (p. 39), что «послѣ извѣстной атаки линій, Коленкуръ вдругъ обращается назадъ и вторгается въ редутъ, чрезъ горжу, въ то самое время, когда штыки Вице-Короля штурмуютъ парапетъ.

Канфигъ (L' Europe pendant le consulat et l'empire de Napoleon. Paris, 1840, in 8, 12 v.), повѣствуетъ (p. 274 — 275), что «когда донесли Наполеону о смерти Монбрена, то, обратившись къ Коленкуру, онъ сказалъ ему: «Allons, Kolincourt à la redoute! Vous savez, qu'il nous la faut.» Кирасиры проникли чрезъ брешь,[95] опрокинутые Русскіе умираютъ на пушкахъ, не трогаясь съ нихъ. Тогда Вице-Король, прикрываемый конницею, вторгается въ редутъ.»

Въ собраніи Французскихъ побѣдъ и пр., сочиненіи, писанномъ тотчасъ послѣ войны обществомъ военныхъ людей (Victoires, conquêtes, désastres, revers etc. des Français de 1792 à 1815. Paris, 1820), при описаніи Бородинскаго сраженія, объ эпизодѣ центральной батареи говорится (t. XXI, p. 211)):... «Коленкуръ, въ головѣ кирасирской дивизіи Ватье, опрокинулъ все встрѣченное, а послѣ послѣдней атаки нашедшись за нею, поворотилъ назадъ на лѣво и проникнулъ въ батарею чрезъ горжу, но пѣхота, стоявшая за нею, принудила кирасиръ оставить ее. Коленкуръ убитъ ядромъ. Въ это время Французская пѣхота подступила, овладѣла укрѣпленіемъ и взяла Лихачова въ плѣнъ.

---

[95] Подъ словомъ брешь Канфигъ разумѣетъ не иное что, какъ горжу; ибо брешей тутъ не было ни какихъ.

Въ эфемеридахъ (Ephémérides militaires depuis 1792 — 1815, Paris, 1820) находимъ (t. V, p. 96) тоже, что Коленкуръ повернулъ назадъ, на лѣво, и вошелъ въ укрѣпленіе черезъ горжу, но осыпанный огнемъ самой батареи и огнемъ пѣхоты; кирасиры оставили ее, и Коленкуръ былъ убитъ ядромъ. Вице-Король, увидѣвъ блистательную атаку кирасиръ, [96] двинулся для атаки центральной батареи. Войска наши (Французскія) двинулись впередъ, но картечный огонь былъ такъ силенъ, что заставилъ ихъ замяться. Вице-Король становится въ головѣ ихъ, приказываетъ подать сигналъ на приступъ со всѣхъ сторонъ и, обнаживъ шпагу, со всѣмъ своимъ штабомъ бросается на укрѣпленіе. Наши воины, одушевленные его примѣромъ, приходятъ въ движеніе, идутъ въ штыки и проникаютъ въ укрѣпленіе (не повторяю №№ полковъ), въ то время, когда Коленкуровы кирасиры оставляютъ оный.»

Изъ повѣствованія этого, какъ и изъ другихъ, которыя описывали эпизодъ съ нѣкоторою подробностію, видно, что наскокъ Коленкура на укрѣпленіе, въ которое ворвалась часть кирасиръ, немного повредилъ оному и отнюдь не ослабилъ его защиты противъ трехъ пѣхотныхъ дивизій, наступившихъ на него и вынужденныхъ обороною замяться, какъ объ этомъ говоритъ и Лабомъ, близкій участникъ въ эпизодѣ.

Овладѣвъ укрѣпленіемъ, Вице-Король приказалъ Груши перейти оврагъ, атаковать Русскую пѣхоту, и поддерживалъ это нападеніе. И здѣсь, какъ и вездѣ почти, объясняется присутствіе Тильмана при овладѣніи укрѣпленіемъ, но онъ его не бралъ и воспѣтъ только своими соотечественниками, которые одинъ у другого перебиваютъ славу, что, дескать, мы порубили таки Русскихъ. О присутствіи тутъ Тильмана скажется въ концѣ.

Въ Исторіи битвъ и проч., сборника, составленнаго обществомъ людей военныхъ и литераторовъ, вскорѣ по окончаніи вой-

---

[96] Эта атака еще не на укрѣпленіе, а на Семеновскія высоты, съ которыхъ уже Коленкуръ повернулъ на лѣво, на центральную батарею.

ны (Histoire des batailles, sièges et combats des Français depuit 1792 jusqu'en 1815 etc, par une societé de militaires et de gens de lettres; publiée par P. Blanchard. Paris, 1818), сказано (p. 46), что «Коленкуръ, съ 5-мъ кираспрскимъ полкомъ, повернулъ назадъ, влѣво, и проникнулъ въ укрѣпленіе чрезъ горжу, но не могъ удержаться по причинѣ огня съ другихъ Русскихъ батарей и пѣхоты изъ за оврага, что и принудило его почти тотчасъ же оставить пунктъ, съ такою славою имъ пріобрѣтенный. [97] Въ то самое время, когда онъ оставлялъ его, былъ убитъ ядромъ. Непріятель не имѣлъ времени возстановить батарею, она тотчасъ же была взята (envahie) войсками Вице-Короля.»

Какъ же это envahie! Значитъ, она защищалась? Такъ это и было.

Кастельверъ (Mémorial militaire des Français par M. de Castelverd. Paris, 1846) говоритъ (p. 276): «кирасиры Коленкура и пѣхота Ланабера овладѣли укрѣпленіемъ.» Одинъ другому содѣйствовали, это такъ, но овладѣла укрѣпленіемъ пѣхота, при чемъ, какъ извѣстно, Генералъ Ланаберъ былъ убитъ.

Каллйо (Abrégé de la camp. des Français contre les Russes jusq'au mais de Decembre 1812 etc., par Ant. Caillot. Paris, 1813) говоритъ (p. 212), что Коленкуръ прорвался въ укрѣпленіе съ лѣвой стороны и убитъ ядромъ.

Рульйонъ-Петн (Campagnes mémorables des Français depuit l'époque de l'éxpedition d'Égypte à 1815. Paris, 1817, grand in fol. 2) пишетъ (t. II, p. 112): «Коленкуръ проникъ въ укрѣпленіе чрезъ горжу.»

Норвенъ (Hist. de Napoleon etc. 9-me édit. Paris, 1833, 5 v.) говоритъ (t. III, p. 310): «Коленкуръ вторгается въ укрѣпленіе чрезъ горжу въ то же самое время, какъ Вице-Король съ другой стороны овладѣваетъ онымъ.»

---

[97] Неоспоримо, что наскокъ былъ славный, но онъ не пріобрѣлъ батареи, слѣдовательно, не чего было и удерживать. Обычныя фразы!

Я могъ бы сдѣсь привести еще многія удостовѣренія въ противность тому, что читается объ этомъ эпизодѣ въ «Исторіи Отечественной войны 1812 г.,» но полагаю достаточнымъ заключить Французскихъ писателей двумя знаменитыми историками, изъ коихъ Генералъ Баронъ Жомини, тогда еще во Французской службѣ, и хотя не находился въ Бородинскомъ сраженіи, но былъ въ нашихъ предѣлахъ, въ арміи Наполеона, и по тому имѣлъ всю возможность писать положительно, и наконецъ Тьеръ.

Генералъ Баронъ Жомини (Vie polit. et milit. de Napoleon. Bruxelles, 1842, 2 v., g. in 8°, atlas des batailles in fol.) говоритъ (т. II, p. 227) только, что Коленкуръ проникъ въ редутъ, гдѣ нашелъ смерть, но кирасиры скоро вынуждены были оставить оный и перестроиться подъ прикрытіемъ своей пѣхоты. Нѣсколько спустя Вице-Король, съ тремя дивизіями пѣхоты, овладѣлъ редутомъ, «два раза братымъ.» Тутъ сочинитель разумѣетъ взятіе онаго по утру Генераломъ Бонами и (неопредѣленный) Коленкуромъ. [98] Главное же въ этомъ разсказѣ то, что кирасиры были выгнаны изъ редута прежде, нежели Вице-Король овладѣлъ онымъ, что согласуется и съ большимъ числомъ повѣствованій.

Тьеръ (Hist. du consulat et de l'empire. Paris, 1856, in 8), конечно прочиталъ не только все, что было напечатано относительно описываемой имъ войны, но могъ видѣть множество рукописей, не для всѣхъ доступныхъ, могъ почерпать изустныя свѣдѣнія отъ лицъ, участвовавшихъ въ борьбѣ (т. XIV, p. 341, 342). Хотя онъ описываетъ этотъ эпизодъ общими мѣстами, однако же именно говоритъ, что Коленкуръ, послѣ успѣшной атаки линій, замѣтивъ сзади себя пѣхоту Лихачова, охраняющую укрѣпленіе, внезапно поворачивается назадъ влѣво, (а не на право, и не переносится черезъ ровъ и брустверъ), бросается на оное и падаетъ мертвымъ. Вице-Король, находившійся на лѣво, въ головѣ 9-го линѣйнаго полка, à perte d' haleine, взбѣгаетъ на возвыше-

[98] Это неправильно; ибо Коленкуръ хотя и появлялся въ укрѣпленіи, гдѣ нѣсколько защитниковъ порублено, но онъ его не бралъ, такъ какъ въ то же время орудія съ онаго дѣйствовали губительнымъ огнемъ на наступающую пѣхоту.

ніе и, пользуясь схваткой боя и густотой дыма, беретъ штурмомъ парапетъ укрѣпленія и пр.

Въ Итальянскомъ сочиненіи (Storia della ultima guerra fra le alte potenze etc. Firenza, 1815, in 8, 12 v.) свѣдѣльствуется, что Коленкуръ ворвался въ укрѣпленіе черезъ горжу и убитъ ядромъ.

Извѣстный Англійскій Генералъ, Спръ Робертъ Вильсонъ (въ Нѣмецкомъ переводѣ: Geheime Geschichte des Feldzugs von 1812. Leipzig, 1861), говоритъ (S. 131), что «Коленкуръ ворвался въ укрѣпленіе съ тыла чрезъ открытую горжу, но Русская пѣхота уничтожила почти всѣхъ, ворвавшихся конниковъ, Коленкуръ былъ убитъ, и укрѣпленіе осталось въ рукахъ Русскихъ, однако подоспѣвшіе четыре полка Французской пѣхоты овладѣли опымъ. Ни одинъ изъ Русскихъ не сдавался въ плѣнъ.»

Наконецъ, хотя почтенный исторіографъ нашей Отечественной войны и не дастъ ни какой вѣры нашимъ Русскимъ дѣятелямъ при Бородинѣ, но, по моему мнѣнію, они заслуживаютъ несравненно болѣе довѣрія, нежели Гофманы, Клаузевицы, Берпгарды, Шрекенштейны и другіе соратники этого Нѣмецкаго легіона, изъ коихъ одни въ то время находились въ нашихъ рядахъ до окончанія войны, а потомъ обратились въ свою отечественную службу, и только чрезъ 30 и 40 лѣтъ описывали войну 1812 года, другіе бились при Бородинѣ противъ насъ, и теперь передаютъ свои подвиги, какъ они прыгали черезъ рвы и брустверы, какъ кололи, рубили и рѣзали Русскихъ, и этѣмъ ищутъ присвоить себѣ пальму первенства противъ самихъ Французовъ, которыхъ въ то время они были найпокорнѣйшими слугами. Послѣдовавшіе за ними, хотя и не бывшіе еще въ ту пору на свѣтѣ, предпочитаютъ составлять свои исторіи на основаніи тѣхъ, которыя болѣе выставляютъ подвиги ихъ единоземцевъ противъ Русскихъ, не разъ ихъ спасавшихъ.

Ѳ. П. Глинка (Очерки Бородинской битвы. М. 1839), тогда Адъютантъ Милорадовича, слѣдовательно, близкій свѣдѣтель эпизода дѣйствій на центральной батареѣ, дѣйствій, происходившихъ на разстояніи выстрѣла отъ него, подъ его, такъ сказать, глаза-

ми (и слѣдуетъ замѣтить, что тогдашній выстрѣлъ былъ не Дрейзена, не Шасно и даже не Минье, орудій то же), въ замѣчательныхъ частными подробностями «Очеркахъ Бородинскаго сраженія,» между прочимъ, стр. 89, говоритъ: «Коленкуръ, успѣвъ обогнуть редутъ и, чрезъ тыловой въѣздъ, промчался въ самое укрѣпленіе. Коленкуръ убитъ пулею въ лобъ, [99] и 5-й кирасирскій полкъ, ошеломленный потерею Генерала и сильнымъ отпоромъ, ускакалъ прочь.» А описавъ дѣйствіе конницы съ обѣихъ сторонъ редута, на стр. 90-й продолжаетъ: «Между тѣмъ, какъ повторялись эти жаркія схватки около люнета, войска Вице-Короля грозно къ нему приближались. Нѣкоторые полки вытянуты, другіе сжаты въ колонны, 21-й линѣйный, изъ дивизіи Жерара, 17-й дивизіи Морановой, 9-й и 35-й изъ дивизіи Брусье, охватили редутъ съ лица и съ боку. Солдаты дивизіи Лихачова, бившіеся до послѣдней крайности (стр. 91), покрытые потомъ и порохомъ, обрызганные кровію и мозгомъ человѣческимъ, не могли долѣе противиться и защищать люнетъ. Но мысль о личной сдачѣ далека была отъ нихъ. Почти всѣ приняли честную смерть и легли костями тамъ, гдѣ стояли. Вице-Король, съ 9-мъ и 35-мъ полками, обогнулъ люнетъ съ лица и, послѣ ужасной сѣчи, сопровождаемый своимъ штабомъ, торжественно вошелъ побѣдителемъ чрезъ тыловый въѣздъ. Всѣ канониры наши побиты на пушкахъ, [100] и валялись на опрокинутыхъ лафетахъ, на искрошенномъ орудіи!» Сдѣсь замѣчу только, что батарея взята, какъ это и было, штыками, а не палашами и саблями конницы, какъ хочетъ увѣрить Г. Богдановичъ.

Радожицкій, въ послѣдствіи Генералъ-Маіоръ (Походныя Записки артиллериста Подполковника. Москва, 1835) стоялъ съ ро-

---

[99] Сдѣсь почтенный сочинитель, конечно, писавшій очерки своевременно, могъ слышать это прежде появленія Французскихъ офиціальныхъ извѣстій и другихъ повѣствованій, но Г. Богдановичъ имѣлъ уже передъ глазами всѣ матеріялы, остальное же онъ могъ видѣть и передать правильно: пуля, или ядро, убившія Коленкура, не могли быть видимы, кромѣ тѣми только, которые были съ нимъ.

[100] Общее заблуждательствованіе всѣхъ иноземныхъ писателей. См. книгу: «Пятидесятилѣтіе Бородинской битвы» и пр.

той лѣвѣе Горокъ, слѣдовательно, гораздо менѣе, нежели за версту отъ центральной батареи, но, по положенію мѣстности, могъ очень хорошо видѣть, что происходило около помянутаго пункта и, конечно, тотчасъ же слышать отъ сослуживцевъ о подробностяхъ тутъ происходившей борьбы; вотъ какъ онъ описываетъ этотъ эпизодъ (т. I, стр. 118 — 119): «Коленкуръ ворвался съ тыла въ редутъ; кирасиры же его, встрѣченные внѣ онаго нашею пѣхотой, были засыпаны пулями и прогнаны съ большимъ урономъ. Между тѣмъ пѣхота непріятельская лѣзла на валъ со всѣхъ сторонъ и была опрокидываема штыками Русскихъ; ровъ наполнился трупами убитыхъ, но свѣжія колонны заступали мѣста разбитыхъ и съ новою яростью лѣзли умирать; наши, съ равнымъ ожесточеніемъ, встрѣчали ихъ и сами падали вмѣстѣ съ врагомъ. Наконецъ Французы съ бѣшенствомъ ворвались» и пр. Сдѣсь тоже видно, что пѣхота овладѣла укрѣпленіемъ послѣ того, какъ изгнаны были кирасиры Коленкура, а о Нѣмецкой конницѣ нѣтъ и помина.

А. И. Михайловскій-Данилевскій (Описаніе Отечественной войны. С. п. б., 1840) говоритъ объ этомъ эпизодѣ не съ должною отчетливостью, но, однако же, и онъ свѣдѣтельствуетъ, что конница ворвалась въ редутъ съ тыла, а не переносясь чрезъ ровъ и брустверъ, и что онъ былъ взятъ пѣхотой; вотъ его слова (т. III, стр. 272): «Пока непріятельская конница, предводимая Коленкуромъ, заступившимъ мѣсто Монбрена (убитаго), врубалась въ пѣхоту 24-й дивизіи, прикрывавшую курганную батарею, а пѣхотныя колонны Вице-Короля подошли подъ самый курганъ, бывшія на немъ орудія, послѣ окончательнаго залпа, умолкли. Непріятельская пѣхота взбиралась на валъ со всѣхъ сторонъ; ее опрокидывали штыками въ ровъ, наполнявшійся трупами убитыхъ.» Далѣе—повтореніе сказаннаго Радожицкимъ о защитѣ, и за тѣмъ сочинитель продолжаетъ: «Наконецъ (значитъ, когда редутъ былъ уже взятъ пѣхотой) бывшая въ головѣ Французовъ Саксонская конница Тильмана ворвалась въ редутъ съ тыла. За Саксонцами мчался весь корпусъ Коленкура. Груды тѣлъ лежали внутри и внѣ окопа, почти всѣ храбрые его защитники пали. Однимъ изъ послѣднихъ выстрѣловъ, пущенныхъ съ

нашей батареи,[101] убитъ Коленкуръ.» Тутъ присовокупляется и плѣнъ Лихачова.

Сдѣсь не ясность изложенія заключается въ томъ, что въ началѣ дается понимать, какъ будто бы конница, и именно Саксонская Тильмана, за которой мчался весь корпусъ Коленкура, ворвалась въ редутъ съ тыла, уже послѣ того, какъ пѣхота Вице-Короля, по кровопролитной и упорной борьбѣ, проникла въ оный со всѣхъ сторонъ черезъ ровъ и брустверъ; но, вникнувъ въ смыслъ разсказа въ совокупности, ясно видно, что укрѣпленіе было взято пѣхотой; а разъ это сдѣлано, не было нужды непріятельской коннице врываться въ оное съ тыла, да при томъ ей и не до того было, какъ видно изъ повѣствованій всѣхъ сочинителей; ей было достаточно работы около редута съ нашею конницей, на которую она и устремилась. Впрочемъ, такая неясность извинительнѣе Данилевскому и непростительна Г. Богдановичу: первый, въ скромномъ названіи книги своей «Описаніемъ» Отечественной войны разсказываетъ безъ всякихъ ссылокъ объ этомъ эпизодѣ, между тѣмъ какъ второй, подъ громкой вывѣской: «Исторія по достовѣрнымъ источникамъ,» прибѣгая къ ссылкамъ, уже обязанъ большею отчетливостью и критическимъ разборомъ того, что говоритъ, на основаніи источниковъ, часто между собой несогласныхъ въ особенности же исключать изъ избранныхъ для сего ни одного слова, какъ противное тому мы видѣли въ описаніи овладѣнія центральною батареей.

Князь П. Б. Голицынъ (Bataille de Borodino. S.-P., 1839), участникъ въ битвѣ, свѣдѣтельствуетъ, что Коленкуръ атакуетъ пространство между Семеновскимъ и центральною батареей, чтобы зайти въ тылъ этой послѣдней, и успѣлъ съ 5 кирасирскимъ полкомъ ворваться въ оный, но огонь пѣхоты прогналъ ихъ. Между тѣмъ Вице-Король подступилъ съ фронта съ пѣхотой, которая, послѣ упорной обороны, взошла въ укрѣпленіе.

---

[101] Ядро это пущено было не изъ укрѣпленія, о которомъ идетъ рѣчь, но изъ за оврага, отдѣляющаго горжу отъ прикрывавшей оную пѣхоты, при которой находилось нѣсколько орудій, поставленныхъ просто, безъ всякаго окопа.

Въ другой брошюрѣ, приписываемой Графу Толю (Bataille de Borodino et Chewardino. S.-P. 1839), говорится (p. 53, 54), что пѣхота Вице-Короля, окруживъ со всѣхъ сторонъ укрѣпленіе, была встрѣчена штыками и опрокинута въ ровъ, уже наполненный убитыми. Свѣжія колонны бросились на возвышеніе, но и съ этѣми завязалась горячая схватка. Саксонская конница Тильмана бросилась на редуть чрезъ горжу и, въ слѣдъ за ней, весь корпусъ Коленкура. Коленкуръ былъ убитъ однимъ изъ послѣднихъ выстрѣловъ, ядромъ.

Сдѣсь, надо полагать, опечатка; ибо, вмѣсто корпуса Коленкура, слѣдовало бы сказать корпуса Латуръ-Мобура, которому принадлежалъ Тильманъ; во всякомъ случаѣ, всѣ безъ изъятія истоки признаютъ, что первымъ былъ Коленкуръ, а не Тильманъ, который явился тогда, когда пѣхота уже подошла къ укрѣпленію. Положительно же сдѣсь то, что не переносились чрезъ ровъ и брустверъ.

Наконецъ, еще Отечественный источникъ, Бутурлинъ, на котораго, какъ замѣчено выше, Г. Богдановичъ ссылается вмѣстѣ съ Гофманомъ, Беригарди и Шрекенштейномъ; по чему онъ соединилъ перваго съ тремя послѣдними, остается загадочнымъ, при описаніи завладѣнія центральною батареей. Разсказъ Бутурлина правленъ, и совершенно противоположенъ разсказамъ другихъ, трехъ вмѣстѣ съ нимъ указанныхъ.

Вотъ какъ Д. П. Бутурлинъ (Исторія нашествія Императора Наполеона. Переводъ съ Франц. Г.-М. А. Хатова. Спб., 1823) описываетъ этотъ эпизодъ (т. I, стр. 281): «Генералъ Коленкуръ, съ кирасирскимъ полкомъ дивизіи Ватье, успѣвшій пробиться за люнетъ, и даже войти въ оный съ тыла съ 5-мъ кирасирскимъ полкомъ, нашелъ тамъ смерть, а кирасиры его принуждены были оставить сіе укрѣпленіе, 2-й и 3-й кавалерійскіе корпуса преслѣдовали непріятельскую кавалерію..... Въ то время (стр. 283), какъ сіи удачныя нападенія, производимыя съ одной стороны люнета, съ другой подступали къ нему пѣхотныя колонны Вице-Короля Италіянскаго и линейные полки: 21 отъ дивизіи Жерара, 17 отъ дивизіи Брусье, спереди и во флангъ атаковали оный.

Батальоны 24-й дивизіи Генералъ-Маіора Лихачова, оборонявшіе сіе укрѣпленіе, уже ослабленные потерями, прежде понесенными, не могли долѣе сопротивляться. Вице-Король, съ 9 и 35 полками, обойдя люнетъ слѣва, овладѣлъ онымъ; а какъ Россіяне, находившіеся въ укрѣпленіи, не сдавались въ плѣнъ, то и были побиты на голову. Генералъ Лихачовъ, одержимый болѣзнію и покрытый ранами, однако бросился въ ряды непріятельскіе,» и т. д.

Тутъ ясно и правильно: Бутурлинъ говоритъ совершенно иное, что разсказываютъ Гофманъ, Бернгарди и Шрекенштейнъ, указанные Генераломъ Богдановичемъ. Съ какою же цѣлію была ссылка на Бутурлина, совмѣстно съ тремя помянутыми Нѣмцами, когда въ разсказъ Господина исторіографа внесено только то, что пишутъ эти послѣдніе и ни слова изъ Бутурлина? Пожалуй, подобная совмѣстность ссылокъ можетъ существовать, но тогда слѣдовало уже разобрать критически эти противоположныя между собой свѣдѣтельствованія и привести читателя къ чему ни будь одному, хотя бы только приблизительно къ истинѣ; но такъ, какъ сдѣлано здѣсь, то уже, какъ говорится, изъ рукъ вонъ! Не указанъ же Бутурлинъ для того только, чтобы сказать, что пѣхота наша защищала укрѣпленіе отчаянно, что всѣми безъ изъятія источниками, иноземными и нашими, единогласно свѣдѣтельствуется.

Такимъ образомъ изъ приведенныхъ здѣсь двадцати Нѣмецкихъ повѣствователей (не включая въ это число трехъ, приведенныхъ Г. Богдановичемъ), тридцати пяти Французскихъ, одного Итальянскаго, одного Англійскаго и шести Русскихъ, всего шестидесяти трехъ источниковъ, большею частію очевидцевъ и дѣятелей въ описываемомъ эпизодѣ, оказывается, что все сказанное объ ономъ въ исторіи «Отечественной войны 1812 г.» представляется совершенно въ иномъ видѣ.

Во первыхъ, Коленкуръ, съ 5-мъ кираспрскимъ полкомъ шелъ не въ послѣднемъ эшелонѣ, а въ головѣ корпуса. Во вторыхъ, онъ повернулъ не на право, а на лѣво, чтобы атаковать укрѣпленіе, какъ это всѣ и говорятъ единогласно. [102] Въ

---

[102] Впрочемъ, какъ было уже замѣчено выше, и какъ будетъ еще видно, если Г.

третьихъ, всѣ же безъ изъятія говорятъ, что Коленкуръ вторгнулся въ укрѣпленіе чрезъ горжу, тогда какъ почтенный исторіографъ нашъ говоритъ, что кирасиры Коленкура переносились чрезъ ровъ и брустверъ, и сказалъ это на основаніи сказаннаго Гофманомъ, Бернгарди и Шрекенштейномъ, [103] но не извѣстно, по какой причинѣ не досказалъ ими тутъ же присовокупляемое, что ровъ и парапетъ отъ огня непріятельскаго (Французскаго) и отъ свалокъ, предшествовавшихъ этому моменту, былъ утоптанъ и представлялъ вторженіе болѣе удобнымъ, нежели чрезъ горжу, по причинѣ, будто бы, ея крутизны. За чѣмъ Г. исторіографъ нашъ упустилъ это замѣчаніе? А разница вѣдь громадная! Этѣ нѣсколько словъ трехъ Нѣмецкихъ писателей, можетъ быть и не хотя, указываютъ на легкость, которая представлялась имъ вторгнуться въ укрѣпленіе, и на то необъяснимое затруднительное положеніе, въ которомъ находились храбрые защитники укрѣпленія за такими преградами. Въ четвертыхъ, весьма немногіе, но и то только Нѣмецкіе сочинители, заимствующіе одинъ у другого, говорятъ, что послѣ того, какъ кирасиры Коленкура были выгнаны изъ укрѣпленія, оно, будто бы, было взято Тильманомъ съ Саксонскими gardes de corps и другими, то же перенесясь чрезъ ровъ и брустверъ. [104] Въ пятыхъ, сбивчивость въ разсказѣ

Профессоръ военныхъ наукъ усвоилъ себѣ называть правое лѣвымъ, а лѣвое правымъ, то, пожалуй, движеніе Коленкура и правильно. Жаль, повторяю, что такой прогресъ въ номенклатурѣ не обнародывается.

[103] То есть, какъ замѣчено, Шрекенштейнъ былъ источникомъ для Гофмана и Бернгарди.

[104] Принимая въ соображеніе истощеніе лошадей во Французской конницѣ, о чемъ многіе изъ повѣствователей въ этотъ день упоминаютъ, невольно приводишь на память «Душеньку»,—когда, въ слѣдствіе прорицанія, сослали ее на вершину какой-то горы (куда взбиралась она въ колесницѣ на усталыхъ коняхъ):

«Гдѣ знака нѣтъ дороги,
Едва подъемля вверхъ свои усталы ноги
Чрезъ камни, чрезъ бугры и чрезъ глубоки рвы» и пр.

Какая ясность! «Кони поднимали ноги вверхъ, а не внизъ! Впрочемъ, излишняя ясность не мѣшаетъ, и Богдановичъ, пѣвецъ «Душеньки», понялъ это.

о плѣненіи Лихачова то кирасирами, то штыками, и неправильность ссылокъ и т. д., и т. д.

Свѣдѣтель эпизода, и свѣдѣтель очень близкій, я изложу оный такъ, какъ я его видѣлъ, какъ слышалъ отъ другихъ, участвовавшихъ на разныхъ пунктахъ, и наконецъ, повѣривъ и сообразивъ, тогда же внесъ въ Дневникъ. [105] Можетъ быть, разсказъ мой послужитъ къ согласованію разнорѣчій, встрѣчающихся между повѣствователями не только что различныхъ національностей, ищущихъ каждая себѣ первенства въ этомъ, дѣйствительно славномъ, подвигѣ, но и между сочинителями одной и той же народности, иногда разнорѣчащихъ отъ того только, что тотъ или другой былъ болѣе или менѣе близкимъ свѣдѣтелемъ описываемаго имъ эпизода, или видѣлъ оный не съ той точки, съ которой видѣлъ другой, или наконецъ слышалъ только разсказы отъ участниковъ о кругѣ ихъ дѣятельности, безъ общей связи. Вѣрное изложеніе защиты и овладѣніе центральною батареей одинаково славно и для насъ и для Французовъ: такіе подвиги проявляются вѣками.

Прежде чѣмъ приступить къ разсказу, необходимо припомнить, что центральная батарея для 18 орудій не была окончена, когда началась битва. [106] Съ разсвѣтомъ до ста орудій открыли по ней, какъ ключу всей позиціи, огонь, продолжавшійся безостановочно около двухъ часовъ, а въ исходѣ девятаго была взята, и на ней произошелъ упорный рукопашный бой двухъ непріятельскихъ колоннъ съ нашими батальонами, ослабившими врага,

---

[105] Въ послѣдствіи, не разъ встрѣчаясь съ участниками какъ этого эпизода, такъ и вообще съ бывшими въ Бородинскомъ сраженіи, я пополнялъ и согласовалъ то, что было уже мною современно занесено; отъ нѣкоторыхъ имѣю письменные разсказы и т. д.

[106] На половину амбразуры не были еще одѣты фашинами: Ровъ, а по тому и брустверъ, въ особенности на флангахъ: первый не имѣлъ предположенной глубины и ширины, второй надлежащей вышины и достаточной твердости, при отсутствіи надлежащаго количества дерна и пр., какъ объ этомъ уже замѣчено выше.

почти до одного человѣка тутъ истребленнаго вмѣстѣ съ ихъ Генераломъ Бонами, изранеными штыками и взятымъ въ плѣнъ. А. П. Ермоловъ, оставшись на батареѣ, сдѣлалъ распоряженіе о замѣнѣ подбитыхъ орудій. Свѣжія были тотчасъ ввезены, но не было ни какой возможности, подъ усиленнымъ еще болѣе огнемъ, продолжавшимся безпрерывно пять часовъ, вывезти, или лучше сказать, вынести, замѣненныя орудія. Два, изъ сохранившихъ колеса, были спущены въ оврагъ, но поднять ихъ изъ онаго не было уже ни какой возможности, въ особенности одного, при спускѣ перевернувшагося; такъ они и остались въ оврагѣ. Тѣ же орудія, у которыхъ колеса были раздроблены, ихъ своротили въ сторону, чтобы дать мѣсто свѣжимъ. Подъ такимъ адскимъ огнемъ и при недостаткѣ людей къ вынесенію батарейныхъ орудій, и помышлять было излишне о томъ, и они остались на батареѣ, съ которой, при другомъ исходѣ, думали ихъ спасти. А это и объясняетъ справедливость показанія Лабома и другихъ, что въ укрѣпленіи они взяли 21 пушку. [107] Но положительно то, что батарея никогда не имѣла дѣйствующихъ орудій болѣе 18-ти; такимъ числомъ она была вооружена первоначально, а послѣ пораженія Бонами замѣнены только тѣ, которыя были подбиты, и она осталась съ тѣмъ же количественнымъ вооруженіемъ. Когда же Вице-Король вломился въ батарею, то оставалось изъ 18-ти только 10 пушекъ, не поврежденныхъ такъ, чтобы нельзя было изъ нихъ дѣйствовать, и мы видѣли изъ повѣствованія всѣхъ иноземныхъ, какъ этотъ redoute terrible, fatale, и т. п., дѣйствовалъ.

Наконецъ объ исправленіи бруствера, послѣ истребленія Бонами, при помянутыхъ условіяхъ, нельзя было и думать. И такъ изъ изложеннаго само собою разумѣется, что ко времени окончательнаго приступа укрѣпленіе это не могло ни чего представлять непріятелю, какъ одну только слабую искуственную преграду, и

---

[107] По ихъ словамъ нѣкоторыя изъ пушекъ лежали отдѣльно отъ лафетовъ, и это точно, какъ замѣчено выше, но непріятель какъ бы даетъ понимать, что это сдѣлано нами съ намѣреніемъ, чтобъ они не могли ихъ увезти, и что мы, видя невозможность сохранить батарею, сняли орудія съ лафетовъ! Противъ такой безсмыслицы нельзя и возражать. Было къ тому время, но произошло такъ, какъ это объяснено.

сила всей обороны сосредоточивалась въ самообреченіи храбрыхъ ея защитниковъ.

За тѣмъ, вотъ какъ происходило окончательное овладѣніе непріятелемъ этого пункта, и прошу благосклонной снисходительности, если я войду въ нѣкоторыя подробности, можетъ быть и совершенно излишнія, но день этотъ такъ памятенъ, что участвовавшій въ немъ не можетъ устоять, если бы и не было у него даже и Дневника, чтобы не припомнить малѣйшихъ случаевъ, которые имѣютъ какъ бы связь съ обстоятельствами важнѣйшими.

Во время демонстраціи Платова и Уварова противъ лѣваго крыла Французской позиціи, огонь непріятельской артиллеріи замѣтно сдѣлался слабѣе по всей линіи. Въ это время наша линія освѣжалась прибывающими войсками и наполняла промежутки, открывшіеся по причинѣ огромныхъ потерь; но противъ курганной батареи огонь, казалось, былъ еще болѣе усиленъ. Генералъ-Лейтенантъ Кайцевичъ, заступившій мѣсто Генерала Дохтурова въ командованіи 6-мъ корпусомъ, оставался со своею 7-ю дивизіею на первоначальной своей позиціи, по направленію отъ Горокъ къ центральной батареѣ. Въ это время отъ стоявшей лѣвѣе его 24-й дивизіи оставалось только три полка, много уже пострадавшіе, а именно: Ширванскій и Уфимскій мушкетерскіе и 19-й егерскій, которые, отодвинувшись къ центральной батареѣ, остановились нѣсколько впереди оной, по правую сторону оврага, расширяющагося отъ батареи къ Колочѣ, что и образовало довольно большой интервалъ между лѣвымъ флангомъ 7-й дивизіи и помянутымъ отрядомъ, находившимся подъ начальствомъ Шефа Уфимскаго полка, храбраго Генералъ-Маіора Цыбульскаго. Интервалъ этотъ былъ еще болѣе чувствителенъ отъ большой убыли людей въ продолженіе почти осьмичасовой битвы. Остальные три полка 24-й дивизіи были: Томскій и 40-й егерскій на центральной батареѣ, подъ личнымъ начальствомъ дивизіоннаго Командира, Г.-М. Лихачова, и Бутырскій, подъ начальствомъ Шефа онаго, Полковника П. В. Денисьева, за оврагомъ, противъ горжи центральной батареи, исключая одной роты, введенной въ укрѣпленіе.

Генералъ Кайцевичъ безпрерывно посылалъ на батарею узнавать о происходящемъ на оной: такъ и я былъ разъ туда по-

славъ. Убитые и тяжело раненые, изъ двухъ колоннъ Генерала Бонами, покрывали не только что на дальнее разстояніе окружность укрѣпленія, но множество лежало во рвахъ. Изъ внутренности редута всѣ, по утру убитые, Французы были вынесены за валъ; наши же убитые и вновь убиваемые прибирались и складывались къ брустверу. Послѣ отбитія Бонами мнѣ пришлось быть въ первый разъ въ укрѣпленіи; амбразуръ, изъ коихъ не всѣ были обложены фашинами, какъ бы болѣе не существовало; ядра безпрестанно врѣзывались въ срединѣ. [108] Передавъ приказаніе Г.-М. Лихачову, и получивъ отъ него отвѣтъ, пробывъ, не слѣзая съ лошади, минутъ шесть или нѣсколько болѣе, я возвратился. Съ кургана тогда не было замѣтно ни какихъ особенныхъ движеній къ сторонѣ Колочи, но за Бородинымъ что-то шевелилось. Не прошло получаса, какъ я возвратился отъ Генерала Лихачова, прискакалъ Адъютантъ его, Капитанъ Баронъ Левенштернъ, [109] съ донесеніемъ Капцевичу, что въ кустарникахъ начала показываться строющаяся пѣхота, а вправо и влѣво стоявшая непріятельская конница стала садиться на лошадей. Капцевичъ тотчасъ поскакалъ на батарею. Въ этѣ нѣсколько минутъ огонь на нее былъ усиленъ до невмовѣрной степени: тутъ мы ясно увидѣли, какъ прибывающая артиллерія пристроивалась уже къ стоявшей на позиціи, снималась съ передковъ и тотчасъ начинала дѣйствовать. Непріятельская пѣхота только еще сдвигалась, но двѣ огромныя массы конницы, одна брала направленіе къ Семеновскому, другая лѣвѣе, по направленію къ стоящей 7-й дивизіи. Командующій корпусомъ поспѣшилъ къ своему мѣсту; на пути онъ приказалъ Г.-М. Цыбульскому, что если бы непріятель-

---

[108] Но бодрость и веселость пѣхотинцевъ, сидѣвшихъ, за пенмѣніемъ дѣла, подъ брустверомъ, и живость артиллеристовъ, безпрерывно дѣйствовавшихъ и къ которымъ часто подбѣгали пѣхотинцы—были удивительны; многихъ изъ знакомыхъ Офицеровъ уже не было; оставшіеся еще въ живыхъ разспрашивали, что дѣлалъ и я. Въ это время у артиллерійскаго Полковника, Веселицкаго, оторвана была нога, а за часъ предъ тѣмъ дивизіонный Квартирмейстеръ, П. И. Бразинъ, былъ раненъ въ обѣ ноги ядромъ и др.

[109] Младшій братъ извѣстнаго Генералъ-Маіора Владимира Ивановича, умершаго въ 1858 году.

ская пѣхота двинулась на батарею, то дѣйствовать, соображаясь съ обстоятельствами, но имѣя въ виду главное—защиту батареи. Мы не успѣли еще доѣхать, какъ огонь артиллеріи по 7-й дивизіи сдѣлался болѣе учащеннымъ. Непріятельская конница двинулась впередъ и, пріостановившись, выдвинула изъ своихъ колоннъ большое число конной артиллеріи, начавшей дѣйствовать. Мы тоже усилили огонь, и онъ опять сдѣлался столь же живымъ, какъ и до полудня. Скоро и пѣхота Вице-Короля двинулась впередъ, но и скоро пріостановилась, а тогда и отрядъ Генерала Цыбульскаго подвинулся къ оврагу. Наконецъ тронулась было опять и кавалерія, но она остановилась, какъ бы перестроиваясь. Мы увидѣли, что и съ нашей стороны показалась конница, но она была отъ насъ далѣе, нежели непріятельская. Въ это время я посланъ былъ съ донесеніемъ къ тому, кого прежде встрѣчу: Кутузова, Барклая, или Беннингсена. Перваго увидѣлъ я Барклая, поджидавшаго кирасиръ; онъ, сидя верьхомъ, стоялъ на пригоркѣ съ трубой, приложенной къ глазу. Выслушавъ меня въ томъ же положеніи, какъ я его засталъ, такъ же и отвѣчалъ, что «все это онъ видитъ,» и, одобривъ распоряженіе относительно Цыбульскаго, замѣтилъ, чтобы онъ не очень отдалялся отъ остальной пѣхоты, и присовокупилъ: «Пусть Петръ Михайловичъ (Капцевичъ) дѣлаетъ то же, что по утру, а конница будетъ помогать ему.» Тутъ лошадь его была убита ядромъ (кажется, третья), и я какъ-то замедлилъ, но онъ, вставъ, не выпуская изъ рукъ трубы, потребовалъ скоро лошадь, а мнѣ сказалъ: «Спѣшите!» [110] Въ этотъ моментъ подъѣхалъ къ нему Беннингсенъ, а въ нѣкоторомъ разстояніи я замѣтилъ и Толя, быстро несущагося по направленію къ Семеновскому. Капцевичъ потребовалъ къ себѣ полковыхъ Командировъ, и, раздавая имъ наставленія, мы увидѣли, что правая непріятельская масса конницы пошла рысью, по направленію на нашу пѣхоту, стоявшую лѣвѣе отъ курганной батареи. На этомъ мѣстѣ огонь артиллеріи какъ бы пріутихъ, но за то послышался сильный батальный огонь пѣхоты. Съ мѣста же, на которомъ мы

---

[110] Тогда при немъ были только Полковники: А. А. Закревскій (въ послѣдствіи Графъ) и Флигель-Адъютантъ Вольцогенъ, а изъ его Адъютантовъ одинъ Ротмистръ Каверъ; остальные всѣ были разосланы, и половина уже перебита и переранена.

находились, намъ видѣть всего, тамъ происходившаго, было нельзя, по тому что возвышеніе, на которомъ стояла наша центральная батарея, тому препятствовало; въ это время она сильно отстрѣливалась изъ орудій. Мы смотрѣли болѣе на начавшую приближаться къ намъ лѣвую массу непріятельской конницы, и часто заглядывали назадъ и, какъ будьто, вздохнули, когда увидѣли массы и нашей, значительно къ намъ подвинувшейся. Выставленныя отъ нея батареи, вмѣстѣ съ другими, посылали ядра черезъ насъ, но непріятельскія сосредоточивались преимущественно на нашу пѣхоту и на артиллерію, при немъ стоявшую. Вдругъ, среди усиливавшагося огня, лѣвѣе нашей батареи, мы увидѣли изъ за возвышенія показавшихся противъ горжи непріятельскихъ всадниковъ, и въ это самое время изъ за оврага, отдѣляющаго горжу, гдѣ стоялъ Бутырскій полкъ и нѣсколько батальоновъ, только что подошедшихъ изъ другихъ корпусовъ, послѣдовалъ учащенный огонь. Суматоха между непріятельскими всадниками была замѣтна, но мы не могли видѣть, что именно тамъ происходило; какое-то грустное оцѣпенѣніе овладѣло нами всѣми; но когда-тотчасъ за симъ увидѣли, что пространство около горжи очистилось, что въ это самое время послѣдовало съ батареи нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ въ непріятельскую пѣхоту, начавшую, какъ уже и намъ было видно, наступать съ фронта на укрѣпленіе, Капцевичъ снялъ шляпу и, перекрестясь (ему послѣдовали всѣ), сказалъ; «Слава Богу, тамъ здорово!» Обратившись къ Адъютанту своему, 2-го егерскаго полка Капитану Капукарану, приказалъ ему съѣздить къ Лихачову и узнать, что тамъ? Въ этотъ самый моментъ ядро ударило въ голову его лошади, и Капукаранъ скатился подъ нее. Другой Адъютантъ его, того же полка, Капитанъ Дуровъ, раненъ въ руку и не оставлялъ своего мѣста, но видимо ослабѣлъ: тогда Петръ Михайловичъ приказалъ мнѣ исполнить это порученіе, и увидѣвъ, что непріятельская конница начала болѣе рѣшительное движеніе впередъ, велѣлъ тотчасъ обѣимъ линіямъ нашимъ построиться въ каре.

Подскакивая къ батареѣ, тутъ только я увидѣлъ, что появлявшаяся въ горжѣ непріятельская конница большею частію состояла изъ кирасиръ. Ихъ убитые и раненые люди и лошади лежали густо на большомъ пространствѣ. Отогнанные же отъ

горжи, чтобы скорѣе скрыться отъ огня изъ за оврага, не всѣ повернули назадъ тѣмъ же путемъ, но около ста человѣкъ бросились въ противоположную сторону и спустились въ оврагъ, идущій по правую сторону батареи къ Колочѣ и съ тыла ударили на стоявшія тутъ два орудія Прапорщика Вальца, для обстрѣливанія оврага, [111] и, такимъ образомъ, совершенно нечаянно очутились въ тылу и отряда Генерала Цыбульскаго, спустившагося въ это время въ оврагъ отъ угрожавшей ему съ фронта и праваго фланга конницы, идущей на 7-ю дивизію. Съ огромной потерей храбрые полки этѣ отдѣлались отъ такого внезапнаго со всѣхъ сторонъ нападенія [112] (Шрекенштейнъ распространяется объ этой

---

[111] Замѣчательно, что ни одинъ человѣкъ изъ находившихся при орудіяхъ не пострадалъ, всѣ вскочили на обрывъ, и когда кирасиры проскакали, вновь спустились къ орудіямъ; кирасирамъ было не до того, чтобы причинить какой либо вредъ орудіямъ.

[112] Полки, уже много потерявшіе прежде, здѣсь потеряли еще болѣе. Шефъ Уфимскаго полка, Г.-М. Цыбульскій, одинъ изъ храбрѣйшихъ людей, былъ такъ тяжело раненъ, что во всю войну не могъ уже служить; полковой Командиръ, Подполковникъ Демидовъ, заступилъ его мѣсто. Шефъ Ширванскаго полка, Полковникъ Ѳ. В. Зварыкинъ, тяжело раненый въ Смоленскѣ, еще не прибылъ къ полку, которымъ начальствовалъ полковой Командиръ, Полковникъ Николай Николаевичъ Тепловъ, предъ симъ не за долго убитый (стоя безъ дѣйствія подъ ужаснымъ артиллерійскимъ огнемъ, чтобы развлечь молодыхъ Офицеровъ и показать солдатамъ примѣръ презрѣнія къ ядрамъ и гранатамъ, онъ, сидя на барабанѣ, металъ штосъ, и въ это время палъ, пробитый ядромъ), вмѣсто коего начальствовалъ здѣсь полкомъ столь же достойный, Маіоръ Иванъ Андреевичъ Племянниковъ; 19 егерскимъ полкомъ начальствовалъ Шефъ, Полковникъ Николай Васильевичъ Вунчъ, извѣстный своею храбростію (въ Финляндскую гойну онъ былъ Шефомъ 25 егерскаго полка), который, послѣ раны Цыбульскаго, принялъ начальство надъ отрядомъ (въ послѣдствіи дивизіонный начальникъ). Во время этой-то атаки, такъ неожиданно произведенной, полкъ Вунча, тогда не болѣе уже 250 чел., не успѣвъ собраться изъ разсыпнаго строя, по командѣ Шефа, легъ вмѣстѣ съ нимъ. Конница пронеслась чрезъ него на пашу, но была обращена, чѣмъ храбрые егеря и спаслись. Часть Ширванцевъ послѣдовала ихъ примѣру, и до сихъ поръ одинъ изъ такъ спасшихся находится въ живыхъ, тогда ротный Командиръ, нынѣ полный Генералъ, А. И. Бѣлогуженъ. Вообще при Бородинѣ 24 дивизія потерпѣла много: дивизіонный начальникъ Г.-М. Лихачовъ, раненный, взятъ въ плѣнъ; бывшіе съ нимъ на батареѣ оба Шефа, тяжко раненые, лишились возможности продолжать войну: Томскаго

пѣхотѣ въ оврагѣ, описывая, какъ безуспѣшно полкъ Цастрова и другіе пытались почать ее), чему обязаны первой удачной атакѣ нашей конницы. Правѣе же наши кирасиры, ведомые подъ жесточайшимъ огнемъ самимъ Барклаемъ, шли на выручку 7-й дивизіи.

Подскакавъ къ центральной батареѣ, около которой, особенно въ самой горжѣ, лежали груды убитыхъ и бьющихся раненыхъ и придавленныхъ людей и лошадей такъ, что, не смотря на очень длинное протяженіе горжи, было труднѣе проѣхать въ нее, нежели чрезъ правую оконечность рва и вала, тутъ уже почти незамѣтнаго, я услышалъ стонъ, визгъ раненыхъ лошадей, крики, пушечные и ружейные выстрѣлы, которые какъ бы остолбеняли. Едва я, однако же, переѣхалъ черезъ валъ, какъ встрѣтилъ Адъютанта Левенштерна, который что-то мнѣ кричалъ, но не было возможности разслышать: оба спѣшили въ противоположныя стороны. Въ самомъ укрѣпленіи лежало нѣсколько убитыхъ и раненыхъ непріятельскихъ кирасиръ и лошадей; немногіе изъ нихъ проникли, но уже ни одинъ не возвратился. Остававшаяся въ укрѣпленіи пѣхота встрѣтила ихъ и съ своей стороны ружейнымъ огнемъ, но пущенныя ядра изъ за оврага были гибельны и нашимъ. Нѣсколько человѣкъ было убито и ранено.

Въ это время, какъ я подскакалъ къ Генералу Лихачову, онъ, съ помощію старшаго Адъютанта, Капитана Калмакова и

Полковникъ Иванъ Ивановичъ Поповъ, служившій въ лейбъ-гвардіи Литовскомъ полку и сохранившій мундиръ онаго; 40 егерскаго полка Полковникъ Сазоновъ; Командиръ батарейной роты, Полковникъ Весезицкій, убитъ; изъ роты его остались въ живыхъ два Прапорщика, Я. П. и А. П. Вальцы (о Цыбульскомъ и Тепловѣ сказано). Ширванскій полкъ вступилъ въ дѣло въ числѣ около 1,300 человѣкъ, а вышелъ въ числѣ съ чѣмъ-то 90, съ однимъ Штабъ-Офицеромъ, Маіоромъ Племянниковымъ, и тремя Оберъ-Офицерами, изъ коихъ одинъ, помянутый Г. Бѣлогуженъ. Уфимскій и Томскій мушкетерскіе, 19 и 40 егерскіе, полки, соединенные вмѣстѣ, составили по одному слабому батальону, и такъ продолжалось до 1813 года; когда резервы доставили людей и раненые присоединились, тогда полки приняли опять свои имена и нумера. 7 дивизія одинаково имѣла огромныя потери, но я умалчиваю о нихъ, имѣя въ виду только 24 дивизію, какъ оборонявшую центральную батарею.

Унтеръ-Офицера, спускался съ вала, на который всходилъ для обозрѣнія. Но едва онъ сошелъ, какъ пуля ранила Калмакова въ голову, онъ облился кровью, и тотъ же Унтеръ-Офицеръ, поддерживая его, направился къ горжѣ. Три непріятельскія пѣхотныя колонны, въ нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой, подвигались рядомъ; предшествующая имъ цѣпь стрѣлковъ производила частый огонь, подобно бѣглому. [113] Двѣ колонны конницы были по сторонамъ пѣхоты. Изъ редута осыпали непріятеля гранатами и картечью. Артиллеристы дѣйствовали съ удивительнымъ присутствіемъ духа, съ веселыми поговорками. Пѣхота же наша сидѣла за брустверомъ, не показываясь непріятелю, съ приказаніемъ не стрѣлять, пока не будетъ отдано приказанія, и тогда внезапно подняться изъ за прикрытія и въ упоръ встрѣтить залпами и штыками. Въ двухъ мѣстахъ среди укрѣпленія стояли маленькіе резервы. [114] Вообще людей было мало. Какая-то мрачная религіозная тишина царила въ редутѣ; она прерывалась только выстрѣлами нашихъ орудій и свистомъ летавшихъ уже пуль непріятельскихъ стрѣлковъ, ядра и гранаты урѣдѣли. Генералъ Лихачовъ былъ совершенно спокоенъ; онъ сказалъ мнѣ, что послалъ было Левенштерна къ Кацевичу просить его подкрѣпить гарнизонъ редута и присовокупилъ: «да теперь уже поздно: онъ не можетъ, а я боюсь за Цыбульскаго.» Въ это время началась кавалерійская атака на 7-ю дивизію. Конечно, я не пробылъ въ редутѣ и пяти минутъ, и едва успѣлъ перебраться черезъ горжу, какъ въ одно и то же время раздались крики: «Vive l'Empereur!» и наши залпы. Потомъ рѣдкіе ружейные выстрѣлы уже въ укрѣпленіи, крики: ура! суматоха была ужасная. Выбравшись изъ горжи и спустившись въ оврагъ, я увидѣлъ, что влѣво, около самаго оврага, отдѣляющаго редутъ отъ позиціи, занимаемой 7-й дивизіей, показалась идущая рысью конница, приготовлявшаяся къ атакѣ на-

---

[113] Нѣкоторые писатели неправильно утверждаютъ, что непріятель шелъ прямо на штыки, какъ это сдѣлалъ по утру Бонами; въ этотъ разъ колонны ихъ предшествуемы были, какъ говорилось тогда, густою цѣпью, «nuée de tirailleurs».

[114] Однимъ изъ этихъ микроскопическихъ резервовъ начальствовалъ храбрѣйшій и веселѣйшій изъ людей, которыхъ я встрѣчалъ только — Поручикъ Лилиндеръ. Онъ былъ скоро жестоко раненъ и выпесенъ.

шихъ пѣхотныхъ линій, находившихся внѣ редута. [115] То же самое вправо къ сторонѣ Семеновскаго; около же редута появилось, какъ мнѣ казалось, гораздо болѣе, и стрѣлки, пославшіе нѣсколько пуль въ оврагъ, чрезъ который пробирался я еще съ нѣсколькими ранеными изъ редута. Съ противоположной стороны отвѣчали непріятелю залпами и картечью. Конные, преимущественно находившіеся по лѣвую сторону редута, какъ всѣ очень хорошо видѣли, чтобъ избавиться огня, частью обратились къ главной массѣ, находящейся на высотахъ Семеновскаго, частью же вскочили въ редутъ чрезъ флангъ укрѣпленія, гдѣ ровъ и брустверъ уже не существовали. [116] То же видно было и съ правой стороны: нѣкоторыя части укрылись въ редутъ, другія въ оврагъ, но большей частью поскакали на присоединеніе къ той конницѣ, которая облегла 7-ю дивизію и бывшій отрядъ Цыбульскаго.

По одиночнымъ выстрѣламъ и крикамъ казалось, что въ редутѣ, занятомъ уже Французскою пѣхотой, бой не утихалъ, но онъ происходилъ далеко не въ соразмѣрныхъ силахъ и рукопашный.

Мнѣ не было уже возможности попасть прямымъ путемъ къ Капцевичу, находящемуся не далѣе, какъ за полверсты: карей его были окружены. Лошадь моя была изнурена; перемѣнная была при Корпусномъ Штабѣ; иначе я бы попыталъ прискочить къ пѣхотѣ. Мнѣ и бывшимъ со мной оставалось одно—спѣшить выбраться изъ оврага къ пѣхотѣ, стоявшей противъ горжи и по протяженію къ Семеновскому. Исполнить это верхомъ не было никакой возможности: убитые и умирающіе люди и лошади заграждали путь въ этомъ оврагѣ, а между тѣмъ надо было спѣшить; ибо непріятельская конница миновала уже батарею, оставила ее

---

[115] Какая именно была эта конница, я не знаю, хотя и очутился отъ нея въ нѣсколькихъ саженяхъ; замѣтилъ только у нѣкоторыхъ уланскіе киверa и слышалъ чрезвычайно сильный голосъ какого-то командира слова на Нѣмецкомъ языкѣ.

[116] Надо полагать, что это и былъ Тизьменъ, коего полвиту воспѣтъ нѣкоторыми изъ его братій.

вѣво, готовилась ударить на пѣхоту, къ которой мы направились. Къ этой конницѣ начали выскакивать и скрывшіеся отъ выстрѣловъ въ укрѣпленіи. Сдѣсь я нашелъ части Бутырскаго полка (24-й дивизіи), вмѣстѣ съ прибывшими только предъ тѣмъ двумя полками 4-го корпуса Графа Остермана.

Въ укрѣпленіи все было потеряно. Бывшіе ближе къ горжѣ, увидѣвъ, что, независимо отъ пѣхоты, хозяйствующей уже въ редутѣ, пробралась, какъ сказано выше, съ фланговъ и конница, а по тому, думая быть отрѣзанными, рѣшились было защищаться на смерть; но вдругъ эта конница въ пространной, совершенно открытой, горжѣ, не видя себя достаточно обезпеченной отъ сыпавшихся пуль, быстро начала пробираться чрезъ Французскую пѣхоту, тащившую уже къ горжѣ свои пушки, чтобы отвѣчать огню, производимому изъ за оврага. Этѣмъ быстрымъ удаленіемъ конницы открылся путь къ спасенію малаго числа изъ храбрыхъ, большею частію раненыхъ, защитниковъ укрѣпленія; они бросились въ оврагъ и въ слѣдъ за мною взобрались на противоположную сторону. Унынie, вмѣстѣ съ ожесточенной жаждой мести, одушевляло насъ всѣхъ; то, что мы видѣли; то, что слышали о послѣднихъ усиліяхъ, оказанныхъ при защитѣ укрѣпленія, возбуждало еще болѣе остатки, тутъ находившіеся, 24-й дивизіи, броситься обратно на выручку. Даже невозмутимый Шефъ Бутырскаго полка, Полковникъ Денисьевъ, изъ флегматика воспламенился ожесточеніемъ вмѣстѣ съ молодежью. [117] Но не долго

---

[117] Петръ Васильевичъ Денисьевъ (въ 1830 г. Генералъ-Маіоръ), богатый Курскій помѣщикъ, съ большою начитанностью и свѣтскимъ умомъ, былъ лицомъ чрезвычайно замѣчательнымъ. Небольшаго роста, довольно плотный, съ смуглорозовымъ лицомъ, всегда улыбающимся, флегматикъ; ни что не могло смущать его; онъ былъ идеаломъ практическаго философа. Дормезъ его во всю войну былъ наполненъ клѣтками съ канарейками и разныхъ рѣдкихъ породъ самыхъ миніатюрныхъ собачекъ. Находясь въ величайшихъ опасностяхъ, онъ сохранялъ ту же невозмутимость, какъ и перемѣнялъ кормъ канарейкамъ, или расчесывая собачекъ. Ему не было еще сорока лѣтъ и, по засвѣдѣтельствованію его племянника (потерявшаго подъ Краономъ ногу) и другихъ, онъ не зналъ еще женщинъ. Но въ Германіи и Франціи любилъ къ хлѣбосольству своему приглашать женщинъ, въ особенности, когда въ 1813 г., въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, мы блокировали Кюстринъ и онъ стоялъ въ замкѣ Тамлецѣ, что случалось

продолжалось это настроеніе наше. Выбравшаяся изъ редута, черезъ передовой фасъ, конница присоединилась къ массамъ, несущимся на насъ. Ее подпустили на нѣсколько шаговъ. Убійственный, хорошо удавшійся, залпъ произвелъ въ ней ужасный безпорядокъ, который, впрочемъ, замѣтенъ былъ, когда она еще шла на насъ, и по тому мы не видѣли уже надлежащей стройности въ рядахъ ея; пораженіе это вызвало Русское удальство: многіе одиночно изъ строя выскакивали на нее съ штыкомъ. Кавалерія, оставивъ значительное число на мѣстѣ, казалось, быстрѣе удалялась, нежели шла впередъ: она приняла отъ насъ влѣво, къ частямъ, боровшимся на Семеновскихъ высотахъ. Это успѣшное отбитіе какъ-то нѣсколько овеселило всѣхъ. Въ это же самое время мы дѣли, что кареи Кайцевича съ тыла очищаются отъ Французской конницы, тѣснимой нашей, и я бросился на лошадь, которую мнѣ далъ Полковникъ Денисьевъ, и успѣлъ прискакать къ Кайцевичу, такъ славно отстоявшему. [118] Въ слѣдъ за мной и Бутырскій полкъ пошелъ на соединеніе съ остатками, бывшими въ отрядѣ Цыбульскаго, примкнувшаго къ 7-й дивизіи, а мѣсто Бутырцевъ заялъ, прибывшій изъ 4-го корпуса, полкъ, къ бывшимъ уже тремъ.

Едва успѣлъ я перемѣнить лошадь, какъ Кайцевичъ послалъ меня къ Барклаю донести ему то, что я видѣлъ. Въ это время непріятельская конница очистила тылъ кареевъ второй линіи и, тѣснимая кавалергардами, конною гвардіей и другими, тутъ собравшимися, частями, приготовлялась ихъ встрѣтить. Барклай былъ

очень часто; онъ бывалъ тутъ тихо-веселымъ, улыбающимся наблюдателемъ и страстно любилъ подтрунивать. Я разстался съ нимъ во Франціи въ 1815 г., оставшись въ корпусѣ Графа Воронцова. Въ 1840 г., проѣзжая по службѣ чрезъ Бѣлгородъ, я встрѣтился съ нимъ нечаянно на почтѣ. Онъ былъ уже женатъ на вдовѣ Штабъ-Офицера Перовскаго. Я нашелъ его тѣмъ же, хотя уже подъ шестьдесятъ лѣтъ; мы почевали вмѣстѣ. Онъ отправлялся на ярмарку, гдѣ всегда разбивалъ палатку.

[118] Барклай де Толли, не щедрый на похвалы, если онѣ дѣйствительно не вполнѣ заслужены, въ рапортѣ своемъ Кутузову, какъ замѣтилъ и Г. Богдановичъ, описывая положеніе Кайцевича во время этой громадной на него кавалерійской атаки, называетъ пѣхоту его «безподобною!»

недалеко съ помянутыми полками.[119] Выслушивая меня и продолжая ѣхать малой рысью, онъ ни чего не распрашивалъ (да и къ чему бы то повело? потерю центральной батареи всѣ видѣли), и отпуская, приказалъ мнѣ только сказать Кацевичу, что если онъ можетъ отлучиться, то подъѣхалъ бы къ нему. Въ это самое время ядра, гранаты и картечь сыпались какъ горохъ; латники наши шли впередъ, Французскіе готовились встрѣтить ихъ. Такъ какъ не болѣе пятидесяти саженъ отдѣляли Барклая отъ Кацевича, то этотъ послѣдній возвратился скоро и сказалъ, что если удастся атака конницы, то Барклай намѣренъ выгнать Французовъ изъ центральной батареи. Извѣстіе это всѣхъ обрадовало и оживило. Между тѣмъ бой пѣхоты продолжался, а вмѣстѣ съ тѣмъ схватилась и конница.

Участь центральной батареи кончилась, а по тому излишне говорить о другомъ: я высказалъ то, что нашелъ въ дневникѣ своемъ; оно, можетъ быть, не полно, но вѣрно, по тому что то, о чемъ говорю, я видѣлъ,[120] помню и не разъ по настоящее время пополнялъ, исправлялъ со словъ участвовавшихъ въ этомъ событіи лицъ, тогда служившихъ въ 24-й дивизіи, и теперь попытаюсь согласовать все, сказанное объ этомъ эпизодѣ иноземными, съ тѣмъ, чему я былъ свѣдѣтелемъ.

При внимательномъ разсмотрѣніи всѣхъ приведенныхъ описаній, отбросивъ обычныя фразы Французовъ и хвастливыя натяжки нѣкоторыхъ изъ Нѣмецкихъ писателей, эпизодъ этотъ въ существѣ своемъ является у всѣхъ одинаковымъ своимъ послѣдствіемъ: «не конница, а пѣхота овладѣла онымъ.» По взаимному ли соглашенію Мюрата съ Вице-Королемъ, по сдѣланному ли распоряженію самимъ Наполеономъ о нападеніи на центральную батарею,—это все равно. Мюратъ направляетъ сильныя массы конницы на Семеновскія высоты, и въ то самое время Вице-

---

[119] Лѣвѣе его при другой колоннѣ я замѣтилъ Бенниигсена съ своимъ бѣлымъ пожелтѣвшимъ, необыкновенно высокимъ, перомъ на шляпѣ. Онъ ѣхалъ рысью, кажется, около конногвардейскаго полка.

[120] Дѣятельность моя на этомъ пунктѣ засвѣдѣтельствована оффиціяльно.

Король, съ тремя пѣхотными дивизіями, прикрывая свои фланги конницею, направляется на центральную батарею. Между тѣмъ 2-й корпусъ Коленкура, послѣ успѣшной атаки нашихъ линій, на пространствѣ между Семеновскимъ и центральной батареей, прошедши эту послѣднюю, оставшуюся у него влѣво, сзади; и здѣсь опять все равно, по приказанію ли Мюрата, или самого Наполеона, или, что гораздо вѣроподобнѣе, по собственному соображенію, побужденію самаго Коленкура, который увидѣлъ, что Вице-Король находится въ полномъ движеніи на фронтъ центральной батареи, захотѣлъ въ то же время, пользуясь своимъ положеніемъ, содѣйствовать ему, атакуя съ другой стороны тотъ же пунктъ, и для сего круто обращается на лѣво, назадъ (brusquement se rabat à gauche), и въ головѣ 5-го кирасирскаго полка достигаетъ горжи. Часть кирасиръ проникаетъ чрезъ оную въ батарею, гдѣ встрѣчаетъ отпоръ; большая же часть, столпившаяся у горжи, подвергнутая сильному огню отъ стоявшей за оврагомъ пѣхоты, должна была спѣшить оставить укрѣпленіе, при чемъ убитъ и Коленкуръ. Въ это время пѣхота Вице-Короля, подошедшая къ батареѣ, боролась съ ея защитниками, а шедшая у ней по сторонамъ кавалерія обскакивала укрѣпленіе съ флаговъ, и хотя нѣсколько конниковъ и проникали въ батарею, но это былъ только наскокъ и отнюдь не доставляло имъ обладанія онымъ до тѣхъ поръ, пока и пѣхота не окружила батарею со всѣхъ сторонъ (и даже часть оной проникла чрезъ горжу): тогда только совершилось полное обладаніе укрѣпленіемъ. Таковъ итогъ, къ которому приходятъ безъ изъятія всѣ повѣствующіе объ этомъ, не смотря на нѣкоторыя выходки Нѣмецкихъ историковъ, желающихъ ввести въ эту драму Тильмана съ его Саксонскими garde de corps, какъ бы игравшаго что-то въ родѣ роли Коленкура. Но попытка эта слишкомъ неудачна, по тому что и сами они говорятъ, что Тильманъ нашелся бы въ самомъ критическомъ положеніи, если бы пѣхота Вице-Короля не подошла въ это время. Появленіе же Тильмана на батареѣ очень естественно: онъ былъ съ своею бригадой въ 4-мъ корпусѣ Латуръ-Мобура, прикрывавшаго пѣхоту Вице-Короля, и по тому, пока она боролась на валу и часть ея начала облегать укрѣпленіе, конники могли перейти въ оное, не имѣвшее уже достаточно искуственной оборонительной преграды на всемъ протяженіи ли-

ніи его защиты, и, опять повторяю, что тѣ же самые повѣствователи Нѣмцы, которые съ такимъ тріумфомъ заставляютъ Тильмана переноситься чрезъ ровъ и брустверъ, говорятъ, что этѣ препоны уже не существовали, что онѣ были сглажены, что Тильманъ не удержался бы, если бы пѣхота не овладѣла и т. п. Вотъ къ чему приходятъ всѣ сказанія Нѣмецкихъ писателей. Само собою разумѣется, что Французскіе повѣствователи ни слова не говорятъ о Тильманѣ, какъ не игравшемъ ни какой отдѣльной роли, находясь въ корпусѣ Латуръ-Мобура, который весь участвовалъ при предпріятіи Вице-Короля.

Заключая этотъ эпизодъ, нельзя еще разъ не замѣтить, что почтенный исторіографъ нашъ, положившись въ своемъ изложеніи на показаніе одного Шрекенштейна, добродушно, впрочемъ, сознающагося, что все, теперь имъ писанное, «смутно представляется его памяти,» избралъ его предпочтительно всѣмъ другимъ источникамъ для изложенія этого эпизода! А изъ этого произвольнаго, безъ критической разработки, избранія, и произошли тѣ значительные недостатки, которые такъ поражаютъ каждаго, который пожелалъ бы получить точное понятіе объ этомъ, единственномъ во всю войну, обоюдномъ подвигѣ. Дѣйствительно, недоумѣваешь, какимъ, на примѣръ, образомъ почтенный исторіографъ, на основаніи только помянутаго Шрекенштейна, заставляетъ Коленкура, послѣ его успѣшной атаки нашихъ линій, повернуться на право, чтобы попасть къ батареѣ, тогда какъ всѣ повѣствователи, излагающіе этотъ эпизодъ съ нѣкоторою подробностію, положительно говорятъ, что Коленкуръ повернулся назадъ влѣво, что иначе и быть не могло; ибо, повернувшись на право, ему пришлось бы попасть къ Утицѣ. Изъ приведенныхъ выше 63-хъ повѣствователей, пять шестыхъ говорятъ, что Коленкуръ проникъ въ батарею черезъ горжу, съ тыла, а нашъ почтенный исторіографъ, на основаніи того же, «смутно помнящаго,» Шрекенштейна и компиляторовъ изъ него, Гоффмана и Бернгарди, увѣряетъ насъ, что Коленкуръ перенесся черезъ ровъ и брустверъ, и при томъ выпускаетъ еще имъ сказанное, что ровъ и брустверъ были почти сглажены; что черезъ горжу, по причинѣ ея крутизны, было трудно! Четырнадцать изъ приведенныхъ сочинителей, говорятъ, что Коленкуръ былъ убитъ

ядромъ, и нѣкоторые присовокупляютъ даже, что однимъ изъ послѣднихъ, пущенныхъ съ батареи, и еще болѣе: смерть его отъ ядра подтверждается и бюллетенемъ, между тѣмъ какъ о пулѣ говорятъ только двое, и двое пишутъ, что онъ убитъ изъ «Biscaïen! (Бискайское ружье), т. е., крѣпостное ружье, котораго при Бородинѣ въ употребленіи быть не могло; [121] оно несравненно большаго калибра. Остальные за тѣмъ ограничиваются только словомъ убитъ, что, по моему мнѣнію, было бы глаже такъ сказать и намъ, нежели, вопреки засвѣдѣтельствованію большинства, говорить «пулей.» Тильманъ упоминается двѣнадцатью повѣствователями, исключительно Нѣмцами, въ числѣ которыхъ Гофманъ и Беригарди, запмствовавшіе это отъ Шрекенштейна, что отсюда вошло и въ нашу исторію, между тѣмъ какъ 51 другихъ повѣствователей, изъ коихъ многіе были дѣятелями въ эпизодѣ, и въ числѣ которыхъ есть даже и Нѣмцы, ни слова не говорятъ о Тильманѣ. Довольно о семъ! Если обстоятельства позволятъ, я разсмотрю этотъ эпизодъ отдѣльно, съ приведеніемъ уже всѣхъ повѣствователей, говорящихъ о немъ, а теперь иду далѣе.

На стр. 212, говоря о нѣкоторомъ движеніи непріятеля и о намѣреніи Барклая де Толли выбить вторично Французовъ съ курганной батареи, присовокуплено:.... «и хотя это покушеніе (непріятеля) не удалось, однако жь заставило Барклая отказаться отъ нападенія на курганъ и ускорило отступленіе Русскихъ войскъ за Горицкій оврагъ.»

Какъ, за Горицкій оврагъ? Этого не выходитъ даже и по приложенному плану! Развѣ къ Горицкому оврагу. Впрочемъ, уже на страницѣ 195, сочинитель, какъ это замѣчено, разсказывая о взятіи этого же укрѣпленія Генераломъ Бонами, присовокупляетъ: «Французы кинулись на этѣ орудія и взяли ихъ, выбивъ прикрытіе изъ укрѣпленія и отбросивъ его за Горицкій

---

[121] Вотъ какъ оно опредѣляется въ артиллерійскомъ словарѣ: «Biscaïen. Mousquet de biscaye de fort calibre, ou fusils de rempart. On donné aussi ce nom au plus petit des boulets du canon.» Слѣдовательно, и послѣдніе два писателя, называя «Biscaïen,», могли относить это къ ядру малаго калибра.

оврагъ.» [122] Сдѣсь же нельзя и сказать, какъ сказано мною выше: развѣ къ Горицкому оврагу, по тому что прикрытіе отошло или, пожалуй, и было отброшено за оврагъ, идущій отъ курганной батареи къ Колочѣ, и который съ Горицкимъ оврагомъ соединяется своими устьями только противъ села Бородина, у Колочи.

На стр. 213, описывая атаку Французскою конницей 7-й дивизіи Капцевича, сказано: «Одно изъ нашихъ каре 19-го егерскаго полка было прорвано атакою Французскихъ карабинеровъ, дивизіи Де Франса.» Не прорвано. Въ этомъ, такъ называемомъ, каре было едва сто восемьдесять человѣкъ и самъ шефъ, Полковникъ Вуичъ. Усмотрѣвъ несущуюся на него съ тыла массу конницы (см. выше) и не успѣвъ совершенно построиться, онъ скомандовалъ лечь. Не собравшаяся изъ разсыпнаго строя часть Ширванскаго полка сдѣлала тоже; одинъ изъ участниковъ этого дѣйствія, какъ уже было замѣчено, и до сихъ поръ живъ (Г.-Л. Бѣлогужевъ). Линія пронеслась, не причинивъ ни какого вреда; тогда егеря открыли въ тылъ ей огонь; къ счастію, наша конница, подоспѣвшая въ это время, выручила ихъ. [123]

Говоря о непріятелѣ, опрокинутомъ Корфомъ, встрѣчаемъ выраженіе (стр. 215): «атаковалъ непріятеля (вѣроятно 7-й драгунскій полкъ).»

---

[122] Сдѣсь является противорѣчіе: вѣдь тамъ укрѣпленіе, по словамъ почтеннаго исторіографа, взято было конницею? и пр.

[123] Полтора года спустя, одинъ баталіонъ 40-го полка (одной бригады), подъ начальствомъ Подполковника Царьева, хотѣлъ было прибѣгнуть къ подобной стратагемѣ, подъ Краснымъ, но, къ несчастію, онъ сдѣлалъ это не противъ карабинеровъ, а противъ уланъ, которые, правда, и переносились черезъ лежавшихъ навзничъ, но рѣдкіи не отвѣдалъ пики, начиная съ самаго Царьева, и сдѣсь баталіонъ былъ выученъ блистательно атакой Ланскаго съ гусарами и Ушакова съ драгунами, поплатившимися за это жизнію: первый смертельно раненъ, а Ушаковъ убитъ на мѣстѣ. Оба и въ ту пору, такъ справедливо какимъ-то поэтомъ названную—вѣкомъ богатырей, занимали одно изъ блистательныхъ мѣстъ въ рядахъ арміи, особенно Ланской съ своимъ Бѣлорусскимъ гусарскимъ полкомъ.

По чему же Генералъ Богдановичъ полагаетъ, что это былъ вѣроятно 7-й драгунскій полкъ? Конечно, это предположеніе сдѣлано на какомъ либо основаніи, что не худо было бы сказать; ибо выраженіе вѣроятно не въ согласіи съ достовѣрностію.

Стр. 216: Опять за Горицкій оврагъ! «Въ продолженіи кавалерійскаго дѣла, Вице-Король сильно занялъ курганную батарею и пространство по сторонамъ ея, а Русскія войска, отойдя окончательно за Горицкій оврагъ, расположились въ четвертомъ часу по полудни, въ разстояніи около четырехъ сотъ саженей отъ взятаго непріятелемъ укрѣпленія, проникнувъ правымъ флангомъ къ селенію Горкамъ.»

Выше я сказалъ уже, что этого не видно и на планѣ, да и не могло и быть; ибо Горицкій оврагъ [124] находится по лѣвую сторону дороги, при самомъ селеніи; перейдя оный и дорогу, встрѣчаемъ курганъ, на которомъ стояла наша батарея въ три орудія. Къ этому пункту примыкалъ намъ правый флангъ центра, а лѣвый на нѣкоторое разстояніе по направленію къ Семеновскому, какъ тутъ же и говорится; какимъ же образомъ за Горицкій оврагъ? Тогда не возможно было бы и примыкать правымъ флангомъ къ Горкамъ! Взглянувъ на планъ, въ этомъ легко убѣдится всякій, кто и не былъ въ битвахъ. [125]

Когда на другой день предполагали возобновить битву, сказано (стр. 221): «между тѣмъ Барклай принималъ мѣры къ возведенію редута у селенія Горокъ, для чего было употреблено двѣ тысячи ополченія» и т. д. Это не согласуется съ логикой. Яснѣе было бы сказать: назначено, предназначено употре-

---

[124] Въ немъ течетъ ручеекъ Стонецъ, рѣдко имѣющій воду и, во время Бородинской битвы, онъ былъ совершенно сухъ, по крайней мѣрѣ, отъ Горокъ до устья въ Колочу, противъ с. Бородина.

[125] Здѣсь можно замѣтить, что обозначая такимъ образомъ мѣстность, нужно было бы подписывать на планѣ и овраги, что, впрочемъ, зависѣло не отъ картографа, а отъ самого историка.

бить для работъ. [126] За упомянутыми строками говорится о курганной батареѣ. Сдѣсь нахожу нужнымъ сказать о ней нѣсколько словъ, для разъясненія той путаницы, которая проявляется въ разсматриваемой Исторіи, хотя въ «Пятидесятилѣтіи Бородинской битвы» мимоходомъ и замѣчено это.

Генералъ Богдановичъ, при описаніи этой исполинской битвы, чрезвычайно сбивчиво для читателей именуетъ центральную батарею, одинъ и тотъ же пунктъ, поперемѣнно: люнетомъ; батареей Раевскаго; важною высотой; укрѣпленіемъ, составляющимъ ключъ нашей позиціи; высотой центра; курганомъ Раевскаго; большимъ укрѣпленіемъ; высотою съ десятью орудіями; курганомъ-ключомъ позиціи, и просто курганомъ, въ томъ же значеніи; высотой съ частію артиллеріи, и просто высотой, въ томъ же значеніи; укрѣпленной высотой; центральной батареей; курганнымъ укрѣпленіемъ... Такая плодовитость названій одного и того же мѣста похожа на даваемыя имена одному и тому же лицу. [127]

Въ обоихъ случаяхъ это сбивчиво, да пожалуй и вовсе не понятно для тѣхъ, которые въ первомъ: не твердо изучили имена и титулы грандовъ Пиренейскаго полуострова, а по тому изъ дюжины этѣхъ именъ, упоминая поперемѣнно то одно, то другое, могутъ легко принять каждое изъ нихъ за принадлежащее особому лицу. То же самое и во второмъ, встрѣчающемся у Г. Богдановича, не съ лицомъ, а съ пунктомъ, съ ключомъ Бородинской позиціи!

Само собой разумѣется, что не бывшіе подъ Бородиномъ, но посвятившіе себя точному изученію этого сраженія, хотя и

---

[126] Выше было сказано, что Барклай доносилъ Кутузову, что у Горокъ онъ примкнулъ правый флангъ къ батареѣ въ десять орудій, изъ чего и слѣдуетъ, что онъ разумѣлъ тотъ редутъ, который намѣревался достроить.

[127] Такъ, на примѣръ: Дона Марія, Анна, Фернанда, Леопольдина, Михаэля, Рафаэля, Габріэля, Шарлота, Антонія, Юлія, Викторія, Пракседесъ, Франциска д'Ассизъ, Гонзаго, де Браганца, Бурбонъ и т. д. Это имена одной изъ Португальскихъ Принцесъ.

пожмутъ плечами, но, не сводя глазъ съ плана, добьются толку; всѣ же другіе могутъ принять этѣ разнородныя названія за отдѣльныя, въ разныхъ мѣстахъ устроенныя, укрѣпленія, изъ коихъ: батарея, люнетъ и редутъ представляютъ между собой большую разницу, а отъ этого происходитъ путаница, въ которую ни какъ не могъ бы впасть участникъ въ битвѣ.

Еще замѣчательно то, что изъ ста десяти разъ, что это укрѣпленіе упоминается подъ разными фирмами, только одинъ разъ оно названо правильно—«центральной батареей», и кѣмъ еще оно такъ названо? Просто, Барклаемъ, въ донесеніи Кутузову! Кажется, чего бы сочинителю желать лучшаго авторитета, анъ нѣтъ: онъ изъ числа этѣхъ ста десяти разъ называетъ оное двадцать пять разъ батареей Раевскаго, тогда какъ изъ приведенныхъ имъ же самимъ рапортовъ Барклая, Ермолова, даже Раевскаго и другихъ ссылокъ, нигдѣ она такъ не называется, и не могла такъ называться, хотя почтенный сочинитель, въ статьѣ своей, помѣщенной въ 1858 году, въ 1-мъ № «Военнаго Сборника,» сильно утверждалъ, что батарею эту отцы наши привыкли называть батареей Раевскаго, а нынѣ, перебравъ всѣ, имѣющіеся въ архивахъ, матеріялы, онъ, по видимому, не могъ отыскать ни чего того, что могло бы покрѣпить его поэтическое воображеніе, и, конечно, не упустилъ бы этѣмъ воспользоваться, и чрезъ два года въ настоящую исторію свою онъ взялъ цѣликомъ все то, что относится до центральной батареи, до мнѣній Беннингсена и Толя, до степени состоянія батареи или неоконченнаго люнета, и многое другое, изъ Мюнхгаузена, не ссылаясь однако же, на него. А отъ этого самого вышло то, что все, имъ тутъ сказанное, осталось безъ всякихъ ссылокъ. Тотъ же, котораго онъ сравнилъ въ своей статьѣ съ Нѣмецкимъ юмористомъ, исправлялъ тогда должность Оберъ-Квартирмейстера 6-го корпуса, велъ дневникъ, и на него было возложено сооруженіе этого люнета. Дѣло въ томъ, говорю, что историкъ долженъ неотмѣнно указывать вводимыя имъ обстоятельства, о которыхъ прежде сего не было и рѣчи; а если уже, по какимъ либо отношеніямъ, онъ не хотѣлъ указать на источникъ, то лучше вовсе не вводить; ибо и безъ того, какъ было уже замѣчено, Бородинское сраженіе, вмѣстѣ съ прочимъ, сошло бы съ рукъ. Но совсѣмъ не то съ батареей Раевскаго.

Почтенный сочинитель упорствуетъ такъ называть это укрѣпленіе, хотя и не нашелъ себѣ, какъ замѣчено, нигдѣ подпоры, а умиротворяетъ это только тѣмъ, что изъ ста десяти разъ онъ только двадцать пять разъ называетъ оное батареей Раевскаго, даже и долго послѣ того, когда тутъ вовсе уже не было ни войскъ Раевскаго, ни его самаго, а защищали оный другіе Генералы. [128] Дайте достовѣрную ссылку, тогда и я признаю такъ, какъ это будетъ слѣдовать, а безъ того нельзя вводить въ Исторію вымышляемое, и изъ одной настойчивости поддерживать то, чего на дѣлѣ доказать нельзя, какъ это видно изъ самого сочиненія. Бородинская же битва достойна по всѣмъ отношеніямъ быть правильно переданной новому поколѣнію и потомству. Слава нашей арміи того требуетъ, а честь нашей военной литературы поставляетъ это первою обязанностью. Посмотрите, какое въ настоящее время наши литераторы обратили вниманіе на возстановленіе правильности даже въ стихотвореніяхъ извѣстныхъ поэтовъ, въ сочиненіи которыхъ, въ послѣдствіи, вкрались перестановки словъ, или подобныя тому искаженія!

Движеніе демонстраціи, диверсіи или поиска Уварова и Платова съ нашего праваго фланга на оконечность лѣваго непріятельскаго, имѣвшаго столь великое вліяніе на ходъ Бородинской битвы, заслуживаетъ полнаго критическаго разбора, доселѣ остающагося не-тронутымъ.

Генералъ Богдановичъ, отъ котораго имѣли полное право ожидать удовлетворительныхъ поясненій этого предпріятія, ограничивается только краткимъ очеркомъ, да и то не съ надлежащею ясностію. [129] Онъ говоритъ (т. II, стр. 203), что «Платовъ,

---

[128] Такое упорство наводитъ на извѣстный Малороссійскій разсказъ о спорѣ мужа съ женой. Первый утверждалъ, что овца брита; жена же, опровергая то, говорила, что стрижена. Мужъ, раздраженный долгимъ упрямствомъ жены, столкнулъ ее въ воду. Утопая, она по временамъ всплывала, и появлявшаяся изъ воды рука представляла пальцами дѣйствіе ножницъ. Бываютъ же такія натуры!

[129] По крайней мѣрѣ, для меня.

съ большею частью Казаковъ, стоявшій на лѣвомъ флангѣ 1-го кавалерійскаго корпуса, за рощею, утромъ, въ продолженіи сраженія, нѣсколько разъ посылалъ разъѣзды для открытія бродовъ на Колочѣ, при чемъ имѣлъ случай удостовѣриться, что у Бородина, на лѣвомъ крылѣ непріятельской позиціи, оставалось весьма немного войскъ. Полагая возможнымъ обойти Французовъ съ лѣваго фланга, [130] и воспользоваться неожиданностью этого обхода для нанесенія имъ вреда, Платовъ послалъ, находившагося при немъ волонтеромъ Полковника, Принца Эриста Гессенъ-Филипштальскаго, къ Кутузову, вызываясь перейти, съ значительнымъ числомъ кавалеріи, въ бродъ чрезъ Колочу и атаковать непріятеля. Принцъ Гессенскій обратился сперва къ Толю, который, убѣдясь въ пользѣ этого нападенія, какъ диверсіи, могшей отвлечь часть силъ непріятеля отъ рѣшительныхъ пунктовъ его атаки, исходатайствовалъ [131] у Князя Кутузова разрѣшеніе употребить для предположеннаго дѣйствія весь 1-й кавалерійскій корпусъ Генерала Уварова, въ числѣ 2500 человѣкъ.»

Прежде всего замѣчу: на какомъ основаніи сказано такъ опредѣлительно, что Платовъ посылалъ «утромъ, въ продолженіе сраженія, отыскивать броды на Колочѣ.»

Платовъ находился тутъ съ 22-го числа, слѣдовательно, четыре дня до сраженія; а кто служилъ въ войну съ Казаками, да еще въ Платовское время, тотъ очень хорошо знаетъ, что Казаки, остановившись на мѣстѣ, не будутъ ожидать четырехъ дней, чтобы не тотчасъ же ознакомиться на дальнее разстояніе съ окружающею ихъ мѣстностію, а не только съ находящеюся у нихъ, такъ сказать, подъ носомъ, Колочею, которая не могла не

---

[130] По моему мнѣнію и тутъ нелѣпость: мы должны были обходить не съ лѣваго фланга, а съ праваго; правильнѣе было бы сказать — обходить лѣвый флангъ Французовъ.

[131] Слово, опять, по моему мнѣнію, очень неловкое, которое Г. Богдановичъ употребилъ также и относительно Коновницына и Ахшарумова, какъ будетъ видно далѣе. Кутузовъ же былъ довольно самостоятеленъ въ подобныхъ случаяхъ.

обратить на себя еще особеннаго вниманія Казаковъ и тѣмъ, что тутъ она служила имъ рубежемъ, отдѣляющимъ ихъ отъ непріятелей. А при томъ Г. Богдановичъ самъ же говоритъ, что 22-го числа отряжено было пять Казачьихъ полковъ собственно для наблюденія за низовьемъ этой рѣчки, гдѣ были съ ними разсыпаны и нѣсколько егерскихъ полковъ, съ цѣлію охранять съ этой стороны нашу позицію; по этому само собой уже разумѣется, что въ особенности тѣ мѣста, гдѣ непріятель могъ удобнѣе переправиться, были тотчасъ же открыты, и нѣтъ возможности допустить, чтобы Платовъ ознакомился съ рѣкой только 26-го ч. утромъ. Расположенные тутъ по Колочѣ Казаки, конечно, уже съ 22-го числа поили лошадей своихъ изъ этой рѣчки и неотмѣнно тотчасъ же съ нею освоились. Помянутое выраженіе несомнѣнно сорвалось съ пера сочинителя и неумышленно набросило тѣнь на общепризнанныя, въ этѣхъ случаяхъ, неподражаемыя никѣмъ способности нашихъ Донцовъ. Но довольно объ этомъ; разсмотрю главное.

Изъ помянутаго разсказа видно покуда только то, что первая мысль сего спасительнаго для насъ движенія принадлежитъ Платову; но что для исполненія его предложенія назначенъ былъ не онъ, а Уваровъ съ своимъ 1-мъ кавалерійскимъ корпусомъ, въ числѣ 2500 человѣкъ, слѣдовательно, безъ Казаковъ и Платова, и это подтверждается на страницахъ 206 и 207. Да и быть иначе не могло; ибо Платовъ былъ тогда Генераломъ отъ Кавалеріи, а Уваровъ Генералъ-Лейтенантомъ; слѣдовательно, Платовъ не могъ быть подъ начальствомъ сего послѣдняго, который, получивъ приказаніе къ произведенію движенія, могъ бы приказать Атаману присоединиться къ 1-му кавалерійскому корпусу. Въ такомъ случаѣ и Платовъ направилъ бы Принца Гессенскаго къ Уварову, а не прямо къ Кутузову, съ предложеніемъ помянутаго движенія. Но, какъ говорится, не тутъ-то было. Почтенный сочинитель, описавъ подробно, съ наименованіемъ всѣхъ полковъ, составлявшихъ корпусъ Уварова, и частные ихъ подвиги во время этой демонстраціи, ни слова не упоминая о Казакахъ, вдругъ, со второй строки, снизу, 207 стр., начинаетъ любимымъ и столь часто повторяемымъ въ Исторіи словомъ: «между тѣмъ Платовъ съ нѣсколькими Казачьими полками (?), перешедшій че-

резъ Колочу одновременно съ Уваровымъ, найдя выше Беззубова удобное мѣсто для перехода черезъ Войну, перевелъ на другую сторону этой рѣчки своихъ Казаковъ, которые разсыпались въ кустахъ между непріятельскими колоннами и зашли имъ въ тылъ. Пѣхота Вице-Короля, занимавшая выходъ съ плотины, опасаясь быть отброшенною въ болото, отошла отъ рѣчки, что способствовало лейбъ-Казачьему полку промчаться чрезъ плотину въ кусты и кинуться въ тылъ непріятельской пѣхоты. Пользуясь суматохой, которую произвело это неожиданное нападеніе, наши Казаки (т. е., лейбъ-Казаки), отступили обратно чрезъ плотину. Между тѣмъ полки Уварова, получивъ отъ Барклая де Толли приказаніе возвратиться на правую сторону Колочи, отошли, вмѣстѣ съ Казаками Платова, къ Горкамъ, около четырехъ часовъ пополудни.»

Этотъ параграфъ вызываетъ необходимость пояснепія: 1-е, какимъ образомъ такъ внезапно является сдѣсь Платовъ, не получившій приказанія на это движеніе, хотя имъ и предложенное, и съ своими войсками, Казаками, совершаетъ подвиги? Они разсыпаются между непріятельскими колоннами, заходятъ въ тылъ и заставляютъ пѣхоту Вице-Короля, опасающуюся быть отброшенной въ болото, оставить выходъ на плотину и отойти отъ рѣчки? 2-е, Это самое способствуетъ лейбъ-Казакамъ промчаться чрезъ кусты и кинуться въ тылъ непріятельской пѣхоты и т. д. Но сдѣсь слѣдуетъ замѣтить, что лейбъ-Казаки не находились у Платова, а у Уварова, но тутъ такъ выражено, какъ бы полкъ этотъ былъ вмѣстѣ съ Платовымъ, котораго подвигъ описывается, а объ Уваровѣ нѣтъ и рѣчи! 3-е, Когда «между тѣмъ» полки Уварова получили отъ Барклая де Толли приказаніе возвратиться на правую сторону Колочи, то отошли вмѣстѣ съ Казаками Платова къ Горкамъ. Что же это: Платовъ съ своими Казаками является вездѣ, какъ бы созвѣздіемъ Уварова? Онъ не получаетъ ни приказанія ити, ни отойти, а играетъ тутъ роль спутника! Исторія обязана была разъяснить это загадочное положеніе и Платова и Уварова. Тѣмъ болѣе еще это требовало разъясненія, что въ подробномъ рапортѣ Уварова Барклаю де Толли (стр. 560) нѣтъ ни слова о дѣйствіи Казаковъ Платова, а говорится только о полкахъ, составлявшихъ 1-й кавалерійскій корпусъ

и о приказаніяхъ, полученныхъ Уваровымъ на счетъ движенія впередъ и потомъ отступленія. Въ чрезвычайно же краткомъ рапортѣ Платова Кутузову (Прил. стр. 588) сказано: «Въ бывшемъ 26-го числа прошлаго Августа мѣсяца, при селеніи Бородинѣ, съ непріятелемъ генеральномъ сраженіи, находился, по приказанію Вашей Свѣтлости, съ Казачьими полками, на правомъ флангѣ нашей арміи. Каково происходило дѣйствіе противъ непріятельскаго лѣваго фланга, Вашей Свѣтлости, по личному присутствію Вашему, извѣстно.»

Все это ни сколько не разъясняетъ обстоятельствъ дѣла. Если Платовъ, на предложенное имъ движеніе, такъ пространно разсказанное, имѣлъ какое либо повелѣніе отъ Кутузова дѣйствовать, то объ этомъ слѣдовало упомянуть въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится о посылкѣ имъ къ Кутузову Принца Гессенскаго; но тамъ объ этомъ ни слова, а только объ одномъ Уваровѣ, у котораго Платовъ ни какъ не могъ находиться подъ начальствомъ, что ясно видно изъ донесеній Уварова, равно какъ и Платова, коего рапортъ отзывается какъ бы неудовольствіемъ. Что же? Не уже ли каждый изъ нихъ, на одномъ и томъ же пунктѣ, дѣйствовалъ независимо одинъ отъ другого? Но повелѣнія, какъ къ наступленію, такъ и отступленію, посылались къ младшему, и Атаманъ Донскаго войска, старшій въ чинѣ, на котораго часто возлагались отдѣльныя экспедиціи и послѣ битвы подъ Бородиномъ (ему поручено было начальствованіе арріергардомъ всей арміи), [132] сдѣсь служитъ только созвѣздіемъ, спутникомъ Уварова!! Шутъ! Это не такъ; должно быть что либо иное, болѣе согласное съ смысломъ!

Въ Примѣчаніяхъ же къ XXIII гл., № 4-й, упоминается о другомъ рапортѣ Платова къ Кутузову, въ которомъ исчисляются полки, принимавшіе участіе въ этомъ поискѣ и, между прочимъ,

---

[132] Почтенный сочинитель впалъ въ ошибку, сказавъ, что 27 Августа было послѣднимъ днемъ командованія Платовымъ арріергардомъ, тогда какъ назначеніе Милорадовича на его мѣсто послѣдовало въ ночь на 29-е число. Причинъ тому сдѣсь не привожу.

присовокуплено, что Подполковникъ Харитоновъ «на всѣхъ ударахъ былъ впереди.» А это дастъ понимать, что рапортъ долженъ включать въ себѣ нѣкоторыя подробности. Жаль, что Г. Богдановичъ не привелъ онаго цѣликомъ и даже въ ссылкѣ не выставилъ ни нумера, ни числа. Очень можетъ быть, что изъ этого донесенія можно было бы получить какое-либо уясненіе. Къ несчастію же, почтенный сочинитель, въ описаніи нашей Отечественной войны, увлекается вообще указаніями иноземныхъ Нѣмцевъ; такъ и въ этомъ случаѣ, онъ ссылается, въ помянутомъ же приложеніи, на Клаузевица и Шрекенштейна, [133] присовокупляя:

---

[133] По видимому, Г. Богдановичъ не имѣлъ подъ рукой Записокъ Поручика Генеральнаго Штаба (П. Ѳ.) Богдановича, находившагося, въ продолженіе всего 1812 г., при Платовѣ и имѣвшаго подробныя записки, начиная съ Посольства въ Китай Графа Головкина, при которомъ онъ былъ вмѣстѣ съ Поручикомъ Ивановымъ (въ 1812 г. Капитанъ и Оберъ-Квартирмейстеръ) до окончанія войны въ 1814 г. Въ послѣдніе два года (1813 и 1814) онъ находился при Г.-А. Чернышевѣ (въ корпусѣ Г.-А. Барона Винцегероде), съ которымъ въ послѣдствіи ѣздилъ на Донъ для устройства Казаковъ, и умеръ Сенаторомъ. Что сдѣлалось съ его любопытными Записками, мнѣ не извѣстно; конечно, онѣ остались въ его семействѣ и, Богъ знаетъ, сохранились ли. Записокъ бывшаго Адъютантомъ у Платова (М. М.) Кузнецова, недавно умершаго Генералъ-Лейтенантомъ и Походнымъ Атаманомъ въ Варшавѣ, человѣка просвѣщеннаго, также не слышно. Не разъ случалось мнѣ говорить съ нимъ объ этомъ поискѣ, особенно въ 1828 г., когда онъ съ своимъ полкомъ находился въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ со мной на аванпостахъ при Шумлѣ, живя рядомъ въ палаткахъ. По возвращеніи моемъ изъ за границы, въ 1831 г., въ Варшавѣ, онъ тотчасъ посѣтилъ меня; въ два вечера мы перебрали все былое и, само собой, разумѣется, что Бородино стояло на первомъ планѣ, и все, что онъ разсказывалъ при нѣкоторыхъ лицахъ, въ дополненіе, или объясненіе, своихъ Записокъ, еще болѣе утвердило меня во многихъ моихъ заключеніяхъ. Наконецъ, третье лицо, бывшее участникомъ въ этомъ поискѣ и также имѣвшее Записки, не разъ бывшій у меня и у нѣкоторыхъ моихъ знакомыхъ въ рукахъ здѣсь въ Петербургѣ, это Г.-Л. (В. Д.) Изовайскій, подъ Бородиномъ уже Генералъ-Маіоръ, и 3 Ноября, 1860 года умершій въ Москвѣ, изъ которой онъ изгналъ запоздалыхъ Французовъ 11 Октября, 1812 года. Въ продолженіе пребыванія его здѣсь (съ 1844 по 1847 г.) не проходило дня, чтобы современники 1812 г. не собирались, иногда по нѣсколько человѣкъ, для вспоминаній и поясненій того, что казалось кому изъ нихъ темнымъ. Въ этѣхъ-то и нѣкоторыхъ другихъ Запискахъ Г. Богдановичъ нашелъ бы многое несравненно правильнѣй изложеннымъ, чѣмъ у Клау-

«Нападеніе Уварова на лѣвое крыло непріятельской арміи изложено подробно въ сочиненіи Клаузевица, бывшаго Оберъ-Квартирмейстеромъ въ 1-мъ кавалерійскомъ корпусѣ.»

Мнѣнію этого-то Клаузевица (находившагося при 1-мъ корпусѣ) Уваровъ не послѣдовалъ, чтобы прежде разстроить артиллеріею часть непріятельской пѣхоты и потомъ уже атаковать; отъ этого три атаки лейбъ-гусаръ были безуспѣшны. Конечно, это есть въ сочиненіи Клаузевица.

Относительно же того, что, при отступленіи Уварова и Платова, они перешли Колочу и отошли къ Горкамъ около 4-хъ часовъ по полудни, слѣдовало бы показать мѣсто, гдѣ они совершали переправу чрезъ Колочу, чтобы отойти къ Горкамъ. Замѣчу только, что они пошли прямо опять на то мѣсто, съ котораго выступили. Относительно же времени, здѣсь встрѣчается разнорѣчіе: Бутурлинъ (т. I, стр. 281) говоритъ, что «Г.-А. Уваровъ отступилъ къ селу Новому, при коемъ и стоялъ до ночи, пока не получилъ отъ Главнокомандующаго приказанія возвратиться за рѣчку Колочу.» Слѣдовательно, онъ тутъ же, въ Новомъ, конечно и перешелъ эту рѣчку, но уже ни какъ не около четырехъ часовъ по полудни. Михайловскій-Данилевскій вовсе не упоминаетъ о пунктахъ переправы чрезъ Колочу, какъ туда, такъ и обратно. Во всякомъ случаѣ эти показанія предшествовавшихъ историковъ должно было оговорить и, буде повѣствуемое ими неправильно, опровергнуть, на тотъ конецъ, чтобы истина была опредѣлена. Но не въ этомъ еще дѣло, а вотъ что здѣсь стоитъ на первомъ планѣ:

Бутурлинъ (т. I, стр. 277), говоря о распоряженіяхъ Кутузова, приказавшаго Милорадовичу потянуться влѣво (съ перваго крыла), съ 4 пѣхотнымъ и 2 кавалерійскимъ корпусами, къ центру, присовокупляетъ: «кромѣ сего приказано было Генералу Платову, съ его Казаками, и Г.-А. Уварову съ 1-мъ кавалерій-

---

зевица и ему подобныхъ литераторовъ, гоняющихся за вычурными выраженіями и выставляющихъ себя на первомъ планѣ.

скимъ корпусомъ, дабы, перейдя рѣчку Колочу въ бродъ, ниже села Бородина, атаковали лѣвый флангъ Вице-Короля Италіянскаго (стр. 280). Г.-А. Уваровъ, исполняя данное ему приказаніе, перешелъ рѣчку Колочу, при селѣ Маломъ, съ 1-мъ кавалерійскимъ корпусомъ и нѣсколькими Казачьими полками (конечно, отъ Платова), съ помощію конхъ принудилъ легкую кавалерійскую дивизію Орнано поспѣшно отступить за ручей Войну» и т. д.

Михайловскій-Данилевскій, который въ описываемый моментъ находился при Кутузовѣ, говоритъ еще опредѣлительнѣе на счетъ движеній Уварова и Платова. Вотъ что читается въ немъ (г. II, стр. 225): «Когда Кутузовъ былъ при Горкахъ и, желая лучше обозрѣть мѣстность, взъѣхалъ на курганъ, на которомъ находилась батарея въ три орудія, то слѣдствіемъ этого обозрѣнія были два приказанія, отданныя Кутузовымъ: 1-е, Милорадовичу, съ стоявшимъ на правомъ крылѣ 4-мъ пѣхотнымъ корпусомъ Графа Остермана и 2-мъ кавалерійскимъ Корфа, приблизиться къ центру; 2-е, Платову съ Казаками и Уварову, съ 1-мъ кавалерійскимъ корпусомъ, переправиться въ бродъ черезъ Колочу, выше Бородина [134] и атаковать лѣвое крыло непріятеля. Симъ движеніемъ Князь Кутузовъ надѣялся развлечь вниманіе Наполеона и оттянуть часть силъ его отъ нашего лѣваго крыла.» И даже описываетъ дѣйствія помянутыхъ двухъ Генераловъ, на которыя смотрѣлъ съ Горской батареи Кутузовъ, и когда увидѣлъ, что цѣль достигнута, послалъ повелѣніе возвратиться и т. д

Тутъ выходитъ уже совсѣмъ не то, что говоритъ Г. Богдановичъ. Сдѣсь мысль сдѣлать движеніе нашимъ правымъ флангомъ на лѣвый непріятельскій, была слѣдствіемъ личнаго обозрѣнія Кутузовымъ хода дѣла, а о предложеніи Платова чрезъ Принца Гессенскаго и объ исходатайствованіи Толя ни слова; между тѣмъ это обстоятельство чрезвычайно важное; ибо имѣло сильное вліяніе на исходъ Бородинскаго дня. За чѣмъ же отнимать славу этой мысли у того, кому она принадлежитъ по праву? Чтобы опредѣлить съ историческою точностію, кто правъ

---

[134] Видимая опечатка: должно быть ниже Бородина.

и кто виноватъ, почтенному сочинителю своей Исторіи слѣдовало данными опровергнуть повѣствованіе Бутурлина и Даниловскаго, но онъ почелъ за лучшее въ этомъ эпизодѣ даже и вовсе не упоминать о нихъ, а пустить въ ходъ указаніе Клаузевица!

Еще одно замѣчаніе: въ текстѣ показано въ отрядѣ Платова четырнадцать Казачьихъ полковъ и двѣ конныя батареи (слѣдовало бы роты, но за симъ въ этомъ сочиненіи гоняться нельзя), а на планѣ позиціи и сраженія означено только девять Казачьихъ полковъ съ нѣсколькими орудіями. По чему же остальные пять полковъ Казачьихъ не показаны на планѣ, расположенными отъ Москвы рѣки по низовью Колочи для наблюденія, какъ это сказано при описаніи позиціи, тогда какъ пѣхотные полки, для того же назначенія, тутъ размѣщенные, на планѣ показаны? Точно также вездѣ говорится, что въ отрядѣ Г.-М. Карпова, на старой Смоленской дорогѣ, были шесть Казачьихъ полковъ, а на планѣ означены только пять.

Генералъ Богдановичъ проходитъ молчаніемъ: бралъ ли Платовъ съ собой на поискъ Донскую артиллерію, или только часть оной; мѣстность тому препятствовать не могла; ибо съ Уваровымъ находилась же конная артиллерія, а Донская того времени была несравненно легче въ дѣйствіи. Во всякомъ случаѣ, какъ можно было не упомянуть о 24-хъ орудіяхъ, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ этой Исторіи говорится даже и о двухъ орудіяхъ, съ именемъ начальника оныхъ, Подпоручика, или Поручика, въ случаяхъ, ни чего не значащихъ?!

Изъ девяти Казачьихъ полковъ (за откомандированіемъ пяти, какъ замѣчено выше), стоящихъ съ Платовымъ на позиціи, Г. Богдановичъ называетъ (примѣч. къ XXIII гл., № 4) только семь и часть Атаманскаго: принимавшихъ участіе въ поискѣ, и ни слова не говоритъ, что сдѣлалось съ однимъ цѣлымъ Казачьимъ полкомъ и большею частію Атаманскаго: были ли они оставлены на позиціи, можетъ быть, для прикрытія артиллеріи, если она оставалась на мѣстѣ; а при томъ, отъ кого было и прикрывать оную? Тѣмъ болѣе еще, что впереди, по пути Платова за Колочу, находились, для наблюденія за нею, пять полковъ, незави-

симо отъ егерскихъ? Или, наконецъ, цѣлый полкъ и большая половина Атаманскаго получили другое назначеніе, а то иначе они, вмѣстѣ съ однимъ полкомъ изъ отряда Карпова, какъ бы исчезли изъ Исторіи?

Всѣ эти недостатки, недоговоры, противорѣчія, темныя мѣста и т. п., оставляютъ всякаго читателя, особенно любознательнаго, въ недоумѣніи. Другимъ же какое дѣло до этихъ частностей? Не они дѣлаютъ оцѣнку сочиненія. Однако же «Исторія Отечественной войны 1812 года» составляетъ предметъ, который можетъ занять и не однихъ военныхъ, [135] а потому точность необходима для изображенія тогдашнихъ подвиговъ всѣхъ сословій нашего Отечества. Съ другой же стороны, можно ли, по всей справедливости, требовать, какъ уже замѣчено, чтобы громадный трудъ этотъ не содержалъ въ себѣ всевозможныхъ недостатковъ, когда на составленіе онаго употреблено только три года? И кажется, что почтенный сочинитель этѣми тремя годами желаетъ показать, какое долгое время употребилъ онъ на сочиненіе своей Исторіи! И дѣйствительно сочинилъ. [136]

О вліяніи, которое имѣли на общій ходъ Бородинской битвы движенія Платова и Уварова Бутурлинъ говоритъ очень коротко, сознавая при томъ, что оно заставило Наполеона, потерять много времени (стр. 194—195). Окуневъ пишетъ относительно боковаго движенія Генерала Уварова: «Сіе движеніе конницы не

---

[135] И это торжественно доказано въ высшей степени любопытнымъ взглядомъ, въ статьѣ, подъ заглавіемъ: «Недоумѣнія при чтеніи книги Г. Богдановича» и пр., помѣщенной въ третьей книгѣ «Чтеній въ Императ. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» за 1866 годъ. А въ четвертой книгѣ тѣхъ же «Чтеній» за 1867 г. статья Г. Жукова не менѣе любопытна и знаменательна своими замѣчаніями на Исторію Г. Богдановича.

[136] По моему же крайнему разумѣнію, въ этомъ случаѣ можно сказать то же самое, какъ лѣтъ шесть, или семь, тому назадъ одно лицо, на представленномъ ему какомъ то проектѣ, написало: «По моему мнѣнію сумнѣваюсь, чтобы проэктъ можно было обольшить къ Юлю.» Такъ и я сомнѣваюсь, чтобы въ три года можно было изучить матеріялы и написать Исторію войны 1812 года безупречно, по крайней мѣрѣ, безъ взаимныхъ противорѣчій.

имѣло всего ожиданнаго отъ него успѣха при его предпріятіи, но произвело, по крайней мѣрѣ, нѣкоторую нерѣшимость въ наступательномъ дѣйствіи непріятельскаго центра, коею Русскіе воспользовались для приведенія въ порядокъ утомленныхъ войскъ.» Окуневъ присовокупляетъ, что онъ «знаетъ сіе отъ Генерала, начальствовавшаго одною изъ пѣхотныхъ дивизій, весьма дѣятельно участвовавшаго въ сей славной битвѣ. Онъ увѣрялъ меня, что весьма было примѣтно въ наступательномъ движеніи Наполеона ослабленіе, которому въ первую минуту не знали истинной причины, но въ послѣдствіи сдѣлалось извѣстнымъ, что сіе ослабленіе центра произошло отъ опасенія, возбужденнаго боковымъ движеніемъ Уварова.» Жомини одинаково свѣдѣтельствуетъ, [137] что Кутузовъ выигралъ время симъ движеніемъ, и что Наполеонъ, получивши о семъ извѣстіе, пріостановилъ сдѣланное распоряженіе для обновленія атаки на нашъ центръ, и опасался за свой путь сообщенія и т. д. Михайловскій-Данилевскій (т. II, стр. 27) говоритъ, что «дѣйствія Платова и Уварова имѣли на участь сраженія вліяніе чрезвычайно важное, вполнѣ оправдавшее ожиданіе Князя Кутузова. Лѣвый флангъ нашъ былъ оттѣсненъ, укрѣпленія впереди Семеновскаго взяты. Наполеонъ уже отдалъ повелѣніе молодой гвардіи двинуться для подкрѣпленія кавалерійскихъ корпусовъ, возобновлявшихъ съ бѣшенствомъ одну атаку за другою. Наконецъ онъ въ то же время приказалъ Вице-Королю атаковать курганную батарею,—и вдругъ измѣнился видъ дѣла. Гвардіи велѣно остановиться, а Вице-Королю не итти въ атаку на батарею Раевскаго. Этого мало. Вице-Король и самъ Наполеонъ, завидя кавалерію Платова и Уварова и произведенную тревогу на лѣвомъ крылѣ и въ тылу, понеслись къ берегамъ Войны, желая удостовѣриться въ силахъ, какія Князь Кутузовъ отрядилъ для обхода ихъ и нападенія. Тѣмъ, кто находился въ Бородинскомъ сраженіи, конечно, памятна та минута, когда по всей линіи непріятеля уменьшилось упорство атакъ, огонь видимо сталъ слабѣе, и намъ, какъ и тогда кто-то справедливо замѣтилъ, можно было свободнѣе вздохнуть. Вотъ одна изъ главныхъ причинъ, лишившихъ Наполеона

---

[137] Vie pol. et milit. de Napoleon. t. II, p. 226. Édit. de Bruxelles. 1842.

возможности воспользоваться побѣдой, уже склонявшейся на его сторону. Столь счастливый оборотъ былъ непосредственнымъ слѣдствіемъ маневра Кутузова, маневра, до сихъ поръ неоцѣненнаго достойнымъ образомъ. [138]

Генералъ Богдановичъ съ своей стороны дѣлаетъ слѣдующій выводъ (т. II, стр. 208): «Вообще же нападеніе Уварова на лѣвое крыло непріятельской арміи, произведенное безъ содѣйствія пѣхоты, которое, по свойствамъ мѣстности въ окрестностяхъ Бородина (?), было необходимо, не имѣло рѣшительныхъ послѣдствій, но принесло намъ большую пользу, заставя Наполеона потерять въ бездѣйствіи около двухъ часовъ, въ продолженіе которыхъ мы успѣли усилить нашъ центръ войсками съ праваго крыла и изъ резерва и занять промежутокъ, образовавшійся между батареей Раевскаго и Семеновскимъ.» Сдѣсь ссылки на Шамбре и на Тьера. [139] Я недоумѣваю, какимъ образомъ могло составиться подобное разсужденіе. Движеніе Уварова (замѣтьте о Платовѣ опять ни слова) не имѣло рѣшительныхъ послѣдствій! И тотчасъ, въ слѣдъ за тѣмъ, что это движеніе заставило Наполеона потерять въ бездѣйствіи около двухъ часовъ; что въ это время мы успѣли усилить нашъ центръ войскомъ съ праваго фланга и изъ резерва и занять промежутокъ, образовавшійся между батареей Раевскаго и Семеновскимъ. Это бездѣлица, по мнѣнію Г. Богдановича! Да какія бы могли быть послѣдствія, если бы мы не имѣли времени сдѣлать всѣ эти распоряженія? Пусть почтенный сочинитель прочитаетъ только написанное имъ же, что когда, послѣ потерянныхъ Наполеономъ двухъ часовъ времени, давшихъ намъ возможность сдѣлать помянутыя передвиженія, непріятель напалъ на центральную батарею и занятый уже нами промежутокъ между оною и Семеновскимъ, то какія усилія мы должны были употребить противъ натиска многочисленной непріятель-

---

[138] Г. Богдановичъ, какъ видѣли выше, приписываетъ первую мысль онаго Платову, что, по тщательномъ обзорѣ матеріяловъ, должно объясниться.

[139] Прил. къ XXIII гл., № 6.

ской конницы и колонны его пѣхоты, чтобы устоять, но и то не на всѣхъ пунктахъ? Что же было бы, повторяю, если бы мы не имѣли возможности воспользоваться этѣми двумя часами!.... Конечно, тогда были бы рѣшительныя послѣдствія и для насъ и для непріятеля, но совершенно одни другимъ противоположныя. Остается только удивляться, какъ могло помянутое разсужденіе быть написано, и при томъ заимствованное только изъ двухъ Французскихъ повѣствователей, изъ коихъ одинъ точно также, какъ и нашъ почтенный исторіографъ, не былъ въ дѣлѣ, слѣдовательно, они оба компилировали и на попавшую на глаза тему фантазировали!

Въ слѣдъ за послѣдними выше приведенными словами читается слѣдующее: «Князь Кутузовъ полагалъ, что при этомъ нападеніи наша кавалерія могла бы одержать болѣе рѣшительные успѣхи?» Это опять откуда почерпнуто? Ни здѣсь, ни до самаго конца параграфа, ссылки нѣтъ, а она видимо была необходима, ибо свѣдѣтельствуетъ мнѣніе Кутузова. Если бы почтенный сочинитель находился на лицо самъ, то авторитетъ его былъ бы не сомнителенъ, все равно, слышалъ ли бы онъ самъ отъ Кутузова, что онъ надѣялся на большіе успѣхи, или тогда же сказали о томъ другіе; но какъ ни того, ни другого не было, слѣдовательно, повторяю, и ссылка была необходима; иначе, по мнѣнію самого же исторіографа, заявленному въ 1-мъ нумерѣ «Военнаго Сборника» за 1858 годъ, пришлось бы вѣрить всему тому, что разсказываетъ Мюнхгаузенъ въ своемъ твореніи, извѣстномъ у насъ въ переводѣ: «Не любо не слушай» и т. д. Г. Богдановичъ продолжаетъ: «Изъ донесенія Уварова видно, что ему было приказано отвлечь непріятеля отъ покушеній на вторую армію, но что въ послѣдствіи онъ получилъ отъ Барклая и отъ самого Кутузова повелѣніе [140] возвратиться «на позицію.» Выше видно было, что Уваровъ вполнѣ оправдалъ свое назначеніе, отвлекъ вниманіе

---

[140] Значитъ, письменное; ибо иначе сказано было бы приказаніе; а если письменное, то не въ немъ ли находится сѣтованіе Кутузова, что наша кавалерія могла бы одержать болѣе рѣшительные успѣхи? Повелѣніе это необходимо было бы приложить.

непріятеля отъ второй арміи, заставивъ его потерять около двухъ часовъ времени, что въ самомъ концѣ Августа, по краткости дня, весьма важно. Слѣдовательно, Кутузовъ, соображая безполезность дальнѣйшаго пребыванія конпаго отряда на пзрѣзанной мѣстности, и послалъ приказаніе или повелѣніе возвратиться, а можетъ быть, онъ это сдѣлалъ и съ другою цѣлью, ниже изложенною.

За симъ слѣдуетъ собственное критическое разсужденіе почтеннаго сочинителя: «Дѣйствія нашего отряда могли бы имѣть болѣе важныя послѣдствія (а какія, не сказано) только тогда, когда онъ былъ бы въ значительныхъ силахъ и состоялъ изъ всѣхъ родовъ войскъ, или, если бъ Уваровъ получилъ опредѣлительную инструкцію (!), въ которой было бы ясно выражено, что отрядъ его назначается для рѣшительнаго удара въ тылъ непріятеля, и что эту атаку слѣдовало повести даже и въ такомъ случаѣ, если бы нашъ отрядъ подвергался совершенному пораженію.»

Относительно состава отряда Уварова въ значительныхъ силахъ изъ всѣхъ родовъ войскъ я замѣчу, что Г. Богдановичъ самъ же описалъ мѣстность противъ нашего праваго фланга, по которой значительный отрядъ, въ составѣ всѣхъ родовъ войскъ, не иначе могъ бы двигаться, какъ чрезвычайно медленно, а это дало бы время и возможность непріятелю притянуть къ защитѣ необходимое число войскъ, что, по близости его массъ и удобству мѣстности, ему очень было бы легко сдѣлать. [141] И разъ отбивши нашъ натискъ, весь отрядъ подвергался бы истребленію при отступленіи чрезъ нѣсколько рѣчекъ съ крутыми и обрывистыми берегами, оврагами и другими значительными физическими препятствіями. А при томъ, откуда бы взялась у насъ пѣхота, которая должнепствовала въ такомъ отрядѣ быть въ силѣ? Сдѣсь нуженъ былъ отважный кавалерійскій налетъ легкой конницы и въ особенности Казаковъ; тутъ дѣло шло не объ упорныхъ схваткахъ, но о быстротѣ, а можетъ быть и для того, чтобы усмо-

---

[141] Частію онъ и исполнилъ это противъ конницы Уварова.

трѣть, какое вліяніе это произведетъ на непріятеля, чтобы въ послѣдствіи воспользоваться симъ, о чемъ скажется далѣе.

Что же касается до того, что если бы Уваровъ получилъ опредѣлительную инструкцію, съ яснымъ выраженіемъ, что отрядъ его назначается для рѣшительнаго удара въ тылъ непріятеля, даже и въ такомъ случаѣ, если бъ отрядъ этотъ подвергался совершенному пораженію, то, признаюсь, я не совсѣмъ понимаю смыслъ этѣхъ словъ! Для Генерала, уполномоченнаго на такой подвигъ, всякая опредѣлительная инструкція только бы стѣснила его въ распоряженіяхъ; ибо заблаговременное опредѣленіе дѣйствій зависитъ не отъ тѣхъ, которые составляютъ инструкцію. Въ подобныхъ случаяхъ опредѣлительность опредѣляется моментами дѣйствій, и по тому совершенно зависитъ отъ исполнителя; и наконецъ, какую бы пріобрѣли пользу, если бы начальникъ отряда, при видимой, на мѣстѣ, невозможности имѣть какой либо успѣхъ, руководствовался ясно выраженною и опредѣлительною инструкціею, написанною за нѣсколько верстъ отъ мѣста дѣйствія и подверіъ ввѣренный ему отрядъ совершенному пораженію? Какая была бы въ томъ польза? повторяю. А вотъ какая: успѣхомъ симъ непріятель бы воодушевился, а въ нашихъ рядяхъ послѣдовало бы уныніе, первый шагъ къ потерѣ духа, который составляетъ главнѣйшія качества воина. Такъ, если бы въ этой ясно выраженной опредѣлительной инструкціи сказано было, для успѣха въ главныхъ предначертаніяхъ, Уваровъ не долженъ останавливаться въ дѣйствіяхъ своихъ и тогда даже, когда бы подвергалъ отрядъ свой значительной потери людей, или что либо подобное, но уже ни какъ совершенному пораженію. Конный отрядъ, послѣ многихъ безъуспѣшныхъ атакъ, не подвергается еще столь сильному и такъ опредѣлительному выраженію совершеннаго пораженія!

Мнѣ никогда не случалось слышать о подобныхъ предписаніяхъ, подъ названіемъ инструкцій, да еще опредѣлительныхъ, ясно выраженныхъ! Между же тѣмъ, по роду моей службы, мнѣ приходилось, съ 1808 по 1830 годъ, переписывать и писать съ диктовки подобныя распоряженія лицъ, очень по-

нимающихъ дѣло. Все, что относилось до боевыхъ распоряженій по войскамъ, называлось: диспозиція, дополненіе къ оной, предписаніе, приказаніе, даже пусть: наставленіе, разъясненіе въ случаѣ нужды, но все таки не инструкція, которая, по принятому правилу, дается только обревизователямъ какого либо Департамента Провіантской, или Коммисаріятской, Коммисіи, партіоннымъ Офицерамъ и т. п.; по крайней мѣрѣ, въ мое время, въ военной бюрократіи, это было такъ принято. Сколько странно было бы слышать, что получившій порученіе обревизовать Департаментъ, Коммисію и т. п., или дипломатъ, для руководства въ своихъ сношеніяхъ, вмѣсто прямаго слова, въ подобныхъ случаяхъ, инструкція, были бы снабжены диспозиціею, столь же странно слышать, что Генералъ, долженствующій тотчасъ атаковать непріятеля, получаетъ инструкцію! [142] Всѣ эти названія имѣютъ свое спеціяльное значеніе въ военной терминологіи.

Относительно же содержанія помянутой опредѣлительной инструкціи, повелѣвающей, не смотря ни на что, атаковать непріятеля, если бы даже пришлось и потерпѣть совершенное пораженіе, то и этого выраженія, безъ особенныхъ къ тому добавленій, въ продолженіе всей моей боевой службы, не приходилось нигдѣ встрѣчать, да и послѣ, до самаго появленія настоящей книги, гдѣ либо и читать.

Впечатлѣніе, произведенное на непріятеля движеніемъ нашего праваго фланга, должно быть тщательно разсмотрѣно, и перебрано все то, что пишутъ иноземцы-свѣдѣтели и слышавшіе тогда же о безпорядкѣ, происшедшемъ на этомъ флангѣ, о чемъ вскользь упоминаетъ и самъ Генералъ Богдановичъ. Суматоха на возвышеніи отъ Бородина, по направленію къ Колоцкому

---

[142] Я нахожу въ этихъ двухъ случаяхъ ту же оригинальность, какъ если бы кто въ руководствѣ обязанностей своеручно написалъ: «Наблюдать, чтобъ на этапахъ было достаточно дровъ для пищеваренія,» вмѣсто для варенія пищи. Или вычеркнулъ слово госпиталь, а написалъ «гауптспиталь», по тому что караульня пишется гауптвахта, а не гошвахта.

монастырю, была ясно видна отъ Горокъ, и съ какою поспѣшностію многія палатки были сняты!

Что касается собственно моего мнѣнія, основаннаго на многихъ заключеніяхъ и разсужденіяхъ, въ то же время и въ послѣдствіи слышанныхъ отъ лицъ, свѣдущихъ въ военномъ дѣлѣ, изъ коихъ нѣкоторыя и участвовали въ этомъ поискѣ, то я вполнѣ убѣжденъ, что даже послѣ того, что Уваровъ не успѣлъ сломить каре, и когда Платовъ произвелъ описываемый безпорядокъ въ непріятельской пѣхотѣ около Беззубова, первый отошелъ бы (какъ онъ это и сдѣлалъ), обратно черезъ Колочу, на прежнюю свою позицію, а Платовъ скрытно принялъ бы вправо чрезъ Логиново, если нельзя этого сдѣлать около Беззубова, и перенесся на путь, приведшій Наполеона къ Бородину, то произвелъ бы въ тылу его арміи сильную тревогу. Колоцкій монастырь, заваливаемый ранеными въ продолженіе цѣлаго дня; снаряды, обозы военные и въ особенности частные, и маркитанты на этомъ пространствѣ, услышавъ выстрѣлы и крики ура и другіе, хотя бы при ложныхъ атакахъ, распространили бы ужасъ [143] до самыхъ рядовъ арміи, утомленной жестокою, въ продолженіе цѣлаго дня, битвою, терпящей издавна голодъ, съ конницею, которая изнурена и разстроена была до высочайшей степени. Поискъ части Казаковъ, по направленію на Гжатскъ, также заваленный больными, какъ и на всемъ протяженіи отъ Колоцкаго монастыря; отсталые и мародеры, всегда въ большомъ количествѣ находившіеся въ то время на дальнія разстоянія въ тылу тогдашнихъ Французскихъ арміи, все это неминуемо должно было произвести смятеніе. Нѣсколько же выстрѣловъ изъ Донской артиллеріи могло имѣть неисчислимыя послѣдствія, особенно же принявъ въ соображеніе, что тревога въ тылу Французовъ дѣлаетъ на нихъ особенное впечатлѣніе. Присоедините еще къ сему удачный набѣгъ (въ успѣхѣ котораго

---

[143] Только одно появленіе, и еще днемъ, Платова и Уварова было уже поводомъ къ безпорядкамъ и безотчетной паникѣ въ обозахъ. Мнѣніе о семъ самихъ Французовъ см. въ «Пятидесятилѣтіи Бородинской битвы». Москва. 1866.

нельзя было бы и сомнѣваться) на Колоцкій монастырь, [144] истребленіе находившихся тутъ госпитальныхъ фуръ, медицинскихъ потребностей и лицъ, перехватъ снарядовъ и части продовольствія, шедшихъ изъ Смоленска и находившихся въ то время около Гжатска, и едва ли частію не по сю сторону, подъ слабымъ прикрытіемъ, которое отъ внезапнаго и ни какъ неожиданнаго нападенія, не могло бы охранить длинной вереницы зарядныхъ ящиковъ, фуръ и повозокъ, и должно было бы разсѣяться и предоставить все въ добычу.

Платовъ могъ, оставивъ на мѣстѣ даже отъ 1500 до 2000 человѣкъ, имѣть съ собой еще отъ трехъ до трехъ съ половиной тысячъ Казаковъ, при которыхъ могла находиться и часть Донской артиллеріи. Ему не предстояло ни какой опасности; пространство было въ его распоряженіи; оставшіеся жители, преимущественно скрывшіеся въ окрестныхъ убѣжищахъ, были озлоблены на врага, и по тому содѣйствовали бы Казакамъ наблюденіями и указаніями своими. Непріятель не имѣлъ средствъ преслѣдовать Платова и его партіи далеко отъ главной массы своихъ войскъ; конница его была бы вѣрною жертвой.

При таковомъ положеніи дѣлъ, Наполеону трудно было бы на другой день оставить мѣсто битвы и слѣдовать за нашей арміей. Онъ долженъ бы былъ либо значительно себя ослабить, оставивъ болѣе сильный отрядъ на мѣстѣ, чѣмъ около 8500 Вестфальцевъ съ Жюно, который былъ бы въ такомъ случаѣ не въ силахъ прикрывать въ Можайскѣ и Колоцкѣ магазины, раненыхъ, больныхъ и обезпечивать путь, либо же наконецъ отказаться итти на Москву. По сказанію Г. Богдановича, Наполеонъ уже колебался по причинѣ недостатка въ снарядахъ послѣ Бородинской битвы. Платовъ же, по соображеніямъ Главнокомандующаго, все-

---

[144] Говорили въ свое время, и въ послѣдствіи изъ разговоровъ близкихъ къ Платову можно было заключить, что онъ предлагалъ этотъ налетъ, но предложеніе не было принято. Положительно же въ Запискахъ (И. Ѳ.) Богдановича, Кузнецова и Изловайскаго сказано, что Платовъ, возвращаясь съ поиска, приказалъ полковымъ командирамъ замѣчать мѣстность на случай возвращенія ночью.

гда имѣлъ возможность въ данный моментъ присоединиться къ арміи; ибо ограничивался бы только истребленіемъ врага, отъ Колоцкаго монастыря до Гжатска ближайшихъ къ арміи непріятельскихъ госпиталей. Съ подобнымъ подготовленіемъ Платовымъ, въ ночь, послѣдовавшую за битвой, не мудрено, что предначертаніе атаковать непріятеля 27-го числа съ разсвѣтомъ положило бы конецъ его дальнѣйшему движенію, и можетъ быть съ важными послѣдствіями. Иноземные историки-участники говорятъ о семъ, и, замѣчательно, что Господинъ Профессоръ нашъ, избравшій предпочтительно предъ всѣми другими Шамбре, не приводитъ даже и его мнѣнія, какъ относительно предположенія нашего атаковать Наполеона до разсвѣта 27-го, такъ и о послѣдствіяхъ поиска Платова и Уварова, если бы они продолжали оный. Въ первомъ случаѣ онъ говоритъ (t. II, pag. 76): «Это предпріятіе (пустить ополченіе ночью) было бы полезно по тому, что оно потревожило бы покой арміи и могло «произвести большой безпорядокъ» и т. д. Относительно же втораго онъ, пишетъ (pag. 81): «Диверсія, исполненная Уваровымъ, которая была такъ полезна, была бы несравненно полезнѣе, если бы онъ вмѣсто того, чтобы отступить, по тому что не могъ смять пѣхотныхъ кареевъ, чего онъ не долженъ былъ и ожидать (Французъ ни на шагъ отъ фразы!), а направился на тылъ Французской арміи, на дорогу, ведущую изъ Смоленска, онъ бы распространилъ безпорядокъ и смятеніе между той громадой артиллерійскихъ парковъ, провіантскихъ фуръ и другихъ обозовъ, которые тамъ находились. Его отступленіе не было такъ опасно и затруднительно, какъ можно было бы предполагать, по тому что онъ могъ исполнить это по всѣмъ безъ исключенія проселочнымъ дорогамъ, которыя выходили на Московскую дорогу, по тому что Французы занимали въ тылу своемъ только одну эту послѣднюю.» Унгернъ, [145] говоря объ этой демонстраціи, между прочимъ (pag. III), присовокупляетъ: «Девять Казачьихъ полковъ могли бы проникнуть въ тылъ Французской арміи, и если бы имъ посчастливилось овладѣть парками и обозами, или, по крайней мѣрѣ, заставить ихъ

---

[145] Exploits et vicissitude de la cavallerie etc. (Journale des sciences milit. 1849, № 28).

только отступить, то такое предпріятіе могло имѣть чрезвычайно важныя послѣдствія и т. д. Это же говорятъ и другіе. Все это, вѣдь, безспорно есть чистая принадлежность Исторіи войны 1812 года. Въ ней, кажется, должны бы быть соединены всѣ сказанія иноземныхъ повѣтствователей и вмѣстѣ съ нашими пропущены чрезъ здравую критику, а этого-то до сихъ поръ и нѣтъ!

Поясняя весь этотъ эпизодъ, критику слѣдуетъ принять въ соображеніе и къ обсужденію еще слѣдующее: приказаніе Платову и Уварову возвратиться съ поиска на позицію было отдано около третьяго часа по полудни, когда Кутузовъ былъ еще въ твердой рѣшимости атаковать непріятеля въ шесть часовъ утра слѣдующаго дня. Солнце было еще высоко и ни что не мѣшало Платову и Уварову продолжать, по обстоятельствамъ, присутствіемъ своимъ тревожить непріятеля, у котораго произошло уже смятеніе въ обозахъ и т. п., и вѣсть эта тотчасъ разнеслась по всей его арміи, встревоживъ самаго Наполеона: Уваровъ, по приказанію Барклая, отступилъ и, не переходя Колочи, остановился на лѣвомъ ея берегѣ. Но Кутузовъ повторилъ Уварову приказаніе возвратиться на позицію, что онъ и исполнилъ уже вечеромъ Переносясь въ ту пору, перебирая остающіяся еще свои записки и приводя себѣ на память все, что было говорено въ то время и въ послѣдствіи, прихожу къ тому заключенію, что Кутузовъ, отзывая такъ рано Уварова, и въ особенности Платова, обратно на позицію, дѣлалъ это не безсознательно, или безъ разсчета, но съ цѣлію усыпить вниманіе непріятеля съ этой стороны и заставить его думать, что этѣмъ ничтожнымъ набѣгомъ кончается и все предпріятіе наше на лѣвое крыло его арміи. Между тѣмъ, усмотрѣвъ нравственное вліяніе, произведенное этѣмъ поискомъ, нашъ Главнокомандующій очень вѣроподобно представлялъ себѣ возобновить оный съ большею настойчивостью одновременно съ наступленіемъ нашей арміи въ слѣдующее утро. По такъ какъ это послѣднее предположеніе отмѣнено около десяти часовъ вечера, [186] то и поискъ Платова и Уварова не имѣлъ тѣхъ по-

[186] Все, что относится до этого предначертанія Кутузова, въ которомъ онъ стоялъ твердо въ продолженіе около восьми часовъ времени и дѣлались нужныя къ

слѣдствій, которыхъ вправѣ были ожидать, и несомнѣнно, если бы мысль атаковать непріятеля до разсвѣта въ слѣдующій день не родилась уже у Кутузова, онъ не отозвалъ бы такъ рано Уварова, въ особенности же Платова, который, продолжая угрожать тылу окопечности лѣваго непріятельскаго крыла, понудилъ бы Наполеона обратить еще большее вниманіе, а съ тѣмъ вмѣстѣ и нападеніе на центральную батарею нашу могло быть отложено, а можетъ быть и вовсе отмѣнено. Извѣстно, что внезапное появленіе нашихъ войскъ на лѣвомъ непріятельскомъ крылѣ заставило Вице-Короля Италіянскаго немедленно притянуть изъ центра къ угрожаемому пункту часть пѣхоты, которая, по отступленіи Платова и Уварова, вновь присоединилась къ войскамъ, готовившимся къ нападенію на нашу центральную батарею.

Продолжай Уваровъ занимать непріятеля отдѣльными атаками, а Платовъ прими еще правѣе Беззубова и переправься на лѣвый берегъ Войны, повернись потомъ круто влѣво, угрожая Колоцкому монастырю и пути въ Гжатскъ, сомнительно, повторяю, предпринялъ ли бы Наполеонъ свою атаку на нашу центральную батарею, безъ войскъ Вице-Короля, которыя неотмѣнно должны были стянуться къ угрожавшемуся пункту и въ особенности къ Колоцкому монастырю, центральному перевязочному пункту, или долженъ былъ бы употребить онъ для сего послѣдній свой резервъ, около осьмнадцати тысячъ гвардіи, на что едва ли бы рѣшился, отказавъ не разъ сдѣлать это въ самые рѣшительные мгновенія дня.

Словомъ, все, что относится къ этому движенію, должно быть, совокупно съ показаніями Французскихъ писателей, разобрано критически, лицомъ, знакомымъ съ мѣстностію, съ характеромъ и свойствами войскъ обѣихъ воюющихъ сторонъ, и при томъ твердо знающимъ то, за что берется, иначе же все оста-

---

тому предварительныя распоряженія и о внезапномъ измѣненіи этого намѣренія, а равно и представлявшіеся ходы въ этомъ предпріятіи, предполагаю разсмотрѣть въ особой статьѣ.

нется самопроизвольнымъ наборомъ словъ, перемѣшанныхъ выраженіями, одни другимъ противорѣчащими, но отнюдь не наукой. Такъ не пишутся и порядочныя повѣсти и похожденія, а еще менѣе книги, подъ громкимъ названіемъ Исторіи. Эта послѣдняя требуетъ другихъ условій, которыя не для всѣхъ легко доступны. Откровенное высказываніе истины не должно стѣснять критика въ указаніяхъ безсмыслицы изложенія; иначе офиціальное значеніе сочинителей на степеняхъ ученыхъ, по назначенію званій, останется авторитетомъ. [147]

Обращаюсь къ стр. 221, гдѣ Генералъ Богдановичъ разсудивъ, могли ли мы предпринять что либо на другой день, присовокупляетъ: «Съ перваго взгляда кажется, что Барклай де Толли, зная положеніе нашей арміи, не имѣлъ основательной причины искать новаго боя, но это желаніе легко объясняется тѣмъ, что какъ ни велики были наши потери, мы считали ихъ меньшими непріятельскихъ. Упорное сопротивленіе Русскихъ войскъ въ незабвенный день Бородинской битвы поселило въ нашихъ воинахъ надежду преградить непріятелю путь къ Москвѣ, и отъ того не возможное казалось возможнымъ.» [148]

Я нахожу, что послѣднія слова, безъ подробнаго критическаго разбора всего, относящагося до положенія въ ту ночь, какъ нашей, такъ и непріятельской, арміи, сказаны неосновательно, тѣмъ болѣе еще, что Барклай, Дохтуровъ, Раевскій и другіе опыт-

---

[147] Впрочемъ, нельзя и отрицать, чтобы гдѣ либо' вовсе не встрѣчались такіе повѣствователи, которые подходятъ подъ смыслъ нѣкоторыхъ билетцовъ, въ старину употреблявшихся на конфектцахъ, каковы, на примѣръ, слѣдующіе:

«Кто думаетъ, что онъ умнѣе всѣхъ людей:
За тѣмъ, что выше всѣхъ вбиваетъ свой тупей!

Кто взялся написать Исторію безъ смысла,
И ставитъ тамъ Неву, гдѣ протекаетъ Висла!» и пр.

[148] Объ этомъ замѣчательномъ выраженіи сказано нѣсколько словъ въ книгѣ (предисловіе, стр. XIX—XXIII): «Кому и въ какой степени принадлежитъ честь Бородинскаго дня?»

ные наши Военноначальники того времени, не находили этого невозможнымъ, какъ признается это нынѣ чрезъ полвѣка.[149] Не то ли это, какъ если бы теперь кто либо началъ критиковать Аннибала, что онъ не долженъ былъ итти по той дорогѣ, которой пошелъ, а по другой и т. д? Такія сужденія можно выводить послѣ обозрѣнія, какъ замѣчено выше, всѣхъ обстоятельствъ, съ приведеніемъ всѣхъ безъ изъятія современныхъ мнѣній, но и это едва ли можетъ дать удовлетворительный выводъ, развѣ разборъ всѣмъ по сему предмету разногласіямъ будетъ сдѣланъ тѣмъ, кто самъ въ то время былъ въ дѣйствіи, хоть бы то Прапорщикомъ во фронтѣ. Засвѣдѣтельствованіе и его имѣетъ несравненно болѣе вѣса истины, чѣмъ всевозможное краснорѣчіе всѣхъ каѳедръ міра, хотя бы съ нихъ кричали Димосѳенъ и Цицеронъ.

На стр. 223-й говорится о потерѣ, понесенной непріятелемъ. Разсказъ объ этомъ отличается тою же отчетливостью и ясностью, какъ и многія другія мѣста разсматриваемой Исторіи. Сдѣсь я не дѣлаю замѣчаній; ибо въ книгѣ: «Пятидесятилѣтіе Бородинской битвы» посвящена цѣлая глава этому предмету.

На стр. 226-й Генералъ Богдановичъ разсуждаетъ о томъ, что когда бы «отчаянное сопротивленіе нашей арміи заставило Наполеона отойти назадъ, онъ все таки не подвергался ни какой опасности при этомъ отступленіи, по тому что оно было бы прикрыто многочисленною конницей, а по достиженіи Смоленска, Наполеонъ усилился бы.»

На страницѣ же 228-й, продолжая разсужденіе, встрѣчается слѣдующее: «Непріятельская армія, не смотря на успѣхи, ею одержанные въ Бородинской битвѣ, находилась въ затруднительномъ состояніи. Войска Наполеоновы имѣли крайнюю нужду въ провіянтѣ и фуражѣ; все жилье отъ Смоленска

---

[149] Въ помянутой же книгѣ и это подробно разобрано.

до Гжатска было завалено больными и ранеными; подкрѣпленія и парки отстали отъ арміи» и пр.

И такъ если «Французская армія находилась въ такомъ состояніи послѣ успѣховъ, одержанныхъ въ Бородинской битвѣ, то въ какомъ положеніи была бы эта армія, вынужденная, послѣ отчаяннаго сопротивленія нашего въ Бородинской же битвѣ, и особенно еще по возобновленіи оной на другой день, отступать къ Смоленску?

Въ III-мъ же томѣ, на стр. 402, 403 и слѣдующихъ, вновь разсужденіе, въ которомъ сказано, что если бы Наполеонъ остановился въ Смоленскѣ по занятіи его, то неотмѣнно бы погибъ! По чему же сдѣсь, когда онъ уже потерялъ значительную часть своей арміи, положеніе его было бы лучше нашего? Курьозъ! Не было бы конца приводить сдѣсь всѣ, встрѣчающіяся въ книгѣ, разнорѣчія въ выводахъ, собственно принадлежащихъ почтенному исторіографу, и этѣ-то именно разнорѣчія затемняютъ смыслъ: лучше было бы держаться одного чего ни будь. Не входя въ подробный разборъ всѣхъ этѣхъ противоположныхъ одно другому разсужденій, сдѣлаю нѣсколько замѣчаній на высказанное имъ на 226 стран., какъ упомянуто выше.

Во первыхъ. Генералъ Богдановичъ отвергаетъ необходимость побѣды, утверждая, что отступленіе Наполеона послѣ Бородина было бы для насъ хуже, чѣмъ занятіе имъ Москвы и ея истребленіе; въ этомъ случаѣ онъ вторитъ Бутовскому,[150] воспѣвавшему на это предложеніе.

Во вторыхъ. Если бы послѣдовала послѣ Бородина на другой день битва, и Наполеонъ былъ вынужденъ отступать до Смоленска, т. е., болѣе трехъ сотъ верстъ, откуда взялась бы у него многочисленная конница, тогда какъ въ Бородинской битвѣ, происшедшей 26-го Августа, она получила ударъ, послѣ котораго никогда уже не могла поправиться, а выдержавъ еще такое же сраженіе, которое должно было послѣдовать на дру-

---

[150] Матеріялы для Отечественной войны 1812 г. Спб., 1867, стр. 119.

гой день, нѣтъ ни какого сомнѣнія, что она была бы доведена до послѣдняго исхода; ибо сочинитель, конечно, читалъ Унгерна, [131] который говоритъ (p. 96), что, подходя къ Москвѣ, Неаполитанскій Король, недовольный одною атакой конницы, исполненной безъ должной силы и быстроты, замѣтилъ это Генералу Нансути, который орвѣчалъ: «Это происходитъ отъ того, что лошади мои не имѣютъ патріотизма; наши солдаты хорошо дерутся безъ хлѣба, но лошади безъ овса не исполняютъ своей обязанности!» Самъ Г. Богдановичъ говоритъ неоднократно о затрудненіи Французской кавалеріи въ добываніи фуража отъ самаго Смоленска. Усилія Наполеоновой конницы при Бородинѣ были послѣдними: это были усилія предсмертныя. Потерявъ еще болѣе въ битвѣ на другой день, и какъ Г. Богдановичъ предполагаетъ, что Наполеонъ долженъ бы былъ отступить, въ такомъ случаѣ онъ не могъ имѣть многочисленной конницы, которая прикрывала бы его отступленіе на пути, гдѣ все было истреблено, а запасовъ еще не собрано и магазиновъ не учреждено. Наша конница и не одни Казаки насѣли бы на непріятеля несравненно съ большимъ удобствомъ для наступательныхъ движеній, чѣмъ это было зимой. Она могла слѣдовать по сторонамъ большой дороги, гдѣ находила бы себѣ продовольствіе, между тѣмъ какъ Французы не осмѣливались бы итти въ сторону для фуражировокъ, подвергаясь нападенію жителей и нашихъ партій, а посылать большіе отряды также было бы безполезно; населеніе на этомъ пространствѣ, отъ Бородина до Смоленска, не включаетъ въ себѣ такихъ пунктовъ, на которыхъ, найдя обильные запасы, можно было бы тотчасъ поднять ихъ, да, сверхъ того, подобное отдѣленіе большихъ отрядовъ въ сторону замедляло отступленіе и дало бы время нашей пѣхотѣ, отдохнувъ, настигнуть непріятеля. Наконецъ

Въ третьихъ. Разсужденіе Генерала Богдановича по сему предмету есть чисто теоретическое, кабинетное; онъ, кажется, не принялъ въ соображеніе характеристики Французскихъ арміи

---

[131] Histoire critique des exploits et vicissitudes de la cavallerie pendant les guerres de la revolution et de l'Empire.

со времени первой революціи. Французская армія по духу есть армія наступательная; она грозна въ подобныхъ движеніяхъ; но разъ принужденная отступать, она деморализируется и никогда не можетъ исполнять сего движенія въ порядкѣ, особенно, когда ее живо преслѣдуютъ. Дисциплина слабѣетъ, а иногда и вовсе исчезаетъ. Въ Смоленскѣ, еще на пути къ Москвѣ, когда Ней, убѣждая Наполеона не итти далѣе, присовокупилъ (Vie du Mareschal Ney, pag. 51): «Впрочемъ, я долженъ Вамъ сказать, что солдаты теряютъ свою веселость, вообще Французы легко теряютъ свой духъ (se decouragent), когда они находятся вдали отъ своего отечества, и опытъ глубоко обдуманный убѣдилъ меня, что малѣйшая неудача (revers) для нихъ достаточна, чтобы забыть всѣ прежніе успѣхи: она ввергаетъ ихъ dans les plus grand abattement.» Эта истина сознана всѣми ихъ писателями, которыхъ труды, конечно, были предъ глазами нашего почтеннаго сочинителя, но, по видимому, онъ усвоилъ себѣ иной взглядъ.

Въ 1812 году, не успѣвъ проложить путь чрезъ Малоярославецъ, Французская армія вынуждена была къ отступленію, и предприняла оное 14 Октября. Сочинитель нашъ тутъ не былъ, но онъ изучилъ всѣхъ историковъ, говорившихъ о той порѣ, какъ очевидцевъ и участниковъ; онъ долженъ былъ вычитать въ повѣствованіяхъ (не нашихъ, ибо къ нимъ онъ не имѣетъ довѣрія) самихъ тогда враговъ нашихъ, что погода была прекрасная и удобнѣе для маршей, чѣмъ лѣто; что армія была всѣмъ снабжена, и что съ перваго перехода отъ Малоярославца—дисциплина исчезла. Въ Можайскѣ солдаты начали уже силой отпрягать лошадей изъ подъ артиллеріи и повозокъ съ продовольствіемъ и впрягать ихъ въ свои возы, отягощенные разными расхищенными предметами въ Москвѣ, и наконецъ, что морозъ, и то не нестерпимый, послѣдовалъ за симъ только чрезъ двѣнадцать дней, а именно 26 Октября; [152] но тогда, по засвѣдѣтель-

---

[152] Въ книгѣ: «Настоящія причины гибели Наполеоновыхъ полчищъ въ 1812 г.», составленной изъ иноземныхъ писателей, 1835 г., и посвященной Государю, сдѣланы выписки изъ всѣхъ помянутыхъ сочинителей, при каждомъ ихъ почлегѣ и пр.; но, кажется, книга эта не заслужила вниманія почтеннаго Профессора.

ствованію самихъ же Французовъ, армія уже распалась, разбрелась, побросала оружіе; еще до Вязьмы образовались кучки, толпы мародеровъ, которые, впрочемъ, всегда существовали во Французскихъ арміяхъ, когда они двигались даже и впередъ, какъ въ Германіи, такъ и въ Россіи. Это доказываютъ подвижныя колонны, которыя всегда слѣдовали за арміями, чтобы собирать отсталыхъ и мародеровъ и подгонять къ арміи. Въ описаніи Французами движенія на Смоленскъ изображено это ясно и, конечно, было предъ глазами Г. Богдановича. Если же мы встрѣчаемъ во время сего отступленія, или, правильнѣй сказать, бѣгства иногда порывы храбрости, какъ, на примѣръ, подъ Вязьмой, въ особенности же подъ Краснымъ, то это должно относить исключительно къ тому отчаянному положенію, въ которомъ каждый, въ отдѣльности, находился, къ остервенѣнію, свойственному всѣмъ животнымъ при видѣ неминуемой опасности. [153]

Я, вопреки мнѣнію Гг. Бутовскаго и Богдановича, полагаю, что если бы Наполеонъ былъ разбитъ подъ Бородиномъ такъ, что былъ бы принужденъ отступить до Смоленска, то послѣдствія были бы тѣ же, что и зимой,—распаденіе арміи, съ тою только разницей, что, вмѣсто погибшихъ отъ изнуренія Французовъ, мы имѣли бы болѣе плѣнныхъ, а сами бы не пострадали отъ преслѣдованія, такъ какъ это было. Разсмотрѣвъ внимательно всѣ повѣствованія, видимъ, что Французская армія потеряла болѣе отъ Смоленска до Москвы (не считая Бородина), чѣмъ отъ Москвы до Смоленска, о чемъ я уже имѣлъ случай говорить въ другомъ мѣстѣ. Впрочемъ, таково мое мнѣніе, которое я могъ бы развить, на основаніи Исторіи и опытовъ, не имѣя ни какого притязанія на докторскую мантію, какъ Г.

---

[153] Мнѣ не разъ случалось видѣть, что сотня и болѣе Турокъ, пораженныхъ паническимъ страхомъ, спасаются бѣгствомъ отъ несравненно меньшаго числа непріятеля. Но когда одинъ изъ нихъ настигнутъ и окруженъ, то защищается на смерть, не обращая вниманія на всѣ предложенія о сдачѣ. Израненный, поверженный на землю, онъ идетъ еще вредить непріятелю хотя зубами. Такъ и маленькая собачка, спасаясь, поджавши хвостъ, отъ большой собаки, и видя, что эта послѣдняя настигаетъ ее и готова разорвать, оборачивается и сама еще бросается на нее. То же, болѣе или менѣе, почти и у всѣхъ животныхъ.

Богдановичъ упрекнулъ меня въ этомъ желаніи въ первомъ нумерѣ Воснаго Сборника. Я пишу не для каѳедръ, а для биваковъ. Замѣтимъ отступленія Французскихъ армій въ послѣдующіе годы, чтобы подкрѣпить мною сказанное.

Въ 1813 году, отступленіе послѣ Лейпцига было ли сопутствуемо всѣми тѣми правилами, которымъ учатъ съ военныхъ каѳедръ? Не своевременный взрывъ моста на Эльстрѣ, оставивъ часть арміи въ добычу непріятелю, доказываетъ, какъ Наполеонъ зналъ свойство своихъ солдатъ. Ему нужно было болѣе сутокъ, чтобы не быть преслѣдованнымъ и водворить дисциплину въ остальной части, съ нимъ слѣдующей. Частныя описанія этого отступленія поразительны въ такой арміи, какою привыкли почитать Наполеонову. Не говорю о нашемъ отступленіи вообще и въ частности въ 1812 году послѣ Смоленска, Лубина и Бородина; но похоже ли это на отступленіе Суворова изъ Швейцаріи, Кутузова къ Аустерлицу и т. п.?

Въ 1814 году, послѣ продолжительнаго, почти полутораголоваго отступленія, проявляла ли Французская армія въ отечествѣ своемъ то мужество, которое привыкли видѣть въ ней до занятія Москвы? Высокія стратегическія соображенія Наполеона уже не поддерживались прежнею мощью, начиная отъ солдатъ до предводителей. Мы узнавали старыхъ Французовъ только въ тѣхъ битвахъ, гдѣ лично предводительствовалъ ими Наполеонъ. Равнодушіе, оказанное арміею при занятіи въ глазахъ ея Парижа, говоритъ много. [154]

Какъ назвать оставленіе Французскою арміею поля Ватерловской битвы въ 1815 году? Вмѣсто того, чтобы отступать къ

---

[154] Главная Французская армія, подъ личнымъ предводительствомъ Наполеона, преслѣдуемая при быстромъ своемъ отступленіи конницею, подъ начальствомъ Барона Винценгероде, отъ Баръ де Дюка, проходила по направленію къ Фонтенебло; на другой день, по занятіи Парижа, почти въ виду оной, не изъявляла большой охоты спасать свою столицу, и Наполеонъ, при представлявшихся еще ему успѣхахъ, не дерзнулъ положиться на нее. Но довольно о семъ.

Лану (Laon), гдѣ сосредоточивалась резервная армія, все внезапно обратилось въ бѣгство, куда глаза глядятъ. Восклицанія: «Sauve, qui peut!» вдругъ раздались во всѣхъ концахъ и поразили паникой Французскіе полки, съ такою же могущественною силой, какъ и у Турокъ «Яуръ-гіельди!» Большая часть начальниковъ, или на своихъ лошадяхъ, или схвативши, какъ могли, почтовыхъ, не думая ни о Ланѣ, ни о Парижѣ, куда ускакалъ и самъ вождь ихъ, разными путями начали пробираться за Луару! А отступленіе изъ подъ Константины, въ тридцатыхъ годахъ, и усилія, употребленныя Генераломъ Саварн, для установленія дисциплины! Ни одна армія не уподобляется столько Турецкой въ подобныхъ случаяхъ, какъ Французская: неудача, и даже не всегда вынужденное отступленіе, поражаетъ Французовъ паническимъ страхомъ.

Въ концѣ XXIII главы, на страницахъ 225 и 226, Генералъ Богдановичъ, приведя слова, сказанныя Наполеономъ на островѣ Св. Елены, о Бородинской битвѣ, присовокупляетъ: «Хотя въ военномъ дѣлѣ ни что не подлежитъ точному математическому расчету, однако жъ, судя по ходу сраженія, можно вывести заключеніе (вотъ изволите видѣть!), что участіе въ бою двадцати тысячъ отборнаго Французскаго войска доставило бы Наполеону рѣшительную побѣду, которая, будучи сопряжена съ совершеннымъ разстройствомъ Русской арміи, произвела бы сильнѣйшее вліяніе на духъ нашего народа, нежели занятіе Москвы непріятельскими войсками.» [155]

На слѣдующей же 227 стр. XXIV-ая глава начинается слѣдующими словами: «Послѣ битвы при Бородинѣ, Русская армія была ослаблена и разстроена, какъ обыкновенно бываютъ войска, выдержавшія упорный бой съ сильнымъ противникомъ, но не лишилась возможности принять вновь сраженіе.»

---

[155] А по чему Г. Богдановичъ это думаетъ? Развѣ онъ могъ въ то время наблюдать за тѣмъ, или другимъ, вліяніемъ? Конечно, нѣтъ. Слѣдовательно, нужны были тутъ ссылки на современника; иначе, это пустословіе, наборъ словъ. О положеніи обѣихъ арміи послѣ сраженія при Бородинѣ, въ той же книгѣ: «Пятидесятилѣтіе Бородинской битвы» говорится подробно, на основаніи всѣхъ иноземцевъ, описавшихъ эту битву.

Какое внезапное разительное измѣненіе мнѣнія, разногласіе съ самимъ собой! Въ концѣ XXIII главы, какъ было видно, Русская армія была совершенно разстроена, а въ началѣ слѣдующей, XXIV, сказано, что она была только ослаблена и разстроена, какъ обыкновенно бываютъ войска, выдержавшія упорный бой съ сильнымъ непріятелемъ, но не была лишена возможности принять вновь сраженіе.[156] Такъ близко оба эти выраженія какъ-то не сходятся взаимно.

Относительно же того, что если бы Наполеонъ ввелъ свою гвардію, то одержалъ бы рѣшительную побѣду, то это есть не что иное, какъ предположеніе (даже не «calcul de probabilité»); ибо если онъ имѣлъ двадцать тысячъ, не бывшихъ въ бою отборныхъ войскъ,[157] то и мы несовершенно были лишены войскъ, не принимавшихъ участія въ битвѣ, каковы, на пр., Преображенскій и Семеновскій полки въ трехбатальонномъ составѣ, да и гвардейскіе егеря въ продолженіе цѣлаго дня успѣли отдохнуть и, конечно, усплпвались бы отмстить за свою утреннюю неудачу; за тѣмъ мы имѣли нѣсколько егерскихъ полковъ подъ начальствомъ Потемкина и егерскіе полки, разсыпанные по низовью Колочи на нашемъ правомъ флангѣ; цѣлый кавалерійскій корпусъ Уварова: поискъ его на лѣвый флангъ непріятеля не былъ утомителенъ и кровопролитенъ; Платовъ съ своими Казаками; множество артиллеріи, находившейся въ резервѣ; наконецъ, нѣсколько тысячъ

---

[156] Не принять! ибо объ этомъ ни кому и въ голову не могло прійти по одному уже тому, что позиція и въ началѣ пространная, по случаю страшной убыли, не могла быть занятой, а дать сраженіе она могла съ выгодой, т. е., самой атаковать непріятеля, какъ это предполагалось, и противъ чего сочинитель возстаетъ (См. книгу «Пятидесятилѣтіе Бородинской битвы»).

[157] Въ сущности было менѣе, какъ говорятъ многіе изъ Французскихъ писателей. Здѣсь Г. Богдановичъ взялъ самую высшую цифру, чтобы придать болѣе вѣсу своему предположенію, и къ этой высшей цифрѣ прибавилъ и отъ себя еще тысячи полторы. А слѣдуетъ еще замѣтить, что часть гвардейской артиллеріи была употреблена, и сверхъ того полкъ, а иногда и два полка пѣхоты старой гвардіи, среди которыхъ, начиная отъ Смоленска, находился Наполеонъ, конечно, не были бы пущены въ дѣло, какъ равно и два конныхъ той же гвардіи, составлявшихъ его конвой.

ополченія, которое въ рукопашномъ бою поработало бы не хуже гренадеръ, такъ что мы, конечно, собрали бы если не болѣе, то, по крайней мѣрѣ, столько же резерва, какъ и Наполеонъ. Но сдѣсь, во всякомъ случаѣ, была бы разница въ томъ, что мы были сыты и не изнурены, непріятель же напротивъ. А въ томъ нѣтъ и сомнѣнія, что армія оказала бы ту же твердость и мужество, которыми она была руководима цѣлый день. Лучшіе вожди: Барклай, Беннингсенъ, Дохтуровъ, Раевскій, Милорадовичъ, Багговутъ, Коновницынъ, Графъ Строгановъ, Графъ Паленъ, Паскевичъ, Принцъ Евгеній Виртембергскій, Князь Голицынъ, Васильчиковъ, Платовъ и многіе другіе остались невредимыми, и, несомнѣнно, если бы Наполеонъ ввелъ въ сраженіе послѣдній свой резервъ — гвардію, это еще болѣе одушевило бы нашихъ и побудило бы ихъ къ горячей схваткѣ.[158]

Слѣдовательно, предполагать, вмѣстѣ съ Клаузевицемъ, наивѣрное, что Наполеонъ одержалъ бы рѣшительную побѣду, неосновательно. Да и самъ Г. Богдановичъ допускаетъ возможность, что отчаянное сопротивленіе могло бы отразить Наполеона и заставить его отступить къ Смоленску; но что это, какъ уже замѣчено, по его мнѣнію, было бы для насъ хуже!

На стр. 233 сказано, что въ самый разгаръ сраженія, Князь Кутузовъ, къ письму Графу Ростопчину, прибавилъ собственноручно: «Сраженіе самое кровопролитное» и пр., и письмо это обозначено: № 69, 26-го Августа, 1812 года. Село Бородино. Въ два часа по полудни.» Это должно быть описка, которая, однако же, въ опечаткахъ не оговорена; ибо Г. Богдановичу, какъ исторіографу этой войны, должно быть извѣстно, что село Бородино съ разсвѣта занято было Французами, а по тому и Кутузовъ тамъ находиться не могъ. Конечно, слѣдовало бы быть вмѣсто «село»—«позиція,» или что ни будь подобное, но уже ни какъ не село. А если бы, паче моего чаянія, на этомъ письмѣ и было выставлено Кайсаровымъ село, то слѣдовало бы оговорить;

---

[158] Эпизодъ этотъ разсматривается подробнѣе въ «Пятидесятилѣтіи Бородинской битвы».

иначе, пожалуй, подумаютъ, что въ два часа по полудни мы не только что занимали село Бородино передовыми войсками, но что тутъ былъ и самъ Главнокомандующій. Если Французы увидятъ это, то опять закричатъ и припишутъ это нашему хвастовству, въ чемъ, какъ извѣстно, они насъ упрекаютъ. Г. Богдановичъ въ иныхъ случаяхъ исправляетъ, или оговариваетъ, такіе видимые промахи. Такъ, на пр. (t. III, стр. 4), въ письмѣ Кутузова къ Бертье, чрезъ Полковника Бертеми, между прочимъ, сказано, что Русскій народъ, уже за триста лѣтъ не подвергавшійся непріятельскому нашествію» и т. д. Сочинитель, вмѣсто трехъ сотъ, поставилъ, какъ и слѣдуетъ, двѣсти, замѣтивъ въ выноскѣ: «Въ письмѣ Князя Кутузова сказано: «триста лѣтъ.»

Стр. 237 — 238: «Главныя наши силы отступили съ поля сраженія (Бородинскаго) двумя колоннами: первая, состоявшая изъ войскъ праваго крыла и центра, по дорогѣ, ведущей отъ Бородина къ Можайску, а лѣвая изъ войскъ Дохтурова, по старой Смоленской дорогѣ.» Сдѣсь опять, какъ и подъ Витебскомъ, о чемъ упомянуто выше, колонна, пошедшая по старой Смоленской дорогѣ, названа лѣвой! Но сдѣсь замѣчательно особенно то, что тутъ была только одна лѣвая колонна, а не было не только что средней, какъ подъ Витебскомъ, но даже и правой, какъ это видно изъ приведенныхъ словъ, то есть, что наши силы отступали двумя колоннами; изъ этѣхъ двухъ колоннъ одна была первая, а другая лѣвая! Опять прихожу къ тому же убѣжденію, что, конечно, теперь принято называть правое лѣвымъ, а лѣвое правымъ! И это измѣненіе принадлежитъ, вѣроятно, къ тому числу новаго, что обѣщается въ предисловіи! Но вотъ что сдѣсь положительно неправильно: по окончаніи сраженія Дохтуровъ прибылъ въ главную квартиру, въ Татариново, и, послѣ свиданія съ Фельдмаршаломъ, возвратился въ свой 6-й корпусъ, съ которымъ и шелъ отъ Горокъ прямо къ Можайску, составляя, по старымъ понятіямъ, лѣвую колонну. Кто же велъ войска, сражавшіяся послѣ раны Багратіона, подъ начальствомъ Дохтурова, не знаю, но положительно знаю, что не онъ.

Умалчиваю о другихъ эпизодахъ Бородинской битвы, вызывающихъ критику, часто несогласныхъ между собой при обсужде-

ніи одного и того же обстоятельства; все это требуетъ разсмотрѣнія и сближенія разногласій и взглядовъ многочисленныхъ повѣствователей. Трудъ, по моему мнѣнію, превышающій силы одного человѣка, какъ это уже замѣчено мною въ другомъ мѣстѣ. Изъ общихъ же взглядовъ на эту битву въ критическомъ отношеніи, по моему мнѣнію, болѣе удовлетворительные суть: Жомини, Окунева, Пеле и Шапюи, которые, за всѣмъ тѣмъ, одинаково требуютъ, вмѣстѣ съ другими, критическаго сближенія. Г. Окуневъ, приступая къ длинному критическому разбору этой битвы, начинаетъ слѣдующими словами: «И [159] когда презрѣніе жизни ознаменовалось въ чертахъ разительнѣйшихъ, нежели въ битвѣ Бородинской! Сіи славные Греки, положившіе животъ въ тѣснинахъ Термопильскихъ, или сія горсть храбрыхъ, погребшаяся подъ развалинами Миссолунги, чѣмъ могутъ превзойти въ величіи самопреданія и непоколебимаго мужества сіи двѣ огромныя арміи, остановившіяся на полѣ сраженія, дабы побѣдить, или умереть? Уже кровь осьмидесяти тысячъ героевъ омыла сію долину, священную для храбрыхъ всѣхъ народовъ; но мужество не ослабѣло; нравственное опьяненіе, претворившееся въ кровавую жажду, еще не насытилось. Казалось, что оба сіи колосса хотѣли погребстись подъ собственными развалинами, и представили бы, наконецъ, безъ сомнѣнія, объятой ужасомъ Европѣ, единственный примѣръ двухъ армій, истребившихъ одна другую въ спорѣ за побѣду, ежели бы Полководцы, сами устрашенные горами тѣлъ, повсюду поражавшими взоры ихъ, не остановили битвы. Сколько дѣяній блистательныхъ погибло въ семъ хаосѣ крови и убійства! Сіи мученики любви къ отечеству расплатились съ родинами своими; они выкупили ихъ цѣной собственной крови, и оставили переживпимъ ихъ святой долгъ столько чтить память ихъ, сколько заслуживаетъ того великодушіе, съ которымъ всѣ они обрекли себя на смерть.»

Въ слѣдъ за симъ онъ приступаетъ къ подробному критическому разбору этого сраженія, исчисляя ошибки, происшедшія, какъ въ расположеніи нѣкоторыхъ частей войскъ, такъ и дви-

---

[159] Сохраняю въ подлинникѣ Русскій переводъ, стр. 181.

женій, замѣчая, между прочимъ, «почти всѣ сіи ошибки исправлены храбростію войскъ.» Этѣми нѣсколькими словами онъ вѣрно изображаетъ характеръ битвы. Въ другомъ мѣстѣ, разсуждая о мнѣніи нѣкоторыхъ писателей, полагавшихъ, что если бы Наполеонъ употребилъ главное усиліе на натискъ нашего лѣваго фланга, въ Утицѣ, то могъ вогнать нашу армію въ уголъ, образуемый Колочею, при впаденіи своемъ въ Москву рѣку. П. Окуневъ опровергаетъ это нелѣпое заключеніе пространнымъ разсмотрѣніемъ со всѣхъ сторонъ ихъ выводовъ, и очень справедливо заключаетъ, что «предположивъ даже, чтобы хотѣли загнать такимъ образомъ 130 тысячъ овецъ, я бьюсь объ закладъ, что половина изъ нихъ уйдетъ.

Генералъ Богдановичъ въ своей Исторіи не обратилъ никакого вниманія на труды своего соотечественника, относительно Отечественной войны, и даже ни разу не сослался на его мнѣніе, хотя бы съ одною цѣлію опровергнуть оное. Между тѣмъ, всѣ сочиненія Полковника Окунева были приняты ученою Европой за образцовыя, что свѣдѣтельствуется многими современными отзывами въ разныхъ Европейскихъ военныхъ журналахъ. Вотъ что, между прочимъ, сказалъ Генералъ Жомини (Аналитическая картина и т. д.) о книгѣ П. Окунева: «Разсмотрѣніе свойствъ трехъ родовъ войскъ.» «Изъ всѣхъ писателей, занимающихся симъ предметомъ, Полковникъ Окуневъ есть, безспорно, тотъ, который раскрылъ его съ большею проницательностію и наилучшимъ успѣхомъ. Онъ долженъ быть изучаемъ каждымъ Офицеромъ, который имѣетъ хотя малѣйшее желаніе узнать основательно правила войны.»

Оставляя подробныя многозначительныя засвѣдѣтельствованія о достоинствѣ сочиненій Полковника Окунева по разнымъ отраслямъ военныхъ знаній, обращусь къ его сочиненію о войнѣ 1812 года, какъ къ предмету, прямо принадлежащему къ настоящему дѣлу.

Французскаго Генеральнаго Штаба Полковникъ Жаненъ, по выходѣ помянутаго сочиненія П. Окунева, помѣстилъ (въ Observateur militaire, t. VIII, p. 344), пространный разборъ этого со-

чиненія, гдѣ, между прочимъ, напечатано слѣдующее: «Хотя Господинъ Полковникъ Окуневъ и заявилъ намѣреніе писать исторію Россійскаго похода, но подъ скромнымъ названіемъ разсужденіе представляетъ онъ быструю и живую картину сего слишкомъ славнаго событія. Онъ предваряетъ его топографическимъ описаніемъ большаго очерка и стратегическими разсужденіями достойными величайшаго вниманія.»

За симъ слѣдуетъ изложеніе всего сочиненія, прерываемое примѣчаніями, каковы, на примѣръ: «выгоды и неудобства движенія къ Руднѣ составляютъ предметъ глубокаго разсужденія, въ которомъ сочинитель, не оставляя отечественнаго характера, дастъ опытъ величайшей независимости въ своихъ сужденіяхъ.[160] Онъ вступаетъ въ пріяніе съ сочинителями, ему предшествовавшими, и должно признаться, что иногда ихъ побѣждаетъ.»

Еще слѣдующее: «Полковникъ Окуневъ, разбирая различныя примѣчанія на отступленіе Русской арміи отъ Смоленска къ Москвѣ, пользуется симъ случаемъ для изложенія блистательныхъ идей о перемѣнѣ линій военнаго дѣйствія.[162]

Оставляя и это, перехожу еще ближе къ предмету, а именно, къ Бородину. Полковникъ Жаненъ продолжаетъ: «Описаніе Бородинскаго поля сраженія ясно, точно и сопровождается весьма умными разсужденіями. Распредѣленіе на ономъ войскъ обсуждено съ отличнымъ дарованіемъ. Сочинитель не ищетъ скрыть его недостатковъ, коихъ поправку весьма хорошо указываетъ, а въ разсужденіяхъ своихъ о самомъ дѣйствіи вскорѣ оправдываетъ правила своими примѣрами.»

---

[160] Независимость своихъ сужденій! Многіе ли могутъ симъ похвалиться? Впрочемъ и то надо сказать: сужденіе и сужденіе бываютъ разнородны и опредѣляются степенями пониманія предмета, о которомъ разсуждаютъ.

[161] Здѣсь длинное разсужденіе о правильности взглядовъ Полковника Окунева на этотъ предметъ, оправданный въ послѣдствіи движеніемъ Князя Паскевича въ Варшавѣ и т. п.

Мнѣніе его объ ошибкѣ «Французскаго Военачальника въ семъ дѣлѣ заслуживаетъ особенное вниманіе.»

«Иногда сочинитель (Окуневъ), оставляя тонъ дидактическій, предается чувству души военной, и не въ силахъ будучи противиться воспоминаніямъ о величіи сего воинскаго событія, выражаетъ самый благородный восторгъ.»

Критикъ оканчиваетъ статью свою слѣдующими словами: «Симъ заключается примѣчательное сочиненіе сіе, которое должно занять мѣсто въ каждой военной библіотекѣ для чтенія, съ удовольствіемъ и пользой военныхъ людей всѣхъ званій.»

Генералъ Богдановичъ, конечно, имѣлъ свой особенный взглядъ на труды предшествовавшихъ ему нашихъ соотечественниковъ.

Лѣтъ восемь тому назадъ, я высказалъ свое мнѣніе: [162] Какимъ образомъ у насъ могли бы достигнуть достовѣрнаго описанія Бородинской битвы и всей войны 1812 года, которое, появившись въ свѣтѣ, не заставило бы краснѣть, а достойно пополнило бы пробѣлъ, но теперь уже поздно. Если же кто изъ предпріимчивыхъ нашихъ военныхъ литераторовъ рѣшился бы на подвигъ описать Бородинскую битву, сколь возможно удовлетворительнѣе, я смѣлъ бы ему предложить избрать за основу описаніе этого сраженія Генераломъ Пеле, который былъ въ немъ дѣятелемъ въ званіи Начальника Штаба всей пѣхоты, разставлялъ войска, водилъ нѣкоторыя части въ атаку. Это лучшее изъ всѣхъ описаній, хотя и не лишенное обычныхъ Французамъ красныхъ выраженій. Взявъ оное за основаніе, разобрать критически въ приложеніяхъ, состоящихъ не изъ однѣхъ ссылокъ на томъ и стра-

---

[162] Нѣсколько мыслей по поводу двухъ сочиненій объ «Отечественной войнѣ», вышедшихъ въ 1856 и 1857 годахъ. Статья эта уясняетъ нѣкоторыя мѣста настоящей книги и возраженіе Генералу Богдановичу. См. «Матеріялы для Отечественной войны 1812 г.» Спб., 1867 г., стр. 15.

ницу всѣхъ сочинителей, которые разногласятъ, или сходно съ нимъ описывая различные эпизоды битвы; но основаніе сраженія должно быть сохранено, какъ написалъ Пеле, у котораго послѣдовательность моментовъ изложена лучше, нежели у всѣхъ другихъ, и, исполнивъ это, примѣнять и изображать наши дѣйствія съ наименованіемъ частей войскъ и лицъ съ большею точностію и подробностію, чѣмъ сдѣлано у него, не имѣвшаго къ тому средствъ: тогда только можетъ выйти что либо не безобразное. Продолжаю разборъ.

При описаніи арріергардnаго дѣла у Крымскаго, между прочимъ, сказано (стр. 241): «Для поддержанія 4-го егерскаго полка и бригады Потемкина, были постепенно введены въ дѣло: сперва 34 (33-й?) полкъ» и т. д.

Не уже ли Г. Богдановичъ, имѣвшій подъ рукой всѣ архивы, не могъ опредѣлить, который изъ этѣхъ двухъ полковъ точно былъ употребленъ? На предыдущей страницѣ онъ говоритъ о 34-мъ егерскомъ полкѣ, и въ ссылкѣ сказано, что у Генерала Бутурлина, вмѣсто 34-го полка, показанъ 33-й; но откуда сочинитель почерпнулъ, что сдѣсь дѣло идетъ не о 33-мъ, а о 34-мъ, егерскомъ полкѣ, не извѣстно, по тому что другой ссылки въ этомъ параграфѣ нѣтъ. У Михайловскаго-Данилевскаго также названъ 33-й егерскій полкъ, а о 34-мъ нѣтъ и рѣчи. Во всякомъ случаѣ скобка и знакъ вопросительный не умѣстны. Г. Богдановичъ имѣлъ всю возможность къ точному опредѣленію; ибо самъ онъ говоритъ, что писалъ на основаніи достовѣрныхъ источниковъ.

На той же 241-й страницѣ, продолжая повѣствованіе объ этомъ дѣлѣ, о выбывшихъ изъ фронта около двухъ тысячъ человѣкъ, присовокуплено: «Въ числѣ ихъ былъ Принцъ Эрнестъ Гессенъ-Филиппстальскій, потерявшій ногу. Уронъ Французовъ былъ еще болѣе нашего.»

Въ слѣдъ за симъ словомъ ссылка № 26, и вотъ что я нашелъ въ оной: «Butourlin, I, 353, 356.»

Сдѣсь опять я усумнился въ своей памяти, не помня, чтобы у Бутурлина упоминалось о ранѣ Принца Эрнеста, а по тому просмотрѣлъ ссылку и убѣдился, что Бутурлинъ ни слова не говоритъ объ этомъ, ни въ подлинникѣ, на Французскомъ языкѣ, ни въ Русскомъ переводѣ Г. Хатова. Сказано только, что у насъ выбыло изъ фронта двѣ тысячи человѣкъ и что «непріятельскій уронъ былъ значительнѣе.» О ранѣ Принца говорилъ не Бутурлинъ, а Михайловскій-Данилевскій, а между тѣмъ указанъ не онъ! Вѣдь это, вмѣстѣ съ другими подобными же шуточками, заподозриваетъ и всѣ прочія; пожалуй, иной на досугѣ и провѣритъ.

Описывая прибытіе Кутузова на позицію въ Москвѣ, сказано (стр. 243, 244): «Между тѣмъ Кутузовъ, опередивъ войска, прибылъ на Поклонную Гору, гдѣ для него поставлена была скамейка.»

Кто же могъ поставить на Поклонной горѣ скамейку для Кутузова? Ее всегда возилъ конвойный Казакъ; когда Фельдмаршалъ выходилъ изъ двумѣстныхъ дрожекъ, или когда сходилъ съ лошади, съ намѣреніемъ остаться нѣкоторое время на мѣстѣ, то спрашивалъ скамейку, и тогда оную ему подавали; но покуда онъ не приказывалъ подавать, никто не приготовлялъ, и она оставалась у конвойнаго. [163] Во всякомъ случаѣ выраженіе: «поставлена скамейка для Кутузова», неловкое, независимо отъ своей неправильности.

Пропускаю все, что происходило подъ Москвой, до сдачи ея. Этотъ эпизодъ частію уже прежде разсмотрѣнъ мною, по поводу повѣствованія о семъ Михайловскаго-Данилевскаго, да и далѣе придется коснуться его отчасти. Сдѣсь ограничусь замѣтить только нѣсколько выраженій, которыя не соотвѣтствуютъ

---

[163] Это была низенькая, не выкрашенная скамеечка, почти квадратная, около двухъ, или трехъ, четвертей въ квадратѣ. Сверху отверстіе, чтобы удобнѣе брать ее рукой. Такую я видѣлъ на курганной батареѣ, 25 Августа, подъ Бородинымъ, на Поклонной Горѣ, подъ Краснымъ и т. д.

той опредѣлительной достовѣрности, которой читатель въ правѣ былъ ожидать на основаніи предисловія.

При разсужденіи о положеніи дѣлъ подъ Москвой: должно ли было вступать въ битву, или оставить столицу безъ боя, встрѣчаемъ, между прочимъ, слѣдующее (отр. 247): «....числительная сила котораго (войска), съ Казаками и Ополченіемъ, простиралась, какъ утверждали, до девяноста тысячъ.» По моему мнѣнію, выраженіе: какъ утверждали, не ловкое. Если бы дѣло шло объ описаніи столкновенія Спаевъ съ Англичанами, то это еще такъ; но имѣя предъ глазами всѣ документы того времени, можно было бы избѣгнуть этого выраженія и замѣнить его спасительнымъ: около. Поставленная тутъ ссылка (№ 35) [164] не можетъ оправдать употребленіе слова: какъ утверждали, если оно и дѣйствительно тамъ находится. Очень понятно, что сочинитель, помѣстившій оное въ свои записки, могъ употребить его правильно, по тому что былъ частнымъ начальникомъ (дивизіоннымъ), не имѣя положительныхъ данныхъ общей наличной силѣ, а по тому и употребилъ слово: какъ утверждали; но въ настоящемъ сочиненіи это уже не годится.

На этой же страницѣ встрѣчаемъ: «Но еще труднѣе было принять сраженіе, потеря котораго не подлежала сомнѣнію.»

Очень могло случиться, что мы потеряли бы сраженіе; но сказать, что это не подлежало сомнѣнію, нахожу слишкомъ рѣзкимъ; [165] ибо числительность нашихъ войскъ, какъ утверждали, въ девяносто тысячъ человѣкъ, противъ ста тысячъ Французовъ, въ то время могла бы ожидать выраженія болѣе снисходительнаго, въ замѣнъ: не подлежало сомнѣнію,

---

[164] «Erinnerungen aus dem Feldzug des Jahres 1812.» S. 98.

[165] А при томъ выше было видно, что сочинитель допускалъ возможность, что мы, послѣ Бородина, могли заставить вторымъ сраженіемъ Наполеона отступить къ Смоленску. Какъ же здѣсь, когда мы успѣлись, а Наполеонъ еще болѣе ослабѣлъ, разбитіе насъ не подлежало сомнѣнію?

а притомъ и вооруженные Москвичи съ Графомъ Растопчинымъ вышли бы на подмогу и значительно увеличили бы нашу числительность. Сдѣсь облегчало возможность замѣнить это слово болѣе мягкимъ: дѣйствительное неудобство позиціи, что неотмѣнно должно было входить въ соображеніе полководца.

Тутъ же нѣсколько далѣе: «Говорятъ, будтобы Графъ Растопчинъ даже проговорился, что войска, очистивъ Москву, увидятъ ее пылающею.»

Кто же говоритъ это? Не сказано и нѣтъ ни какой ссылки, тогда какъ обстоятельство это чрезвычайно важно и по тому одному уже, что далѣе встрѣтимъ длинный рядъ разсужденій о Московскомъ пожарѣ. Во всякомъ случаѣ, нахожу неумѣстнымъ помѣщать въ такомъ сочиненіи, составленномъ на основаніи достовѣрныхъ источниковъ, слова: говорятъ, будто бы; по крайней мѣрѣ, еще повторяю, слѣдовало бы указать на современное засвѣдѣтельствованіе; тогда бы сочинитель очистилъ себя; но не учавствовавъ самъ въ этой войнѣ, по очень естественной причинѣ, онъ не можетъ служить ни какимъ авторитетомъ.

На стр. 254-й встрѣчаемъ повтореніе сказаннаго уже Михайловскимъ-Данилевскимъ, что, по засвидѣтельствованію Кайсарова, Кутузовъ, въ ночь, предъ оставленіемъ Москвы, «нѣсколько разъ плакалъ», и у Михайловскаго-Данилевскаго есть ссылка слѣдующаго содержанія: «Нынѣ Генералъ отъ инфантеріи», и ссылка эта все таки имѣетъ нѣкоторую силу, по тому что Михайловскій-Данилевскій указываетъ на свѣдѣтеля еще живаго, а притомъ онъ и самъ могъ тогда же слышать это, находясь при главной квартирѣ. Но Г. Богдановичъ не засвѣдѣтельствовалъ этого обстоятельства, и если Кайсаровъ не оставилъ Записокъ своихъ, что и очень вѣроятно, то ссылка на Михайловскаго-Данилевскаго была необходима.

Замѣчателенъ отзывъ Г. Богдановича о Графѣ Растопчинѣ (стр. 257):»... Нельзя не сознаться въ томъ, что настойчивость и пылкость характера Графа Растопчина иногда вовлекали его въ необдуманные поступки. Къ тому же онъ, получивъ превос-

ходное свѣтское образованіе, но, не имѣя ни въ чемъ основательныхъ свѣдѣній, могъ быть душею общества, но не былъ достаточно приготовленъ къ занятію важныхъ Государственныхъ должностей. Его преданность Государю была безпредѣльна, а любовь къ Отечеству доходила до восторга и обратилась, во время нашествія Наполеона на Россію, въ ненависть къ иностранцамъ, которая была тѣмъ болѣе поразительна въ его характерѣ, что, будучи окруженъ въ юности Французскими наставниками, онъ предпочиталъ Французскую литературу всѣмъ прочимъ.»

Ѳеофрастъ, Плутархъ и Лабрюеръ, въ изображеніи различныхъ свойствъ и характеровъ, не называли личностей, по крайней мѣрѣ, собственными ихъ именами. Но здѣсь Г. Богдановичъ указываетъ лицо, котораго онъ, вѣроятно, никогда не видалъ и не зналъ на столько, чтобы имѣть возможность опредѣлять его качества. Въ такомъ случаѣ необходимы были ссылки на мнѣнія о Графѣ тѣхъ лицъ, которыя могли оцѣнять его достоинства и замѣчать его недостатки. Въ Плутархѣ, вѣроятно, знакомомъ Г. Богдановичу, онъ могъ замѣтить, что и этотъ Греческій писатель, въ жизнеописаніи лицъ, жившихъ до его времени, всегда искалъ опоры своему мнѣнію въ мнѣніи тѣхъ, которые писали о нихъ до его времени. Слѣдовательно, для описанія характера и свойствъ Графа Ѳедора Васильевича, игравшаго столь важную роль въ Отечественную войну, недостаточенъ одинъ голословный авторитетъ лица, не знавшаго Графа Ростопчина лично, чтобы произнести подобное мнѣніе.

Но далѣе сочинитель говоритъ, что главными предметами заботливости его (Графа Растопчина), при вторженіи непріятеля въ предѣлы Имперіи, «было строгое наблюденіе за иностранцами и успокоеніе жителей, взволнованныхъ предстоящею опасностію.» Продолжая разсказывать о расположеніи народа въ Москвѣ противъ иностранцевъ, присовокупляется (стр. 258): «Правительство (т. е., Растопчинъ) всячески старалось оказать покровительство иностранцамъ; однихъ Французовъ, въ то время проживавшихъ въ Москвѣ, было болѣе трехъ тысячъ, изъ коихъ лишь не многіе были высланы изъ города. Къ

этой мѣрѣ приступлено непроизвольно» и т. п., и сочинитель приводитъ распоряженіе о семъ, сдѣланное въ Петербургѣ и одобренное Государемъ: «Только сорокъ (по другимъ свѣдѣніямъ, [166] шестьдесятъ пять) человѣкъ, особенно замѣченныхъ по дурному поведенію и вредному образу мыслей, были отправлены водою въ Макарьевъ.»

Гдѣ же тутъ ненависть къ иностранцамъ, въ которой Г. Богдановичъ упрекаетъ его? Далѣе: самъ же онъ разительно противорѣчитъ своему мнѣнію, говоря (стр. 272): что когда Графъ отдалъ на судъ народа Верещагина, то освободилъ приведеннаго съ нимъ Француза, сказавъ: «Что касается до тебя, Французскаго уроженца, прошу впередъ говорить осторожнѣе.... Ступай, я прощаю тебя» и т. д. [167]

На стр. 259-й находимъ: Въ «Москвѣ, сердцѣ Россіи, стекались вѣсти объ успѣхахъ непріятельскаго нашествія и, расходясь оттуда, не рѣдко въ преувеличенномъ видѣ, во всѣ концы Имперіи, возмущали общее спокойствіе. Графъ Растопчинъ противодѣйствовалъ этому злу» и т д. Разсуждая о Московскомъ пожарѣ, сказано (стр. 313): «Намѣреніе Графа Растопчина сжечь Москву, въ случаѣ занятія ея непріятелемъ, было не мимолетнымъ увлеченіемъ пылкаго патріота, а соображеніемъ, обдуманнымъ на досугѣ» и т. д.

Вотъ какъ онъ былъ неспособенъ занимать Государственныя должности! Одно изъ двухъ: или не надо было такъ рѣзко описывать его свойства или характеръ и Государственныя неспособности, или не показывать такъ ясно и блистательно его великія заслуги въ званіи, имъ занимаемомъ. Далѣе, почтенный исторіографъ еще болѣе возвыситъ его.

---

[166] Опять по другимъ свѣдѣніямъ!

[167] Сдѣсь ссылка: № 22. «Собственноручныя записки Бесѣужева-Рюмина» и пр. По засвѣдѣтельствованію же: «Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ,» 1866, кн. 4.: «Дѣло о Верещагинѣ,» стр. 258, въ примѣч. О. Б., въ Запискахъ Бесѣужева этого не находится.

Глава XXVI посвящена Московскому пожару. На стр. 311 сказано: «Постараюсь разрѣшить вопросъ: кто былъ виновникомъ Московскаго пожара?»

Я не стану подробно входить въ разсмотрѣніе этого предмета, что сдѣлано уже прежде,[168] и что можетъ служить къ критическому разбору и настоящей главы; сдѣсь замѣчу только итогъ разрѣшенія вопроса: кто былъ виновникомъ Московскаго пожара?

Генералъ Богдановичъ отклоняетъ всякое участіе высшаго Правительства въ этомъ пожарѣ, что ясно доказалъ Михайловскій-Данилевскій прежде его.

Главнымъ виновникомъ событія онъ признаетъ Графа Растопчина, и это видно также изъ помянутаго сочиненія; слѣдовательно, это не ново; объ этомъ уже было говорено гораздо прежде появленія книги Г. Богдановича, въ которой во многихъ мѣстахъ сохранены даже подлинныя строки печатно сказаннаго объ этомъ предметѣ не у одного Михайловскаго-Данилевскаго.

А ново въ главѣ Московскаго пожара опроверженіе того, что Русскій патріотизмъ жителей города будто бы не принималъ ни какого участія въ этомъ великомъ событіи. Г. Богдановичъ употребляетъ всѣ усилія своего краснорѣчія, чтобы лишить Москвичей славы этого дивнаго подвига, которымъ, конечно, потомство будетъ гордиться.

Опровергнувъ мнѣніе нѣкоторыхъ иноземныхъ писателей, будто бы высшее Правительство предначертало планъ этого замысла, и указавъ на нѣкоторыя распоряженія Графа Растопчина

---

[168] Въ книгѣ «Нѣкоторыя замѣчанія, почерпнутыя преимущественно изъ иностранныхъ источниковъ, о дѣйствительныхъ причинахъ гибели Наполеоновыхъ полчищъ въ 1812 году». Спб. 1835, включена и отдѣльная пространная статья о Московскомъ пожарѣ, въ которой критически разобраны всѣ повѣствованія объ этомъ событіи.

къ сожженію города, сочинитель присовокупляетъ (стр. 315): «Наконецъ, причиною нѣкоторыхъ пожаровъ было умышленное зажженіе жителями собственныхъ домовъ своихъ. Но изъ этого еще не слѣдуетъ (продолжаетъ сочинитель, стр. 316), «чтобы Московскій пожаръ былъ преднамѣреннымъ подвигомъ жителей первопрестольной столицы, которые, будто бы, въ великодушномъ порывѣ любви къ Отечеству, рѣшились, для спасенія его, принести общую, великую жертву. Не входя въ изслѣдованіе вопроса, послужилъ ли Московскій пожаръ въ пользу Россіи, мы могли бы справедливо гордиться имъ, если бы въ дѣйствительности всѣ жители столицы, или, по крайней мѣрѣ, многіе изъ нихъ, единодушно совершили этотъ подвигъ, жертвуя своимъ достояніемъ, для нанесенія вреда непріятелю. Но этого не было и не могло быть. Исторія не должна (стр. 317) приписывать бѣдствіе, постигшее нашу древнюю столицу, ни злобѣ Наполеона, ни самоотверженію Москвитянъ. Къ чему намъ оскорблять истину хвастливымъ изложеніемъ не бывалаго подвига?»

Дѣйствительно! Жрецу истины, вооруженному свѣтильникомъ и облеченному въ мантію, не прилично и не подобаетъ искажать истину и хвастать.

Такое направленіе духа «Исторіи 1812 года» могло быть внушено почтенному сочинителю только Шрекенштейнами, Бернгардами, Клаузевицами, Гофманами и другими соратниками иноземно-Нѣмецкой фаланги, временно находившейся тогда въ нашей арміи, и которыхъ показанія и мнѣнія такъ обильны въ его ссылкахъ. Что касается до самого Г. Богдановича, то онъ видимо не раздѣляетъ внутренно этого мнѣнія, по тому что, по принятому имъ порядку, во многихъ случаяхъ противорѣчитъ самому себѣ, отвергаетъ все, имъ сказанное выше противъ тогдашняго патріотизма Русскаго народа, приводя данныя, совершенно обращающія въ прахъ сказанное имъ; такъ напримѣръ:

Стр. 304: «Сперва загорѣлись Москательныя лавки и Гостиный рядъ въ Китай городѣ, потомъ вспыхнуло пламя на Бал-

чугѣ и запылалъ въ Земляномъ городѣ Каретный рядъ, зажженный хозяевами лавокъ. [169]

Сдѣсь сочинитель признаетъ, что Каретный рядъ былъ зажженъ хозяевами лавокъ. Но не должно ли, и, едва ли не положительно, утвердить, что то же самое было и съ Москательными лавками, и съ Гостинымъ рядомъ и пр.? Тѣмъ болѣе это вѣроподобно, что на стр. 272 читаемъ: «купцы, встрѣчая солдатъ на улицахъ, зазывали ихъ въ лавки, предлагая брать, что приглянется: «Пускай лучше наше добро достанется вамъ, нежели Французамъ!» Слѣдовательно, съ приближеніемъ Французовъ, при такомъ общемъ въ Россіи, какъ увидимъ, настроеніи духа, одинъ исходъ для удовлетворенія своего душевнаго расположенія, было предать свое имущество пламени.

Такъ, въ глазахъ нашихъ, во многихъ мѣстахъ, дѣйствовалъ патріотизмъ Русскихъ на пути отъ Смоленска до Москвы. Самъ Г. Богдановичъ (стр. 119) свѣдѣтельствуетъ: «Непріятель занялъ городъ Вязьму, зажженный въ нѣсколькихъ мѣстахъ самими жителями, ушедшими въ слѣдъ за войскомъ.» Далѣе, на стр. 129, опять встрѣчаемъ: «Русскіе, отступая къ Москвѣ, находили въ пути нѣкоторые запасы, косили овесъ въ поляхъ для своихъ лошадей и, уходя далѣе, вмѣстѣ съ жителями, поджигавшими дома свои» и т. д. На какомъ же основаніи онъ отвергаетъ подобное самоотверженіе Москвичей?

Говоря о занятіи Смоленска (т. 2, стр. 398) сказано: «Большая часть Смоленской Губерніи обратилась въ пустыню, усѣян-

---

[169] Г. Богдановичъ называетъ этѣ пожары первыми, начавшимися «съ самаго вступленія непріятеля 2-го числа». Но на стр. 315 онъ измѣняетъ свое мнѣніе и, говоря о порученіи Частному Приставу зажечь Коммиссаріятъ, оставшіяся барки у Краснаго Холма и Данилова монастыря, Винный и Мытный Дворы, и что онъ исполнилъ до десятаго часа вечера, 2-го Сентября, въ виду непріятеля, присовокупляетъ, что «этѣ пожары были первые, по выступленіи нашей арміи изъ Москвы; послѣдующіе же произошли, весьма естественно, отъ безпорядка, господствовавшаго въ городѣ.» И такъ, слѣдуетъ рѣшить: который же былъ первый? ибо сдѣсь представляется два первыхъ.

ную развалинами. Жители, скрывъ въ недоступныхъ убѣжищахъ свои семейства, стада и все, что успѣвали увезти съ собою, не рѣдко сами поджигали дома свои, и даже предавали пламени хлѣбъ въ поляхъ, чтобы онъ не достался въ руки Французамъ.»

Еще прежде: описывая сраженіе при Валутинѣ и объясняя положеніе непріятеля по вступленіи онаго въ Смоленскую Губернію, сочинитель продолжаетъ (т. 1, стр. 306, 307): «Встрѣтивъ на первомъ шагѣ своемъ въ коренныя области Россіи, города и села оставленные, обращенные въ пепелъ ихъ жителями» и т. д.

Мысль же истребить свои жилища въ Москвѣ не была внезапно порожденною: она вселилась гораздо ранѣе въ высокія свойства нашего народа, что свѣдѣтельствуетъ и самъ сочинитель.

На стр. 313 (т. 2) приведено письмо Графа Растопчина къ Князю Багратіону еще отъ $^{12}/_{24}$ Августа, въ которомъ, между прочимъ, сказано, что, въ случаѣ вторженія непріятеля въ Москву, «народъ, слѣдуя Русскому правилу: «Не даставайся злодѣю!» обратитъ городъ въ пепелъ» и т. д.

На стр. 315 сказано: «Графъ Растопчинъ пишетъ, что купцы, мастеровые и другихъ званій люди, изъявляя опасеніе, чтобы Москва не досталась въ руки непріятеля, не рѣдко говорили: «Лучше сжечь ее!» Онъ же свѣдѣтельствуетъ, что «въ послѣдствіи, во время пребыванія его въ главной квартирѣ Князя Кутузова, онъ видѣлъ многихъ людей, спасшихся изъ Москвы послѣ пожара, которые хвалились тѣмъ, что сами зажигали свои дома.»

На стр. 305 встрѣчаемъ окончаніе поэтическаго выраженія Г. Богдановича: «Не Москву жгли Русскіе.... они жгли городъ, гдѣ гнѣздились враги ихъ.»

Прекрасное выраженіе! Но и оно намекаетъ, что жгли городъ хозяева; ибо поэзія не гармонируетъ съ дѣйствіями однихъ полицейскихъ служителей и бродягъ, какъ сочинитель замѣчаетъ

на стр. 315: «Остававшіеся въ Москвѣ жители были большею частію люди бездомные, бродяги, которымъ терять было нечего и кои, пользуясь обстоятельствами, грабили и, вмѣстѣ съ тѣмъ, поджигали дома, чтобы удобнѣе скрывать свои преступленія.» Таковъ господствующій колоритъ въ изложеніи высокаго патріотизма Московскихъ жителей въ ту пору! Преступленіе?! Сочинитель называетъ преступниками тѣхъ, которые жгли городъ среди непріятеля?!

Алексѣй же Петровичъ Ермоловъ, въ Запискахъ своихъ, какъ будетъ видно, говоря о Московскомъ пожарѣ, присовокупляетъ: «Нѣтъ преступленія въ томъ, что возвышаетъ честь всего народа.» [170]

Относительно же грабежа, если они участвовали въ немъ съ Французами, то, конечно, для существованія; ибо къ чему могъ служить имъ въ томъ положеніи, въ которомъ они находились, всякій другой хламъ?.. За чѣмъ такъ пятнать, основываясь на догадкахъ того, что происходило современно съ рожденіемъ сочинителя!.. По чему не придать этому другой причины, болѣе согласной съ истиной?.. Ихъ главная цѣль была жечь что ни попало, и они совершали это среди всѣхъ опасностей! За чѣмъ, повторяю, выказывать, и то догадочно, черную сторону? И что значило (какъ замѣчаетъ и Даниловскій) ничтожное число этѣхъ, какъ сочинитель называетъ, грабителей, среди ста тысячъ непріятелей, грабившихъ Москву и, для лучшаго удобства, поджигавшихъ разныя зданія, что видно изъ множества засвѣдѣтельствованій самыхъ Французскихъ писателей? Сдѣсь, между сими послѣдними и нашими грабителями, представляется та разница, что Французскіе мародеры имѣли въ виду на первомъ планѣ грабежъ и, чтобъ удобнѣе совершать оный, предавали огню то зданіе, на которое имѣли свои виды, между тѣмъ какъ у нашихъ грабителей на первомъ планѣ былъ поджогъ.

---

[170] Замѣчательное сопоставленіе мнѣнія и выраженій! Это какъ бы буквальное возраженіе сказанному Г. Богдановичемъ.

Продолжая упорствовать въ мнѣніи, что Русскій патріотизмъ не имѣлъ большаго участія въ истребленіи столицы, Г. Богдановичъ ищетъ доказать это свое умозаключеніе слѣдующими строками (стр. 316): «Изъ числа домохозяевъ весьма лишь незначительная часть оставалась въ городѣ; всѣ же прочіе выѣхали, покинувъ свои дома пустыми, либо оставя ихъ на попеченіе управляющимъ, дворецкимъ, дворникамъ и вообще людямъ, которые не могли ни рѣшиться сами на сожженіе домовъ, состоящихъ подъ ихъ надзоромъ, ни получить отъ владѣтельлей домовъ разрѣшенія на столь опасное дѣло. Не возможно предположить, чтобы всѣ (!?) жители такого обширнаго города условились между собой сжечь домы свои; если же на это рѣшились только не многіе (какъ и было въ дѣйствительности), то ихъ патріотическій подвигъ имѣлъ весьма невыгодное значеніе въ глазахъ тѣхъ, которые, потерявъ отъ пожара все свое имущество, сдѣлались невольными страдальцами чужаго самоотверженія (!). Слѣдовательно, выказывать пожаръ Москвы въ видѣ гибели Сагунта, столь же нелѣпо, сколько приписывать его жестокости Наполеона и буйству его войскъ. Наполеонъ, въ первые дни своего пребыванія въ Москвѣ, не только не приказывалъ жечь города, но старался прекратить пожаръ; въ послѣдствіи разноплеменныя его войска предавались грабежу и безчинію, дѣйствительно участвовали въ поджогахъ, но вовсе не имѣли въ виду сжечь Москву.»

Весь этотъ параграфъ, по своему знаменательному содержанію, вызываетъ нѣкоторыя замѣчанія:

Во первыхъ: Очень понятно, что опасность, угрожавшая городу занятіемъ его непріятелемъ, должна была побудить многихъ съ семействами оставить домы свои и выѣхать, и что тѣ, которые имѣли возможность, вывезли и болѣе драгоцѣнные предметы. Но это отнюдь не доказываетъ, чтобы они были чужды общему, тогда господствовавшему въ Россіи, духу, не подчиняться непріятелю.

Во вторыхъ: По чему и на какомъ основаніи не предполагать, чтобы управляющіе, дворецкіе, дворники и вообще люди,

которымъ были ввѣрены домы, не могли раздѣлять патріотическаго чувства съ другими, предававшими огню дома свои, и чтобъ они, увидѣвъ поруганіе святынь, насиліе и грабежъ, хотя бы и не получали буквальнаго приказанія сжечъ домъ при занятіи Москвы непріятелемъ, не рѣшились на это сами по общему, повторяю, настроенію въ то время духа, истреблять все, чтобы непріятеля лишить средствъ? Самъ Г. Богдановичъ приводитъ примѣръ Вязьмы и другихъ мѣстъ. Наконецъ, по чему не допустить, что были и такіе хозяева, которые, выѣзжая заблаговременно изъ Москвы, не отдали бы приказанія тѣмъ, на кого оставляли дома свои, поступить такъ, какъ поступятъ другіе? Сами они не могли зажигать домовъ, по тому что оставляли Москву, все еще имѣя надежду, что, можетъ быть, непріятель и не проникнетъ въ нее.

Въ третьихъ: Само собой разумѣется, что «не возможно предполагать, чтобы всѣ жители такого обширнаго города условились между собой сжечь домы свои.» Я принимаю этѣ строки за игру словъ; ибо Г. Богдановичъ, конечно, также хорошо, какъ и я, понимаетъ, что слово всѣ ни сдѣсь, ни гдѣ либо, имѣть мѣста не можетъ. Вездѣ есть, хотя бы и не много, лица противнаго мнѣнія съ большинствомъ: всѣ никогда и нигдѣ не бываютъ одного мнѣнія; но сдѣсь слѣдуетъ принять во вниманіе то главное, что когда непріятель едва вступилъ на пространство, обитаемое Русскими, и былъ еще почти въ четырехъ стахъ верстахъ отъ Москвы, первымъ чувствомъ нашего народа было истребленіе своего жилища, и это продолжалось до Москвы. Самъ сочинитель говоритъ (стр. 402): «Вторженіе Французовъ въ Московскую Губернію было встрѣчено ея жителями также непріязненно, какъ и Смолянами. И мѣщане и поселяне, оставляя дома свои, уничтожали все, что могло сдѣлаться добычею непріятеля; зажигали строеніе и скрывались въ лѣсахъ» и т. д. [171] И такъ, за что же

[171] А развѣ Дворяне не дѣлали того же? Между тѣмъ, говорится только о мѣщанахъ и поселянахъ. Въ «Отечественной Исторіи,» по моему мнѣнію, каждое выраженіе, каждое слово, имѣетъ свой вѣсъ.

же отнимать у Москвичей то же высокое чувство, которымъ одушевились первые Русскіе, встрѣтившіе врага на поляхъ своихъ, и что продолжалось до стѣнъ самой Москвы? По чему непремѣнно утверждать, что въ Москвѣ на это рѣшились только не многіе? Гдѣ данныя, могущія опровергнуть хотя бы только то, что привелъ самъ сочинитель въ доказательство противному?

Въ четвертыхъ: Г. Богдановичъ сказалъ: «Если же на это рѣшились только не многіе [172] (какъ и было дѣйствительно, присовокупляетъ онъ), то ихъ патріотическій подвигъ имѣлъ весьма невыгодное значеніе въ глазахъ тѣхъ, которые, потерявъ отъ пожара все свое имущество, сдѣлались невольными страдальцами чужаго самоотверженія.»

Несомнѣнно, что потеря всего имущества должна быть чувствительна всякому. Но бываютъ исключенія, и именно исключеніе это можно отнести къ описываемымъ событіямъ въ Москвѣ. Сдѣсь же должно принять во вниманіе и то, что, для сомнительнаго сохраненія имущества, жителямъ должно было остаться въ домахъ своихъ и подчиниться распоряженіямъ непріятеля нести тяжесть постоевъ, продовольствовать квартирующихъ и многія другія повинности, неразлучныя съ войной, что, конечно, Г. Богдановичъ не имѣлъ случая испытать; по книгамъ же этого понять ни какъ нельзя. Сверхъ всего сего могла быть потребована значительная контрибуція, безъ которой Наполеонъ никогда не обходился, а сдѣсь, какъ видно изъ его словъ, онъ думалъ вознаградить армію за дальній и тяжкій походъ. Слѣдовательно, послѣдствіемъ не выѣзда хозяевъ было одинаковое разореніе, независимо отъ уничиженія предъ врагомъ, что въ глазахъ Русскихъ того времени стояло на первомъ планѣ. По выѣздѣ же изъ домовъ вся оставленная движимость должна была почитаться уже какъ бы потерянной. Очень не многіе, возвратясь

---

[172] Не многіе и оставались. Когда Французы вошли въ Москву и тѣ изъ жителей, которые не успѣли еще выйти изъ оной, совершили это въ первые дни, а истребивъ свое имущество и пользуясь безпорядкомъ, тайно ускользали изъ города.

нашли часть оной сохранившеюся, чему обязаны единственно случаю, который ввелъ въ ихъ домы главнѣйшихъ лицъ арміи. Оставляя домы свои, хозяева, лишаясь своей движимости, избѣгали непріятельскаго ига и зажечь ихъ они не могли; ибо это было преждевременно. Впрочемъ, расчитывая на приготовленіе разныхъ горючихъ матеріяловъ и упрочившуюся молву, что городъ, при занятіи непріятелемъ будетъ сожженъ, не находили, можетъ быть, нужнымъ и дѣлать для того особенныхъ распоряженій. Изъ тѣхъ же хозяевъ, которые дожидались 2-го Сентября, не многіе, а едва ль не всѣ, при первой возможности, сами зажигали дома свои. Во всякомъ случаѣ, если уже въ планъ Г. Богдановича входило показать, что въ Москвѣ патріотизмъ не былъ господствующимъ, то онъ могъ, по моему мнѣнію, хотя бы нѣсколько смягчить свой приговоръ; за что онъ, какъ бы упрекаетъ, сказавъ, что этотъ патріотитескій подвигъ «не многихъ имѣлъ весьма невыгодное вліяніе на тѣхъ, которые, потерявъ отъ пожара все свое имущество, сдѣлались невольными страдальцами чужаго самоотверженія?»

Надлежало быть среди тогдашнихъ Русскихъ, чтобы судить объ этомъ правильно. Несомнѣнно, повторяю, горько лишиться всего, но чтобы кто либо въ то время укорялъ за предпринятую мѣру, этого допустить нельзя. Могли случиться сѣтованія нѣкоторыхъ, можетъ быть и многихъ, на судьбу, на какія либо личности, но этѣмъ все и оканчивалось. Изгнаніе врага, повторительныя побѣды въ 1813 году, и наконецъ взятіе Парижа въ 1814-мъ, когда, на высотахъ Монмартрскихъ, изъ среды всѣхъ союзныхъ, взеслись первыя знамена Русскія; когда Александръ возвратилъ престолъ династіи, отчужденной отъ онаго, въ продолженіе двадцати лѣтъ, и сопутствовавшія тому событія, все это, упоя Русскихъ славой, вмѣстѣ съ изліяніемъ милостей Царя на пострадавшихъ, скоро доставило возможность позабыть претерпѣнныя бѣдствія и гордиться своими пожертвованіями.

За чѣмъ такъ неосновательно клеймить патріотизмъ Москвичей, написавъ (еще повторяю) ненавистныя строки, что этотъ «патріотическій подвигъ не многихъ имѣлъ весьма невыгодное вліяніе въ глазахъ тѣхъ, которые, потерявъ отъ пожара

все свое имущество, сдѣлались невольными страдальцами чужаго (!) самоотверженія?» Сдѣсь остается одно утѣшеніе предполагать, что Г. Богдановичъ написалъ этѣ строки, какъ говорится, такъ себѣ, безъ всякаго убѣжденія въ истинѣ, заключающейся въ оныхъ; ибо въ другихъ мѣстахъ онъ говоритъ совершенно тому противное, какъ бы предоставляя читателямъ на выборъ одно изъ своихъ мнѣній, совершенно между собой противоположныхъ.

Вотъ, на примѣръ: послѣ всего того, что онъ сказалъ такъ краснорѣчиво о сдѣлавшихся невольными страдальцами чужаго самоотверженія, на стр. 416-й говоритъ о Московскомъ пожарѣ слѣдующее:... «Въ Петербургѣ часто встрѣчались люди, потерявшіе въ Москвѣ сотни тысячъ и пришедшіе оттуда пѣшкомъ, въ сермягахъ и лаптяхъ, которые (?) радовались, [173] что ихъ имущество погибло въ огнѣ, а не досталось ненавистному непріятелю.»

Сопоставьте этѣ страданія за чужое самоотверженіе и радованіе за послѣдствія такого подвига. Какой непростительный промахъ и непослѣдовательность въ сочинителѣ! Но спрашивается: чему же вѣрить? Конечно, послѣднему, по тому что это истина, которой есть живые свѣдѣтели, и что, наконецъ, сочинитель еще въ эту минуту чувствовалъ себя Русскимъ, тогда какъ первое его мнѣніе было изложено подъ вліяніемъ Шрекенштейновъ. Иначе и быть не могло.

Сами ли помянутые странники зажигали дома свои, или это было сдѣлано по ихъ приказанію, или, наконецъ, дома ихъ сдѣлались жертвой пламени отъ сосѣдственныхъ пожаровъ, или же все горѣло по распоряженію Графа Растопчина, все равно. Потерявшіе сотни тысячъ въ Москвѣ, радовались, что имущество ихъ было истреблено огнемъ ко вреду врага. На слѣдующей 417 й страницѣ приводятся слова изъ Сегюра, доказываю-

---

[173] Сдѣсь непонятно, кто именно радовался—потерявшіе имущество, или сермяги и лапти?

щія высокое самоотверженіе Русскихъ. Историкъ этотъ говоритъ: «Жертва, ими (Русскими) принесенная, была огромна, безусловна. Они не сожалѣли о своихъ потеряхъ и не требовали ни какого возмездія даже по занятіи непріятельской столицы, обязанной имъ своимъ сохраненіемъ.»

Гораздо выше встрѣчаемъ (а именно на 4-й страницѣ): «Не было никого, говоритъ Вильсонъ, Англійскій Генералъ, состоявшій въ качествѣ довѣреннаго лица отъ своего Правительства при главной квартирѣ нашей арміи, ни мужчины, ни женщины, ни старика, ни юноши, кто не считалъ бы презрительнымъ роптать, или жаловаться, на потерю имущества.» [174] Очень жаль, что Г. Богдановичъ поскупился на подобныя ссылки, которыхъ бы онъ нашелъ очень много у Французскихъ писателей-очевидцевъ, а предпочелъ имъ иноземныхъ Нѣмцевъ, которыхъ мнѣніе, къ несчастію, у него господствуетъ.

Наконецъ, въ пятыхъ: Г. Богдановичъ, какъ было видно, заключаетъ разсматриваемый параграфъ словами: «Слѣдовательно, выказывать пожаръ Москвы въ видѣ гибели Сагунта столь же нелѣпо, сколько приписывать его жестокости Наполеона и буйству его войскъ.» Сочинитель говоритъ, что Наполеонъ принималъ мѣры къ потушенію пожара и т. д.; это очень естественно; ибо вся его надежда основывалась на цѣлости Москвы. Объ этомъ нечего и говорить: это аксіома; она признана всѣми современниками нашими. Замѣчу, однако же, еще два, три, мѣста, приводимыя самимъ же Г. Богдановичемъ, въ которыхъ сожженіе Москвы приписывается прямо Французамъ, и мѣста эти оставлены безъ оговорки, а именно:

На стр. 293 приводится письмо Императора Александра къ наслѣдному Принцу Шведскому, въ которомъ приписывается положительно сожженіе Москвы Наполеону. Вотъ что чита-

---

[174] Въ слѣдъ за симъ сочинитель приводитъ засвѣдѣтельствованіе Вильсона же, какъ всѣ плакали отъ радости, когда онъ говорилъ, что Государь не заключитъ мира и пр.

емъ: «Раздраженный тѣмъ, что не нашелъ въ Москвѣ ни сокровищъ, къ обладанію коими стремился, ни мира, котораго достигнуть надѣялся, онъ (Наполеонъ) сжегъ прекрасную столицу, теперь обращенную въ груду пепла и развалинъ.» Это требовало бы поясненій, безъ которыхъ читатель, въ особенности мало знакомый съ событіями, путается и не получаетъ яснаго и опредѣлительнаго понятія. Подобныя разнорѣчивыя данныя повторяются неоднократно, подтверждая то одно, то другое; такъ, на примѣръ:

Въ Высочайшемъ Манифестѣ, на имя Графа Растопчина, по изгнаніи Французовъ (т. III, стр. 521): находимъ: .... «Хотя изгнанный изъ Москвы непріятель краткое время былъ въ ней, и хотя не преодолѣніемъ противопоставленной ему обороны вошелъ въ нее, и не силою осадныхъ орудій, но дѣйствіями неприличныхъ и срамныхъ для войны зажиганій, грабительствъ и подрываній, нанесъ ей тяжкій вредъ» и т. д.

На стр. 329 (т. II) находимъ такъ себѣ, краснорѣчіе, выраженіе, гдѣ, между прочимъ, однако же, встрѣчаемъ: «Исторія скажетъ, что онъ (Александръ) отстоялъ честь и самостоятельность Россіи, отмстилъ за пожаръ Москвы спасеніемъ Парижа.» Сдѣсь опять выходитъ, что Французы сожгли Москву! Вѣдь можно было бы написать: за занятіе Москвы, пусть даже за разореніе, но ни какъ за пожаръ, послѣ всего того, что сочинитель сказалъ уже объ этомъ! Не уже ли нельзя, въ порывахъ поэтическаго увлеченія, гоняясь за выраженіями, избѣгать въ Исторіи противорѣчій, высказываемыхъ не только что вскользь, но прямо, безъ всякаго вниманія къ публикѣ? Подобныя выраженія, противорѣчащія одни другимъ, хоть кого собьютъ съ толку. Въ такихъ случаяхъ уже лучше было бы слѣдовать логикѣ Михайловскаго-Данилевскаго, который, также гоняясь за выраженіями, наконецъ утомясь и не зная, какъ выбраться изъ лабиринта, въ который зашелъ, героически разсѣкъ гордіевъ узелъ относительно Московскаго пожара и остроумное свое разсужденіе заключилъ слѣдующими словами: «Русскіе не уступятъ никому чести въ Московскомъ пожарѣ; но главными виновниками были Французы:

безъ нашествія Наполеона не сгорѣла бы и Москва.» Чистая логика!! Тутъ нельзя и спорить.[175]

Не знаю, кто выказываетъ пожаръ Москвы въ видѣ Сагунта. Г. Богдановичъ замѣчаетъ, что это нелѣпо. Тутъ нѣтъ ссылки. Но я не могу допустить себя до мысли, чтобы онъ, почитаемый за ученаго, могъ самъ сближать этѣ два событія, совершенно различныя и въ главныхъ своихъ основаніяхъ и во всѣхъ совершенно частностяхъ.

Сказавъ о Графѣ Растопчинѣ, какъ о главномъ дѣятелѣ къ произведенію пожара въ Москвѣ, ни слова не сказалъ, что въ то же утро, 2-го Сентября, когда онъ отправилъ Частнаго Пристава, какъ видѣли выше, жечь Коммисаріятъ, барки у Краснаго Холма и Даниловa монастыря, Винный и Мытный Дворы, «Князь Кутузовъ, съ своей стороны извѣстясь, что не было ни какой возможности спасти отъ непріятеля Коммисаріятскія барки, слѣдовавшія позади остановившихся, за тяжестію груза, артиллерійскихъ барокъ, приказалъ ихъ жечь и топить. Въ одно время загорѣлись аммуничныя вещи и полетѣли на воздухъ огнестрѣльные снаряды.»

Между тѣмъ это находится въ книгѣ Михайловскаго-Даниловскаго (т. II, стр. 332), и написано не на слово, не по другимъ свѣдѣніямъ, не на говорятъ и т. п., а основано на мнѣніи Государственнаго Совѣта, 7-го Мая, 1817 года, что должно было

---

[175] Сдѣсь невольно приходитъ на память народная у насъ сказка: Староста пріѣхалъ изъ деревни къ Барину въ городъ. На вопросъ: Все ли здорово? Онъ отвѣчалъ: Все благополучно, только любимый вашъ воронъ издохъ.—Отъ чего?—Обожрался стервы.—Какой стервы?—Да вороной-то конь вашъ околѣлъ.—Какъ такъ?—Да запрягли въ оглобли, съ непривычки и надорвался, а надо было много воды возить.—На что воды?—А домъ-то Барскій сгорѣлъ.—Отъ чего?—Факелами запалили.—Какими факелами?—Да какъ матушку-то вашу хоронили.—Вотъ и тутъ смерть матушки была всей бѣдѣ причиной. Не умри она, и воронъ бы не издохъ, и конь не околѣлъ, и домъ бы не сгорѣлъ. Съ такимъ точно добродушіемъ и Александръ Ивановичъ утверждаетъ, чего, впрочемъ, и отрицать никто не будетъ: «Не приди Наполеонъ въ Москву, то и она бы не сгорѣла.»

находиться предъ глазами почтеннаго Профессора. Но если бы онъ и не призналъ этого за достовѣрное, то, во всякомъ случаѣ, надо было оговорить; ибо подобныя дѣла не должны быть выпускаемы, что очень хорошо могло быть сдѣлано съ другими мѣстами, по ничтожности своей не имѣющими рѣшительно ни какой занимательности для Исторіи, а развѣ только для нѣкоторыхъ личностей. Неупомянуто также о сожженіи с. Воронова самимъ Графомъ Растопчинымъ, что обозначаетъ тогдашнее время и бросаетъ свѣтъ на господствующій духъ вообще и въ частности. Обстоятельство это, которому многіе были свѣдѣтелями, описано Михайловскимъ-Данилевскимъ (т. III, стр. 17). То же свѣдѣтельствуетъ и Подполковникъ (въ послѣдствіи Г.-М.) П. Т. Радожицкій въ «Походныхъ Запискахъ артиллериста» (т. I, стр. 192), какъ очевидецъ событія, коему свѣдѣтелемъ былъ и весь Штабъ 6-го корпуса. [176] Оно нашло мѣсто и во многихъ иноземныхъ, какъ современныхъ, личныхъ засвѣдѣтельствованіяхъ, такъ и въ послѣдствіи до изданія Записокъ извѣстнаго Англійскаго Генерала Серъ Роберта Вильсона, бывшаго не только что свѣдѣтелемъ подвига Графа Ѳедора Васильевича, но и помогавшаго ему въ распоряженіяхъ и т. д. Если почтенный сочинитель своей Исторіи не нашелъ всѣ сказанія о семъ достовѣрными и извѣстное по исторіи письмо Графа къ Французамъ вымысломъ, то слѣдовало бы оговорить. Исторія должна быть очищаема.

И такъ, изъ выше приведенныхъ примѣчаній видно, что несправедливо лишать Московскихъ домохозяевъ (разумѣется, тѣхъ, которые оставались до 2-го Сентября въ Москвѣ, за другихъ же распорядился Растопчинъ) подвига въ самоотверженіи и преданіи своихъ домовъ огню, по собственному ли побужденію, или по внушенію свыше, или по приказанію. По моему мнѣнію, исполненіе приказанія въ подобныхъ случаяхъ возвышаетъ еще болѣе народный Русскій характеръ; ибо мысль зажечь домъ при оставленіи его, могутъ внушить страсти, вовсе чуждыя патріотизму;

---

[176] Графъ Растопчинъ, близко знакомый съ Дохтуровымъ, большею частію совершалъ переходы съ нимъ. Подробности этого событія замѣчательны по многимъ отношеніямъ.

но сжечь его, повинуясь общему распоряженію властей, есть подвигъ истиннаго патріотизма. Послушное, самоотверженное исполненіе распоряженій народомъ несравненно выше дѣйствій, къ которымъ народъ увлекается самъ собой, въ слѣдствіе случайнаго раздраженія его страстей обстоятельствами. Тутъ болѣе чести, болѣе истинной славы, для народнаго характера. Мы видѣли Наполеона въ 1814 и 1815 годахъ, употреблявшаго всѣ усилія, чтобы возбудить патріотическое увлеченіе въ своемъ народѣ, но народъ Французскій остался глухъ ко всѣмъ сильнымъ воззваніямъ своего Императора и ближайшихъ властей, имѣвшихъ для сего въ распоряженіи своемъ значительныя суммы. Наполеонъ и народъ его въ этомъ случаѣ не понимали одинъ другого, но Растопчинъ и Москва поняли другъ друга: они не отстали отъ народа, начинавшаго истреблять огнемъ свои жилища и хлѣбъ на корнѣ при первомъ шагѣ врага въ Смоленскую Губернію, и такъ провожали его до Москвы, а сдѣсь сожженіе ея, повторяю, отнюдь не служитъ къ уничиженію ни Правительства, ни народа, а напротивъ еще болѣе возвышаетъ обоихъ.

Заключу параграфъ о сожженіи Москвы еще другими очевидцами: Бутурлинъ, между прочимъ (т. I, стр. 305), говоритъ: «Кромѣ нарочно подосланныхъ, сами обыватели зажигали собственные дома свои безъ всякаго приказанія, а единственно изъ озлобленія противъ непріятеля.» Дмитрій Петровичъ былъ очевидцемъ описываемыхъ имъ событій, и издалъ книгу свою почти за двадцать лѣтъ до появленія книги Михайловскаго-Данилевскаго, и хотя онъ не пользовался тѣми матеріялами, которые были въ распоряженіи послѣдняго, но имѣлъ то преимущество, что писалъ ближе ко времени событій, былъ самъ Москвичъ, и по тому ему представлялось болѣе средствъ почерпнуть достовѣрныя свѣдѣнія, а главное, нигдѣ не противорѣчитъ самому себѣ. Онъ написалъ книгу свою при Императорѣ Александрѣ I-мъ, слѣдовательно, при живомъ свѣдѣтелѣ и главномъ виновникѣ гибели враговъ. Г.-М. Хатовъ издалъ переводъ книги Бутурлина въ 1824 году, и второе изданіе съ примѣчаніями посвятилъ Императору Николаю I-му. Ни Бутурлинъ, ни Хатовъ не могли бы говорить о Московскомъ пожарѣ такъ, какъ представили оный, если бы это не было согласно съ истиной, которая под-

крѣплялась въ то время большимъ числомъ живыхъ еще свѣдѣтелей и разными рукописными повѣствованіями.

Вотъ что говоритъ Полковникъ Окуневъ [177] о Московскомъ пожарѣ, и говоритъ это при жизни еще множества свѣдѣтелей событію (стр. 199): «но вѣрные жители Москвы, на величайшія жертвы всегда готовые, не ограничились оставленіемъ жилищъ и богатствъ своихъ: пожирающее пламя должно было лишить непріятеля даже всякой надежды дать нѣкоторое отдохновеніе арміи его, и вскорѣ Москва превратилась въ груду развалинъ.. .. Тщетно хотѣли бы затмить славу сего патріотическаго поступка, котораго въ самоотверженіи ни что превзойти не можетъ. Тщетно отказали бы великодушнымъ жителямъ Москвы вѣнецъ гражданской доблести: безпристрастное потомство его имъ присудитъ, какъ справедливую награду за ихъ преданность къ Отечеству» и т. д.

У Михайловскаго-Данилевскаго, какъ объ этомъ я сказалъ уже, [178] встрѣчается много неясностей, но господствующее мнѣніе его было, что Москва сожжена жителями оной.

Наконецъ, А. П. Ермоловъ, въ изданныхъ въ 1863 году Запискахъ, говоритъ (стр: 192):..... «Собственными руками нашими былъ разнесенъ истребившій ее (Москву) пламень... Нѣтъ преступленій въ томъ, что возвышаетъ честь всего народа.... За что отнимать у себя славу пожертвованія столицей, когда справедливый непріятель у насъ ее не похищаетъ? Ни одинъ народъ изъ всѣхъ, въ продолженіе двадцати лѣтъ предъ счастьемъ Наполеона смирившихся, не явилъ подобнаго примѣра: судьба сберегла его для славы Россіи.»

Таковы засвѣдѣтельствованія очевидцевъ, и какихъ очевидцевъ! Они отдали полную справедливость патріотизму жителей

---

[177] «Разсужденіе о большихъ военныхъ дѣйствіяхъ въ 1812 году». Издано въ Парижѣ 1829 года, переведено же на Русскій языкъ 1832. Спб.

[178] Въ Книгѣ: «Дѣйствительныя причины гибели Французскихъ полчищъ въ 1812 году», Спб. 1855. Статья: «Пожаръ Москвы».

Москвы, изображая истину; не отрицая того, чѣмъ каждый Русскій гордился, [179] гордится и будетъ всегда гордиться, какими бы то словоизвитіями его ни сопутывали.

Бывшіе въ Тарутинскомъ лагерѣ, конечно, помнятъ, точно также, какъ помню и я, что Московскіе выходцы разсказывали, какъ они сами и другіе Москвичи поджигали свои дома и лавки предъ тѣмъ, какъ уйти. [180] Находясь въ Корпусномъ Штабѣ Дохтурова, который былъ самъ Москвичъ, имѣлъ тамъ многихъ родственниковъ и большой кругъ знакомыхъ, а Штабъ его почти весь былъ составленъ изъ Московскихъ Дворянъ, я видѣлъ, какъ на каждомъ переходѣ, начиная отъ Боровскаго перевоза, въ Подольскѣ, въ Красной Пахрѣ и другихъ мѣстахъ, до Тарутина даже, являлось по нѣскольку выходцевъ изъ Москвы, знакомыхъ или съ самими господами, или съ ихъ прислугой, смотря по состоянію, разсказывали о всѣхъ продѣлкахъ, употреблявшихся ими и ихъ знакомыми для сожженія домовъ своихъ, чтобы не быть пойманными и уличенными непріятелемъ, изыскивая даже возможность поджигать дома, когда въ нихъ собирались враги. Совершивъ свой подвигъ, они оставляли городъ, присовокупляя, что многіе остаются тамъ единственно по тому только,

---

[179] Не исчисляю здѣсь засвѣдѣтельствованія тогдашнихъ нашихъ враговъ, свѣдѣтелей, неоспоримо повѣствующихъ о главныхъ виновникахъ зажженія Москвы, съ достаточными подробностями. Но вотъ и недавно спустя послѣ событія, въ «Economiste Belge» (Еженед. Прил. къ Русск. Инв. 1864, № 28), помѣщено воспоминаніе нѣкоего Вандрамини, оставшагося въ Москвѣ во время занятія ея Французами. Изъ статьи этой ясно видна преднамѣренность зажечь Москву, да и въ этомъ едва ли кто, кромѣ почтеннаго сочинителя Исторіи Отечественной войны 1812 г., сомнѣвается, или, лучше сказать, вовсе отвергаетъ.

[180] Баронъ Кросаръ, въ 1812 году Полковникъ нашего Генеральнаго Штаба, находившійся при Кутузовѣ (въ Mémoires mil. et. polit. etc. t. IV, p. 370), говоритъ, что въ первый же день выступленія изъ Москвы, когда показался въ ней дымъ, Князь Дмитрій Владимировичъ Голицынъ изъявилъ сожалѣніе, при потерѣ состоянія передъ выступленіемъ изъ Москвы, что «онъ не самъ зажегъ свой домъ» и пр., и на стр. 374 удостовѣряетъ, что событіе это, сожженіе Москвы, было соображено прежде, а не было случайностью и т. д.

что не находятъ возможности привести въ исполненіе глубоко задуманнаго своего намѣренія, и говорили это съ какимъ-то религіознымъ чувствомъ и пр. Шрекенштейны, Бернгарди, Клаузевицы и имъ подобные не понимали этого, и очень естественно: впустивъ въ столицы свои Французовъ, они повиновались ихъ военнымъ Генералъ-Губернаторамъ; подвигъ Русскихъ былъ для нихъ необъяснимъ. Жаль, что Г. Богдановичъ рѣшился искать отклонить въ этомъ событіи участіе Русскаго патріотизма.

Описывая очень кратко и, можно сказать, по значенію книги, неудовлетворительно, пребываніе Французовъ въ Москвѣ и безпорядки, которымъ они предавались, почтенный исторіографъ нашъ, на стр. 327-й, говоритъ: «Упадокъ чинопочитанія дошелъ до того, что сами Офицеры участвовали въ подобныхъ поступкахъ нижнихъ чиновъ.» Между тѣмъ какъ Шамбре, сочинитель, избранный Г. Богдановичемъ по преимуществу предъ всѣми другими, описывая безчинства, происходившія въ Москвѣ, на стр. 223 говоритъ: «Всѣ грабили, и корысть не одинъ разъ соединяла въ одномъ мѣстѣ шитый мундиръ Генерала и скромную одежду солдата.» Данилевскій, такъ раскритикованный почтеннымъ Профессоромъ, вѣдь не упустилъ ввести это въ свое описаніе Отечественной войны, какъ эпизодъ, безспорно ей принадлежащій.

Сами Французы представляютъ это время въ краскахъ самыхъ яркихъ и не вскользь, какъ это сдѣлано въ настоящей Исторіи, которая должна была, по моему мнѣнію, изобразить полную картину этого эпизода. Предметъ этотъ, конечно, заслуживаетъ быть въ Исторіи нашей Отечественной войны выставленнымъ въ полномъ свѣтѣ, или пусть хотя бы уже только такъ, какъ онъ представленъ самимъ врагомъ нашимъ, [181] чѣмъ,

---

[181] Въ книгахъ: «О дѣйствительныхъ причинахъ гибели Наполеоновыхъ полчищъ въ 1812 году. Спб. 1855», и въ «Пятидесятилѣтіи Бородинской битвы. Москва. 1866 г.,» я соединилъ многое о семъ изъ повѣствованій Французовъ и ихъ союзниковъ; но какъ обѣ книги относились только собственно до обозначенныхъ въ заглавіи предметовъ, то я и не находилъ умѣстнымъ дѣлать полную выписку разсказываемаго о грабежѣ и буйствѣ самими Французами. Мнѣ

безъ всякихъ современныхъ засвѣдѣтельствованій (по крайней мѣрѣ не указанныхъ), называть бродягами и преступниками тѣхъ изъ Русскихъ, которые жгли Москву, находясь среди Французовъ, и совершенно голословно уничтожать патріотизмъ Москвичей въ дѣлѣ сожженія своей столицы. Слава этого подвига переживетъ всѣ естественныя измѣненія во взглядахъ и убѣжденіяхъ; она во всѣ вѣка будетъ питать героевъ и вѣрныхъ гражданъ любовью къ славѣ и самопожертвованіемъ на пользу отечества. Ни одинъ изъ историческихъ пожаровъ не отражается такимъ величественнымъ заревомъ въ сумракѣ вѣковъ, какъ пожаръ Москвы въ 1812 году. Горѣлъ и Сагунтъ, горѣли и Аѳины предъ Саламинской битвой, но Московскій пожаръ всегда былъ и будетъ единственнымъ пожаромъ, освятившимъ дѣло разрушенія и увѣковѣчившимъ самыя возвышенныя чувства народа. [182]

Пусть болѣе Исторія представляетъ намъ примѣровъ такихъ пожаровъ: отъ нихъ сердце не обольется кровію, они не испугаютъ самой робкой души. Смотря на нихъ и на погибшія съ пожаромъ Москвы могущество и славу Наполеона I, невольно вспомнимъ строфу изъ политическаго стихотворенія великаго Нѣмецкаго поэта:

So vergehn des Lebens Herrlichkeit,
So entfliet das Traumbild der eitlen Macht.

Довольно о Московскомъ пожарѣ; онъ ожидаетъ еще достойнаго своего историка.

На страницахъ 330—331 встрѣчаемъ: «Нѣкоторые изъ отличнѣйшихъ нашихъ Генераловъ, послѣ потери Москвы стали

кажется, что стоило бы заняться симъ для полнаго изложенія этого эпизода, характеризующаго Западное просвѣщеніе, дисциплину и человѣчность, т. е., все то, чѣмъ намъ самохвалы колятъ отъ глаза.

[182] Такъ современники событію, самые даже Французы, признавали отъ преимущества за Русскими. Въ книгѣ: «Пятидесятилѣтіе Бородинской битвы» приведено нѣсколько взглядовъ иноземцевъ по сему случаю.

сомнѣваться въ успѣхѣ войны, и въ числѣ ихъ былъ даже Барклай де Толли который, будучи прежде Военнымъ Министромъ, имѣлъ возможность совершенно узнать военныя средства Россіи. Говорятъ (?!), что когда къ нему являлся Подполковникъ Клаузевицъ съ нѣсколькими Офицерами, отъѣзжавшими изъ главной квартиры въ корпусъ Графа Витгенштейна, Барклай сказалъ: «Благодарите Бога, что васъ отозвали отсюда; у насъ здѣсь нельзя ожидать ни чего дѣльнаго.» Въ слѣдъ за послѣднимъ словомъ поставлена ссылка № 27-й, а въ ссылкѣ: Klausewitz. Der Feldzug in 1812 in Russland. S. 184, 185.

Такъ вотъ кто говорятъ! т. е., это говоритъ самъ Клаузевицъ! Да позвольте мнѣ, почтенный сочинитель, крѣпко усомниться въ удостовѣреніи Клаузевица. Барклай могъ быть недоволенъ, могъ писать это одному Государю, но сообщать свое неудовольствіе на дѣйствія Кутузова, облеченнаго властію Главнокомандующаго всѣхъ дѣйствующихъ армій, сообщать оное, и кому еще?—иноземному Офицеру, этого быть не могло. Барклай былъ столь уменъ и характеренъ, что никогда не низшелъ бы на подобную откровенность съ Клаузевицемъ, да при томъ онъ былъ и не словоохотливъ. [183] Все, что Г. Богдановичъ приводитъ о немъ,

---

[183] Я говорю это на томъ основаніи, что долгое время находился при Барклаѣ, когда онъ былъ только Начальникомъ 6-й дивизіи, будучи при его Штабѣ въ 1808 году, при завоеваніи Новой Финляндіи, жилъ вмѣстѣ съ его Адъютантами: Бартоломеемъ и Каверомъ. По роду службы моей, часто, отъ ранняго утра до вечера, долженъ былъ писать съ его диктовки различныя распоряженія, или тутъ же переписывать сдѣланныя уже имъ распоряженія и начерно набросанныя Бригадъ-Маіоромъ (тогда не было еще Штабовъ), лейбъ-гренадерскаго полка Маіоромъ А. В. Воейковымъ (въ послѣдствіи Флигель-Адъютантъ и Генералъ-Маіоръ), пользовавшимся особеннымъ довѣріемъ Михаила Богдановича, а по тому я имѣлъ всю возможность постигнуть его свойства. Онъ былъ вообще болѣе молчаливъ, и каждое его слово, казалось, было со всѣхъ сторонъ обдумано и взвѣшено. Не рѣдко, въ продолженіе цѣлаго обѣда, онъ не произносилъ ни одного слова, но и не находилъ неумѣстнымъ, чтобы обѣдающіе у него, когда нѣтъ посторонняхъ, хранили молчаніе. Иногда на что либо сказанное вырывалась у него улыбка, но не болѣе: Въ 1812 году я опять имѣлъ случай видѣть его, по обязанности службы, почти ежедневно. То же случалось иногда въ послѣдующихъ годахъ; все, что я могъ заключить,

какъ въ перепискѣ съ Государемъ, такъ и на совѣтѣ въ Филяхъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, дышетъ возвышенностью его характера, не допускающаго ни въ какомъ случаѣ вѣрить Клаузевицу о сказанномъ ему Барклаемъ. Клаузевицъ прикрасилъ этѣмъ свой разсказъ, и только. [184]

Но могло ли быть, однако же, для Г. Богдановича достаточнымъ такое засвѣдѣтельствованіе, чтобы ввести оное въ текстъ нашей Отечественной исторіи? Барклай отчаявался въ успѣхѣ войны!! Такой отзывъ нашего почтеннаго Профессора не можетъ выдержать уже ни какой критики, въ особенности при сопоставленіи съ тѣмъ, что самъ же Г. Богдановичъ приводитъ о Барклаѣ до самаго оставленія Москвы. Такъ осуждать необходимы данныя, указанія на лица, и еще какія? а не на одного Клаузевица. Больно видѣть, какъ «Исторія Отечественной войны 1812 года» ищетъ разочаровывать полувѣковое утвердившееся мнѣніе о лицахъ, которыхъ, въ особенности мы, свѣдѣтели ихъ подвиговъ, привыкли чтить: Кутузова, Барклая, Багратіона, Беннигсена, Растопчина, Милорадовича и т. п. [185] По обращаюсь къ другой половинѣ помянутаго выраженія.

есть твердое убѣжденіе въ томъ, что онъ не могъ сказать того Клаузевицу что говоритъ Г. Богдановичъ, если даже и со словъ Клаузевица.....

[184] Я не имѣю теперь подъ рукой Клаузевица, а по тому и не могу видѣть ссылки; ибо очень могло случиться, какъ это оказалось въ другихъ мѣстахъ, что тутъ вкралась погрѣшность.

[185] Сдѣсь какъ-то невольно хочется сдѣлать вопросъ сочинителю: да кто же, на конецъ, одолѣлъ непобѣдимаго до того времени генія, полководца, Государя, приведшаго къ намъ семисотъ-тысячную армію, закаленную въ двадцатилѣтнихъ побѣдахъ, подъ предводительствомъ опытныхъ въ военномъ дѣлѣ Королей, Герцоговъ, Владѣтельныхъ Князей и т. п.? Ужь не Клаузевицы ли, Вольцогены, Гофманы, Люцы, Дисты, Раты, Тетенборны, Пфули, Винцингероде и т. п., принятые въ ряды наши по разгромленіи ихъ армій подъ Ульмомъ Еной и другихъ мѣстахъ? Не уже ли, повторяю, безъ этѣхъ лицъ мы бы погибли? Грустно видѣть, что вѣра въ сказаніе этѣхъ пришлецовъ господствуетъ въ книгѣ, предназначенной къ изложенію славныхъ подвиговъ Русскихъ въ Отечественную войну.

Читатели, однако же, оставлены въ недоумѣніи, кто другіе отличнѣйшіе изъ нашихъ Генераловъ, которые сомнѣвались въ успѣхѣ войны? Ихъ имена были необходимы для полноты, но, конечно, не по засвѣдѣтельствованію Клаузевица, который, положимъ, можетъ быть, проводимъ, когда дѣло шло о движеніи при Бородинѣ корпуса Уварова, при которомъ онъ находился, но не въ оцѣнкѣ нашихъ Генераловъ, чего, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ пребыванія его въ арміи, и сдѣлать не могъ, при всѣхъ своихъ метафизическихъ познаніяхъ.

Теперь дошли до одного изъ первостепенныхъ эпизодовъ войны 1812 года, относящагося собственно до великихъ стратегическихъ соображеній, вполнѣ удавшихся, [186] и именно до безпримѣрнаго въ лѣтописяхъ военной исторіи перехода арміи съ Рязанской на Калужскую дорогу. Посмотримъ каѳедральное мнѣніе нашего почтеннаго Профессора военныхъ наукъ: вотъ что онъ предпосылаетъ, въ глубокихъ размышленіяхъ своихъ объ этомъ передвиженіи, возвращаясь къ прѣніямъ въ военномъ совѣтѣ въ Филяхъ.

На стр. 252-й онъ начинаетъ такъ: «Что касается до вопроса: предполагалъ ли уже въ это время Кутузовъ перейти на Калужскую дорогу, или сообразилъ сіе передвиженіе въ послѣдствіи, находясь на Рязанской дорогѣ, вопроса весьма важнаго въ историческомъ отношеніи, то, по всей вѣроятности, онъ останется нерѣшеннымъ (точно ли?). «Кутузовъ никогда не сообщалъ никому своихъ намѣреній прежде ихъ исполненія, [187] и по тому

---

[186] Собственно вполнѣ удавшихся такихъ соображеній въ 1812 году было только два: первое, здѣсь упоминаемое; второе—передвиженіе арміи изъ Тарутина въ Малоярославецъ, и какъ оба они недостаточно выяснены! За исключеніемъ движенія 6-го корпуса Дохтурова изъ Лиды къ Дриссѣ, о чемъ едва упоминается въ Исторіи, всѣ другіе не были увѣнчаны тѣмъ успѣхомъ, какой могъ быть ожидаемъ, а именно: соединеніе 2-й арміи, движеніе послѣ Смоленска къ Соловьеву Перевозу, вырученное грудью Русскихъ и оплошностію Французовъ, въ особенности корпуса Жюно и пр. О движеніяхъ же Чичагова, Витгенштейна и самаго Кутузова, засѣвшаго въ Копысѣ, и говорить нечего.

[187] Если Кутузовъ никогда не сообщалъ никому своихъ намѣреній, то само собой

трудно сказать (но если сообразите, то и не трудно), когда именно было задумано искусное фланговое передвиженіе нашей арміи съ Рязанской на Калужскую дорогу. Отступленіе во фланговую позицію (какъ мы уже видѣли), было предложено Толемъ, и по тому нѣтъ причины сомнѣваться въ томъ, что онъ предложилъ это движеніе и въ послѣдствіи, по прибытіи арміи на Рязанскую дорогу (какъ увѣряетъ Бенигарди), либо, по крайней мѣрѣ, имѣлъ участіе въ составленіи этого соображенія.»

Всеконечно, что нѣтъ уже ни какой причины сомнѣваться въ сказанномъ почтеннымъ сочинителемъ «Исторіи Отечественной войны,» по тому именно, что въ этомъ «увѣряетъ Бенигарди.» [188] Лѣтъ шесть тому назадъ, въ «Военномъ Сборникѣ» была помѣщена статья почтеннаго М. Иванина, подъ заглавіемъ: «Заслуги Князя Кутузова, какъ дипломата» и т. д. Въ статьѣ этой были сдѣланы бѣглыя замѣчанія и на «Исторію Отечественной войны 1812 года,» въ числѣ истинно вѣрныхъ взглядовъ говорится и о томъ, кому принадлежитъ мысль перехода съ Рязанской на Калужскую дорогу, и вотъ что читаемъ: «Если ихъ (маневръ въ Тарутино и преслѣдованіе южною дорогой) приписать и Графу Толю, то Кутузовъ также заслуживаетъ похвалы за оцѣнку и принятіе умнаго совѣта.»

Нельзя не раздѣлять мнѣнія почтеннаго сочинителя статьи; ибо такое качество въ военачальникѣ (да и въ каждомъ), т. е., окружать себя дѣльными людьми и оцѣнивать дѣльную мысль, едва ли не столь-

---

разумѣется, объ этомъ можно было узнать только по совершеніи ихъ: лишнее выраженіе.

[188] Въ концѣ послѣдняго слова приведеннаго параграфа, Г. Богдановичъ, въ ссылкѣ № 47, вводитъ еще слѣдующее: «По увѣренію Бенигарди, Флигель-Адъютантъ, Полковникъ Мишо, передъ совѣщаніемъ въ Филяхъ, обратилъ вниманіе Князя Кутузова на то, что Ока, разливаясь въ осеннюю пору, наводняла окрестности сей рѣки, и что въ такомъ случаѣ наша армія, двинувшись по Нижегородской дорогѣ (какъ предлагалъ Барклай де Толли), была бы разобщена отъ южныхъ областей Имперіи,» Г. Богдановичъ присовокупляетъ: «Бенигарди полагаетъ, что это замѣчаніе (т. е., замѣчаніе Мишо) побудило Кутузова отступить по Рязанской дорогѣ.» Что за ералашъ!

ко же высоко и неоцѣнимо, какъ и то, если бы онъ и самъ замыслилъ совѣтуемое. Сдѣсь же дѣло не въ томъ, кто замыслилъ этотъ маневръ: Кутузовъ, или Толь? а главное заключается въ опредѣленіи времени, когда пришла эта мысль, соображеніе: въ продолженіе ли совѣщаній въ Филяхъ (а пожалуй и прежде), или тотчасъ послѣ онаго, до оставленія Москвы, или на пути по Рязанской дорогѣ, или наконецъ въ Кулаковѣ (второй переходъ), отъ котораго начался помянутый маневръ? Обстоятельство это, чрезвычайно важное, еще не разсмотрѣно критически; для сего, думаю, найдутся и матеріялы, можетъ быть достаточные, въ распоряженіяхъ Генералъ-Интенданта Ланскаго, въ особенности послѣ Бородинской битвы. [189] Тщательная разработка всего, до сего относящагося, покажетъ, былъ ли этотъ маневръ въ соображеніи Главнокомандующаго на случай, если онъ будетъ вынужденъ оставить Москву, или маневръ этотъ пришелъ на мысль безъ предварительнаго соображенія, а внезапно.

Мы знаемъ, что въ совѣщаніяхъ въ Филяхъ, Беннигсенъ (по Даниловскому) первый предлагаетъ отступить по старой или новой Калужской дорогѣ, «для угроженія сообщеніямъ непріятеля.» [190] Толь, предлагая расположить подъ Москвою армію такъ, чтобы лѣвый флангъ былъ на новой Калужской дорогѣ и, если

---

[189] Само собою разумѣется, что для дѣльнаго и критически вѣрнаго сужденія о событіяхъ, необходимы: проницательный взглядъ на вещи, ловкая діалектика и основательная логика. Эти качества должны быть непремѣннымъ достояніемъ безпристрастнаго историка; иначе онъ будетъ часто и самъ себѣ противорѣчить.

[190] Даниловскій (т. 2, стр. 285 и слѣд.) послѣдовательнѣе, нежели то дѣлаетъ Г. Богдановичъ, описывая совѣщаніе въ Филяхъ; и очень естественно; ибо онъ состоялъ лично при Кутузовѣ, занимавшемъ его для передачи письменныхъ приказаній, иногда въ нѣсколько строчекъ и даже словъ, тогда какъ Г. Богдановичъ есть только компиляторъ давно прошедшаго, и не всегда называющій источникъ, а по тому онъ несомнѣнно по Бернгарди и говоритъ, что Толь былъ первымъ, упомянувшимъ о Калужской дорогѣ и т. д., между тѣмъ, какъ увидимъ ниже, по его же разсказу, первая мысль о семъ принадлежала не Беннигсену и не Толю, а выражена еще до Совѣта самимъ Главнокомандующимъ. Рѣшительно ни на чемъ остановиться нельзя!

обстоятельства потребуютъ, отступить по старой Калужской дорогѣ, Барклаи—къ Владимиру, или Нижнему Новгороду, а Кутузовъ рѣшилъ отступать по Рязанской дорогѣ. Изъ этѣхъ сказаній Генерала Михайловскаго-Данилевскаго видно, что Беннигсенъ первый упомянулъ о Калужской дорогѣ; но это еще ни чего не доказываетъ; ибо отступить отъ Москвы по Калужской дорогѣ, или перейти на нее съ Рязанской—большая разница, о чемъ излишне и говорить. Что же относится (по Богдановичу) до Толя, то и онъ на совѣщаніи въ Филяхъ предложилъ только расположить лѣвый флангъ арміи на новой Калужской дорогѣ и, если обстоятельства потребуютъ, отступать по старой Калужской дорогѣ, что также совершенно иное отъ того, что совершилось со втораго перехода по Рязанской дорогѣ. [101]

Въ другомъ мѣстѣ (стр. 334) исторіографъ говоритъ: «Иностранные писатели, стараясь лишить Кутузова заслуженной имъ славы, силятся доказать, что первоначальная мысль объ этомъ фланговомъ движеніи не принадлежитъ нашему полководцу, и что самое движеніе сіе было ошибочно. [102] Легко можетъ статься, что это фланговое движеніе было предложено Кутузову Толемъ, или кѣмъ либо другимъ изъ его сподвижниковъ. Генералъ Ермоловъ, которому лучше другихъ было извѣстно все, что дѣлалось въ арміи, приписываетъ честь этого движенія Беннигсену» и т. д. И это, какъ увидимъ далѣе, могло быть сдѣлано и прежде общаго совѣщанія въ Филяхъ.

По моему мнѣнію авторитетъ А. П. Ермолова ни кѣмъ уже не можетъ быть оспариваемъ, въ особенности же Беригарди

---

[101] Такое движеніе подъ выстрѣлами непріятеля тотчасъ бы выдало ему планъ наши, и онъ, конечно, сдѣлалъ бы натискъ, который очень могъ затруднить наше отступленіе, по причинѣ множества слѣдовавшаго за арміею обоза, преимущественно жителей, которые предпочли бы взять то же направленіе, какъ и армія, какъ это оправдалось по Рязанской дорогѣ.

[102] Сочинитель ссылается на Беригарди и Вольцогена. Но если оно было «ошибочно,» то, вѣдь, его предложили Нѣмцы, а по тому и не вижу, чтобы этѣмъ лишали Кутузова заслуженной имъ славы.»

съ товарищи; слѣдовательно, этотъ вопросъ, за неимѣніемъ другихъ, столь же полновѣсныхъ засвѣдѣтельствованій противному, и должно полагать окончательно рѣшеннымъ.

Но главный еще вопросъ предстоитъ, повторяю, рѣшить, съ одинаковою же ясностью, а именно: когда былъ задуманъ этотъ маневръ? Оба исторіографа наши недостаточно разработали его критикой, между тѣмъ какъ изъ приводимыхъ ими матеріяловъ и нѣкоторыхъ сужденій, можно положительно заключать слѣдующее: 1, О занятіи Калужской дороги было въ первый разъ упомянуто не Толемъ и Беннингсеномъ, а самимъ Кутузовымъ, 1-го Сентября, еще до собранія въ Филяхъ; 2-е, На совѣтѣ Кутузовъ назначилъ отступленіе по Рязанской дорогѣ; но, какъ увидимъ, Калужская дорога тогда уже была въ его соображеніи и маневръ, на которую онъ и исполнилъ его въ послѣдствіи.

На стр. 335-й читаемъ: «Напрасно говорятъ, [193] что Кутузовъ 4-го (16-го) Сентября не донесъ Государю о предпринятомъ на слѣдующій день [194] фланговомъ движеніи, и даже оставилъ въ невѣдѣніи о своихъ намѣреніяхъ всѣхъ, его окружавшихъ, [195] будьто бы по тому, что самъ тогда еще не составилъ опредѣлительнаго плана.»

Почтенный Профессоръ нашъ защищаетъ въ этомъ случаѣ Кутузова, скрывавшаго отъ всѣхъ свои замыслы; но онъ опредѣлилъ бы это событіе вѣрнѣе, если бы заглянулъ въ Дневники бывшихъ тогда Оберъ-Квартирмейстеровъ, да и въ своемъ описаніи держался бы чего ни будь одного, пусть бы и неправиль-

---

[193] Здѣсь ссылка № 3 (стр. 604) «Wolzogen 159.» Значитъ, это говоритъ, (а не говорятъ) Вольцогенъ. По чему бы прямо и не сказать: «Вольцогенъ говоритъ»; это было бы и короче, и менѣе ссылокъ, и безъ мистификаціи.

[194] Мнѣ кажется, было бы отчетливѣе замѣнить слово о предпринятомъ на другой день, словомъ о намѣреніи предпринять. Предпринявъ уже движеніе, оно было бы правильно, а такъ, кажется не ловко.

[195] Думаю, что и слово «всѣхъ,» неправильно; сноснѣе было бы сказать «никому,» но это мимоходомъ.

наго; но сдѣсь, во всякомъ случаѣ, не было бы сбивчивости для читателя.

Я не вижу ни какого основанія думать, чтобы планъ этого маневра не былъ задуманъ Кутузовымъ, по крайней мѣрѣ не позже, какъ подъ Москвой, и прежде даже собранія совѣта въ Филяхъ, гдѣ, по Данилевскому, первый намекнулъ объ этомъ Беннингсенъ, или, какъ говоритъ Г. Богдановичъ, первый былъ Толь. Но на стр. 247-й (прежде нежели Кутузовъ съ позиціи поѣхалъ въ Фили) читаемъ, что этотъ же послѣдній пишетъ: «По возвращеніи Ермолова съ рекогносцировки, онъ подробно донесъ Главнокомандующему о замѣченныхъ имъ неудобствахъ позиціи, Кутузовъ спросилъ у него: «Нельзя ли будетъ отступить съ ней (съ позиціи) на Калужскую дорогу?» и получивъ въ отвѣтъ, что непріятель, атакуя насъ въ позиціи, сблизится съ сею дорогой и не позволитъ намъ отступить на нее» и т. д. Послѣ сего Кутузовъ уѣхалъ въ Фили. [196]

И такъ, что же побуждаетъ Генерала Богдановича такъ хлопотать и такъ запутывать обстоятельство очень ясное, и именно, что первая мысль объ отступленіи и занятіи Калужской

---

[196] На этой же страницѣ встрѣчается, что когда Кутузовъ сказалъ извѣстныя предъ отъѣздомъ слова Принцу Евгенію Виртембергскому: «Графъ Растопчинъ, подойдя къ Принцу, сказалъ съ жаромъ: «Если бъ у меня спросили, что дѣлать, я отвѣчалъ бы: «Разрушьте стотицу прежде, чѣмъ уступите ее непріятелю!» Таково мое мнѣніе, какъ Графа Растопчина, но какъ Губернаторъ, обязанный заботиться о благѣ столицы, не могу подать такого совѣта.» Сдѣсь нѣтъ ссылки, а она была, мнѣ кажется, необходимой, тѣмъ болѣе, что въ другихъ мѣстахъ, несравненно меньшей важности, указываются и страницы, правда, не всегда вѣрно, и бываетъ, что въ такихъ ссылкахъ приводятся и не тѣ сочинители, но тутъ недостаточно давать только подразумѣвать, что это можно найти въ Запискахъ Принца, да и это только догадка; ибо гораздо выше есть ссылки на Принца относительно числа войскъ, а гораздо ниже, гдѣ описываются событія въ Филяхъ, находится ссылка № 36-й, въ которой сказано только: «Всѣ свѣдѣнія о военномъ совѣтѣ въ Филяхъ извлечены изъ донесенія Императору Александру Барклая де Толли и Беннингсена, Записокъ Растопчина и частныхъ писемъ.» Кто же приводитъ слова Растопчина?

дороги принадлежала не Беннингсену и не Толю, а прямо самому Кутузову? Отступить изъ Москвы прямо по этой дорогѣ было не возможно, но цѣль Фельдмаршала занять оную была опредѣлительна и, вопреки мнѣнію Вольцогена и т. п., планъ этотъ былъ уже составленъ прежде 4-го Сентября, когда онъ доносилъ Государю объ оставленіи Москвы, и если въ донесеніи этомъ онъ не упомянулъ, что на другой день онъ совершитъ передвиженіе, то этому были совершенно иныя причины, и вотъ какъ я понимаю ихъ:

Въ донесеніи 4-го Сентября, на канунѣ предпринятаго перехода съ Рязанской на Калужскую дорогу, Кутузовъ именно говоритъ: «О намѣреніи своемъ совершить фланговое движеніе для прикрытія Тулы, Брянска и плодороднѣйшихъ Губерній Имперіи, и для угроженія непріятельскаго пути дѣйствій на пространствѣ отъ Москвы до Смоленска.» Сдѣсь слишкомъ ясно высказано его намѣреніе. Ежели же онъ въ помянутомъ донесеніи своемъ Государю не говоритъ, что предполагаетъ начать это движеніе отъ Боровскаго перевоза, именно на другой день, то это очень естественно потому, что онъ и самъ могъ не знать, можно ли будетъ начать оное отъ Боровскаго перевоза, или отъ Бронницъ, или наконецъ, еще съ болѣе отдаленнаго пункта по Рязанской дорогѣ. Все должно было зависѣть отъ степени преслѣдованія его непріятелемъ; ибо нѣтъ ни какого сомнѣнія, что если бы онъ былъ преслѣдованъ по пятамъ значительною частію войскъ Наполеона, то, само собою разумѣется, что онъ, такъ сказать, подъ выстрѣлами непріятеля продолжалъ бы движеніе на Рязань и избралъ бы моментъ болѣе удобный къ своему фланговому маневру; но такъ какъ въ началѣ непріятель выслалъ за нимъ незначительную часть войскъ, которая не близко тѣснила нашъ арріергардъ, то Фельдмаршалъ и не откладывалъ болѣе своего фланговаго движенія.

Все выше помянутое подкрѣпляется тѣмъ, что происходило 4-го числа въ нашей арміи. Около полудня приказано было отправить обозы къ Бронницамъ. Всѣ Оберъ-Квартирмейстеры собрались, по обыкновенію, въ главную квартиру, въ Кулаково, для полученія приказаній и диспозиціи на слѣдующій день. Мы

начали писать съ диктовки, каждый для своего корпуса. Первое, что было сказано въ ней, заключалось въ томъ, чтобы въ шесть часовъ по полудни (настоящаго 4-го числа) отправить резервную артиллерію и парки за Бронницы, гдѣ будетъ имъ указано мѣсто. Въ слѣдъ за тѣмъ въ избу вошелъ А. П. Ермоловъ и приказалъ пріостановить дальнѣйшую диктовку. Чрезъ полчаса пришелъ Толь и, взявъ диспозицію изъ рукъ Полковника Габе, спросилъ: «До котораго мѣста продиктовано?» Ему указали. Обратившись къ намъ, онъ, по обыкновенію, отрывисто сказалъ: «Подождать!» Черезъ полчаса присланъ былъ Капитанъ Гартингъ съ приказаніемъ продолжать. Не успѣли собраться (ибо нѣкоторые вышли изъ избы), какъ Толь вошелъ торопливо, взялъ диспозицію и сказалъ намъ: «Собраться въ девять часовъ; сказать Корпуснымъ командирамъ, чтобы къ полуночи были готовы къ выступленію.» Но куда, не объявлено. Мы разошлись. Собравшись въ указанное время, опять были распущены, а велѣно явиться въ два часа по полуночи. Исполнивъ это, въ двухъ словахъ сдѣлана была диспозиція для открытія фланговаго движенія.

Изъ всего этого безспорно должно предполагать, что колебаніе въ распоряженіи происходило отъ свѣдѣній, получаемыхъ изъ авангарда и боковыхъ партій. Когда же разъ Фельдмаршалъ убѣдился, что онъ не близко наблюдаемъ и преслѣдуемъ непріятелемъ, находящимся въ незначительномъ числѣ, чтобы затруднить предпринимаемое движеніе, тогда оно тотчасъ и было начато. Такъ, по крайней мѣрѣ, я понимаю это. Строгій критическій разборъ, по имѣющимся, конечно, матеріяламъ, можетъ положительно разъяснить это обстоятельство, удовлетворить и разсѣять недоумѣніе нѣкоторыхъ: по чему Кутузовъ, въ донесеніи Государю, отъ 4-го числа, не упомянулъ о своемъ намѣреніи, именно, на другой день, или лучше сказать, чрезъ нѣсколько часовъ начать отъ Боровскаго перевоза свое фланговое движеніе, цѣль котораго, впрочемъ, онъ ясно излагаетъ въ своемъ донесеніи.

На этой же страницѣ параграфъ начинается: «Напрасно полагаютъ (!)» и т. д., но этѣмъ оканчиваю замѣчанія на выраженія: говорятъ; полагаютъ; думали, и другія; ихъ множе-

ство! Это порядокъ, принятый сочинителемъ; слѣдовательно, тутъ нечего и говорить. Мнѣ же кажется, повторяю, что отчетливѣе было бы прямо указывать на мнѣнія лицъ, и не заставлять читателя доискиваться въ ссылкахъ, думая, что тутъ встрѣтится какое либо объясненіе, вмѣсто котораго онъ находитъ имя какого ни будь Бернгарди, Шрекенштейна и т. п. Приложенія должны были бы заключать въ себѣ критическій разборъ мнѣній, матеріялы, подобно тому, какъ у Карамзина, а простыя отдѣльныя ссылки на имена и страницы могли бы быть помѣщаемы подъ звѣздочкой.

На стр 336: «По правому берегу Пахры, къ Фроловскому яму (іомъ?)»

Что же означаетъ въ скобкахъ: іомъ, да еще и съ знакомъ вопросительнымъ? Кто называетъ Фроловскій ямъ и кто іомъ? Не уже ли подъ Москвой мѣстность менѣе извѣстна, чѣмъ въ Бенгаліи? Гораздо лучше было бы написать уже одно что ни будь: ямъ, или іомъ.

На стр. 339 сказано: «Предполагая изложить въ послѣдствіи образъ нашихъ партизанскихъ дѣйствій и результаты ихъ, ограничусь здѣсь объясненіемъ обстоятельствъ, подавшихъ поводъ къ употребленію этого средства» и т. д.

Г. Богдановичъ приводитъ извѣстное уже предложеніе Давыдова, перваго, коснувшагося этого предмета. Далѣе, на стр. 378 по 387, сочинитель дѣлаетъ обозрѣніе разныхъ партизанскихъ партій, вызывающее многія замѣчанія; но такъ какъ обозрѣніе это, по мѣсту своему, не можетъ быть тѣмъ, что сочинитель обѣщалъ изложить въ послѣдствіи; ибо, въ такомъ случаѣ, онъ, вмѣсто слова въ послѣдствіи, сказалъ бы далѣе, или что ни будь подобное, по тому я здѣсь и воздерживаюсь отъ замѣчаній. Можно было также предполагать изъ смысла помянутаго обѣщанія, что онъ оставилъ предметъ до конца III тома, когда партизанскія дѣйствія прекращаются, но и тамъ нѣтъ ни слова болѣе. Любопытно будетъ увидѣть изложеніе образа дѣйствій нашихъ партизановъ, въ особенности съ практической точки зрѣнія.

На стр. 367 Г. Богдановичъ пишетъ: «Говорятъ, будто бы (!!) Наполеонъ, желая подорвать Государственный кредитъ нашего Правительства, пустилъ въ ходъ большое число фальшивыхъ Русскихъ ассигнацій, но это обвиненіе не основано ни на какомъ достовѣрномъ свидѣтельствѣ.» [197]

Какъ! Говорятъ, будто бы, и что нѣтъ ни какихъ достовѣрныхъ свѣдѣтельствъ!! Мнѣ не вѣрится, что это могло быть напечатано, и съ какою цѣлью? Г. Богдановичъ могъ вычитать противное тому у Даниловскаго (т. III, стр. 259), что когда Французы были изгнаны изъ Москвы и другихъ мѣстъ, то «къ военному начальству представляли жители доставшіяся имъ, по разнымъ случаямъ, во время непріятельскаго нашествія, сторублевыя ассигнаціи Французскаго издѣлія, такъ искусно поддѣланныя, что даже въ Ассигнаціонномъ Банкѣ приняли ихъ съ перваго взгляда за настоящія; онѣ отличались отъ Русскихъ ассигнацій только тѣмъ, что подпись на нихъ была выгравирована.»

Если этого засвѣдѣтельствованія Г. Богдановичъ не принялъ, по тому что Даниловскій не подтвердилъ онаго ссылкой, то самъ Даниловскій могъ уже служить ссылкой, какъ очевидецъ того, что описываетъ, и что всѣ мы (т. е., учавствовавшіе въ этой войнѣ) видѣли этѣ фальшивыя ассигнаціи, какъ у Казаковъ, находившихъ ихъ у плѣнныхъ и въ ихъ повозкахъ, такъ и въ Минскѣ, Вильнѣ и почти въ каждомъ Жидовскомъ мѣстечкѣ, и потомъ въ Варшавѣ встрѣчали ихъ. Они во множествѣ ходили и въ Петербургѣ, гдѣ многіе помнятъ ихъ очень хорошо. Отличить ихъ отъ настоящихъ можно было только тѣмъ, что они были напечатаны гуще, и подписи на нихъ были гравированы. [198] Старые мѣнялы могли бы дать Г. Богдановичу любопытныя свѣдѣ-

---

[197] Сдѣсь ссылка № 62 ii: «Histoire de la destruction de Moscou en 1812,» p. 135—137.» Книга эта направлена противъ Русскихъ, и по ней-то Г. Профессоръ произноситъ свой приговоръ!

[198] Главное, сколько я помню, для отличія поддѣльныхъ отъ настоящихъ заключалось въ томъ, что поддѣлыватель просмотрѣлъ, что на настоящихъ штрихъ, пересѣкающей двойной въ большой буквѣ X, останавливается съ каждой стороны у встрѣтившагося штриха, а онъ прочеркнулъ его чрезъ средину.

нія. Но во всякомъ случаѣ ссылка на Данилевскаго была необходима, и, пожалуй, засвѣдѣтельствованіе его можно было опровергать; для сего, однако же, слѣдовало справиться и въ архивѣ Ассигнаціоннаго Банка; ибо исторіографъ какъ бы ссылается на оный. Данилевскій же (т. IV, стр. 259), описывая побѣгъ начальниковъ Французской арміи изъ Вильны за Нѣманъ, говоритъ о письмѣ Бертье къ Наполеону, гдѣ онъ, между прочимъ, изъявляетъ свою горесть о потерѣ «послѣдней своей коляски, въ которой были самыя тайныя бумаги.» Данилевскій присовокупляетъ: «Въ ней найдено было нами очевидное доказательство мошенничества Наполеона: доска для дѣланія фальшивыхъ сторублевыхъ ассигнацій.»

Что, и это было недостаточно для Г. Богдановича, чтобы сослаться на Данилевскаго? Но вотъ еще (т. III, стр. 259): «Большой запасъ сего бездѣльничества былъ найденъ нами въ послѣдствіи въ Кенигштейнѣ. И такъ повелитель всего Западнаго материка Европы, владѣвшій силами и богатствами двадцати народовъ, приведенныхъ имъ для покоренія Россіи, промышлялъ фальшивыми ассигнаціями!»

Не уже ли и этого еще мало, чтобы, по крайней мѣрѣ, повторяю, сослаться на Данилевскаго? Не должно забывать, что Александръ Ивановичъ Данилевскій, въ 1812 году находился при Князѣ Кутузовѣ, а въ 1813-мъ (и послѣдующихъ 1814 и 1815) при Князѣ П. М. Волконскомъ уже Флигель-Адъютантомъ; слѣдовательно, онъ имѣлъ ближе всѣхъ возможность знать то, что онъ писалъ о фальшивыхъ ассигнаціяхъ, какъ въ 1812, такъ и въ 1813 годахъ о найденномъ запасѣ въ Кенигштейнѣ. Не уже ли Г. Богдановичъ не нашелъ въ предоставленныхъ ему матеріялахъ ни какого слѣда о томъ, что знала вся Россія [199] и чего онъ не хотѣлъ ввести въ свою исторію, по тому, какъ надо полагать, что Данилевскій не подтвердилъ своего сказанію ссылкой?! Положимъ, что Г. Богдановичъ, желая Исторію свою сдѣлать непогрѣшимо достовѣрной, какъ это онъ объявилъ въ

---

[199] Извѣстно также, что многіе, воспользовавшись нѣкоторыми обстоятельствами, составили себѣ огромное состояніе.

предисловіи своемъ, принявъ санъ «жреца истины и съ свѣтильникомъ въ рукахъ,» не хотѣлъ вводить въ свое повѣствованіе трехъ выше приведенныхъ отрывковъ, которые, по моему убѣжденію, не могли быть отвергнуты, на томъ основаніи, какъ я сказалъ, что Даниловскій въ этомъ отношеніи могъ быть принятъ за авторитетъ и заслуживалъ, по крайней мѣрѣ, чтобы упомянуть объ его показаніи, хотя бы только въ приложеніяхъ; ибо онъ былъ тоже исторіографъ этой поры и писалъ равно, какъ и Г. Богдановичъ, по Высочайшему повелѣнію, и также съ разрѣшеніемъ доступа къ матеріяламъ, хранящимся въ разныхъ архивахъ. А при томъ, въ этомъ случаѣ онъ представляетъ собой несравненно большій авторитетъ, именно по тому, что онъ писалъ то, что самъ видѣлъ.... Но пусть, наконецъ, Г. Богдановичъ принялъ за строгое правило ни чего не вводить въ свою Исторію безъ ссылокъ на документы, то, какимъ образомъ должно будетъ объяснить слѣдующій отрывокъ того же сочинителя (г. III, стр, 144): «Лессепсъ предлагалъ Тутолмину взять для расходовъ по Воспитательному Дому денегъ ассигнаціями; Тутолминъ денегъ не принялъ и писалъ въ донесеніи: «Ихъ была одна зловредность, чтобы ссужать меня своими фальшивыми ассигнаціями, коихъ привезли съ собой весьма большое число, и ими даже, по повелѣнію Наполеона, выдавали своимъ войскамъ жалованье.» По сдѣсь Даниловскій указанъ уже: «Донесеніе Тутолмина Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, отъ 11 числа Ноября.» *

Кажется, этого было уже слишкомъ достаточно, чтобы, говоря о фальшивыхъ ассигнаціяхъ, сказать не такъ, какъ сдѣлалъ это Г. Богдановичъ. Если онъ не имѣлъ довѣрія къ повѣствованію своего предшественника, то не слѣдовало уже ссылаться на него въ другихъ мѣстахъ а иногда и выписывать изъ его книги цѣлые параграфы; правда, что въ этѣхъ послѣднихъ случаяхъ не всегда говорится, откуда заимствовано. Приведенное же донесеніе Тутолмина, остававшагося въ Москвѣ все время занятія оной непріятелемъ, по значенію своему, не можетъ быть подозрѣваемо въ

* Оно напечатано въ «Чтеніяхъ въ Императ. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» 1860 г., кн. 2, отд. V, стр. 161—184. О. Б.

вымыслѣ: онъ имѣлъ всю возможность знать все то, что относилось до сего предмета и не дерзнулъ бы писать небывалое въ донесеніи къ Императрицѣ. Даниловскій указываетъ на то донесеніе, слѣдовательно, Г. Богдановичъ долженъ былъ имѣть оное въ виду, а по тому и упомянуть въ своей исторіи, если не имѣлъ времени порыться далѣе. Засвѣдѣтельствованія Тутолмина и Даниловскаго заслуживаютъ болѣе вѣры, чѣмъ Шрекенштейны, Клаузевицы, Бернгарди, Гофманы и имъ подобные, на которыхъ ссылки въ нашей Исторіи Отечественной войны 1812 года такъ изобильны. Но если бы почтенный сочинитель принялъ на себя трудъ, или имѣлъ бы время, какъ я замѣтилъ выше, порыться въ архивахъ Министерствъ, на примѣръ: Финансовъ, Военномъ, Опекунскаго Совѣта, [200] Внутреннихъ Дѣлъ и въ переданныхъ въ послѣдствіи въ оное Дѣлъ Министерства Полиціи, въ архивахъ Московскаго и С.-Петербургскаго Военныхъ Генералъ-Губернаторовъ, а пожалуй и въ архивахъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и Главнаго Почтамта, то, всеконечно, Г. Богдановичъ нашелъ бы разъясненіе обстоятельства и открылъ бы, что еще съ весны 1812 года намъ было извѣстно, что Наполеоновскій Министръ Иностранныхъ Дѣлъ, Герцогъ Бассано (Маре), поручилъ Варшавскому банкиру Френкелю, изготовленныя, на двадцать милліоновъ рублей, фальшивыя ассигнаціи, предварительно вступленія Французовъ, впускать въ наши предѣлы. Въ однихъ Бродахъ на сей предметъ было на полтора милліона такихъ ассигнацій. Волынскій Губернаторъ, независимо отъ другихъ, доносилъ объ этой злонамѣренной цѣли. Графъ Гурьевъ, Графъ Аракчеевъ, сообщали Высочайшія повелѣнія; посылались чиновники для надзора по сему предмету за нашей границей отъ Риги до Радзивилова; но Евреи, столь ловкіе въ такихъ случаяхъ и ни кѣмъ въ этомъ промыслѣ незамѣнимые, до вступленія еще Французовъ успѣли уже распространить часть оныхъ, какъ между помѣщиками, такъ и среди войскъ. По вступленіи Французовъ, они расходовали эти ассигнаціи въ мѣстахъ, ими занимаемыхъ, и уже съ Октября 1812 года такія ассигнаціи начали входить

---

[200] Объ этихъ трехъ Вѣдомствахъ упоминаетъ Даниловскій. Взглянуто ли въ ихъ Архивы?

въ Банкъ. [201] Почтенный сочинитель своей исторіи, какъ онъ называетъ ее, нашелъ бы въ архивахъ, что при переходѣ за наши границы, въ концѣ 1812 года, было объявлено Графомъ Аракчеевымъ по сему предмету нѣсколько Высочайшихъ повелѣній, между коими предписывалось также Кутузову, по занятіи Варшавы, отыскать банкира Френкеля; нашелъ бы переписку Вязьмитинова, Маркиза Паулучи и т. д. Не моя надобность наставлять историографа въ обязанности, которую онъ на себя принялъ; я замѣчаю сдѣсь это обстоятельство по тому только, чтобы читатели видѣли, что сказанное Г. Богдановичемъ о фальшивыхъ ассигнаціяхъ основано только на его собственномъ умозаключеніи; ибо, по настоящему, слѣдовало, какъ я сказалъ выше, порыться, или уже вовсе не упоминать объ этомъ; въ такомъ случаѣ это былъ бы только пропускъ, и пропускъ, какихъ въ сочиненіи его встрѣчается много. Но Г. Богдановичъ, относительно фальшивыхъ ассигнацій, произнесъ свой приговоръ диктаторски, какъ бы Профессоръ съ каѳедры своимъ ученикамъ, обязаннымъ быть его слушателями, внимать и вѣрить ему, а не такъ, какъ историографъ предъ публикой, обязанный все сказанное подкрѣплять данными, и не покрывать столь великодушно дѣйствій тогда существовавшаго Правительства во Франціи. Для меня рѣшительно не понятенъ этотъ пропускъ и выраженіе его о фальшивыхъ ассигнаціяхъ!

Независимо отъ всѣхъ этѣхъ, слишкомъ положительныхъ, свѣдѣній, еще въ 1816 году старожилы указывали двѣ комнаты на Преображенскомъ Безпоповщинскомъ кладбищѣ, въ Москвѣ, изъ коихъ въ одной стоялъ станокъ для дѣланія фальшивыхъ ассигнацій и жили жандармы. [202]

---

[201] До 1814 года въ Банкъ поступило изъ Почтамта отъ разныхъ лицъ, служившихъ въ арміи и пересылавшихъ сюда деньги, около двѣнадцати тысячъ настоящихъ и болѣе чѣмъ на полмилліона фальшивыхъ, попавшихся въ Польшѣ и Германіи. Въ этомъ же году, по возвращеніи войскъ, въ артельныхъ суммахъ изъ милліона пяти сотъ тысячъ оказалось на триста тысячъ фальшивыхъ и т. д. Если я, частный человѣкъ, могъ собрать нѣкоторыя свѣдѣнія изъ архивовъ, то что бы могъ найти въ секретныхъ отдѣленіяхъ Министерствъ Г. Богдановичъ, которому всѣ они открывались?!

[202] Кладбище это пользовалось особеннымъ покровительствомъ Французовъ, по

Не могу не присоединить еще къ сему, что, будто бы о фальшивыхъ ассигнаціяхъ, предварительно впущенныхъ и потомъ ввезенныхъ Наполеономъ въ Россію, «нѣтъ ни какихъ достовѣрныхъ данныхъ,» между тѣмъ какъ выше я замѣтилъ, такія данныя находятся у насъ въ различныхъ Вѣдомствахъ, но почтенный сочинитель не прослѣдилъ указаній Данилевскаго, и изъ числа иноземныхъ избралъ только сочинителя «Исторіи разрушенія Москвы,» Нѣмца, A. F. de B.....ch, служившаго въ Русской службѣ и написавшаго книгу на своемъ природномъ языкѣ, переводъ которой и принятъ нашимъ почтеннымъ исторіографомъ за единственный авторитетъ, не смотря на то, что вся книга, какъ я замѣтилъ выше, недоброжелательна намъ, Русскимъ. Не уже ли же Г. Богдановичъ ни чего не вычиталъ у другихъ современныхъ писателей объ этомъ предметѣ? Но оставимъ ихъ и замѣтимъ, что не далѣе, какъ 29 Іюля (10 Августа н. ст.), истекшаго 1864 года, въ Парижскомъ Ассизномъ Судѣ, по дѣлу Франковскаго, адвокатъ его, Тюсъ, публично упомянулъ объ этомъ въ слѣдующихъ словахъ: «Въ 1812 году Наполеонъ чеканилъ Русскіе фальшивые рубли, слѣдуя примѣру союзниковъ, наводнившихъ въ 1793 году Францію фальшивыми ассигнаціями.» Чего же нужно болѣе, когда въ настоящее время, при племянникѣ Наполеона I-го, публично, съ каѳедры, говорятъ о семъ? Не было же это исторической тайной! Что же побудило почтеннаго исторіографа такъ отозваться о фальшивыхъ ассигнаціяхъ? Пропускъ этотъ и упоминаніе о столь важномъ предметѣ: en passant, по моему, по крайней мѣрѣ, уразумѣнію, бросается въ глаза! Точно также, какъ не объясняю себѣ и сказаннаго вскользь о пристрѣливаніи нашихъ плѣнныхъ, тогда какъ это былъ случай не мѣстный и не единственный во время бѣгства Наполеона изъ Малоярославца,

---

тому что Раскольники онаго, при вступленіи непріятеля, послали Депутатовъ къ Коменданту Кремля, и пр. Наполеонъ былъ на этомъ кладбищѣ. Мюратъ и нѣкоторые Маршалы неоднократно посѣщали оное. Старикамъ, жившимъ тамъ, данъ былъ охранительный отрядъ, и всѣ часовни ихъ были сохранены. Сдѣсь не нахожу нужнымъ упомянать нѣкоторыя другія подробности, да и нѣтъ къ тому повода.

а мѣра общая, принятая Наполеономъ при самомъ вступленіи въ Москву. [203]

Какъ же можно было, при изображеніи «Исторіи Отечественной войны 1812 года,» такъ легко коснуться этѣхъ двухъ эпизодовъ, и упомянуть о нихъ только, какъ бы въ опроверженіе существующихъ уже объ этомъ данныхъ! По моему убѣжденію: приготовленіе и распущеніе фальшивыхъ денегъ, вмѣстѣ съ избіеніемъ нашихъ плѣнныхъ, какъ мѣрою общей, составляютъ два предмета первой важности; ибо выходятъ изъ среды общепринятыхъ правилъ веденія войны. Они очерчиваютъ, съ одной стороны, тогдашнее положеніе Русскихъ воиновъ и страны, занятой непріятелемъ, съ другой, что непріятель нашъ, называющій себя стоящимъ на первой степени просвѣщенія, не останавливался, да конечно и впредь не остановится, предъ употребленіемъ и пользованіемъ всѣми средствами, отвергаемыми нравственностью и человѣколюбіемъ: [204] все остальное болѣе или менѣе обще во всѣхъ войнахъ.

Какимъ же образомъ, повторяю, этѣ два эпизода нашей «Исторіи Отечественной войны 1812 года» могли быть обойдены? За чѣмъ искать смывать два грязныя пятна съ врага нашего и, въ замѣнъ этого молчанія, безъ ссылокъ (ибо таковыхъ и нѣтъ), а собственнымъ авторитетомъ, густо набрасывать черную краску

---

[203] Это возмутительно печальное событіе, достаточно разсказано, какъ повѣствователями Французскими, изъ коихъ нѣкоторые были ярыми сторонниками Наполеона, такъ и ихъ тогда союзными. Недавно видѣли мы подтвержденіе сему въ Запискахъ Г.-А. Графа В. А. Перовскаго, какъ ближняго тому свѣдѣтеля (Русск. Арх. 1865 г. вып. 3). Событіе это въ возможной полнотѣ изложено мною въ заключеніи книги: «Пятидесятилѣтіе Бородинской битвы.»

[204] Не торжественно ли это доказывается въ Крымской войнѣ 1853—1855 годовъ, подговоромъ Татаръ къ измѣнѣ? А что сказать о послѣднемъ Польскомъ мятежѣ, подвигнутомъ и питавшемся цивилизированными народами? Что сказать, наконецъ, о разныхъ поддѣльныхъ бумагахъ, распространявшихся у насъ ихъ агентами, которымъ сами Правительства даютъ убѣжище, кормятъ ихъ и спускаютъ со своры, когда заблагоразсудятъ? Могутъ ли насъ, Русскихъ, упрекнуть въ чемъ либо подобномъ?

на многіе дивные подвиги патріотизма, а о другихъ, включенныхъ уже въ Исторію, вовсе умалчивать?!

Оставить безъ замѣчаній такіе промахи въ книгѣ Г. Богдановича мы не могли изъ уваженія къ истинѣ.

Въ описаніи пріѣзда Лористона къ Кутузову, 23-го Сентября, въ Тарутино, на стр. 391, сказано: «Проѣхавъ поперегъ весь лагерь, Лористонъ и Волконскій (который привезъ его на дрожкахъ изъ авангарда), прибыли въ Тарутино, гдѣ была приготовлена изба для предстоявшаго свиданія.»

Вотъ четыре строки, которыхъ ни какъ нельзя согласовать между собой.

Не вхожу въ разсмотрѣніе, какъ свѣдѣтель; ибо Штабъ 6-го корпуса находился въ Тарутинѣ; обращусь только къ плану Тарутинской позиціи, приложенному къ сочиненію.

Тарутино лежитъ на берегу Пары; на стр. 374 сказано, что 2-й и 6-й корпуса были передовыми и стояли на гребнѣ высоты, въ разстояніи около 800 шаговъ отъ праваго берега рѣки Пары, въ двѣ линіи, въ развернутомъ фронтѣ; за ними, въ тысячѣ шагахъ, стали также въ двѣ линіи, но въ колоннахъ, корпуса 4, 5, 3 и 7, и такъ далѣе до Леташевки, находящейся въ пяти верстахъ отъ позиціи. Главная квартира находилась сперва въ деревнѣ Тропищевой, противъ Тарутина, [205] потомъ въ Леташевкѣ; Фельдмаршалъ принялъ Лористона въ Тарутинѣ.

Спрашивается: какими судьбами Лористонъ, ѣхавшій изъ авангарда въ Тарутино, могъ проѣхать поперегъ весь лагерь?

Могутъ замѣтить, что между тѣмъ, какъ Пащокинъ поскакалъ въ авангардъ, чтобы пригласить Лористона: «войска полу-

---

[205] Селеніе это извѣстно подъ общимъ названіемъ Тарутина. Тропищево есть часть онаго; но въ то время названіе это не было извѣстнымъ.

чили приказаніе (стр. 390) расположиться на болѣе обширномъ пространствѣ, для чего нѣкоторые полки были переведены съ занимаемыхъ ими мѣстъ на другія; разведены большіе огни; приказано варить кашу съ мясомъ; во всѣхъ полкахъ пѣли пѣсни и играла музыка.» [206]

Всѣ этѣ распоряженія превосходны, если бы и были буквально приведены въ исполненіе. Положимъ что нѣкоторые полки, въ это короткое время, и были переведены на другія мѣста, чтобы растянуть позицію (но отнюдь не передвинуть войска впередъ, да еще и чрезъ Нару), и развели большіе огни, и что ночью нельзя было замѣтить издали, имѣютъ ли они бивуаки, или нѣтъ; ибо Лористонъ пріѣхалъ въ Тарутино въ половинѣ одиннадцатаго, вечеромъ. Что приказано было пѣть пѣсни и играть музыкѣ, все это такъ. Лористонъ могъ видѣть издали огни, могъ слышать голоса пѣнія и звуки музыки, но ни въ какомъ случаѣ, повторяю, не могъ проѣхать поперегъ весь лагерь, который былъ въ 800 шагахъ отъ праваго берега Нары, а Тарутино лежитъ на лѣвомъ берегу этой рѣки. Слѣдовательно, не могъ видѣть и мяса, приготовленнаго для каши. [207] Если бы онъ поѣхалъ въ Леташевку, то дѣйствительно проѣхалъ бы поперегъ весь лагерь. Хотя бы Кутузовъ принялъ его даже не въ Тарутинѣ, лежащемъ на лѣвомъ берегу Нары, а въ Транщевѣ, на правомъ, и въ такомъ случаѣ Лористонъ не видалъ бы ни лагеря, ни мяса, а только насладился бы пѣніемъ и музыкою шаговъ на 200, или на 300, ближе. Стоитъ только, повторяю, взглянуть на планъ, чтобы убѣдиться въ промахѣ.

---

[206] Если дѣйствительно, положимъ, и было приказано варить кашу съ мясомъ, то, конечно, не съ цѣлію, чтобы Лористонъ могъ видѣть это и заключить объ изобиліи нашего продовольствія. Кутузовъ понималъ, что Лористонъ, ѣхавши къ нему, не увидитъ такъ близко лагеря. Можетъ быть, эта стряпня, въ столь позднее неурочное время для каши, была приказана съ цѣлью одушевить солдатъ присылкою посла просить мира и т. п.

[207] Это все равно, если бы кто сказалъ, что, проѣзжая изъ Царскаго Села по желѣзной дорогѣ къ Семеновскому путному двору, онъ на пути этомъ проѣхалъ чрезъ Васильевскій островъ!

Между же тѣмъ, на стр. 469, находимъ повтореніе этому: «Кутузовъ, прибывъ въ Тарутино, передъ сраженіемъ съ Мюратомъ, сказалъ, при входѣ въ избу, гдѣ онъ принималъ Французскаго парламентера: «Вотъ я сдѣсь говорилъ Лористону, что мы никогда не согласимся на миръ!» Г. Богдановичъ утверждаетъ ссылкой (но только ли это, или что либо другое, въ параграфѣ заключающееся, не знаю) на Записку А. А. Щербинина.

Выше я замѣтилъ уже о свиданіи Лористона съ Кутузовымъ, а сдѣсь долженъ присовокупить, что когда свиданіе это, 23-го Сентября, происходило, главная квартира была въ деревнѣ Тришцевѣ, въ слѣдъ за симъ она была перенесена въ Леташевку. Тогда Тарутино, вмѣстѣ съ Тришцевой, было не въ томъ уже видѣ, какъ 4-го Октября. Село это осталось въ распоряженіи 6-го корпуса и скоро заключилось только въ семи дворахъ (изъ числа коихъ съ нѣкоторыхъ сняты были крыши); ибо всѣ остальныя избы были разобраны на дрова въ лагерь; собственно же въ Тарутинѣ, лежащемъ черезъ мостъ, на противоположномъ берегу, не было уже и слѣдовъ строеній къ 1-му Октября. 5 числа для Кутузова очищена была изба, которую занималъ Г.-М. Талызинъ (противъ избы Дохтурова), послѣдняя на правой рукѣ. Въ Тарутинѣ же, повторяю, не было уже ни какого строенія, а по тому и должно полагать, что вкралась ошибка. На моей прямой обязанности лежало распредѣленіе избъ на дрова; слѣдовательно, мнѣ близко извѣстно то, что я говорю, и могутъ быть тому и другіе свѣдѣтели.

Бутурлинъ, разсказывая свиданіе Лористона съ Кутузовымъ, говоритъ просто (т. II, стр. 11): «23-го Сентября, вечеромъ, Лористонъ имѣлъ свиданіе съ Фельдмаршаломъ въ селѣ Тарутинѣ.» Михайловскій-Данилевскій (т. III, стр. 76, 77) прикрашиваетъ это свиданіе: «Арміи велѣно было разложить множество огней. Казалось, что въ лагерѣ стояло 200 или болѣе тысячъ человѣкъ. Нѣкоторые полки были переведены съ одного мѣста на другое, въ намѣреніи скрыть отъ Лористона настоящее расположеніе войскъ и размѣщеніемъ ихъ на обширномъ пространствѣ дать видъ многочислія. Людямъ велѣно было варить кашу съ мясомъ и пѣть пѣсни, сопровождаемыя музыкою среди шумнаго веселья войскъ

и безсчисленныхъ огней. Князь Волконскій и Лористонъ ѣхали мимо бивуаковъ въ Тарутино.» Сдѣсь сказано осторожнѣе, по тому что какъ Лористонъ встрѣченъ былъ на аванпостахъ, то онъ могъ проѣзжать мимо бивуаковъ авангарда. Конечно, и тутъ есть поэзія; но Г. Богдановичъ, не довольствуясь и Михайловскимъ-Данилевскимъ, пожелавъ представить эпизодъ этотъ положительно, достовѣрно, прибавилъ, что Лористонъ съ Волконскимъ проѣхалъ поперегъ весь лагерь! Опять отсылаю къ плану и къ его же описанію позиціи.

О безжалостномъ обращеніи нашего народа съ непріятелемъ читаемъ (стр. 416): «Восторженное состояніе могучаго, но, большею частію, необразованнаго, грубаго народа, иногда подавало поводъ къ жестокому обращенію съ безоружными непріятелями. Люди, не щадившіе самихъ себя, не рѣдко были безжалостны къ чужеземцамъ, пришедшимъ изъ далекихъ странъ для опустошенія Россіи. Наполеонова армія, составленная въ 1812 году изъ двадцати различныхъ націй (?), не отличалась дисциплиною, и по тому Русскіе, видя на каждомъ шагу грабительство, насильство и презрѣніе къ святынѣ, не могли питать ни какого Христіянскаго чувства къ непріятелямъ, поправшимъ предметы ихъ благоговѣнія и мстили за жестокость. [208] Всякій народъ, поставленный въ такое положеніе, въ какомъ находились наши соотечественники при нашествіи Французовъ, поступилъ бы не лучше нашего (?!). [209] Вспомнимъ, что дѣлали гверильясы на Пиренейскомъ полуостровѣ и ополченіе Кардинала Руффо въ Южной Италіи, и, не обременяя добраго Русскаго народа незаслуженнымъ упрекомъ въ неслыханномъ жестокосердіи (!), пожалѣемъ о человѣчествѣ, которое въ самыя великія эпохи

---

[208] Значитъ, по мнѣнію автора, имѣй Французы дисциплину, Русскій патріотизмъ и стремленіе истреблять непріятеля, вошедшаго въ страну, былъ бы парализированъ. Но это неосновательно; ибо прежде, чѣмъ замѣтили ослабленіе дисциплины со вступленіемъ его въ Смоленскую Губернію, народъ началъ истреблять свои жилища.

[209] Значитъ, по мнѣнію сочинителя, Русскіе дѣлали хухо, истребляя врага? Такъ понимается.

платитъ дань своему не совершенству» и т. д. [210] Вотъ это уже философія!

По этотъ незаслуженный упрекъ доброму Русскому народу, необразованному, грубому, [211] за неслыханную жестокость противъ врага, попиравшаго его святыню и т. п., былъ уже дѣлаемъ выше сего.

Говоря о дѣйствіяхъ партизанскихъ отрядовъ, находимъ, на стр. 380: «Ежели партизаны имѣли возможность доставить захваченныхъ или плѣнныхъ въ главную квартиру, то отсылали ихъ подъ конвоемъ изъ Казаковъ и поселянъ; если же, по значительному отдаленію, или по малочисленности отряда, препровожденіе плѣнныхъ къ арміи оказывалось невозможнымъ, то иногда ихъ истребляли. [212] Справедливость требуетъ сознаться въ томъ, что нѣкоторые изъ нашихъ партизановъ (и въ особенности Фигнеръ) [213] поступали весьма немилосердно не только съ сопротивлявшимися имъ непріятелями, но и съ плѣнными, предавая ихъ мщенію ожесточенныхъ крестьянъ, которые убивали безъ пощады.»

Во первыхъ, я рѣшительно не понимаю выраженія, что нѣкоторые изъ нашихъ партизановъ поступали весьма немилосердно не только съ сопротивлявшимися имъ непріятелями, но и съ плѣнными и т. д. Съ сопротивляющимся непріятелемъ не иначе можно поступать, какъ стараясь лишить его жизни, или ранить, словомъ, свалить, чтобы сохранить свою

---

[210] Не вхожу въ разсмотрѣніе нѣсколькихъ выраженій, противорѣчащихъ одни другимъ своимъ значеніемъ и смысломъ.

[211] Испанскіе гверильясы и ополченіе Кардинала Руффо, конечно, необразованностію и грубостію своею далеко превосходятъ Русскаго мужика, одареннаго умомъ и необыкновенною смѣтливостію.

[212] Правда, были случаи: но тогда, когда партизанамъ должно было сдавать ихъ въ прилегающіе Уѣзды, Сеславинъ же и Давыдовъ не истребили ни одного.

[213] А другіе нѣкоторые кто?

жизнь; это непремѣнный законъ битвъ; и тутъ слово немилосердіе не имѣетъ ни какого смысла. Развѣ въ книгѣ подразумѣваются плѣнные, которые сдались послѣ нѣкотораго сопротивленія, и плѣнные, взятые сонными, или безоружными: въ такомъ случаѣ можно было бы сказать: «съ плѣнными, взятыми съ оружіемъ въ рукахъ, и съ плѣнными, набранными безъ оружія;» тогда было бы ясно и понятно.

Во вторыхъ, не знаю, была ли историческая необходимость выставлять такъ рѣзко и часто, безъ ссылокъ на современниковъ, необразованность, грубость, неслыханную жестокость (и какую? не сказано) нашего народа въ ту пору; и за что награждается онъ этѣми эпитетами? За то, что онъ (не говорю ни о святотатствѣ, ни о насиліи) не хотѣлъ терпѣть у себя иноземнаго непріятеля, вторгнувшагося въ Россію; онъ его билъ вездѣ, гдѣ встрѣчалъ и имѣлъ къ тому случай, за то, что вошли въ его отечество съ оружіемъ въ рукахъ. Во Франціи есть законъ, что если кто перелѣзетъ черезъ заборъ во дворъ, въ садъ, или виноградники, хозяинъ можетъ застрѣлить его, и не отвѣчаетъ за то предъ закономъ. По чему же не допустить до такого же права и поселянина, который, какимъ бы средствомъ ни было, убиваетъ того, кто, безъ его согласія, переступаетъ рубежъ его отечества, его поля, его усадьбы? Въ заключеніе замѣчу, что исторіографъ несравненно снисходительнѣе къ непріятелю: въ разсказѣ его нѣтъ и десятой доли тѣхъ безчинствъ, которымъ предавались Французы, особенно же ихъ союзники въ Москвѣ, что можно найти и въ ихъ собственныхъ сочиненіяхъ. [214] Напротивъ, Г. Богдановичъ, на стр. 26-й (т. III), приводитъ, нѣсколько измѣненными только выраженіями, какъ сказано это Данилевскимъ (т. III, стр. 258), какимъ образомъ, тотчасъ, по выходѣ Францу-

---

[214] Жестокость! По чему сочинитель не говоритъ о великодушіи Французовъ, въ слѣдствіе котораго они разстрѣливали нашихъ плѣнныхъ? Объ этомъ онъ едва упоминаетъ, да и то на одномъ только случаѣ, тогда какъ это была общая мѣра. Въ книгѣ «Пятидесятилѣтіе Бородинской битвы» соединено все объ этомъ предметѣ, до сихъ поръ не бывшемъ разработаннымъ критически.

зовъ изъ Москвы, явились окрестные поселяне съ порожними возами забирать недограбленное и т. п., и это безъ ссылокъ, а Г. Богдановичъ не приводитъ даже и Даниловскаго, и оба, видимо, дѣлали это для того только, чтобы возвысить распорядительность нѣкоторыхъ лицъ, будто бы воспользовавшихся пустыми возами для вывоза изъ города нечистотъ. Если это дѣйствительно было такъ, какъ разсказывается, то по чему было бы не сослаться на донесенія Иловайскаго, или Полковника Бенкендорфа, которому приписываются всѣ эти распоряженія? Это должно быть въ ихъ рапортахъ, которые, конечно, также существуютъ въ архивахъ; а если нѣтъ современныхъ засвѣдѣтельствованій, то за чѣмъ выставлять такъ поносно, безъ современныхъ указаній, черную черту подмосковныхъ жителей? Можно было, кажется, довольствоваться уже тѣмъ, что сказано объ оставшихся въ Москвѣ, какъ это было видно выше. Не уже ли Исторія требуетъ того? За чѣмъ? Но довольно: этѣмъ за чѣмъ не было бы конца.

Разсуждая о причинахъ, которыя рѣшили Кутузова не воспользоваться совершеннымъ разгромленіемъ Мюрата на Чернишнѣ, Г. Богдановичъ говоритъ (стр. 483): «Гораздо вѣроятнѣе, что неудача обхода, предпринятаго Беннингсеномъ, утвердила Кутузова въ убѣжденіи и необходимости избѣгать рѣшительныхъ дѣйствій, и заставила его отказаться отъ нанесенія противнику рѣшительнаго удара.»

Выраженіе, что Кутузовъ утвердился въ убѣжденіи о необходимости избѣгать рѣшительныхъ дѣйствій, опровергается рѣшимостію его принять Бородинскую битву. Что же касается до того, будто бы это, такъ неосновательно приписываемое Г. Богдановичемъ Кутузову, убѣжденіе, «заставило его отказаться отъ нанесенія противнику рѣшительнаго удара, то ни какое краснорѣчіе, ни самихъ Демосѳеновъ и Цицероновъ, не сниметъ съ Кутузова укора въ томъ, что онъ не дѣйствовалъ сообразно съ ходомъ дѣла. Положимъ, что обходъ не удался, но 6-й корпусъ, при которомъ я находился, и другіе корпуса стояли на картечный выстрѣлъ свѣдѣтелями, какъ Французы справлялись съ напавшими на нихъ, а наша масса не трогалась, тогда какъ одно движеніе ея впередъ было бы достаточно. Словомъ, пятьдесятъ тысячъ чело-

вѣкъ смотрѣли, какъ въ циркѣ зрители, на арену. Надлежало быть тамъ, чтобы судить объ этомъ, и конечно, всѣ причины, какъ они ни были разнообразны между собою, приписываемыя очевидцами этому событію, имѣютъ несравненно болѣе вѣса, чѣмъ самыя высокія стратегическія умствованія и тактическіе выводы, дѣлаемые тѣми, которые не были на мѣстѣ дѣйствія и не слыхали современниковъ, въ особенности моментныхъ разсужденій Генераловъ, конечно, не хуже образованныхъ въ битвахъ самого Кутузова, который былъ между ними только Несторомъ по лѣтамъ. Ни что, повторяю, не оправдаетъ этого бездѣйствія со стороны Кутузова. Онъ могъ и долженъ былъ знать, по расторопности, приписываемой Г. Богдановичемъ, нашимъ партизанамъ, находившимся около Москвы, что Наполеонъ съ главными силами находится въ ней; слѣдовательно, онъ не могъ опасаться, что, двинувъ массу въ пятьдесятъ тысячъ, ночевавшую на картечный выстрѣлъ отъ фронта непріятельской позиціи, могъ сблизиться съ Наполеономъ, находящимся въ Москвѣ, [215] за семьдесятъ верстъ отъ него; между тѣмъ, какъ этѣмъ движеніемъ, когда часть обхода показалась, а другая часть была уже въ тылу лѣваго непріятельскаго фланга, онъ не допустилъ бы непріятеля къ той мужественной оборонѣ, которую онъ оказалъ нашимъ войскамъ, ударившимъ ему во флангъ и тылъ, и побѣдоносно достигъ крѣпкой позиціи при Спасъ-Куплѣ, только за нѣсколько верстъ отъ насъ. Разъ это совершено, тогда, конечно, уже ни чего болѣе не оставалось дѣлать, какъ обратиться вспять. По моему понятію, это дѣло приноситъ болѣе славы непріятелю, нежели намъ.

Сдѣсь остается только пожалѣть, что замѣтилъ и почтенный разбиратель книги Г. Богдановича, въ Сѣверной Пчелѣ, что сочинитель разсматриваемаго сочиненія не помѣстилъ всеподданнѣйшаго письма Беннингсена, которое, томясь въ папкахъ Генеральнаго Штаба, могло бы бросить свѣтъ на это дѣло; ибо не долж-

---

[215] Битва происходила 6-го Октября, а Французская армія, за четыре уже дня передъ тѣмъ начала оттягиваться отъ Москвы по другому направленію. Партизаны не знали ни тогда, ни долго послѣ объ этомъ (какъ это будетъ видно изъ примѣчаній на 3-й томъ, при Малоярославцѣ).

но забывать, что Беннингсенъ самъ, какъ Главнокомандующій, начальствовалъ подъ Пултускомъ и Прейсишъ-Эйлау, и, присовокуплю еще, что противъ непріятеля сильнаго, свѣжаго, а не такого, каковымъ этотъ послѣдній былъ на Чернишнѣ; слѣдовательно, авторитетъ Беннингсена несомнителенъ. Но издатель книги, конечно, имѣлъ свои причины оставить письмо это подъ спудомъ; не такъ онъ поступилъ съ Барклаемъ.

На слѣдующій 485 страницѣ, послѣ всего того, что было сказано на двухъ предыдущихъ страницахъ о причинахъ, по которымъ Кутузовъ отказался отъ нанесенія противнику рѣшительнаго удара, вдругъ читаемъ: «Сраженіе при Тарутинѣ не удовлетворило ожиданіямъ Кутузова.»

Что же это значитъ? Вѣдь, по смыслу выходитъ, что Кутузовъ ожидалъ еще большей путаницы отъ обхода, коего нѣкоторыя части сбились съ дороги ночью, въ лѣсу, что нѣсколько и замедлило общее появленіе частей онаго въ назначенныхъ пунктахъ; но, не смотря на все это, Кутузовъ могъ бы не только что все это исправить, но и нанести непріятелю рѣшительный ударъ, да отказался отъ того.

Симъ оканчиваю замѣчанія на нѣкоторыя мѣста втораго тома.

ЗАМѢЧАНІЯ

НА ТРЕТІЙ ТОМЪ.

Г. Богдановичъ говоритъ, что Наполеонъ, готовясь къ походу, началъ, съ 1-го (13) Октября, стягивать войска въ Москву и 3 (15) направлять оныя на Калужскую дорогу, въ Боровскъ, Ѳоминское и пр.

Стр. 2-я. Получивъ извѣстіе о дѣлѣ на Чернишнѣ, Наполеонъ, въ тотъ же вечеръ, 6 (18) Октября, вывелъ изъ города корпуса Вице-Короля и Даву, которые и расположились на бивакахъ, у заставы, по Старой Калужской дорогѣ; корпусъ Нея и гвардія переночевали въ Москвѣ.

Стр. 4-я. При выступленіи Наполеона изъ Москвы, какъ выше уже сказано, былъ оставленъ на время въ Кремлѣ Маршалъ Мортье.

По выше, вѣдь, еще ни чего не сказано о выступленіи Наполеона изъ Москвы, а говорится объ этомъ послѣ, на 7-й и 8-й страницахъ, и потомъ описанъ порядокъ, въ которомъ слѣдовали войска, и присовокуплено, что самъ Наполеонъ выѣхалъ изъ Москвы по утру 7 (19) Октября и т. д.

Наконецъ, вотъ и Малоярославецкая битва. Въ первой части «Замѣчаній» мы слышали воспѣтую Нѣмецкимъ оцѣнщикомъ хвалу Г. Богдановичу, за «простоту и ясность» изложенія битвъ и, въ примѣръ тому, онъ приводилъ бой Невѣровскаго

при Красномъ. Тамъ же замѣтилъ я, что описаніе этой битвы не принадлежитъ перу почтеннаго сочинителя «Исторіи Отечественной войны,» а есть почти буквальная копія изъ книги Даниловскаго, и обѣщалъ привести два главнѣйшія сраженія—Бородинское и Малоярославецкое, описаніе коихъ принадлежитъ собственно перу Г. Богдановича. Замѣчанія о Бородинскомъ сдѣланы.

Малоярославецкое сраженіе, по значенію своему, конечно, потребовало особеннаго вниманія почтеннаго исторіографа и всей силы его знаній, для яснаго и отчетливаго изображенія битвы, положившей конецъ шестнадцатилѣтнимъ успѣхамъ генія полководца-Государя, вынудившей его постыдно обратиться въ бѣгство и послѣдствіями своими сплывшей оковы съ Запада Европы; словомъ, эта битва, замѣченная и въ присужденіи Демидовской преміи, включаетъ въ себѣ всѣ условія, требующія достойнаго изложенія, что почтенный сочинитель посильно и исполнилъ.

Начну съ самаго выступленія Дохтурова съ Тарутинской позиціи, по направленію къ Малоярославцу, на Ѳоминское. Исторіографъ говоритъ (стр. 11): «Кутузовъ, призвавъ къ себѣ Ермолова, сказалъ ему: «Ты пойдешь съ Дохтуровымъ; я буду покоенъ; увѣдомляй меня чаще о томъ, что у васъ будетъ!» Виноватъ! А я сомнѣваюсь, чтобы Кутузовъ могъ такъ оскорбить Дохтурова, къ которому онъ питалъ полную довѣренность: достоинство и опытность этого Генерала представляли полное на это право. Не уже ли, отправляя его въ средину непріятельской арміи, Кутузовъ не иначе могъ оставаться спокойнымъ, какъ пославъ съ нимъ Ермолова! Онъ могъ быть при Дохтуровѣ помощникомъ, даже совѣтникомъ, но не руководить имъ до такой степени, что присутствіе его только и могло успокоивать Кутузова. Слѣдующая за симъ 18-я ссылка показываетъ: «Журналъ входящимъ и исходящимъ бумагамъ 1812 года (Арх. В. Т. Д. № 29172).» Сдѣсь, само собой разумѣется, этого быть не можетъ. За тѣмъ: «Записки Ермолова.»

Но въ Запискахъ А. П. Ермолова, напечатанныхъ въ 1863 году, объ этомъ эпизодѣ (стр. 216) сказано слѣдующее «.....

«Кутузовъ приказалъ мнѣ отправиться съ Генераломъ Дохтуровымъ, увѣряя, что на меня онъ надѣется и будетъ спокоенъ.» Сдѣсь нѣтъ, однако же, словъ: «Увѣдомляй меня чаще о томъ, что у васъ тамъ будетъ,» а на мѣсто сего читается: «Надобно знать Кутузова, чтобы не давать сему ни какой цѣны.» А, вѣдь, это совершенно измѣняетъ смыслъ, который получается изъ строкъ Г. Богдановича. *

Г. Богдановичъ нигдѣ не упоминаетъ, однако же, чтобы Ермоловъ исполнялъ требованіе Кутузова, «чаще увѣдомлять его,» а между тѣмъ было о чемъ; ибо, по прибытіи въ Аристово, цѣль отправленія Дохтурова измѣнилась и обстоятельства усложнились. Я очень близко знаю, что Алексѣй Петровичъ ни разу не писалъ Кутузову, тогда какъ Дохтуровъ дѣлалъ это очень часто и даже карандашемъ, будучи верхомъ.

Повѣствуя о движеніи Дохтурова изъ Тарутина (стр. 12-я), сказано, что войска наши, «пройдя Аристово, остановились на ночлегъ.» Корпусъ остановился у самаго Аристова; при Аристовѣ они расположились въ двухъ колоннахъ: 7-я дивизія по правой сторонѣ дороги, 24-я по лѣвой; головы ихъ были на одной высотѣ съ селеніемъ. Слово пройдя имѣть тутъ мѣста не можетъ. Только нѣкоторыя части конницы были выдвинуты впередъ по направленію къ отряду Дорохова, расположенному на дорогѣ къ Боровску.

Свѣдѣнія о движеніи всей Наполеоновой арміи къ Малоярославцу получены не далеко за полночь, а часа за три до

---

* Но въ «Запискахъ Ермолова,» помѣщенныхъ въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» 1864 г., кн. 4, отд. II, стр. 229, въ примѣч. 73, слова этѣ *дѣйствительно приводятся Ермоловымъ:* «Ты пойдешь съ Дохтуровымъ; *я буду спокоенъ; увѣдомляй чаще о томъ, что* будетъ!» А извѣстно, что редакція *сихъ Записокъ была уже послѣдняя и* единственно вѣрная, составленная рукою самого Ермолова, *въ послѣдній годъ* его жизни; прочія же, сдѣлавшіяся извѣстными публикѣ, признавались имъ текстомъ невѣрнымъ.» См. предисловіе къ симъ Запискамъ, тамъ же, въ «Чтеніяхъ» 1864 г., кн. 3, отд. II, стр. 1. О. Б.

полночи, и Сеславинъ пріѣхалъ гораздо прежде оной, а не тогда, когда уже давно «прошла полночь». [1] Впрочемъ, въ послѣдовательномъ разсказѣ самого Г. Богдановича будетъ видно, что объ опредѣляемомъ имъ тутъ времени не можетъ быть и рѣчи.

Въ Запискахъ А. П. Ермолова (стр. 217), сказано: «Ночью, въ полѣ, сталкиваюсь вдругъ съ Сеславинымъ, который меня отыскивалъ» и д. д. Сдѣсь онъ подтвердилъ (сдѣланное за часъ показаніе другими), что Наполеонъ въ Боровскѣ. Этѣ слова Генерала Ермолова отнюдь не измѣняютъ сказаннаго мною, по тому что Сеславинъ прискакалъ въ Аристово, сообщилъ свѣдѣнія Дохтурову и поѣхалъ отыскивать Ермолова, уѣхавшаго къ передовому отряду Дорохова. Въ слѣдъ за симъ Алексѣй Петровичъ пріѣхалъ въ Аристово, но Бологовскій былъ уже отправленъ къ Кутузову. Да и самое слово ночь неопредѣлительно; въ шесть часовъ по полудни было уже темно.

О всемъ сказанномъ на стр. 12 (Ист. Богдановича) о Дохтуровѣ и объ отправленіи Бологовскаго нужно бы повторить замѣчанія, мною уже сдѣланныя въ помянутой статьѣ; сдѣсь обращу вниманіе только на разсужденіе почтеннаго исторіографа, который, сказавъ, что Дохтуровъ, по предложенію Ермолова, выступилъ изъ Аристова къ Малоярославцу, прежде полученія на то приказанія отъ Фельдмаршала, пишетъ (стр. 13): «Легко было предвидѣть, что если бы Дохтуровъ сталъ выжидать приказаній изъ главной квартиры на счетъ дальнѣйшихъ дѣйствій, то непріятель навѣрное предупредилъ бы его въ Малоярославцѣ.» [2] Это выраженіе необходимо помнить; ибо сдѣсь Г. Бог-

---

[1] Этотъ эпизодъ былъ мною подробно описанъ: «Нѣсколько мыслей по поводу двухъ сочиненій объ Отечественной войнѣ» (Сѣв. Пчела, 1858, №№ 36, 38, 39, 41, 44, 45, 46, 62, 63, 64 и 65), а въ 1867 году въ особой книжкѣ: «Матеріялы для Отечественной войны 1812 года.»

[2] Въ Запискахъ А. П. Ермолова нѣтъ ни слова о предложеніи Дохтурову выступить изъ Аристова до полученія на то приказанія отъ Кутузова. На стр. 217 Алексѣй Петровичъ предложилъ Дохтурову воротить «тяжелую артиллерію за шесть верстъ назадъ,» гдѣ были дефилеи, и это предложеніе сдѣлано было

дановичъ очень ясно даетъ понять, что непріятель не предупредилъ Дохтурова въ Малоярославцѣ; но потомъ, по принятому имъ обыкновенію, онъ скажетъ противное.

Каждый, какъ говорится, бывалый пойметъ, что Дохтуровъ не могъ самъ собою рѣшиться, съ своими десятью тысячами пѣхоты, итти на перерѣзъ всей Французской арміи, не получивъ на то приказанія отъ Кутузова, который, узнавъ, что Наполеонъ уже въ Боровскѣ, могъ предпринять движеніе на Калугу прямо изъ Тарутина, и наконецъ могъ Дохтуровъ не думать, что получитъ то или другое разрѣшеніе не иначе, какъ наиболѣе чрезъ шесть, семь, часовъ. Но вышло противное, какъ это объяснено въ той же моей статьѣ.

Ясно, что всего того, что до сихъ поръ почтенный сочинитель говорилъ о семъ, не было, и быть не могло, а между тѣмъ вотъ какъ все это происходило:

Генералъ Дохтуровъ, получивъ, въ Аристовѣ, свѣдѣнія о Французской арміи, донесъ обо всемъ Фельдмаршалу и присовокупилъ: «Я остановилъ корпусъ въ Аристовѣ и далѣе не пойду» и пр. Описываетъ причины тому и свои распоряженія. Донесеніе это, отъ 10-го Октября, было послано въ 9-ть часовъ по полудни. [2] Въ слѣдствіе чего получилъ повелѣніе, отъ 11-го Октября, № 216, «употребить всѣ способы для скорѣйшаго перехода изъ Аристова къ Малоярославцу» и пр. Даниловскій, описывая это, приводитъ донесеніе Дохтурова изъ Аристова, отъ 10-го Октября, въ 9 час. вечера, и послѣдовавшее на оное повелѣніе Кутузова, отъ 11-го числа, за № 216, «спѣшить изъ Аристова къ Малоярославцу.» Бутурлинъ и многіе другіе свѣдѣтельствуютъ о томъ, что Дохтуровъ ожидалъ повелѣнія, чтобы двинуть-

---

тогда, когда не было еще и рѣчи итти въ Малоярославецъ, а предпринималось дѣйствіе на Котово, не зная еще, что вся непріятельская армія находилась около Боровска и т. д.

[2] Нѣкоторые изъ допросовъ выходцевъ и плѣнныхъ писаны моей рукой.

ся къ Малоярославцу, и, получивъ оное, въ 11-ть часовъ по полуночи, 11-го Октября, тотчасъ выступилъ.

Какимъ же образомъ послѣ всего этого писать, что Дохтуровъ, не ожидая приказанія, пошелъ къ Малоярославцу? Помимо того, что мы, участники въ этомъ событіи, очень хорошо помнимъ этотъ эпизодъ, но Даниловскій приводитъ подлинныя слова изъ донесенія Дохтурова и повелѣнія Кутузова, обозначая мѣсто, число, нумеръ и часъ. Что жь? Развѣ это подлогъ? Въ такомъ случаѣ Г. Богдановичу слѣдовало сказать, что онъ не нашелъ тѣхъ документовъ, на которые ссылается Даниловскій. Нѣтъ! Г. Богдановичъ видѣлъ эти документы и, вѣроятно, забывъ, что на стр. 13, Дохтуровъ, не дожидаясь приказанія, пошелъ къ Малоярославцу, чрезъ три страницы говоритъ (16) то же, что и Даниловскій, о повелѣніи Дохтурову итти къ Малоярославцу, и ссылается на тотъ же № 216-й, но не приводитъ донесенія Дохтурова, въ которомъ онъ пишетъ, что, до полученія приказанія, онъ изъ Аристова далѣе не пойдетъ! Непонятно, чему вѣрить: пошелъ ли Дохтуровъ изъ Аристова, не ожидая приказаній, или ожидалъ? «Чего хочешь, того просишь!» Но оставимъ этотъ эпизодъ, для изложенія котораго въ первомъ случаѣ принимали участіе поэтическое воображеніе, а во второмъ уже проза. Но за чѣмъ было поэтизировать и вводить на страницы Исторіи не бывалое, о которомъ потомъ и самому приходится сказать иначе?

Относительно движенія конницы, съ которой отправился Генералъ Ермоловъ къ сторонѣ Боровска, дѣло другое. Въ ссылкѣ книги Г. Богдановича (№ 19) сказано: «Записки А. П. Ермолова: по свѣдѣтельству Генерала Михайловскаго-Даниловскаго, Дохтуровъ выступилъ изъ Аристова къ Малоярославцу, получивъ предписаніе Князя Кутузова итти къ сему пункту. То же пишетъ и Липранди (Сѣв. Пч. 1858, № 46)». Объ этомъ далѣе.

Сдѣсь въ текстѣ, независимо отъ мнѣнія Г. Богдановича, что, какъ «легко было предвидѣть» то, о чемъ онъ усиливался такъ неудачно разсуждать, замѣчательны еще слѣдующія за помянутыми строки:..... «и потому Генералъ Ермоловъ предло-

жилъ или съ разсвѣтомъ обратно, и, присоединивъ къ войскамъ оставленную назади батарейную артиллерію, двинуться какъ можно быстрѣе къ Малоярославцу.[4] Генералъ Дохтуровъ не только принялъ благосклонно это представленіе» и т. д. Объ этомъ послѣднемъ небываломъ обстоятельствѣ уже сказано, а сдѣсь вотъ въ чемъ курьозъ: Дохтуровъ въ тотъ же день пришелъ изъ Тарутина въ Аристово, и Ермоловъ предлагалъ ему или «съ разсвѣтомъ обратно,» значитъ, въ Тарутино; и это подверждается еще совѣтомъ присоединить къ себѣ батарейную артиллерію, оставленную позади. Кажется, очень ясно, что Ермоловъ предлагаетъ Дохтурову возвратиться въ Тарутино, откуда онъ только что пришелъ; слово обратно не можетъ имѣть никакого другого смысла, а между тѣмъ у Г. Богдановича иной смыслъ. Это слово обратно у него значитъ не назадъ въ Тарутино, откуда пришли, а въ Малоярославецъ, который былъ еще впереди; ибо въ слѣдъ за симъ привокупляетъ: «двинуться какъ можно быстрѣе къ Малоярославцу.» По старинному мы назвали бы это, какъ нынѣ принято называть всякую безсмыслицу, ерундой; ибо какъ иначе назвать выраженія: «присоединивъ къ войскамъ оставленную батарейную артиллерію, или обратно,» не въ Тару-

---

[4] Въ Запискахъ Алексѣя Петровича и объ этомъ предложеніи нѣтъ ни слова;[*] вотъ какъ въ нихъ (стр. 218) сказано: «На разсвѣтѣ Генералъ Дохтуровъ отступилъ, присоединя отосланную (а не оставленную) артиллерію, переправился при селѣ Спасскомъ чрезъ рѣку Протву и пошелъ на Малоярославецъ.» Слово же отступилъ относится до отряда Дорохова, поступившаго подъ начальство Дохтурова и составившаго его авангардъ по направленію къ Котову, гдѣ думали атаковать непріятеля. Но когда обстоятельства разъяснились, то пѣхота отряда Дорохова (не принадлежавшая къ 6-му корпусу) отступила къ Аристову, т. е., къ Дохтурову, который изъ Аристова не сдѣлалъ шагу по направленію къ Котову, куда выдвинута была только конница Меллера-Закомельскаго, занявшая позицію между Дороховымъ и Дохтуровымъ. Вѣдь это совсѣмъ не то, что говоритъ почтенный исторіографъ, ссылаясь еще и на Записки А. П. Ермолова!

[*] Однако въ послѣднемъ ихъ пересмотрѣ А. П. Ермоловымъ («Чтенія» 1864, кн. 4, отд. II, стр. 231) это читается такъ: «Весьма благосклонно принялъ Генералъ Дохтуровъ мое предложеніе: вмѣстѣ съ разсвѣтомъ слѣдовать обратно и, присоединивъ оставленную батарейную артиллерію, поспѣшить въ Малоярославецъ.» О. Б.

тино, откуда только что пришли, а въ Мароярославецъ? Тутъ видимо, повторяю, почтенный сочинитель, вѣроятно, въ слѣдствіе какого либо совершенствованія, послѣдовавшаго въ военной номенклатурѣ, называть движеніе впередъ движеніемъ обратно, придерживается этому (точно также, какъ правое называетъ лѣвымъ, а лѣвое правымъ). Этѣмъ онъ вводитъ читателей, не знающихъ помянутыхъ измѣненій, въ недоумѣніе, котораго, можетъ быть, и не было бы, если бы онъ приложилъ къ сочиненію своему, какъ это сдѣлалъ Михайловскій-Данилевскій, карту движенія арміи изъ Тарутина къ Малоярославцу. Въ такомъ случаѣ, если почтенный сочинитель въ дѣйствительности не такъ думалъ, какъ написалъ, то, взглянувъ на помянутую карту, не впалъ бы въ такую грубую ошибку. [5] Онъ ясно увидѣлъ бы, что отъ Аристова с. Тарутино лежитъ на юго-востокъ, а Малоярославецъ на юго-западъ, отъ Тарутина же Малоярославецъ лежитъ на западъ, съ малымъ склоненіемъ на югъ. Эти три пункта составляютъ углы почти равностороняго треугольника, коего бока простираются отъ двадцати до двадцати трехъ верстъ. [6] Изъ этого было бы ясно, что Дохтуровъ, находясь въ Аристовѣ, если бы пошелъ обратно туда, откуда онъ пришелъ, то очутился бы опять въ Тарутинѣ, а не въ Малоярославцѣ.

На стр. 14-й:..... «Войска Дохтурова, выступивъ отъ Аристова, по утру 11 (23) Октября.» Сдѣсь ссылка № 20, слѣдующаго содержанія: «Довольно трудно сказать что либо достовѣрное на счетъ времени выступленія Дохтурова (изъ Аристова). Изъ Записокъ А. П. Ермолова видно, что войска наши выступили изъ Аристова 11-го Октября на разсвѣтѣ, [7] а по свидѣтельству Липранди (Сѣв. Пч., 1858, № 46), въ 11-го час. утра.»

---

[5] Замѣчательно, что нѣтъ карты этого первой степени важнаго движенія, тогда какъ сочиненіе изобилуетъ картами второстепеннаго и даже вовсе, можетъ быть, излишняго значенія.

[6] Сдѣсь разстояніе слѣдуетъ принимать, вмѣсто Малоярославца, Спасское, гдѣ дороги изъ Тарутина и Аристова соединяются для переправы чрезъ Протву: въ Малоярославецъ восемь верстъ.

[7] И сдѣсь опять неясность. Выше было сказано, что Дохтуровъ не ожидалъ при-

Тутъ нѣтъ ни какого труда къ разрѣшенію сомнѣнья; ибо оба показанія вѣрны. А. П. Ермоловъ выступилъ съ конницей Меллера-Закомельскаго на развѣдку къ Боровску съ разсвѣтомъ, а Дохтуровъ, по полученіи приказанія отъ Фельдмаршала, въ 11-ть часовъ къ Малоярославцу. Къ А. П. Ермолову посланъ былъ гонецъ (Прапорщикъ Гр. А. П. Панинъ) съ этѣмъ извѣстіемъ, и онъ, подъ вечеръ, не доходя Спасскаго, примкнулъ къ пѣхотѣ. Если бы Дохтуровъ выступилъ съ разсвѣтомъ, онъ пришелъ бы въ Спасское гораздо ранѣе, что видно изъ помянутой же статьи. [8]

Все, что пишется о Платовѣ, не ясно; слѣдовало бы остановиться на чемъ ни будь одномъ; но прибытіе его къ Спасскому,

---

казанія, и тотчасъ вышелъ, а тутъ, съ разсвѣтомъ; потомъ получилъ повелѣніе выступить, и т. п. сбивчивые разсказы.

[8] Сдѣсь можно сказать, что «все дѣлается къ лучшему.» Появись Дохтуровъ съ своею пѣхотой и конницей предъ Малоярославцемъ 11-го числа, послѣ полудня, или даже еще за свѣтло, и подоспѣй еще къ этому времени Платовъ съ своими Казаками, нѣтъ ни какого сомнѣнія, что Наполеонъ, увидѣвъ предъ собой корпусъ, отдѣлившійся отъ Тарутинскаго лагеря, успѣлъ бы къ ночи, на 12-ое число, стянуть большую часть своей арміи и проложить себѣ путь на Калугу, гдѣ находились всѣ наши запасы, или свернуть вправо на Медынь. Дохтуровъ нашелся бы въ самомъ опасномъ положеніи. Отступить съ боя чрезъ Нѣмцево не было возможности: онъ былъ бы принужденъ направиться къ Спасскому и перейти Протву, чтобы не потерять сообщеній съ главной арміей. Наполеонъ могъ отрядить корпусъ для защиты переправы при Спасскомъ, а между тѣмъ пройти со всею арміей, или Нѣмцевскій оврагъ и направиться на Калугу, или вправо на Медынь. Не видя 11-го числа пѣхоты подъ Малоярославцемъ, Наполеонъ былъ въ полной увѣренности, что Кутузовъ не зналъ его направленія и, вопреки обычной своей быстроты, медлилъ. Когда же утромъ, 12-го чис., явился Дохтуровъ и Вице-Король не могъ одолѣть его, а по прибытіи Даву къ намъ подоспѣлъ Раевскій и, въ слѣдъ за нимъ, также другіе корпуса, тогда дѣло было уже рѣшено. Слѣдовательно, если бы Дохтуровъ и могъ рѣшиться съ разсвѣтомъ 11-го числа итти къ Малоярославцу, то очень хорошо сдѣлалъ, что не предпринялъ это, а, какъ замѣчено выше, дожидался приказанія Кутузова. Само собой разумѣется, что въ то время ни у того, ни у другого помянутаго расчета быть не могло. Но Провидѣніе такъ расположило, и успѣхъ остался на нашей сторонѣ, не смотря на все то, что можно сказать относительно какъ замедленія въ приказаніи Дохтурову итти къ Малоярославцу, такъ и о медленности поднятья изъ Тарутина и пр.

какъ я уже замѣтилъ въ той же статьѣ, доказываетъ позднѣе его выступленіе изъ Тарутина; ибо онъ могъ прибыть къ Спасскому прежде Дохтурова, да и вся армія, выступивъ тотчасъ по пріѣздѣ Бологовскаго, могла предупредить его на этомъ пунктѣ, какъ въ той статьѣ замѣчено.

На стр. 15-й описывается прибытіе Бологовскаго въ Леташевку. Сдѣсь вкратцѣ сказано то же, что и у Михайловскаго-Данилевскаго, относительно свиданія съ Кутузовымъ. Г. Богдановичъ приводитъ и разговоръ между ними, и когда первый объяснилъ Фельдмаршалу предметъ своего порученія, этотъ послѣдній: сказалъ «Не уже ли въ самомъ дѣлѣ Наполеонъ оставилъ Москву и отступаетъ?» и т. д.

Это выраженіе ясно доказываетъ, что Кутузовъ только тутъ, въ первый разъ узналъ, о выступленіи Наполеона изъ Москвы и о взятомъ имъ направленіи. [9] Извѣстно же, что и сочинитель своей Исторіи не скрываетъ, что Наполеонъ уже 2 (14)-го числа началъ отступленіе, продолжая ежедневно отправлять части арміи, по направленію къ Калугѣ и, наконецъ, самъ, съ гвардіею, 7-го (19) Октября, идетъ туда же. Прошло послѣ сего еще четыре дня, какъ Дохтуровъ первый извѣстилъ о семъ черезъ Боголовскаго, пріѣхавшаго въ Леташевку, вскорѣ по полуночи 11го (23) Октября, въ тотъ самый день, когда Мортье выступилъ изъ Москвы съ послѣдними Французами.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что партизаны наши, такъ прославляемые Г. Богдановичемъ, «окружавшіе со всѣхъ сторонъ Москву, проникавшіе въ самый лагерь Французовъ и даже въ Москву,» не могли увѣдомить не только о томъ, что за девять дней предъ тѣмъ Французскія войска начали уже направляться на Калугу, и что каждый день выступали по этому же направленію изъ Москвы разныя части оныхъ, но что 7-го (19) Октября, т. е., за четыре дня предъ тѣмъ, и самъ Наполеонъ со старой гвардіей оставилъ Москву и пошелъ по тому же направленію,

---

[9] Это невѣдѣніе до сего момента подтверждается несокрушимыми данными.

а о томъ извѣстилъ Дохтуровъ 11-го Октября! Москва же отъ Леташевки была не за горами, а только около осьмидесяти верстъ! [10]

На страницахъ 15—17 Г. Богдановичъ ясно изображаетъ колебаніе Кутузова оставить Тарутинскій лагерь, и тогда уже, когда было получено отъ Дохтурова положительное извѣстіе, вскорѣ по полуночи 11 ч., что тутъ вся Наполеонова армія, то и тогда онъ выступилъ только вечеромъ, такъ что, если бы Наполеонъ употребилъ сдѣсь ту быстроту, которую онъ проявлялъ всегда, то несомнѣнно успѣлъ бы въ своемъ предпріятіи. [11] Это колебаніе, которое почтенный сочинитель своей Исторіи приписываетъ Кутузову, ясно подтверждаетъ, что Дохтуровъ не могъ выступить къ Малоярославцу прежде полученія на то приказанія; ибо, повторяю, Кутузовъ очень легко могъ предпринять движеніе изъ Тарутина на Калугу, и тогда открылъ бы Наполеону путь на Медынь, съ выигрышемъ, по крайней мѣрѣ, трехъ, или четырехъ, маршей. Я оговариваю сдѣсь первое показаніе Г. Богдановича, что будто бы Дохтуровъ выступилъ изъ Аристова, не получивъ еще на то повелѣнія; впрочемъ, почтенный сочинитель сказалъ это такъ, безъ соображенія; ибо чрезъ три страницы онъ говоритъ уже другое; но тутъ я удивляюсь тому, можно ли было допустить себѣ и тѣнь мысли, что Дохтуровъ могъ предпринять такую рѣшимость, онъ, который отличался здравомысліемъ и опытностію! [12]

---

[10] Напрасно Г. Богдановичъ превозноситъ въ этомъ эпизодѣ партизановъ; мнѣ кажется, слѣдовало бы повременить до 1813 года, тѣмъ болѣе, что и въ окрестностяхъ Березины о нихъ не слышно, тогда какъ сдѣсь, точно также, какъ и въ окрестностяхъ Москвы, они могли бы принести большую пользу, за исключеніемъ, впрочемъ, Сеславина, появившагося около Березины, да и по переправѣ черезъ эту рѣку дѣятельность его была неутомима до самой Вильны. Относительно же другихъ, то я разумѣю только партизановъ, наблюдавшихъ собственно Москву и просмотрѣвшихъ выступленіе Французовъ изъ опой, начавшееся за восемь дней предъ тѣмъ, какъ Дохтуровъ первый извѣстилъ о томъ Кутузова. Но довольно о семъ: въ 1838 году я говорилъ уже о нихъ.

[11] Обстоятельство это подробно разсмотрѣно въ упоминавшейся статьѣ.

[12] Чтобы не прерывать разсказа о событіяхъ при Малоярославцѣ, а между тѣмъ

На стр. 31-й сказано, что «непріятель 11-го Октября занялъ Малоярославецъ, безъ сопротивленія.» [17]

За симъ слѣдуетъ ссылка (№ 2), а вотъ что и въ ней: «Липранди, исполнявшій должность Оберъ-Квартирмейстера 6-го пѣхотнаго корпуса, пишетъ, будто бы (!) Малоярославецъ былъ занятъ только небольшимъ числомъ непріятелей (Сѣв. Пч., 1858, № 45); но этому противорѣчатъ у Лабома (р. 256) подлинныя слова Дельзона Вице-Королю: «Вчера, прибывъ сюда, я занялъ позицію, и, казалось, намъ нельзя было ожидать ни какого сопротивленія, но въ четыре часа утра я былъ атакованъ многочисленной пѣхотой; немедленно два баталіона встали въ ружье: опрокинутые несравненно сильнѣйшимъ непріятелемъ, они были принуждены спуститься съ высоты и очистить Малоярославецъ.»

Почтенный сочинитель своей Исторіи словомъ «будто бы не признаетъ показанія моего за истину, по тому что этому

слѣдовать по порядку за страницами, ввожу нѣкоторыя мѣста въ выноску. Такъ, на стр. 22-й, исторіографъ, разсказывая о положеніи жителей Москвы, когда оставили ее Французы, присовокупляетъ: «Къ довершенію отчаянія несчастныхъ, наступила стужа, никогда не бывшая въ эту пору года. Страдальцы, лишенные крова, покрытые рубищами, изнемогавшіе отъ голода и холода, скитались и гибли на развалинахъ Москвы.» Ссылки нѣтъ, а самъ Г. Профессоръ, конечно, тутъ не былъ, изобразить же поэтическую картину крѣпко хотѣлось ему, желалось къ неимѣнію крова, рубища, къ изнеможенію отъ голода, прибавить, чтобы было посильнѣе, и стужу, отъ которой страдальцы гибли на развалинахъ» и т. д. Но какая могла быть стужа 11-го Октября, въ Москвѣ, особенно же для Русскихъ, тогда какъ общее засвѣдѣтельствованіе и самихъ Французовъ, говоритъ, что въ это время погода была прекрасная? Въ другомъ мѣстѣ это изложено подробно. Но вотъ замѣчательное явленіе на стр. 29-й: «Волынскій гусарскій полкъ. Что это такое? Я не слыхивалъ, чтобы въ Русской арміи былъ когда либо гусарскій полкъ этого имени. Думалъ опечатка, но нѣтъ; значитъ былъ такой полкъ въ мнѣніи Г. Профессора.

[17] А выше, на стр. 13-й, что было сказано? Вѣдь совершенно противное! Тамъ сказано, что онъ «могъ бы занять оный безъ сопротивленія, т. е., если бы Дохтуровъ выждалъ предписанія или въ этотъ городъ, и не поспѣшилъ бы самъ, не ожидая приказанія. Путаница!

противорѣчитъ Лабомъ, приведшій подлинныя слова Дельзона, сказанныя Вице-Королю! Сдѣсь слѣдуетъ замѣтить, во первыхъ, что въ статьѣ моей, на которую Г. Богдановичъ ссылается, нѣтъ и слова о томъ, чтобы я сказалъ, что «Малоярославецъ былъ занятъ только небольшимъ числомъ непріятелей.» Я сказалъ, что когда мы въѣхали въ городъ и достигли до первой площадки, сдѣланъ былъ по насъ залпъ ружей изо ста, [14] и послѣ сего не было уже ни одного выстрѣла, ни со стороны непріятеля, убѣжавшаго изъ города къ мосту, ни со стороны нашей. Проводникъ же, житель Малоярославца, тотчасъ взятый мною, объяснилъ, что часа за полтора человѣкъ двѣсти Французовъ вошли въ городъ и начали брать въ проводники кого ни попало; но когда послышались выстрѣлы (помянутый залпъ), они стремглавъ бѣжали. Вотъ все, что мною сказано, и что очень далеко отъ того, что Г. Богдановичъ приводитъ. [15]

Во вторыхъ. По чему Лабомъ пользуется большею довѣренностью въ этомъ случаѣ, когда Г. Богдановичъ самъ говоритъ о немъ (т. III, стр. 530): «Хотя сочинитель (Лабомъ) иногда увлекается негодованьемъ къ Наполеону и, давая волю воображенію, вдается въ показанія весьма сомнительныя, однако же представляетъ событія, относящіяся къ дѣйствіямъ великой арміи, и въ особенности 4-го пѣхотнаго корпуса, яркими красками и съ достаточною подробностью.» [16] По чему же Лабомъ и въ настоящемъ случаѣ не могъ увлечься, не дать воли своему воображенію и не вдаться въ показанія весьма сомнительныя,

---

[14] Мы были убѣждены, что въ Малоярославцѣ Казаки. Это видно и изъ Записокъ А. П. Ермолова, стр. 219. Должно предполагать, что Казачій наблюдательный постъ оставилъ городъ тотчасъ по исправленіи моста непріятелемъ, и когда этотъ послалъ въ оный за проводниками, постъ отступилъ къ Атаману, стоящему по направленію къ Медыни, не извѣстивъ насъ, слѣдующихъ отъ Спасскаго.

[15] Впрочемъ, Г. Богдановичъ не одинъ разъ такъ правильно ссылается, что видно изъ обзора его сочиненія.

[16] Еще повторяю: по чему не принятъ во вниманіе разсказъ его о 4-мъ корпусѣ, при овладѣніи центральной батареей въ Бородинѣ?

въ особенности принадлежа къ 4-му корпусу, тутъ дѣйствовавшему? Ему нужно было стоять за честь онаго.

Въ третьихъ. Но и самыя слова Дельзона, сказанныя будто бы Вице-Королю, при строгомъ разборѣ, даютъ понимать, что онъ дѣйствительно, только часа за полтора предъ тѣмъ, послалъ въ городъ за проводниками, не встрѣтивъ тутъ Русскихъ, а та часть, которая среди города наткнулась на насъ и сдѣлала залпъ, конечно, только шла еще занимать позицію. [17] Наконецъ это подтверждаетъ и Баронъ Денье, очевидецъ и участникъ, имѣвшій всю возможность, по своему положенію, знать лучше обстоятельство. Вотъ что говоритъ онъ (p. 108): «Deux bataillons d'avant-garde du Vice-Roi venaient à peine de penetrer dans la petite ville de Malojaroslawitz, qu' il furent attaques à l'improviste par deux regiments russes,» и должны были оставить городъ и т. д.

Въ четвертыхъ. По чему Г. Богдановичъ, ссылаясь на меня съ приложеніемъ: будтобы не сослался на Генерала Барона Кросара, [18] бывшаго безотлучно при Фельдмаршалѣ подъ Малоярославцемъ, который говоритъ то же, что и я, и именно (t. 5, p. 48), когда Кутузовъ прибылъ на мѣсто битвы, Дохтуровъ подъѣхалъ къ нему: «Il nous apprit, qu' au moment, où ses premieres troupes pentraient dans Malojaroslawitz, les premieres troupes de l'ennemi y entraient aussi du coté opposé»,—и присовокупляетъ: «Ainsi au rapport de ce général (Дохтуровъ), il serait constant, qu'aucune troupe ennemi n'avait meme pris possession des premieres maisons

---

[17] Дельзонъ прибылъ къ городу 11-го числа. Извѣстно же, что мостъ былъ сожженъ, плотина прорвана; онъ остановился предъ городомъ, за р. Лужей, и приступилъ къ исправленію моста. Когда онъ былъ изготовленъ, тогда и были имъ посланы упоминаемые два батальона, наткнувшіеся на 6-й и 33-й егерскіе полки, какъ о семъ будетъ сказано.

[18] Mémoires mititaires et historiques etc., par M. le Baron de Crossard, Marechal de camp etc. Paris, 1829, in 8, 6 v. Баронъ Кросаръ, Генералъ Испанской службы, былъ принятъ въ нашъ Генеральный Штабъ Полковникомъ. Онъ встрѣтилъ армію между Москвой и Бородинымъ, и съ того времени не покидалъ Князя Кутузова. А. П. Ермоловъ, въ Запискахъ своихъ (стр. 180), говоря объ обозрѣніи позиціи подъ Москвой, вмѣстѣ съ Барономъ Кросаромъ, отзывается о немъ, какъ о «человѣкѣ съ дарованіемъ,» и пр.

de la ville,» по чему повторяю, Г. Богдановичъ отвергаетъ всѣ эти засвѣдѣтельствованія, а придерживается только одного Лабома, который, по признанію самого сочинителя «Исторіи Отечественной войны,» даетъ волю воображенію, вдается въ показанія весьма сомнительныя?»

На этой же 31-й страницѣ:... «Войска Дохтурова, на разсвѣтѣ 12-го (24), прибыли къ Малоярославцу и стали по обѣ стороны Калужской дороги. Чтобы не дать непріятелю времени утвердиться въ городѣ,[19] Дохтуровъ тотчасъ послалъ туда состоявшіе въ отрядѣ Генерала Дорохова 6-й и 33-й егерскіе полки, за которыми въ резервѣ слѣдовалъ 11-й (егерскій).»

Помимо того, что это неправильно, а выражено; однако же, какъ бы очень ясно, Г. Богдановичъ, по видимому, недовольный и этой ясностью, усиливается пояснить еще яснѣе. Сказавъ уже, что войска Дохтурова заняли позицію для прегражденія непріятелю пути къ Калугѣ, и что съ этой позиціи сдѣлано было и распоряженіе послать въ городъ 6-й и 33-й егерскіе полки, за которыми въ резервѣ послѣдовалъ 11-й егерскій полкъ, вдругъ за этѣми послѣдними словами возвращается къ позиціи и говоритъ: «пѣхота 6-го корпуса, расположилась противъ города (!).»

Кто знаетъ твердо, что Дохтуровъ былъ начальниковъ 6-го корпуса, тотъ хотя немного и призадумается, но все таки пойметъ, что сочинитель говоритъ объ одномъ и томъ же обстоятельствѣ; но обыкновенный читатель подумаетъ, что здѣсь было два отряда—одинъ состоялъ изъ войскъ Дохтурова, а другой изъ 6-го корпуса; тѣмъ болѣе это сбивчиво и можетъ повести къ ошибочному мнѣнію уже и по тому, что въ первомъ случаѣ сказано положительно, что «войска Дохтурова стали по обѣ стороны Калужской дороги,» а во второмъ, что

[19] И здѣсь оборотомъ рѣчи и словомъ утвердиться Г. Богдановичъ какъ бы хочетъ дать понять, что непріятель былъ уже въ городѣ; ибо иначе, вмѣсто утвердиться, онъ бы сказалъ занять и утвердиться.

пѣхота 6-го пѣхота расположилась противъ города, кавалерія же правѣе,» къ Спасскому. Слѣдовательно, противъ какой изъ трехъ сторонъ? Ибо съ четвертой былъ непріятель, и объ этомъ послѣднемъ расположеніи говорится только чрезъ нѣсколько строкъ, послѣ перваго обозначенія позиціи! Сверхъ того, по моему мнѣнію, было бы приличнѣе говорить о конницѣ тамъ, гдѣ сказано о войскахъ Дохтурова; ибо въ то время онъ дѣйствительно начальствовалъ всѣми, тутъ сосредоточившимися, войсками; слѣдовательно, и слово войска Дохтурова было бы выраженьемъ правильнымъ. Но не сказавъ здѣсь ни слова о конницѣ, а упоминать о ней, говоря о пѣхотѣ 6-го корпуса,—неправильно; ибо въ составѣ 6-го корпуса, кромѣ пѣхоты, съ принадлежащею артиллеріею, конницы не было, а она была въ войскахъ Дохтурова; слѣдовательно, тутъ ей и мѣсто. Но это я замѣчаю такъ, мимоходомъ; но вотъ что здѣсь уже не неясность, а что-то другое.

Выше было видно, что Дохтуровъ, расположивъ свои войска по обѣ стороны Калужской дороги, уже отсюда тотчасъ послалъ въ городъ 6-й и 33-й егерскіе полки. Это сказано въ концѣ 31-й страницы, а въ началѣ слѣдующей, 32-й, говорится, что «въ пять часовъ утра войска наши пошли въ атаку (!): 33-й егерскій полкъ первымъ вступилъ въ городъ.» Нѣсколько строкъ далѣе: «Съ нашей стороны были посланы въ помощь 33-му полку 6-й и 19-й егерскіе полки, подъ начальствомъ Полковника Вунча.» [20]

Понятно, что чрезъ нѣсколько страницъ, при поспѣшномъ сложеніи Исторіи, можно забыть то, что уже сказано, на основаніи ли какого матеріяла, или на удачу, и потомъ, на основаніи тоже какого либо другого матеріяла, или также на удачу, и при отсутствіи даже и памяти, написать иное. Но написать это чрезъ

---

[20] Въ концѣ параграфа ссылка № 4, въ коей сказано: «Записки Ермолова. По свѣдѣтельству же Липранди прежде всѣхъ вошелъ въ городъ 6-й егерскій Полковника Глѣбова полкъ, а 33-й Полковника Бистрома остановился при входѣ въ городъ, какъ бы въ резервѣ.» Поясненіе этого обстоятельства находится въ не разъ упоминавшейся моей статьѣ.

нѣсколько строкъ—замѣчательно! Сдѣсь уже нѣтъ и помина о послѣдовавшемъ въ резервѣ за 6-мъ (12-й дивизіи) и 33-мъ (11-й дивизіи) полками, 11-мъ егерскомъ, который былъ 7-й дивизіи, а на мѣсто его появляется 19-й егерскій, 24-й дивизіи, и при томъ соединенно съ 6-мъ егерскимъ, который, какъ видно было выше, пошелъ вмѣстѣ съ 33 полкомъ и сдѣсь вдругъ очутился съ своимъ шефомъ, Глѣбовымъ, подъ начальствомъ Вуича, вмѣсто 40-го егерскаго, бригады сего послѣдняго!

Таковы итоги соображеній лицъ, которыя мнятъ стоять выше бывалыхъ, не совершенно такъ же чуждыхъ письменности, а по опытности обладающихъ большою основательностью.

Сдѣсь я только слегка замѣтилъ нѣкоторыя несообразности въ частностяхъ, которыя ловкій писатель, хотя бы и не чрезъ чуръ былъ письменный и свѣдущій въ литературѣ такого рода, съумѣлъ бы парализировать, рѣшившись на что ни будь одно, такъ, чтобы не было разнорѣчія: пусть догадываются! А какъ всѣ участники перемрутъ, такъ кому какое дѣло: Дитерихъ ли съ 11-мъ егерскимъ полкомъ поддерживалъ 6 й и 33-й полки Глѣбова и Бистрома, или Вуичъ съ 19-егерскимъ; главное, было бы гладко; но такъ какъ написалъ Г. Богдановичъ, и чрезъ нѣсколько вѣковъ узрятъ промахи и неосновательность повѣствованій.

Относительно же выше упомянутаго эпизода, онъ вообще отъ начала до конца изложенъ неправильно. Сдѣсь вкратцѣ замѣчу: 6-й и 33-й егерскіе полки, присоединившіеся къ Дохтурову, при Аристовѣ, были посланы въ городъ не съ позиціи при Малоярославцѣ, а изъ Спасскаго, когда едва только представилась возможность, по приготовляемымъ плотамъ для мостовъ, перебраться по бревнамъ чрезъ Протву, [21] и направлены въ городъ, въ который вошли за четверть часа до разсвѣта, не ходивъ въ

[21] По этому нельзя было присоединить къ нимъ и артиллеріи, которая послана была при первой возможности. Дохтуровъ торопился, какъ бы скорѣе успѣть занять Малоярославецъ, а по тому, едва представилась возможность, и послалъ помянутые полки.

этомъ случаѣ въ атаку, какъ выше сказалъ это почтенный сочинитель. Когда же мосты въ Спасскомъ были готовы, Дохтуровъ переправился и узналъ о положеніи дѣла въ Малоярославцѣ, тогда, въ слѣдъ за 6-мъ и 33-мъ егерскими полками, былъ посланъ Вуичъ съ 19 и 40 егерскими полками [22] и съ легкою артиллерійскою ротой Девеля. Подробности этого находятся въ той же статьѣ моей.

Продолжая описывать бой въ городѣ (стр. 34), сказано: «Съ нашей стороны Вильманстрандскій пѣхотный и 11-й егерскій полки введены въ Малоярославецъ,» и т. д.

Что за оказія! Сдѣсь является опять 11-й егерскій полкъ, но уже не вмѣстѣ съ 6-мъ и 33-мъ егерскими, какъ сказано было за полуторы страницы выше, а съ Вильманстрандскимъ. Не понимаю, какимъ образомъ могъ попасть, вмѣстѣ съ 11-мъ егерскимъ полкомъ, принадлежавшимъ 6-му корпусу, Вильманстрандскій, гораздо прежде прибытія Кутузова, слѣдовательно, и Милорадовича (пришедшаго еще позднѣе), у котораго въ авангардѣ находился 2-й корпусъ, а по тому и дивизія Олсуфьева, въ составѣ которой былъ Вильманстрандскій полкъ! Сдѣсь должна быть, кажется, описка, не замѣченная сочинителемъ своей Исторіи. Я не помню этого полка дѣйствовавшимъ въ Малоярославцѣ съ полками 6-го корпуса, по крайней мѣрѣ, до прибытія всей арміи. [23] Не произошло ли сдѣсь недоумѣніе, и вотъ по чему: когда

---

[22] Сдѣсь должно замѣтить, что этѣ полки, потерпѣвъ громадныя потери въ Бородинѣ, были соединены въ одинъ слабый полкъ подъ № 19, что продолжалось до 1813 года, когда подошли резервы и полки вновь получили отдѣльное свое значеніе.

[23] Полкъ этотъ былъ очень мнѣ знакомъ еще съ Финляндской войны, когда имъ лично командовалъ шефъ онаго, П. А. Тучковъ 3-й; слѣдовательно, ни въ какомъ случаѣ я не могъ забыть этого, помня и до днесь многихъ Офицеровъ; а сверхъ того, по обязанности моей, это ни какъ не могло укрыться отъ моего свѣдѣнія; да и самъ Г. Богдановичъ, конечно, не упустилъ бы сказать, какимъ образомъ полкъ этотъ очутился въ дѣйствіи съ 6-мъ корпусомъ, а этого нѣтъ; и по тому это ошибка, промахъ въ глазахъ очевидцевъ битвы, а другимъ, опять говорю, какое дѣло? Не уже ли въ міровыхъ событіяхъ, какъ часто

Генералъ Дороховъ оставленъ былъ съ летучимъ отрядомъ въ окрестностяхъ Вереи, то въ концѣ Сентября, для предпріятія на этотъ городъ, отправлены были къ нему Полоцкій и Вильманстрандскій мушкетерскіе полки и изъ 6-го корпуса батальонъ 19-го егерскаго полка. По овладѣніи Вереею, 29-го Сентября, пѣхота и легкая артиллерія возвратились къ арміи. [24] Событіе это мнѣ очень памятно по многимъ отношеніямъ. Скоро послѣ, вмѣсто помянутой пѣхоты, посланы были къ Дорохову 6-й и 33-й егерскіе полки, присоединившіеся къ Дохтурову при Аристовѣ. [25]

На стр. 35-й разсказывается, какъ Кутузовъ, переправясь въ Спасскомъ чрезъ Протву, «остановилъ войска въ пяти верстахъ отъ поля сраженія и далъ имъ отдыхъ.. .. Осторожный Кутузовъ

говаривалъ покойный А. И. Даниловскій, имя того или другого полка можетъ имѣть какой либо историческій интересъ? Эти частности стушевываются громадностью общаго событія. Не то относительно живыхъ, въ чемъ неотмѣнно сознается и Г. Профессоръ, тѣмъ болѣе, что это было такъ и во времена Тита Ливія.

[24] По чему этого нѣтъ у Г. Богдановича, когда у другихъ историковъ оно находится? Но отъ этого ли незнанія помѣщенъ и Вильманстрандскій полкъ тамъ, гдѣ уже его не было? Во всякомъ случаѣ, Исторія, посвященная исключительно описанію военныхъ дѣйствій въ Отечественную войну, должна была пояснить это обстоятельство, тѣмъ болѣе, что объ отозваніи этѣхъ полковъ отъ Дорохова говорится въ предшествовавшихъ исторіяхъ, а равно и объ отправленіи въ послѣдствіи къ Дорохову 6-го и 33-го егерскихъ полковъ, въ замѣнъ отозванныхъ.

[25] Въ Запискахъ А. П. Ермолова (стр. 221) упоминается о Вильманстрандскомъ полкѣ слѣдующимъ образомъ: «....прибыли въ распоряженіе мое 11-й егерскій полкъ и пѣхотные Софійскій, Либавскій и Вильманстрандскій, съ достаточнымъ количествомъ артиллеріи.... Храбрая атака въ штыки Либавскаго полка, подъ начальствомъ Генералъ-Маіора Талызина, и Софійскаго, подъ командой Полковника Халяпина (а не Халятина, что, конечно, опечатка), которые, не сдѣлавъ выстрѣла, вошли въ городъ» и т. д. Первые названные здѣсь три полка 7-й дивизіи, бывшей въ составѣ 6-го корпуса, а послѣдній 2-го корпуса; Либавскій и Софійскій составляли 2-ю бригаду; Псковскій и Московскій 1-ю, а 11 и 36-й 3-ю бригаду 7-й дивизіи. Еще разъ повторяю, что въ помянутомъ наименованіи должна быть описки, которую Г. Богдановичъ ввелъ въ Исторію.

(продолжаетъ сочинитель) неохотно рѣшался на движеніе къ Малоярославцу (еще подтвержденіе, что Дохтуровъ не могъ безъ приказанія итти изъ Аристова въ Малоярославецъ), могшее повлечь за собой генеральное сраженіе, но получивъ во второй разъ извѣстіе о затруднительномъ положеніи Дохтурова, послалъ ему въ помощь 7-й корпусъ и поручилъ Коновницыну разузнать о ходѣ сраженія. Коновницынъ, съ первыми встрѣченными имъ батальонами Орловскаго полка, ударилъ на непріятеля. Въ слѣдъ за тѣмъ Раевскій подоспѣлъ съ своимъ корпусомъ на правый флангъ нашей позиціи, къ тремъ часамъ по полудни» и т. д.

Прохожу молчаніемъ тонкую филиппику на счетъ медленности Кутузова спѣшить къ Дохтурову и опасенія не быть завлеченнымъ въ генеральное сраженіе, что, въ особенности послѣднее, вызвало бы длинное разсужденіе; замѣчу опять одинъ только неясности. Кутузовъ посылаетъ 7-й корпусъ на помощь Дохтурову и поручаетъ Коновницыну разузнать о ходѣ сраженія; Коновницынъ же, «съ первыми встрѣчными батальонами Орловскаго полка, ударяетъ на непріятеля. [28] Это не только что неясно, но и во все непонятно: Орловскій полкъ былъ 7-го корпуса, котораго подъ Малоярославцемъ еще не было. Онъ только что получилъ приказаніе итти туда. Тѣмъ болѣе это сбивчиво, что послѣ того, какъ Коновницынъ съ Орловцами ударилъ на непріятеля, сказано: «въ слѣдъ за симъ Раевскій подоспѣлъ съ своимъ корпусомъ» и т. д. Какимъ же образомъ Орловцы-то были подъ Малоярославцемъ прежде, нежели подошли къ нему? Слѣдовательно, неясность еще очевиднѣе! Сдѣсь должно еще замѣтить, что оборотъ рѣчи въ приведенномъ мною параграфѣ возбудитъ недоумѣніе въ лицахъ, несовершенно знакомыхъ съ событіями, и заставитъ ихъ подумать, что 7-й корпусъ, отправленный въ помощь Дохтурову, не то, что корпусъ Раевскаго. А наконецъ, что такое Коновницынъ въ этотъ моментъ? Мы это знали, но для другихъ поясненіе было необходимо; ибо въ это время онъ былъ уже Дежурнымъ Генераломъ, а по составу рѣчи, какъ будто на-

---

[28] Въ Запискахъ А. П. Ермолова сказано о семъ (стр. 222): «На самое короткое время пріѣзжалъ изъ арміи Дежурный Генералъ Коновницынъ; появленіе его было для одной реляціи.»

чальникомъ 7-го корпуса. Все это, повторяю, ясно для насъ, а можетъ быть отчасти и для Г. Богдановича, но не для всѣхъ, которые желали бы, не ломая головы, почерпнуть понятія положительныя.

На стр. 36-й: «полки Дохтурова и Раевскаго, отойдя на пушечный выстрѣлъ отъ города, выставили сильныя батареи.» Эти три строки неотчетливы: онѣ наводятъ мысль на наше пораженіе, а по тому пройду кратко этотъ эпизодъ. По прибытіи Дохтурова, онъ занялъ позицію предъ Малоярославцемъ около трехъ четвертей версты отъ онаго, поперекъ дороги, идущей въ Калугу. Около версты сзади позиціи Дохтурова находилось селеніе Нѣмцево, лежащее въ глубокомъ оврагѣ. Относительно того, былъ ли въ началѣ занятъ городъ Французами, *какъ хочетъ увѣрить* Г. Богдановичъ (впрочемъ, невольно противорѣча себѣ), или не былъ занятъ, это все равно. Сдѣсь дѣло только въ томъ, что городъ былъ спорнымъ пунктомъ между обѣими арміями, и мы съ позиціи, первоначально занятой передъ городомъ, посылали подкрѣпленія въ оный по мѣрѣ того, какъ непріятель усиливался. Раевскій, прибывъ съ своимъ 7-мъ корпусомъ, остановился на правомъ флангѣ 6-го корпуса, слѣдовательно, продолжилъ только *первоначальную позицію*, занятую на разсвѣтѣ Дохтуровымъ. Съ этой позиціи оба корпуса стали посылать подкрѣпленіе бившимся въ городѣ, который нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки, и позиція наша оставалась во все время на томъ самомъ мѣстѣ, какъ она занята была первоначально.

Сказанныя слова Г. Богдановича: «полки Дохтурова и Раевскаго, отойдя на пушечный выстрѣлъ отъ города, выставили сильныя батареи,» даютъ понимать, что мы отступили на пушечный выстрѣлъ; но это было не такъ; ибо если бы Г. Богдановичъ сказалъ, что полки Дохтурова и Раевскаго отошли на позицію, съ которой былъ открытъ сильный огонь съ батарей, то было бы правильно и понятно; но такъ какъ онъ выразился, оно неправильно и непонятно. Вытѣсненіе полковъ Дохтурова и Раевскаго изъ города свѣжими войсками, приведенными Даву, было кратковременное: отбросивъ картечнымъ огнемъ головы не-

пріятельскихъ колоннъ, пытавшихся выйти изъ города, наши опять проникали въ оный. По прибытіи же 8-го корпуса Бороздина, послѣдній вытѣснилъ Французовъ изъ города, который потомъ опять былъ занятъ ими, когда уже стемнѣлось. [27]

Изъ всего выше писаннаго видно, что позиція наша, занятая Дохтуровымъ на разсвѣтѣ 12-го ч., оставалась постоянно за нами до разсвѣта слѣдующаго дня, до того времени, какъ приказано было всей арміи перейти Нѣмцевскій оврагъ и занять другую позицію, что и было совершено ночью на 13 Октября. Но и тогда позиція, первоначально занятая Дохтуровымъ, оставалась до десяти часовъ утра, 13-го числа, занятой Милорадовичемъ съ авангардомъ, въ которомъ случайно были и три полка 6-го корпуса.

На стр. 37-й сказано: «Уже день склонялся къ вечеру, когда прибылъ къ Малоярославцу Фельдмаршалъ съ остальными корпусами, пришедшими отъ Тарутина. [28] Войска сіи располо-

---

[27] Оставленіе Малоярославца корпусомъ Бороздина произошло отъ какого-то недоумѣнія, какъ говорили въ то время. Сдѣсь не мѣсто разсматривать это, что было бы и слишкомъ длинно. Но нельзя не замѣтить тутъ замысловатыя слова, будто бы сказанныя Кутузовымъ Коновницыну, отправляя его, какъ видѣли выше, въ Малоярославецъ (стр. 67): «Ты знаешь, какъ я тебя берегу и всегда упрашиваю не кидаться въ огонь; но теперь прошу тебя очистить городъ.» Не извѣстно, изъ какихъ источниковъ слова этѣ переданы въ Исторію. А вотъ въ чемъ дѣло: гдѣ Кутузовъ берегъ Коновницына? Въ аріергардѣ до Шепардина и при оном, въ Бородинѣ, вездѣ доля Коновницына была находиться въ самыхъ жаркихъ мѣстахъ. Сдѣсь подъ Малоярославцемъ, хотя онъ былъ Дежурнымъ Генераломъ, но, какъ видимъ, онъ посылается Кутузовымъ въ огонь во второй разъ, съ приказаніемъ, которое не могло не потребовать полнаго самоотверженія, и посылается тогда и туда, гдѣ дѣйствовали Генералы не хуже Коновницына, Дохтуровъ, Раевскій, Принцъ Евгеній Виртембергскій, Ермоловъ и др., а по тому приведенныя слова въ этомъ случаѣ не приходятся и представляютъ мистификацію, буде дѣйствительно были сказаны Кутузовымъ. Любопытно было бы знать, отъ кого заимствовалъ ихъ сочинитель? Самъ, вѣдь, слышать онъ не могъ, какъ Даниловскій, передающій иногда то, что онъ самъ слышалъ.

[28] Нахожу неправильнымъ выраженіе: «съ остальными корпусами.» Если бы подъ Малоярославцемъ была, положимъ, хотя бы половина арміи, тутъ выра-

жились на высотахъ по обѣ стороны Калужской дороги, въ двухъ съ половиною верстахъ отъ города.»

И сдѣсь, помимо перепутанности въ разсказѣ вообще о событіяхъ при Малоярославцѣ, обращу только вниманіе на несогласованіе помянутыхъ строкъ съ приложеннымъ къ этому же сочиненію планомъ, что, со множествомъ подобнаго, ставитъ читателя, какъ говорится, въ тупикъ и оставляетъ въ недоумѣніи. Чему все это должно приписать?

Если Кутузовъ, подойдя къ Малоярославцу, дѣйствительно расположилъ армію въ двухъ съ половиной верстахъ отъ города по Калужской дорогѣ, въ такомъ случаѣ слѣдовало бы уже такъ обозначить и на планѣ. Между тѣмъ какъ на планѣ вся приведенная Кутузовымъ армія и корпуса, бывшіе съ Милорадовичемъ, показаны расположенными отъ города въ разстояніи менѣе версты, исключая 2-й и 4-й пѣхотные корпуса не съ большимъ въ верстѣ, а 2-й и 4-й кавалерійскіе корпусы около полуторы версты, какъ въ дѣйствительности это и было, что свѣдѣтельствуетъ повѣствованіе Бутурлина, Кросара и Михайловскаго-Данилевскаго, который приложилъ и снятый въ свое время планъ. [29]

женіе это было бы сносно. Но сдѣсь былъ только одинъ корпусъ 6-й; слѣдовательно, остальное составляло шесть пѣхотныхъ и нѣсколько кавалерійскихъ корпусовъ. Но это я говорю мимоходомъ. Въ строгомъ смыслѣ невѣрно и то, что эти остальные пришли отъ Тарутина; ибо нѣсколько корпусовъ пришли съ Милорадовичемъ не отъ Тарутина.

[29] Пожалуй, иной подумаетъ, что сочинитель: «Исторіи Отечественной войны» не видалъ прилагаемаго къ своему тексту плана, точно также, какъ и плана Тарутинской позиціи. У Данилевскаго къ событіямъ Малоярославца приложено четыре плана: 1, Движеніе арміи изъ Тарутина; 2, Планъ сраженія въ началѣ только Дохтурова; 3, Планъ сраженія, когда Кутузовъ привелъ армію и расположилъ ее передъ городомъ, имѣя сзади Нѣмцево, и 4, Планъ ночнаго нападенія Казаковъ съ 12-го на 13-е Октября, гдѣ показана и армія, ставшая уже на позицію въ двухъ съ половиною верстахъ отъ города, имѣя предъ собой Нѣмцево. Что же изъ всего этого представляетъ Г. Богдановичъ? Одинъ планъ, несходствующій съ текстомъ описанія!? За что же онъ такъ безщадно, какъ далѣе увидимъ, громитъ Данилевскаго, вмѣстѣ съ Ахшарумо-

Кутузовъ, по прибытіи къ Малоярославцу, поставилъ всѣ свои и Милорадовича войска, не такъ, какъ повѣствуетъ Г. Богдановичъ, а расположилъ ихъ правѣе Дохтурова и Раевскаго, что правильно на планѣ и показано, словомъ, передъ городомъ, имѣя сзади Нѣмцевскій оврагъ, и прикрылъ фронтъ тремя укрѣпленіями, съ неимовѣрною скоростію устроенными Генераломъ Ферстеромъ, на половину пушечнаго выстрѣла отъ города.

Г. Богдановичъ видимо недостаточно вникнулъ и изучилъ описываемыя имъ событія, и слилъ два эпизода въ одинъ. А именно: когда Кутузовъ и Милорадовичъ 12-го числа пришли къ Малоярославцу, они остановились на позиціи, какъ замѣчено выше, на пушечный выстрѣлъ отъ города, словомъ, такъ, какъ показано и на планѣ, приложенномъ къ сочиненію Г. Богдановича. Это была первоначальная позиція или, правильнѣе сказать, позиція въ день битвы.

Но такъ какъ позиція эта не включала необходимыхъ условій для принятія Генеральнаго сраженія, которое могло произойти на слѣдующій день; ибо въ трехъ четвертяхъ версты, за лѣвымъ флангомъ и частію центра, по направленію къ Калугѣ, находился глубокій Нѣмцевскій оврагъ трудно проходимый, по крутизнѣ единственнаго спуска и подъема на столбовой дорогѣ, пролегавшей чрезъ селеніе Нѣмцево, а о другихъ переходахъ чрезъ этотъ оврагъ нельзя было и помышлять; за правою же частію центра и за правымъ флангомъ позиціи находилась глубокая, трудно проходимая, долина, поросшая лѣсомъ и изрѣзанная оврагами, среди которой протекаетъ ручей, впадающій въ р. Лужу, то все это и побудило Фельдмаршала, занятую имъ предъ вечеромъ, 12-го ч., позицію оставить и перейти между полуночью (на 13-е Октября) и разсвѣтомъ Нѣмцевскій оврагъ, и тутъ твердо расположиться къ утру. Вотъ позиція, занятая уже, какъ сказано, 13-го числа, по окончаніи битвы въ Малоярославцѣ и отстоявшая отъ города дѣйствительно на двѣ съ поло-

---

вымъ, Бутурлинымъ, Окуневымъ, словомъ, всѣхъ, кто дерзалъ писать прежде его сочиненія?

виной версты; но позиція эта была не первоначальной, на которую Г. Богдановичъ приводитъ Кутузова прямо изъ Тарутина, вопреки даже плана расположенія всей арміи 12-го числа. Замѣчательно сдѣсь то, что текстъ не упоминаетъ о позиціи арміи 12-го ч., хотя планъ подробно указываетъ на мѣста, занимаемыя каждымъ корпусомъ и другими частями войскъ, между тѣмъ какъ позиція, упоминаемая въ текстѣ, за двѣ съ половиной версты, не имѣетъ плана.

Г. Богдановичъ справедливо говоритъ (стр. 32), что Кутузовъ привелъ армію къ Малоярославцу, когда день началъ склоняться къ вечеру; но несправедливо, что расположился въ двухъ съ половиной верстахъ. Туда она отправилась къ разсвѣту, 13-го ч., а до окончанія битвы, 12 ч., она оставалась въ продолженіе десяти часовъ времени, значитъ, около полусутокъ, на позиціи предъ самымъ городомъ, на пушечный выстрѣлъ отъ онаго. Фельдмаршалъ самъ указалъ Генералу Ферстеру мѣста для возведенія редутовъ, и при обозрѣніи мѣстности не одно ядро пролетѣло около него.

Если бы Г. Богдановичъ былъ снисходительнѣе къ очевидцамъ, писавшимъ прежде его, а не отдавалъ бы преимущества, по собственному выбору, тѣмъ, которые описываютъ событія, не участвовавъ въ оныхъ, то онъ не впалъ бы въ такія погрѣшности, которыми сочиненіе его переполнено. На примѣръ, относительно разбираемаго предмета, онъ нашелъ бы всему этому разъясненіе у Михайловскаго-Данилевскаго, [30] который (т. III, стр. 292) пишетъ: «Мѣстность не дозволяла принять нападенія съ

---

[30] Описаніе Михайловскимъ-Данилевскимъ Малоярославецкаго сраженія (то жь при Бородинѣ и пр.), конечно, не удовлетворительно, но въ немъ нѣтъ такихъ промаховъ, какіе встрѣчаются въ «Исторіи Отечественной войны 1812 г.» Участникъ никогда не можетъ впасть въ такую ерунду, какъ писатель, не участвовавшій въ тѣхъ событіяхъ, который предпринялъ описывать, а при томъ и не видавшій еще ни одной классической войны. Сверхъ всего этого хотя и Данилевскій иногда проскакивалъ на курьерскихъ чрезъ нѣкоторыя событія, но у него нельзя отнять свободы выражать военныя дѣйствія, и онъ, не предпринималъ сужденій, которыя ему не подъ силу: на столько у него было смыслу!

той позиціи, гдѣ наша армія стояла; ибо сзади находились овраги, и нельзя было употребить нашей кавалеріи, обѣщавшей намъ въ сраженіи рѣшительный перевѣсъ. Возобновить бой ночью тоже было неудобно, а по тому Князь Кутузовъ приказалъ арміи занять, до разсвѣта, другую позицію, въ двухъ съ половиною верстахъ позади первой. Передвиженіе войскъ исполнено ночью, съ 12-го на 13-е Октября; только Милорадовичу велѣно было не трогаться и стоять въ виду города на прежней позиціи.»

Г. Богдановичъ нашелъ бы то же самое у Бутурлина (т. II, стр. 46), что «съ 12 на 13-е ч. армія расположилась на Калужской дорогѣ, за ручьемъ Корижею (текущимъ въ Нѣмцевскомъ оврагѣ), въ весьма выгодной позиціи, въ двухъ верстахъ съ половиной отъ Малоярославца.» Еще болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ періодѣ онъ получилъ бы изъ повѣствованія Барона Кросара, состоявшаго при Фельдмаршалѣ и избравшаго эту вторую позицію, о которой очень подробно разсказываетъ въ пятомъ томѣ своихъ военныхъ воспоминаній, посвятивъ этому нѣсколько страницъ (51—61), именуя даже Офицеровъ Генеральнаго Штаба, ему для сего приданныхъ. Независимо отъ этѣхъ указаній, есть множество другихъ засвѣдѣтельствованій, [31] писанныхъ также участниками при Малоярославцѣ, какъ въ рядахъ нашихъ, такъ и непрія-

---

[31] Въ «Походныхъ Запискахъ артиллериста,» Полковника П. Т. Радожицкаго (т. I, стр. 228); въ «Офицерскихъ Запискахъ», Князя П. Б. Голицына (стр. 27); въ «Походѣ Наполеона въ Россію» (стр.); въ «Запискахъ о походахъ 1812 и 1813 годовъ» (стр. 15); въ «Малоярославцѣ 1812 г.» В. Глинки (стр. 79); въ «Пораженіи Французовъ на Сѣверѣ» (стр. 240), и другихъ соотечественниковъ. А вотъ засвѣдѣтельствованіе и Французовъ: Генерала Гурго (р. 27); Маркиза Шамбре (т. II, p. 334); Графа Солтыка (p. 359); Лабома (p. 228); Mém. pour serv. a l' hist. de la guerre de 1812, Офицера Французскаго Генер. Штаба (t. II, p. 254—256, съ очень подробнымъ планомъ, № XI); въ Трофеяхъ Французской арміи, книги, составленной участниками (t. V, p. 188); въ Запискахъ Маршала Гувіона Сенъ-Сира (t. III, p. 279); въ Исторіи Тьера (t. XIV, p. 482). Этѣ два послѣдніе, хотя и не участвовали подъ Малоярославцемъ, но, конечно, писали господствующее засвѣдѣтельствованіе. Вотъ еще и нѣсколько Нѣмцевъ, попавшихся подъ руку: Морицъ Миллеръ (t. II, S. 8, съ подробнымъ планомъ); Либенштейнъ (t. II, S. 208, 209); Бейтцке (S. 284), и т. д., и т. д.

тельскихъ, и которые всѣ съ большею или меньшею подробностію положительно говорятъ, что Кутузовъ, приведя армію изъ Тарутина, не прямо расположилъ ее за двѣ съ половиной версты отъ города, но поставилъ ее кругомъ его на пушечный выстрѣлъ, воздвигъ редуты или батареи и съ пяти часовъ по полудни 12 ч., во время разгара дѣла, удерживалъ ее на этой позиціи, дѣлая лично подъ ядрами распоряженія, и такъ оставаясь долго послѣ окончанія сраженія: по полуночи, къ разсвѣту, перевелъ армію съ той позиціи, на которой она оставалась нѣсколько времени на ту, [32] которую Г. Богдановичъ указываетъ, какъ на позицію, занятую арміею тотчасъ, какъ привелъ ее Кутузовъ изъ Тарутина, не упоминая вовсе о позиціи подъ самымъ городомъ во время битвы, хотя на планѣ и помѣстилъ правильно!.... Но что я говорю! Вѣдь приведенные мною сочинители были всѣ участники, писавшіе при живыхъ еще главныхъ дѣятеляхъ и не опасались излагать истину, противъ которой современники событій и не возставали. Мнѣніе же почтеннаго сочинителя «Исторіи Отечественной войны» не таково: онъ, какъ видѣли въ своемъ мѣстѣ, утверждаетъ, что засвѣдѣтельствованіе участниковъ пристрастно; это не то, что Гепфнеръ, Бернгарди и т. п.

Я же думаю, что нельзя отвергать показаній столькихъ лицъ, участвовавшихъ въ описываемомъ событіи, свѣдѣтельствующихъ, [33] что армія, приведенная Кутузовымъ изъ Тарутина, засвѣтло, 12-го Октября, не прямо заняла позицію за двѣ съ половиною версты. Впрочемъ, онъ и самъ на той же страницѣ, гдѣ пишетъ о прибытіи арміи (правда, по его сказанію, расположившейся за двѣ съ половиною версты), очень простодушно говоритъ: «съ наступленіемъ темноты, войска обѣихъ сторонъ, прекративъ отчаянную [34] борьбу, оставались на занятыхъ ими позиціяхъ:

---

[32] Эта-то вторая позиція такъ напугала Бесьера, а чрезъ него и Наполеона.

[33] Занимая должность Оберъ-Квартирмейстера 6-го корпуса, мнѣ, независимо отъ дневника, очень понятно, когда, вмѣстѣ съ другими Оберъ-Квартирмейстерами, меня потребовали для принятія мѣстъ и пр.

[34] Сдѣсь слово «ожесточенную» было бы соотвѣтственнѣе. Отчаяніе въ Мало-

Французы въ Малоярославцѣ, а Русскіе въ разстояніи менѣе версты отъ города (что было въ дѣйствительности, какъ на планѣ и означено), но канонада и ружейная перестрѣлка продолжались почти до полуночи.»

Какъ же это согласовать? Конечно, если бы описываемыя событія происходили въ настоящее время, тогда такое противорѣчіе самому себѣ можно бы легко помирить; ибо теперь, сказавъ на пушечный выстрѣлъ, можно было бы подразумѣвать и двѣ съ половиной версты, а, пожалуй, и гораздо болѣе; но въ 1812 году и долго послѣ не было еще снарядовъ дальняго полета; слѣдовательно, послѣ сказаннаго Г. Богдановичемъ и самый обще-Европейскій конгресъ не придумаетъ, какъ примирить эти двѣ повѣсти и сблизить ихъ. Ограничивающійся однимъ сочиненіемъ Г. Богдановича, для полученія понятія о Малоярославецкой битвѣ, останется въ недоумѣніи, чему вѣрить: плану, или тексту, и невольно придетъ къ тому заключенію, что почтенный сочинитель, какъ жрецъ истины, съ свѣтильникомъ въ рукахъ, разрывъ всѣ матеріялы и проникнувъ въ сокровенные и темные, какъ онъ говоритъ, двигатели, нашелъ, что одна изъ этихъ позицій есть не что иное, какъ миѳъ.

Не понимаю, какимъ образомъ можно было впасть въ такія важныя ошибки при описаніи сраженія, которое, повторяю, положило предѣлъ наступательнымъ движеніямъ Наполеона. Послѣ Малоярославца онъ уже не сдѣлалъ шага впередъ. [35] Графъ Сегюръ (t. II, p. 93) говоритъ: «Mes compagnons, vous le rappelez vous, ce champ funeste, où s'arreta la conquette du monde, où vingt ans de victoire vinrent echouer, où commence le grand ecroulement de notre fortune?» и т. д. Маршалъ Гувьонъ Сенъ-Сиръ и многіе другіе ставятъ Малоярославецъ на ту же степень; слѣдовательно, намъ надлежало бы обратить вниманіе на это и, по

ярославцѣ, когда подошла уже вся наша армія, можетъ относиться только къ Французамъ, но отнюдь не къ ихъ противникамъ.

[35] Временное его наступленіе послѣ Люцена, въ 1813 году, до перемирія, сдѣсь входить въ расчетъ не можетъ; ибо характеръ его совершенно иной.

крайней мѣрѣ, сколь возможно отчетливѣе и правильнѣе изобразить столкновеніе двухъ великихъ армій, но что вышло. Не достаетъ только печеныхъ яблокъ на деревьяхъ! Конечно, и здѣсь невнимательность при составленіи компиляціи была тому главной причиной. Но какая самонадѣянность на непогрѣшимость своихъ трудовъ и не дать кому ни будь изъ постороннихъ прочитать написанное? Этотъ посторонній, будь онъ, повторяю, и мало свѣдущимъ въ военномъ дѣлѣ, не упустилъ бы замѣтить, покрайней мѣрѣ, одни только противорѣчія самому себѣ, и тогда этого было бы уже много для подобной книги.

Такъ какъ Г. Богдановичъ принялъ за правило описываемыя имъ событія украшать иногда собственными своими критическими взглядами, принимая таковые, какъ выразился въ предисловіи, на свою отвѣтственность, то и здѣсь, на стр. 39-й, онъ говоритъ: «Опытные военные люди, и въ числѣ ихъ нѣкоторые участники войны 1812 года, полагаютъ, что Фельдмаршалъ, по прибытіи арміи къ Малоярославцу, долженъ былъ приказать немедленно очистить городъ, по тому что цѣль нашихъ дѣйствій,— загражденіе Французамъ пути къ Калугѣ,—уже была достигнута, и если бы непріятель осмѣлился выйти въ поле, то, судя по относительной силѣ обѣихъ сторонъ, онъ могъ бы подвергнуться совершенному пораженію. Напротивъ того, всѣ дальнѣйшія усилія нашей арміи удержаться въ Малоярославцѣ, не принесли намъ ни какой выгоды, сопряжены были съ напрасною потерею людей.» [36]

Тутъ есть истина; но чтобы пояснить ее, необходимо было сдѣлать подробное обозрѣніе всего того, что могло быть предпринято съ той и другой стороны; тогда, можетъ быть, оказалось бы что либо и иное, и во всякомъ случаѣ уже не то, что оказы-

---

[36] Сдѣсь ссылка № 25-й, въ которой сдѣлано извлеченіе изъ Записокъ А. П. Ермолова объ этомъ предметѣ; но въ нихъ говорится, что 13-го Октября Наполеонъ (стр. 223) только «дѣйствовалъ изъ орудій противъ цѣпи Казаковъ и кавалеріи, составлявшей резервъ; болѣе же во весь день ни чего не предпринималъ.» Между тѣмъ какъ Г. Богдановичъ (стр. 40) говоритъ, что Наполеонъ дѣлалъ къ тому распоряженія и т. д.

вается..... Жаль, что сдѣсь не упомянуты опытные военные люди, и кто въ числѣ ихъ нѣкоторые участники 1812-го года, исключая А. П. Ермолова, были того же мнѣнія.

Замѣчательны иногда предположенія почтеннаго сочинителя «Исторіи Отечественной войны 1812 года,» не подкрѣпляемыя ни мнѣніемъ другихъ, ни собственными своими критическими выводами и заключеніями. Такъ, на примѣръ, на стр. 47, въ разсужденіяхъ о послѣдствіяхъ Малоярославецкаго сраженія, встрѣчается слѣдующее: «Такимъ образомъ Наполеонъ, предпринявъ безъ важныхъ причинъ [37] движеніе къ Калугѣ, отказался отъ своего намѣренія тогда, когда, по всей вѣроятности (!!), Кутузовъ уже готовъ былъ открыть ему путь къ этому городу.» Предположеніе это, конечно, почерпнуто въ слѣдствіе усилій проникать въ «сокровенные двигатели событій, какъ обѣщано въ предисловіи. Но вотъ въ чемъ суть: на слѣдующихъ 48 и 49 страницахъ, почтенный военный историографъ, упорствуя въ этомъ предположеніи, говоритъ: «Самъ Кутузовъ (замѣтьте самъ!), не смотря на превосходство нашихъ силъ [38] и на выгоды своего расположенія, усумнился въ возможности одержать верхъ въ генеральномъ сраженіи и предпочелъ отступить.» Да вмилуйтесь, Г. историографъ: за что вы только собственнымъ своемъ авторитетомъ такъ изображаете и искажаете и Кутузова, и армію, и истину, сказавъ, что, вопреки и выгоды расположенія, и числительности арміи, и превосходства въ конницѣ, Кутузовъ усумнился въ возможности одержать верхъ въ генеральномъ сраженіи, и независимо отъ того, одержать верхъ еще противъ арміи, которая не изображается въ должномъ

---

[37] Критикъ долженъ былъ объяснить эту не важность причинъ. Обстолтельство, кажется, довольно знаменательное по своему предпріятію: оставить Москву и искать высвободиться изъ Россіи!!

[38] Прохожу молчаніемъ показаніе числительности обѣихъ армій: тутъ оказывается тотъ же итогъ недоумѣній, та же неопредѣлительность и тому подобныя достоинства, вообще характеризующія это сочиненіе. О числительности арміи я привелъ мнѣніе всѣхъ, безъ изъятія писавшихъ о войнѣ 1812 г., въ книгѣ: «Пятидесятилѣтіе Бородинской битвы.»

порядкѣ? Сдѣсь слѣдовало бы совершенно потеряться въ опредѣленіи повода къ такой общей филиппикѣ, но недоумѣніе не продолжительно: параграфъ этотъ, заключающій въ себѣ собственное умозрѣніе почтеннаго Профессора, продолжается: «Какъ на пути къ Калугѣ не было ни какой позиціи, которая равнялась бы своими выгодами съ мѣстностью, занятою нашими войсками подъ Малоярославцемъ, то отступленіе Князя Кутузова отъ сего города ясно показывало (кому?), что онъ, въ случаѣ наступленія Наполеона, не заградилъ бы ему путь къ Калугѣ, а отошелъ бы за Оку.»

Слава Богу! Наконецъ-то добился (говоря о себѣ) и, кажется, безошибочно, до заключенія причины состава помянутаго параграфа. Во первыхъ, сочинитель сказалъ выше, что, не смотря на выгоду нашей позиціи, на превосходство въ числительности нашей арміи (не говоря уже о мужествѣ, ею оказанномъ, и пламенномъ желаніи битвы, а съ другой, плачевнаго состоянія арміи Наполеона), Кутузовъ усомнился въ возможности одержать верхъ въ генеральномъ сраженіи и т. д. И прекрасно! Пусть бы это такъ и осталось; но нѣтъ! Г. Богдановичъ даетъ этому отступленію совершенно другую причину, по видимому, законную въ военномъ отношеніи, а именно, что отъ Малоярославца къ Калугѣ, вотъ видите, не было лучшей позиціи, то для этого-то именно, дескать, онъ и оставилъ неприступную позицію, чтобы уходить аа Оку!? Но что же это за логика? Предположивъ, что онъ нашелъ бы позицію еще сильнѣе, нежели подъ Малоярославцемъ, то на что бы она годилась, если на позиціи, по общему засвѣдѣтельствованію и даже самимъ Г. Богдановичемъ, сильной, неприступной, Кутузовъ не осмѣливался вступить въ генеральное сраженіе, и при движеніи Наполеона впередъ отошелъ бы за Оку? Во вторыхъ, относительно того, что отступленіе Кутузова изъ сильной позиціи подъ Малоярославцемъ «ясно показывало,» что, въ случаѣ наступленія Наполеона, Кутузовъ не заградилъ бы ему пути къ Калугѣ, а отошелъ бы за Оку, то къ чему, повторяю, было включать этѣ двѣ совершенно противоположныя причины, разногласицу самому себѣ? За чѣмъ, еще повторяю, сочинитель, на стр. 48-й, говоритъ, что «12 го (24) Октября, въ вечеру, послѣ сраже-

нія при Малоярославцѣ, Фельдмаршалъ писалъ къ Государю: «Завтра, я полагаю, должно быть генеральному сраженію, безъ коего, ни подъ какимъ видомъ, непріятеля въ Калугу не пущу.»

Что за путаница! Не знаешь, на чемъ остановиться; и путаница эта, такъ сказать, на каждой страницѣ; и сдѣсь, сочинитель, сказавъ положительно, какъ видно выше, что Кутузовъ вечеромъ, 12-го (24-го) Октября, послѣ сраженія пишетъ Государю, что не пуститъ непріятеля въ Калугу, и отъ этого слова дѣлаетъ ссылку (№ 40), и что жь? Оказывается, что Кутузовъ пишетъ Государю не 12-го ч. вечеромъ, а 13-го!..... И такая невнимательность не только къ согласованію повѣтствуемаго, но и въ самыхъ простыхъ случаяхъ, встрѣчается на каждомъ шагу!

Впрочемъ, довольно трудно, чтобы не сказать не возможно, возражать почтенному сочинителю за приписываемыя намѣренія Кутузову; ибо если онъ и не подкрѣпляетъ разнообразіе ихъ ни какими ссылками, которыя бы основывались на повѣствованіи другихъ, то, какъ сказано въ предисловіи, онъ, въ качествѣ жреца истины, съ свѣтильникомъ въ рукахъ, предпринялъ объяснять сокровенныя причины дѣйствій, оставшихся темными и загадочными; конечно и въ этомъ, случаѣ онъ возмогъ проникнуть въ тайныя намѣренія Кутузова, или, лучше сказать, прорекать, что Фельдмаршалъ думалъ про себя въ томъ или другомъ положеніи. Намъ остается только жалѣть, что жезлъ жреца истины не могъ сказать что либо болѣе для насъ утѣшительнаго о нашемъ Главнокомандующемъ; но въ этомъ вина не сочинителя: такъ показалъ гороскопъ Кутузова. [39]

---

[39] Мартинъ Задека, Брюсъ, Казотъ, госпожа Ленорманъ, Матье де Дромъ, госпожа Киргофъ и другіе, древніе и новѣйшіе, прорицатели и прорицательницы, предсказывали и предсказываютъ только одну будущность, а сдѣсь, за полвѣка назадъ, объясняются тайныя, задушевныя, ни кому не высказанныя, мысли! Досихъ поръ я зналъ одинъ только примѣръ такого необыкновеннаго дара, именно, въ лицѣ вдохновеннаго Французскаго крестьянина Матье, объявившаго Людовику XVIII (въ 1816—1817 гг.) какія-то сокровенныя мысли, волновавшія его за 30-ть лѣтъ предъ тѣмъ.

Кутузовъ крѣпкую позицію свою, за двѣ съ половиною версты, занятую имъ въ ночь послѣ Малоярославецкаго дѣла, оставилъ въ слѣдствіе свѣдѣній о появленіи непріятеля по дорогѣ на Медынь; а какъ нельзя было еще опредѣлить съ достовѣрностью, будетъ ли Наполеонъ ломиться прямо на Калугу, или свернетъ, чрезъ Медынь, на Юхновъ, то, не оставляя Калужской дороги, онъ отошелъ къ Дѣтчину, чтобы имѣть возможность, въ случаѣ, если Наполеонъ направится на Медынь, перерѣзать ему путь. и нѣтъ ни какого повода предполагать, чтобы Кутузовъ послѣ того, какъ донесъ Государю, что не пуститъ непріятеля въ Калугу, измѣнилъ свое намѣреніе. Г. Богдановичъ, приведя выше сказанное донесеніе Государю, самъ же, въ слѣдъ за симъ (стр. 48), говоритъ: «на слѣдующій день получено было извѣстіе объ успѣхѣ, одержанномъ близъ Медыни Платовскимъ 9 надъ авангардомъ Князя Понятовскаго, и Кутузовъ, изъ появленія непріятеля на Медынской дорогѣ, заключилъ, что Наполеонъ имѣлъ намѣреніе атаковать нашу армію, обойдя ее съ лѣваго фланга. Это предположеніе заставило нашего Главнокомандующаго опасаться за Калугу... (стр. 49): Фельдмаршалъ, опасаясь быть обойденнымъ съ лѣваго фланга и отрѣзаннымъ отъ южныхъ областей Имперіи, вознамѣрился приблизиться къ Калугѣ»..... Далѣе, перехваченная записка Бертье къ Сансону «обнаруживала намѣреніе непріятеля пробраться окольными направленіями на Смоленскую дорогу.» На этѣхъ основаніяхъ Кутузовъ отвелъ армію къ Гончарову и Дѣтчину, чтобы тамъ высмотрѣть, какое направленіе возметъ Наполеонъ; ибо тогда никому не приходило и на мысль что Наполеонъ, вмѣсто всѣхъ этѣхъ предположеній, вернется назадъ, чрезъ Боровскъ, Можайскъ, Вязьму, на Смоленскъ, словомъ, на тотъ путь, который привелъ его въ Москву. На стр. 50-й, Г. Богдановичъ, не оправдывая отступленія Кутузова, говоритъ, что (будьто бы) «Кутузовъ, отойдя къ Гончарову, подалъ непріятелю возможность направиться чрезъ Медынь, Юхновъ и Ельню къ Смоленску, либо къ Красному, по сторонѣ, еще не опустошенной и представлявшей нѣкоторыя средства для войскъ, а Наполеонъ, вѣроятно, не зная о нашемъ отступленіи, двигался къ Боровску, чтобы выйти на разоренную большую Смоленскую дорогу.»

Приложенная карта показываетъ иное. Гончарово и Дѣтчино, находясь на Калужской дорогѣ, прикрывали ее, и если бы Наполеонъ пошелъ на Медынь, то изъ обоихъ этѣхъ пунктовъ легче было преградить ему путь и угрожать лѣвому флангу его движенія, а отнюдь «не дать ему возможности направиться чрезъ Медынь, Юхновъ и Ельню въ Смоленскъ.» Относительно же мнѣнія почтеннаго сочинителя, что Наполеонъ, вѣроятно, не зналъ объ отступленіи Кутузова, т. е., что если бы онъ зналъ, то предпринялъ бы помянутое направленіе, я думаю, что какъ бы Наполеонъ ни потерялся послѣ исхода дѣла при Малоярославцѣ, къ которому успѣла подтянуться вся наша армія, онъ не рѣшился бы, въ столь близкомъ отъ нея разстояніи, открыть ей лѣвый флангъ длиннаго протяженія своего отступательнаго движенія, тѣмъ болѣе, что, при тогдашнемъ расположеніи умовъ нашего народа, не много бы онъ пожившился не разореннымъ положеніемъ края по проселкамъ и мостамъ, не всегда удобнымъ, въ особенности для столь многочисленной арміи, такъ отягощенной обозами на изнуренныхъ лошадяхъ и близко тревожимой нашей арміей; Казаки же нашли бы возможность не только что угрожать ея флангамъ, но составлять Наполеону авангардъ, истреблять запасы и жилье. Другое дѣло, если бы Наполеонъ успѣлъ тутъ проскользнуть, когда Кутузовъ былъ еще въ Тарутинѣ, то имѣлъ бы нѣсколько маршей впереди; но притянувъ всю нашу армію къ себѣ, въ Малоярославцѣ, ему оставалось только одно изъ двухъ: или предпринять битву съ нашей арміей, ставшей ему на перерѣзъ и, разбивъ ее, овладѣть запасами въ Калугѣ и потомъ дѣйствовать по обстоятельствамъ, или вернуться на путь большой Смоленской дороги, ибо она была болѣе отдалена отъ нашихъ главныхъ силъ. На первое Наполеонъ не отважился, а второе онъ предпринялъ поздно. Если бы онъ выступилъ изъ Москвы прямо по Смоленской дорогѣ, то имѣлъ бы нѣсколько маршей предъ нами, и врядъ ли мы, по крайней мѣрѣ, пѣхота, догнали бы его. Если Наполеонъ, начавъ двигаться изъ Москвы, по направленію къ Калугѣ 2-го Октября, и самъ съ гвардіей выступилъ 7-го ч., а мы узнали о семъ только 11-го числа, утромъ, то когда же бы мы узнали о томъ, что Наполеонъ началъ отступленіе, не приближаясь къ нашему лѣвому флангу, а, напротивъ, съ перваго перехода удаляться отъ арміи, по дорогѣ удоб-

ной, Французамъ уже извѣстной, гдѣ были болѣе или менѣе снабженные этапы, магазины, въ Гжатскѣ, Вязьмѣ, Дорогобужѣ и т. д. [40]

Но довольно объ этомъ. Я имѣлъ цѣлію показать только то, что слово вѣроятно, здѣсь употребленное почтеннымъ сочинителемъ, едва ли умѣстно. Во всякомъ, однако же, случаѣ, слѣдовало бы уже держаться одного какого либо мнѣнія и критически опровергать другія, а не разнорѣчить себѣ такъ часто. Конечно, и это имѣетъ свою цѣну; пусть каждый избираетъ любое, болѣе ему нравящееся. Не всѣмъ же придетъ охота, въ настоящій вѣкъ совершенствованія и стремленія государственныхъ учрежденій къ человѣчности, хлопотать и доискиваться того, что Кутузовъ, или Наполеонъ, имѣли въ затаенныхъ своихъ мысляхъ? Проникать и объяснять это принадлежитъ только жрецамъ истины, каковымъ заявилъ себя почтеннѣйшій сочинитель. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣдь, могутъ, пожалуй, явиться и такіе чудаки, которые пожелаютъ знать что ни будь опредѣлительное, а имъ-то и трудно почерпнуть положительное понятіе о разсказываемомъ.

Таково изображеніе событій въ окрестностяхъ Малоярославца. Пусть это будетъ превосходно для однихъ, но для военныхъ и другихъ, желающихъ видѣть ясность въ изложеніи подобныхъ повѣствованій, книга Г. Богдановича никогда не заслужитъ одобренія, развѣ только между оцѣнщиками не кореннаго Русскаго происхожденія. Пора бы намъ, кажется, сбросить пристрастіе; пора начать смотрѣть безъ рабскаго поклоненія, а свѣтлыми глазами, на минувшія событія. Если это уже допущено въ политической исторіи нашей, чему служатъ доказательствомъ труды Гг. Погодина, Устрялова, Соловьева, Костомарова и т. п., то тѣмъ болѣе въ военномъ дѣлѣ мы не должны потворствовать вліяніямъ и ставить за образецъ, какъ, на пр., описаніе, хотя и славнаго, подвига подъ Краснымъ, но не имѣющаго характера сраже-

---

[40] Тогда они достигли бы Смоленска прежде морозовъ, заставшихъ ихъ въ Дорогобужѣ, за 3 перехода до Смоленска. Предметъ этотъ разсмотрѣнъ подробно въ книгѣ: «О дѣйствительныхъ причинахъ гибели Наполеоновыхъ полчищъ, на основаніи иноземныхъ писателей. Спб. 1835.»

нія, какъ это принято понимать, а при томъ и это списано почти буквально изъ предшествовавшихъ повѣствованій. О вразумительности описанія сраженій можно судить по описанію Малоярославецкаго; все же остальное вмѣстѣ, какъ Бородинское сраженіе, такъ и Московскій пожаръ, представляетъ еще большую путаницу, чѣмъ сраженіе при Малоярославцѣ. Сочинитель придерживается и слѣдуетъ правиламъ того учителя риторики, о которомъ Квинтиліанъ говоритъ, что онъ преподавалъ ученикамъ своимъ правила покрывать самымъ непроницаемымъ мракомъ смыслъ того, что пишутъ, и высшей похвалой у него служило выраженіе: «Вотъ это превосходно: и самъ ничего понять не могу!» Продолжаю разборъ.

Стр. 61-я: «Платовъ атаковалъ непріятеля у Колоцкаго монастыря, отбилъ двадцать (по другимъ свѣдѣніямъ, двадцать пять) орудій.»

Въ концѣ параграфа ссылка № 64 (стран. 426) слѣдующая: «Журналъ военныхъ дѣйствій.»

Что же значитъ по другимъ свѣдѣніямъ, и по чьимъ?

Наконецъ, послѣ Кутузова, Растопчина и Багратіона, дошла очередь и до Милорадовича. Вотъ что сказано о немъ (стр. 69). Говоря, что «первое время преслѣдованія мы дѣйствовали какъ бы ощупью: Милорадовичъ, неустрашимый, хладнокровный, неизмѣнно веселый среди опасностей, обладалъ многими качествами авангарднаго начальника (и вотъ этѣ качества), но нисколько не заботился о точности распоряженій по ввѣреннымъ ему войскамъ. Его приказы въ 1812 году, иногда непонятные, поставляли въ затрудненіе всѣхъ, кому приводилось исполнять ихъ. Да и вообще въ его Штабѣ не было никакого порядка; не всегда можно было отыскать его самаго, и только при первыхъ выстрѣлахъ являлся онъ на своемъ обычномъ мѣстѣ, впереди всѣхъ, вездѣ, гдѣ угрожала наибольшая опасность. Тамъ онъ возбуждалъ войска къ презрѣнію смерти собственнымъ примѣромъ; до всего прочаго, казалось, ему не было никакого дѣла. «Дѣйствуйте, какъ вамъ угодно, говаривалъ

онъ начальникамъ частей войскъ: я у васъ гость.» Тѣмъ не менѣе, однако же, отъ времени до времени, онъ вмѣшивается въ распоряженія подчиненныхъ ему частныхъ начальниковъ, не давая имъ знать о своихъ приказаніяхъ, отъ чего не рѣдко происходили недоразумѣнія. Каждый изъ Генераловъ въ авангардѣ Милорадовича дѣйствовалъ по своему, не будучи увѣренъ въ дружномъ содѣйствіи прочихъ частей, ни въ согласномъ ихъ направленіи къ общей цѣли.» Ссылка 10 заключаетъ: «Записки Ермолова и Принца Евгенія Виртембергскаго.»

Авторитетъ сильный, но, сознаюсь, онъ удивляетъ. [41] Милорадовичъ, всегда командовавшій сильными авангардами, арріергардами и въ боевыхъ линіяхъ не иначе, какъ съ блистательнымъ успѣхомъ, не уже ли могъ быть до такой степени ничтожнымъ, какъ изображается тутъ! Одно Обилештское сраженіе возводитъ его на степень полководца съ высокими дарованіями. Въ слѣдъ же за помянутой оцѣнкой, Г. Богдановичъ, на той же 69-й стр., описываетъ распоряженія Милорадовича при Царевѣ Займищѣ, основанныя «на соображеніи опытнаго вождя, но которыя разстроилъ Принцъ Евгеній Виртембергскій своею обычною отвагой» и т. д. Вся Исторія не указываетъ ни одной ошибки, ни одного промаха, со стороны Милорадовича въ его распоряженіяхъ, которыя всѣ увѣнчивались полнымъ успѣхомъ. Не понятно, по чему не вспомнилъ сочинитель своего повѣствованія о Милорадовичѣ при оставленіи Москвы? По чему, повторяю, оставилъ безъ критическаго разсмотрѣнія послѣднихъ отзывовъ о Милорадовичѣ, отзывовъ въ общихъ выраженіяхъ, не подкрѣпляемыхъ ни однимъ примѣромъ повѣствуемаго? Г. Богдановичъ, въ предисловіи своемъ, обязался разсматривать съ добросовѣстностью и разбирать критически данныя, но здѣсь, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, онъ увлекся, отклонился отъ своего предначертанія и набросилъ мрачную тѣнь на воина, которымъ гордилась

---

[41] Это требовало бы особеннаго разсмотрѣнія причинъ такого отзыва, и если уже приводить оный, то не слѣдовало помѣщать предшествовавшія слова, или, по крайней мѣрѣ, выписавъ буквально этѣ отзывы, разобрать критически, съ надлежащею подробностью. Иначе, т. е., не видавъ текста обоихъ отзывовъ, какъ-то не вѣрится.

армія въ продолженіи едва ли не полувѣка, вождя, которому сами враги наши дали названіе Русскаго Мюрата.

Описывая одно изъ дѣлъ подъ Краснымъ, на стр. 130, сказано: «Вообще же непріятель потерялъ въ сей день одними плѣнными болѣе шести тысячъ (а по другимъ свѣдѣніямъ болѣе девяти тысячъ) человѣкъ, сорокъ пять (а по другимъ свѣдѣніямъ семьдесятъ) орудій» и т. д.

Удивительная опредѣлительность по достовѣрнымъ матеріяламъ! Я полагаю, что Нена-Сагибъ, или Бегумъ, не сказали бы хуже: «Мы взяли плѣнными болѣе шести, или болѣе девяти, а орудій или сорокъ пять, или семьдесятъ!!»

Стр. 131. О Кутузовѣ сказано: «Видимо изумленный послѣдствіями дѣла (подъ Краснымъ), казался помолодѣвшимъ! Сдѣсь впервые, со времени прибытія его въ армію, онъ пустился въ галопъ на бѣломъ конѣ своемъ, подскакалъ къ колоннѣ Преображенскаго полка и, указавъ на отбитые трофеи, громко вскричалъ: «Ура!» повторенное нѣсколько разъ, сперва исполинами гвардіи, а потомъ и всѣми ближайшими войсками.»

Въ слѣдъ за симъ ссылка № 45-й: «Записки Щербинина» (стр. 440).

Тутъ неотмѣнно слѣдовала оговорка; ибо Михайловскій-Данилевскій описываетъ это совершенно другимъ образомъ съ подробностями, которымъ есть еще живые свѣдѣтели. Историкъ не вправѣ избирать данныя, не упомянувъ о тѣхъ, которыя вошли уже въ Исторію.

Оправдывая Кутузова въ томъ, что онъ не покончилъ арміи Наполеона подъ Краснымъ, Г. Богдановичъ говоритъ (стр. 144): «Слѣдовательно, Кутузовъ подъ Краснымъ дѣйствовалъ нерѣшительно, не столько отъ недовѣрчивости къ достоинству своихъ войскъ, хотя въ числѣ ихъ и было много рекрутъ, сколько изъ опасенія встрѣтиться лицомъ къ лицу съ геніяльнымъ противникомъ, котораго превосходство невольно сознавали всѣ Наполеоновы

современники. Это нравственное преобладаніе Наполеона было такъ сильно, что, не смотря на то, что ослабленіе его арміи было тогда уже очевидно для каждаго, и тѣмъ паче для опытнаго Кутузова, полководецъ нашъ, вмѣсто того, чтобы, пользуясь обстоятельствами, окончить войну рѣшительнымъ ударомъ, предоставилъ довершить уничтоженіе непріятельской арміи вліянію голода, стужи и упадка дисциплины» и т. д.

Длинное разсужденіе это, или, пожалуй, даже критическій обзоръ, принадлежитъ собственно Г. Богдановичу. Не дерзаю выходить съ нимъ на ученую арену, не имѣя мантіи жреца истины, по тому что я бы долженъ былъ повторить то, что уже сказалъ [42] по поводу событій подъ Краснымъ, отвѣчая на статью Г. Бутовскаго, а сдѣсь позволяю себѣ сдѣлать только замѣчаніе.

Во первыхъ: Какое опасеніе могъ имѣть Кутузовъ относительно своихъ войскъ, когда оставался съ главною ихъ массой зрителемъ въ то время, какъ части оной послѣдовательно такъ разгромляли непріятельскіе корпуса чрезъ сутки, подходившіе изъ Смоленска къ Красному? Онъ видѣлъ итоги потерь ничтожныхъ у насъ и громадныхъ у непріятеля, до того, что нельзя было и сосчитать оныхъ, какъ мы видѣли выше, на прим., въ одинъ изъ Красненскихъ дней у непріятеля взято болѣе шести тысячъ въ плѣнъ и сорокъ пять орудій, а по другимъ свѣдѣніямъ болѣе девяти тысячъ и семдесятъ орудій! Не подлежитъ ни какому сомнѣнію, что малѣйшее содѣйствіе главныхъ силъ арміи порѣшило бы дѣло съ большею славой для нашихъ знаменъ и сберегло бы многія десятки тысячъ нашихъ воиновъ, которые достигли бы Вильны и границы, свернувъ вправо и влѣво отъ дороги, идя по квартирамъ и т. п.

Во вторыхъ: На какомъ основаніи Г. Богдановичъ говоритъ, что Кутузовъ дѣйствовалъ тутъ нерѣшительно, будто бы «изъ опасенія встрѣтиться лицомъ къ лицу съ геніальнымъ противникомъ, котораго превосходство невольно сознавали всѣ Наполео-

---

[42] Въ прежнихъ статьяхъ.

новы современники» и т. д.? Это явный поклепъ на нашего Фельдмаршала и, конечно, невольно ворвался на страницы Исторіи. Кутузовъ, съ меньшими противъ непріятеля силами, когда этотъ былъ еще въ апогеѣ своей славы, не устрашился стать лицомъ къ лицу съ этѣмъ геніяльнымъ человѣкомъ на поляхъ Бородинскихъ, а сдѣсь, подъ Краснымъ, онъ опасался стать лицомъ къ лицу, будучи сильнѣе, свѣжѣе войскъ геніяльнаго человѣка, войскъ, потерявшихъ уже значительную часть своей артиллеріи, на половину побросавшихъ свое оружіе, безъ конницы, голодныхъ, полунагихъ, утомленныхъ, которыхъ тысячами брали въ плѣнъ въ глазахъ самого Кутузова, и онъ опасался! Нѣтъ; тутъ, конечно, были другія причины, въ сокровенныя тайны коихъ Г. Богдановичъ обѣщалъ проникнуть; приводить же помянутыя причины, значитъ, явно противорѣчить всему тому, что сказано было о Бородинскомъ сраженіи. И если не было возможности проникнуть сквозь завѣсу сокровенностей, лучше уже было бы привести разсужденіе Вальтера-Скотта о нерѣшительности Кутузова подъ Краснымъ; онъ говоритъ: [43] «Вообще Кутузовъ въ дѣйствіяхъ своихъ противъ Наполеона и Великой арміи, кажется, взялъ себѣ за образецъ Гренландскихъ рыбаковъ, которые употребляютъ все свое стараніе не приближаться къ киту, когда онъ находится уже въ агоніи, по тому что боль отъ полученныхъ ранъ производитъ ожесточеніе, а инстинктъ мщенія содѣлываетъ послѣднія усилія кита особенно опасными.» Это какъ-то и болѣе прилично, и не противорѣчитъ рѣшимости стать лицомъ къ лицу съ Наполеономъ при Бородинѣ. Нельзя ли присоединить къ сдѣланному Англійскимъ историкомъ сравненію то, что сдѣсь опасеніе Кутузова не могло быть столь основательнымъ, какъ опасеніе Гренландскихъ рыбаковъ; ибо Вальтеръ-Скоттъ беретъ нормальное положеніе кита, хотя уже и уязвленнаго, но на свободѣ, въ своей стихіи, не изнуреннаго и сохранившаго свои силы? Французы же подъ Краснымъ были совершенно въ противоположномъ положеніи: изнуренные полугодовымъ тяжкимъ походомъ, битвами, безъ обуви и одежды, не имѣя надежды на помощь въ слу-

---

[43] Vie de Napoleon, t. VII, 2-e partie, p. 62.

чаѣ ранъ и болѣзни, часто безъ достаточнаго продовольствія и, къ довершенію, ихъ изнуряли: чуждый имъ климатъ, грязь, снѣгъ, вьюги, морозы, хотя еще и легкіе, но трудно выносимые, безъ пріюта и возможности согрѣться бивуачными огнями, которыхъ наши войска не позволяли имъ раскладывать и т. д. Это все равно, что если бы китъ, внушающій столь большое опасеніе рыбакамъ, когда они ищутъ его въ океанѣ, былъ какимъ либо образомъ изверженъ на песчаный знойный берегъ, гдѣ, отъ продолжительнаго истощенія своихъ силъ, подвергнутый вовсе не свойственному ему элементу, не внушалъ бы Гренландскимъ рыбакамъ прежняго опасенія, и они, конечно, скоро бы съ нимъ раздѣлались. Это оправдывается и подъ Краснымъ дѣйствіями Милорадовича, Раевскаго и другихъ, которые брали плѣнныхъ тысячами, и если случалось иногда въ нѣкоторыхъ частяхъ встрѣчать упорство, то это было агоніей, инстинктомъ всѣхъ животныхъ, остервеняющихся въ безвыходномъ положеніи, какъ уже было замѣчено выше.

Не можетъ ли быть и успѣхъ знаменитой переправы Наполеона чрезъ Березину отнесенъ къ тому, что ни Чичаговъ, ни Витгенштейнъ, не могли знать такъ близко той степени разстройства Наполеоновой арміи, въ которой находилась она дѣйствительно, и чему были свѣдѣтелями только всѣ тѣ, которые составляли собственно главную армію? Но если бы помянутые два предводителя, дѣйствовавшіе каждый отдѣльно съ противоположныхъ сторонъ, и знали это, хоть даже и не вполнѣ, то Наполеонъ и въ томъ положеніи, въ которомъ онъ находился при Березинѣ, могъ быть еще страшенъ имъ обоимъ. Наполеонъ, окруженный со всѣхъ сторонъ, но недостаточно тѣснимый съ тылу посланными войсками и партіями, которыя вдругъ какъ бы исчезаютъ въ то мгновеніе, когда они могли бы принести пользы болѣе, чѣмъ когда ни будь, даютъ Наполеону время отыскивать удобную переправу, которую онъ и исполнилъ. Кутузовъ, Чичаговъ и Витгенштейнъ обвиняютъ другъ друга. Но мнѣ кажется, что эпизодъ этотъ можно уподобить тому, когда медвѣдь, окруженный охотниками, подъ выстрѣлами коихъ онъ падаетъ раненый, внушаетъ собою таки страхъ, когда замѣчаютъ въ немъ еще признаки жизни: охотники ожидаютъ довершить по-

раженіе, взглядывая одинъ на другого, чтобы не первому броситься на него. Несомнѣнно, какъ Г. Богдановичъ очень справедливо и замѣчаетъ, что присутствіе Кутузова, хотя бы только при войскахъ Милорадовича, или Ермолова, могло бы увѣнчать полнымъ успѣхомъ планъ, мудро соображенный Императоромъ Александромъ, со дня вступленія непріятеля въ Москву. Какъ бы ни усиливались, и подъ какимъ бы то предлогомъ ни было, Кутузовъ всегда будетъ почитаться виновникомъ выпуска изъ Россіи Наполеона съ ничтожными остатками его полчищъ.

Въ описаніи переправы чрезъ Березину находимъ (стр. 264): «Въ то же время вся артиллерія корпуса Удино и гвардіи, въ числѣ сорока (а по другимъ свѣдѣніямъ пятидесяти шести) орудій, была выставлена на высотахъ» и т. д.

Что ни будь одно, а въ приложеніи слѣдовало бы сказать, кто какъ опредѣляетъ. [44]

Въ битвахъ около Борисова (стр. 278):..... «Генералъ Властовъ отрядилъ въ обходъ сводный гусарскій и Казачій Родіонова полки; для отвлеченія же вниманія непріятеля была выдвинута противъ его праваго крыла 1-я конная рота Полковника Сухозанета, которой огонь, направленный на мосты и на непріятельскія войска, собранныя на лѣвомъ берегу рѣки, поселилъ смятеніе въ обозахъ, столпившихся [45] въ ожиданіи переправы.» Далѣе описывается битва, въ которой не называется командиръ своднаго гусарскаго полка; чрезъ 18 строкъ сказано: «Гернгросъ съ гусарами.» Викторъ опять нападаетъ, но «это на-

---

[44] Любимое и такъ намъ знакомое выраженіе сочинителя, въ своей достовѣрной Исторіи: *по другимъ свѣдѣніямъ*.

[45] *Мнѣ кажется, что для обозовъ слово:* столпились *не йдетъ. Толпа обозовъ! Едва ли не правильнѣе и приличнѣе употребить въ этомъ случаѣ:* скопились, собрались, стянулись, *но* столпились *какъ-то ново! Сочинителю слѣдовало только переставить слова. Онъ сказалъ, что войска,* собранныя въ ожиданіи *переправы: тутъ слово* столпились *шло болѣе, а къ обозамъ слово* собранные.

паденіе было отражено картечнымъ огнемъ 1-й конной и 27 батарейной ротъ.» Выше было сказано, кто командиръ 1-й роты, но остается тайной, кто былъ командиромъ 27-й батарейной.

Понятно, что въ двухъ, положимъ даже и въ трехъ, случаяхъ, называя нумеръ роты, можно было упомянуть имя командира, или взять уже за правило дѣлать то же и со всѣми другими, исключенія же этѣ рѣзко бросаются въ глаза; когда еще и не читали книги, два, три, лица предупреждали меня объ этомъ, какъ о чемъ-то замѣчательномъ. При настоящемъ стремленіи къ просвѣщенію, столь благотворно споспѣшествуемому Государемъ Императоромъ, историческій разсказъ долженъ размѣрять свое повѣствованіе пропорціонально. Если уже принять называть одного ротнаго командира, слѣдуетъ дѣлать то и съ другими. Роты имѣютъ свои нумера, и только при особыхъ подвигахъ, смерти, раны, имена командировъ ихъ должны быть названы, или, повторяю, если называть, такъ называть всѣхъ, или обратно. Впрочемъ, опять говорю, что это только мое личное мнѣніе, которое можетъ быть уже устарѣло, а Г. Богдановичъ имѣлъ независимое свое, на основаніи котораго онъ, описывая битву при взятіи Витебска, между прочимъ (стр. 194, 195) сказалъ: «Въ слѣдъ за симъ подоспѣлъ въ помощь охотникамъ самъ Гарпе (отрядный начальникъ) съ 26-мъ егерскимъ полкомъ и со взводомъ конной роты № 1 Подпоручика Сухозанета 2-го. Какъ только дѣйствіе картечью нашихъ орудій заставило непріятельскихъ стрѣлковъ очистить ближайшія къ берегу строенія, то охотники 26-го полка и 7-й дружины, вмѣстѣ съ спѣшенными уланами, перебѣжали по горящему мосту на лѣвую сторону и преслѣдовали Французовъ.» Далѣе описывается занятіе Витебска и взятіе въ плѣнъ Военнаго Губернатора, Генерала Пуже, и десяти Штабъ и Оберъ-Офицеровъ. Сдѣсь замѣчательнѣе всего предшествовавшаго то, что не названы ни командиръ 26-го егерскаго полка, начальникъ 7-й дружины, ни отважные начальники охотниковъ сихъ частей и спѣшившихся улапъ, перебѣгающихъ черезъ горящій мостъ, преслѣдуя Французовъ и забирая плѣнныхъ, но названъ одинъ только избранный взводный артиллерійстій Подпоручикъ! Гдѣ же тутъ единообразіе, систематическій размѣръ въ

повѣствованіи? [46] Безпристрастіе должно руководить описывающихъ событія, въ особенности, когда еще есть имъ живые свѣдѣтели. Г. Богдановичъ созналъ это самъ, въ предисловіи своемъ, и торжественно обѣщалъ быть безпристрастнымъ.

Стр. 272. Парламентеръ, посланный Витгенштейномъ къ Генералу Партуно и задержанный послѣднимъ, былъ Ротмистръ (Д. В.) Кочубей (въ послѣдствіи Членъ Государственнаго Совѣта, скончавшійся въ 1859 году). Его повѣствованіе чрезвычайно занимательно.

Изображая картину непріятеля, столпившагося при переправѣ чрезъ Березину, когда Графъ Витгенштейнъ подошелъ къ Студянкѣ, на стр. 283-й сказано: «.... При стужѣ, въ 20 градусовъ, положеніе этѣхъ несчастныхъ, и въ особенности скитавшихся съ ними женщинъ и дѣтей, было ужасно.»

Не знаю, изъ какихъ источниковъ сказано, что во время переправы чрезъ Березину было 20 градусовъ мороза, и по какому термометру? Извѣстно, что 7-го Ноября наступила оттепель, продолжавшаяся до самой переправы чрезъ Березину, которая еще не замерзала, дозволяя нѣкоторымъ частямъ переправляться въ бродъ, и хотя на другой день, когда подошелъ Наполеонъ,

---

[46] Это можетъ привести на память анекдотъ, что гдѣ-то (можетъ быть у покойнаго Абисинскаго императора Ѳеодора), какой-то военный же историкъ воскуривалъ одному лицу ѳиміямъ вездѣ, гдѣ могъ только помѣстить имя своего кумира въ страницы своихъ повѣствованій. Вдругъ, по выходѣ одной изъ его послѣднихъ книгъ, прошла молва, что вельможа-кумиръ этотъ замѣняется другимъ. Нашелся какой-то забавникъ, распустившій слухъ, будто бы услужливый сочинитель напечаталъ въ своей книгѣ, въ числѣ опечатокъ, слѣдующее: «Вездѣ, гдѣ въ моихъ сочиненіяхъ напечатано №. №. (имя перваго кумира),» читай М. М. (имя принявшаго эту должность). Подобная выходка и вызвала когда-то отзывъ одного изъ Французскихъ военныхъ журналовъ о какомъ-то сочиненіи, что оно написано въ передней Военнаго Министра. Въ настоящее время не должны ли мы избѣгать этого? Что скажутъ о насъ другіе народы, такъ сильно подвизающіеся на поприщѣ военномъ по всѣмъ отраслямъ? А у насъ не могутъ еще отстать отъ привычки держать въ рукахъ кадило для воскуриванія ѳиміяма! При такомъ настроеніи чего же можно ожидать?

послѣдовалъ легкій морозъ, недостаточный, однако же, чтобы стянуть болота, а ледъ, показавшійся на Березинѣ, былъ такъ слабъ, что не мѣшалъ устройству мостовъ на козлахъ, слѣдовательно, ни въ какомъ случаѣ въ тотъ день, когда Витгенштейнъ подошелъ къ Студянкѣ, не могло быть двадцати градусовъ мороза на какомъ бы то ни было изъ извѣсныхъ термометровъ; ибо въ этотъ же самый день, по засвѣдѣтельствованію Шамбре (t. III, p. 69), разбитые Французы спасались чрезъ Березину вплавь. Дѣйствительные морозы начались тотчасъ по переправѣ чрезъ Березину, въ Молодечнѣ, и они достигли уже до двадцати градусовъ по Реомюру и ежедневно усиливались. Г. Богдановичъ могъ это видѣть въ книгѣ: «Нѣкоторыя замѣчанія, почерпнутыя преимущественно изъ иностранныхъ источниковъ, о дѣйствительныхъ причинахъ гибели Наполеоновыхъ полчищъ въ 1812 г. Спб. 1855.» Въ ней сведены показанія всѣхъ, какъ иноземныхъ, такъ и нашихъ, повѣствователей о степени стужи, начиная отъ Москвы до Ковна, на каждомъ переходѣ; но книга эта не заслужила его ученаго вниманія.

Впрочемъ, избранный сочинителемъ Отечественной войны 1812 г., Маркизъ Шамбре не врагъ мороза; напротивъ, онъ очень серьозно доказываетъ, что морозъ былъ благопріятнѣе для Французовъ, чѣмъ для насъ. И вотъ какъ онъ витійствуетъ въ этой отрадной выходкѣ (t. III, p. 143): «Морозъ, съ 5-го Декабря (23 Ноября) въ Молодечнѣ былъ гибельнѣе для Французовъ, чѣмъ для Русскихъ. По съ военной точки зрѣнія онъ былъ благопріятенъ Наполеону; и дѣйствительно: если морозъ истребилъ огромное число солдатъ во Французкой арміи, то большая часть ихъ погибла бы позже, или досталась бы въ руки Русской арміи.» (Французская, своеобразная, достойная Англичанъ, логика!). Въ Русской арміи, напротивъ, морозъ постигалъ только солдатъ совершенно крѣпкихъ и здоровыхъ (это по чему?), что и заставило Кутузова останавливаться, а это спасло остатки Французской арміи. Замедленіе Кутузова было самымъ счастливымъ для Наполеона событіемъ при тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ онъ тогда находился; ибо Германія призывала своими желаніями Русскихъ» и т. д. Наполеонъ, однако же, не раздѣлялъ мнѣнія

своего Маркиза; ибо въ 29-мъ бюллетенѣ онъ приписываетъ всѣ бѣдствія морозу.»

Окончивъ краткія указанія на погрѣшности, вкравшіяся въ книгу: «Исторія Отечественной войны 1812 года,» присовокуплю приговоръ Г. Богдановича всѣмъ вообще сочиненіямъ о 1812 годѣ, которыя предшествовали его творенію, и высказанный въ концѣ 3-го тома, подъ заглавіемъ (стр. 523): «Источники для Исторіи войны 1812 года.»

Но прежде, нежели буду говорить самъ объ этомъ предметѣ, не лишнимъ считаю привести объ ономъ нѣсколько словъ, сказанныхъ однимъ почтеннымъ ученымъ. Вотъ что говоритъ о семъ П. Глѣбовъ: [47]

«Въ заключеніе позволимъ себѣ сдѣлать еще одно замѣчаніе: На заглавномъ листѣ сочиненія Г. Богдановича значится: «Исторія Отечественной войны 1812 года, по достовѣрнымъ источникамъ.» Въ концѣ же третьяго тома приложено подробное исчисленіе источниковъ, а изъ исчисленія этого оказывается, что большая часть [48] далеко не достовѣрны. Въ доказательство приведемъ отзывы самого сочинителя о главнѣйшихъ источникахъ, которыми онъ пользовался.» Сдѣсь П. Глѣбовъ вкратцѣ поясняетъ сдѣланные о нихъ отзывы и продолжаетъ: «Такимъ образомъ, кромѣ извѣстнаго Клаузевица и Маркиза Шамбре, ни одно сочиненіе, заключающее въ себѣ полное описаніе войны 1812 года, по мнѣнію Г. Богдановича, не изъято отъ превратнаго изложенія фактовъ. Положимъ, что такой поголовный упрекъ и справедливъ, но по чему же почтенный сочинитель собственныя свои показанія и сужденія по большей

---

[47] Артиллерійскій Журналъ 1861 года, № 6-й, въ превосходной статьѣ, подъ заглавіемъ: «Нѣсколько словъ въ защиту памяти Гавризы Александровича Пилатьева.» Я имѣлъ уже случай приводить другія замѣчанія ученаго критика, помѣщенныя въ Артиллерійскомъ Журналѣ.

[48] Въ своемъ мѣстѣ замѣчу, что не большая часть, по всѣ вообще, даже и самые избранные Г. Богдановичемъ: Шамбре, Фенъ, Клаузевицъ, заподозрѣны.

части подтверждаетъ ссылками на сочиненія, которыя самъ признаетъ помраченными чрезвычайнымъ пристрастіемъ? [49] Не говоря уже о Данилевскомъ и Бутурлинѣ, приложенія ко всѣмъ тремъ томамъ наполнены ссылками на Беригарди, Фена, Лабома, Тьера и на другихъ такихъ же, по удостовѣренію Г. Богдановича, пристрастныхъ писателей, которые ни сколько не заботились объ истинѣ. Послѣ этого можно ли согласиться, что Исторія Отечественной войны 1812 года, Г. Богдановича, составлена по источникамъ достовѣрнымъ? Во всякомъ случаѣ такое заглавіе противорѣчитъ тому, что разсказываетъ самъ почтенный сочинитель о достовѣрности источниковъ, которые послужили основаніемъ его обширному и, для большинства читателей, весьма любопытному сочиненію.»

Теперь приступлю къ болѣе подробному разбору. [50]

На стр. 529-й Г. Богдановичъ, послѣ краткаго вступленія для исчисленія иноземныхъ историковъ войны 1812 года и опредѣленія сочиненій, враждебныхъ и благопріятныхъ Наполеону называя сочиненіе Шамбре «болѣе прочихъ безпристрастнымъ, начинаетъ съ Графа Сегюра.

Сказавъ нѣсколько словъ о значеніи книги Сегюра, возвышающихъ ея достоинство, Г. Богдановичъ присовокупляетъ: «но [51] этѣ неотъемлемыя достоинства Исторіи Наполеона и Великой арміи помрачаются совершеннымъ отсутствіемъ исторической критики: на ряду съ важнѣйшими событіями, сочинитель пространно описываетъ всѣ сплетни главной квартиры, до него доходившія, не заботясь нисколько объ истинѣ. Само собою

---

[49] Подчеркнуто и въ подлинникѣ.

[50] Выпускаю исчисленіе правительственныхъ бумагъ, писемъ и записокъ, какъ недоступныхъ для частнаго человѣка, а говорить буду только о печатномъ.

[51] Въ этѣхъ оцѣнкахъ «но» играетъ замѣчательную роль; оно служитъ какъ бы переваломъ: ему предшествуетъ отзывъ, иногда и довольно одобрительный; за то, послѣ перевала чрезъ «но,» нѣтъ уже пощады: все предшествующее уничтожается.

разумѣется, что отъ такого сочиненія нельзя требовать ни вѣрнаго понятія о числѣ и положеніи войскъ обѣихъ сторонъ, ни отчетливаго обозначенія движеній, какъ внѣ боя, такъ и въ сраженіяхъ. Почти на всякой страницѣ сочинитель, вмѣсто простаго безыскуственнаго описанія событій, прибѣгаетъ къ риторическимъ фигурамъ и, плѣняя воображеніе, не убѣждаетъ разсудка. Не смотря на уваженіе, изъявляемое Графомъ Сегюромъ къ Наполеону, и на патріотизмъ, которымъ преисполнена его книга, [52] ошибки Императора Французовъ и недостатки управленія Великой арміи выказаны съ придирчивою строгостью. Это заставляло Генерала Гурго сдѣлать критическій разборъ книги Сегюра (examin critique de l'ouvrage du Comte de Segur), въ которомъ, опровергая его показаніе, Гурго, въ свою очередь, впадаетъ въ преувеличеніе и не рѣдко искажаетъ истину.»

Не смотря, однако же, на такую оцѣнку, Г. Богдановичъ двадцать четыре раза прибѣгаетъ къ засвѣдѣтельствованію Сегюра и, само собой разумѣется, тогда, когда разсказываемое этѣмъ Графомъ пришлось по вкусу сочинителя своей Исторіи, точно также и семнадцать ссылокъ на Гурго.

Сочиненіе Керъ-Портера (писано по Англійски)..... «Многія изъ показаній сочинителя не точны и вообще его книга не имѣетъ большаго достоинства.» Конечно, на этомъ основаніи почтенный ссочинитель и сдѣлалъ на него только три ссылки. Чуть ли не отъ него позаимствовалъ (но безъ ссылки) и сказку о ранѣ Князя Воронцова.

Лабомъ..... «Хотя сочинитель иногда увлекается негодованіемъ къ Наполеону и, давая волю воображенію, вдается въ показанія весьма сомнительныя.» За симъ слѣдуетъ «coup de grace:» «однако же представляетъ событія, относящіяся къ дѣйствіямъ великой арміи, и въ особенности 4-го пѣхотнаго кор-

---

[52] Сдѣсь сочинитель обвиняетъ въ патріотизмѣ и Сегюра точно также, какъ и Даниловскаго. Это святое чувство кажется допускается имъ только у Нѣмцевъ.

пуса, яркими красками и съ достаточною подробностью. [53] И по сведеніи счета оказывается, что этотъ писатель, дающій волю воображенію, вдающійся въ показанія весьма сомнительныя, призванъ двадцать два раза къ засвѣдѣтельствованію избранныхъ сочинителемъ періодовъ такъ, что ему дается иногда болѣе вѣры, нежели показаніямъ Русскихъ, бывшихъ въ описываемую пору дѣятелями.

Водонкуръ. Сказавъ, что онъ имѣлъ возможность, будучи въ плѣну въ Россіи, собрать свѣдѣнія и получить ихъ въ послѣдствіи отъ Адмирала Чичагова, присовокупляетъ: «но это неотъемлемое достоинство Водонкурова сочиненія помрачается чрезвычайнымъ пристрастіемъ его къ своимъ землякамъ и ненавистью къ Русскимъ. Почти на каждой страницѣ его книги вызываются эти чувства, не совмѣстныя съ достоинствомъ Исторіи. Вездѣ онъ стремится доказать, что Наполеонъ дѣйствовалъ безошибочно и что Французы постоянно превосходили Русскихъ отвагой и смѣтливостью, и для этого прибѣгаетъ къ искаженію истины, не рѣдко даже измѣняя смыслъ бумагъ, служившихъ источниками для его повѣствованія.» Этотъ повѣствователь заслужилъ только три раза быть упомянутымъ.

Баронъ Фенъ. «Состоявшій въ свитѣ Наполеона, не могъ не подвергнуться магическому вліянію своего повелителя. По этому самому нельзя отъ него ожидать безпристрастія; и дѣйствительно его сочиненіе: «Manuscrit de 1812» есть трудъ человѣка, вполнѣ преданнаго Наполеону. Но, не смотря на не рѣдко проявляющуюся односторонность сочинителя, его книга есть одинъ изъ лучшихъ источниковъ для полученія свѣдѣній» и пр. Тоже довольно замѣчательное сочетаніе противоположностей: «Отъ Фена нельзя ожидать безпристрастія,» а между тѣмъ книга эта есть одна изъ лучшихъ! Если это послѣднее справедливо, то за что же упрекаетъ Данилевскаго, что онъ ограничился только Феномъ и Шамбре, которыхъ и самъ

---

[53] А по чему, повторяю, его засвѣдѣтельствованія о взятіи центральной бутареи не приведены?

Богдановичъ ставитъ лучшими? Этотъ повѣствователь, такъ заподозрѣнный Г-номъ историкомъ, по тому что для негоднаго описанія Данилевскаго былъ избранъ вмѣстѣ съ Шабре, обратилъ, однако же, на себя вниманіе и Г. Богдановича, который пятьдесятъ шесть разъ ссылается на его засвѣдѣтельствованія.

«Лучшимъ изъ всѣхъ Французскихъ сочиненій о войнѣ 1812 года, по всей справедливости, есть: «Histoire de l'expédition de Russie, Маркиза Шамбре.» Генералъ Богдановичъ отзывается благосклонно объ этомъ сочинителѣ до такой степени, что въ отзывѣ этомъ ужасное «но» не нашло себѣ мѣста. Шамбре приведенъ въ свѣдѣтели двѣсти девятнадцать разъ! Жаль, однако же, что и эта цифра мала; ибо сочинитель Исторіи Отечественной войны выпустилъ нѣкоторыя изъ засвѣдѣтельствованныхъ имъ эпизодовъ разграбленія Москвы и дѣлаемыхъ насилій, [54] что, конечно, не входило въ планъ сочинителя, и по тому онъ можетъ сказать на это: «А какое вамъ дѣло?»

Опять повторяю: за что же обвиняется Данилевскій, что онъ избралъ преимущественно засвѣдѣтельствованія Шамбре, когда тоже дѣлаетъ, несравненно въ большей степени, и Г. Богдановичъ?

«Тьеръ, знаменитый литераторъ и публицистъ, не можетъ соперничать ни съ Шамбре, ни съ Водонкуромъ [55] въ описаніи

---

[54] Объ этомъ же предметѣ сочинитель поскупился на засвѣдѣтельствованія «Сюрюга,» Католическаго Священника, оставшагося въ Москвѣ. На него только одна ссылка, тогда какъ повѣствуемое имъ неотъемлемо принадлежитъ къ Исторіи Отечетвенной войны, въ особенности Москвы. Жаль, что почтенный сочинитель не изображаетъ картины насильствъ, такъ какъ изображаютъ ихъ сами Французы, и въ особенности избранный имъ Шамбре. Непонятно!

[55] Это что за оказія? Да, вѣдь, сочиненія Водонкура «помрачаются чрезвычайнымъ пристрастіемъ къ своимъ и ненавистью къ Русскимъ»..... «Онъ прибѣгаетъ къ искаженію истины, не рѣдко даже измѣняетъ смыслъ бумагъ» и т. д., и заслужилъ ссылки на него только три раза. Что за оказія, повторяю: Шамбре, Водонкуръ и Тьеръ! Не угодно ли опредѣлить, что это за господа?

военныхъ дѣйствій, но за то его сочиненіе весьма занимательно и представляетъ картину, написанную рукой мастера. Въ отношеніи къ политикѣ воевавшихъ Державъ и сосѣдственныхъ имъ Государствъ, онъ довольно безпристрастенъ, но во всемъ же прочемъ весьма часто уклоняется отъ истины» и т. д. Что же это «все прочее?» По моему мнѣнію, вѣдь, это не что иное, какъ описаніе военныхъ дѣйствій, главный предметъ книги Генерала Богдановича; но не смотря на все прочее, Тьеръ призванъ къ свѣдѣтельству сорокъ семь разъ, т. е., почти шестнадцать разъ болѣе, нежели Водонкуръ, съ которымъ «соперничать Тьеръ не можетъ.»

И такъ изъ приведенныхъ здѣсь Французскихъ сочиненій (не упоминаю о другихъ документахъ: монитерахъ, бюллетеняхъ и т. п.) всѣ не годятся; хорошъ только Шамбре и сносенъ Фенъ, словомъ, избранные по преимуществу и Данилевскимъ: за что же Г. Богдановичъ укоряетъ сего послѣдняго?

Мнѣніе Г. Богдановича о Нѣмецкихъ повѣствователяхъ таково: «Изъ числа Нѣмецкихъ сочиненій, содержащихъ въ себѣ полное описаніе нашей Отечественной войны, наиболѣе замѣчательны: [56] 1, Der Russische Feldzug von 1812, Генерала Клаузевица, и 2, Denkwürdigkeiten des Grafen v. Toll, Бернгарди. Сочиненіе знаменитаго (?!) Клаузевица отличается знаніемъ дѣла, безпристрастіемъ (это уже черезъ чуръ!) и вѣрнымъ критическимъ взглядомъ на описываемыя событія.» Да, очень можетъ быть, что у него вѣрный взглядъ, но положительно съ Нѣмецкой точки зрѣнія. Впрочемъ, о вкусахъ не спорятъ, а по тому пусть въ мнѣніи Г. Богдановича метафизика и самохвальство Клаузевица [57] по вкусу, но за чѣмъ же онъ этого

---

[56] Значитъ, что всѣ Нѣмецкіе повѣствователи замѣчательны: одни менѣе, другіе болѣе. Замѣчательны же они съ одобрительной стороны, по тому что такъ аттестуются двое, выше названные.

[57] Въ 1812 году, во время отступленія, я съ Клаузевицемъ, какъ сослуживцемъ, видѣлся ежедневно, иногда даже по нѣсколько разъ въ день, на переходахъ, при занятіи позиціи и т. п., въ особенности по тому, что онъ

лейбъ-Нѣмца призвалъ къ засвѣдѣтельствованію только двадцать девять разъ, тогда какъ другихъ, заподозрѣнныхъ въ изложеніи истины, гораздо болѣе, какъ это будетъ видно далѣе?

часто и ночевалъ въ нашей корпусной квартирѣ, гдѣ находился также Прусскій Офицеръ, родственникъ или, по видимому, въ близкихъ дружественныхъ съ нимъ отношеніяхъ, Капитанъ Люцо, при самомъ открытіи кампаніи принятый въ нашъ Генеральный Штабъ. Я исполнялъ должность Оберъ-Квартирмейстера и Люцо, не знавшій, какъ и Клаузевицъ, Русскаго языка, располагался со мной на ночлегѣ. Не знаю, по чему и кто именно прозвалъ Клаузевица метафизикомъ, прозвище, подъ которымъ онъ и былъ всѣмъ извѣстенъ. Самохвальства же въ немъ вовсе не замѣчалось; оно обраружилось въ послѣдствіи, въ его сочиненіяхъ, и иногда въ довольной степени. Кстати сдѣсь о немъ. Въ Исторіи Отечественной войны сочинитель уподобляетъ Клаузевица превращеніемъ Индѣйскому божеству, Вишну. Такъ, около Смоленска, Г. Богдановичъ производитъ его въ небывалые Начальники Штаба 3-го кавалерійскаго корпуса, Графа Палена. Чрезъ нѣсколько дней, онъ уже только (также небывалый) Оберъ-Квартирмейстеръ корпуса и въ то же время и не этѣмъ послѣднимъ, а только находящимся при 1-мъ корпусѣ! Жаль, что почтенный Профессоръ не извѣщаетъ о катастрофѣ, низвергавшей Клаузевица, какъ говорится, изъ Поповъ въ Дьяконы, а потомъ изъ Дьяконовъ и въ Дьячки. При такой тщательной обработкѣ книги другой, пожалуй, подумаетъ, что было три однофамильца и затруднится рѣшить, который же изъ нихъ знаменитый, какъ Г. Богдановичъ называетъ одного изъ нихъ? А выходитъ, что это одинъ и тотъ же, только въ трехъ лицахъ, въ одно и то же время, какъ Пинети, являвшійся въ разныхъ званіяхъ. Въ Исторіи этой такіе случаи не рѣдкость и съ лицами повыше Клаузевица. Колебаніе сочинителя «Исторіи Отечественной войны» въ опредѣленіи значенія Клаузевица въ 1812 г., тѣмъ болѣе замѣчательно, что, по видимому, онъ составляетъ для Г. Богдановича что-то загадочное, въ родѣ миѳа. Наплывъ нѣсколькихъ иноземцевъ, въ особенности Прусскихъ Офицеровъ, къ намъ, и преимущественно въ Генеральный Штабъ, имѣетъ два періода. Первый за годъ и за три до войны 1812 года. Въ числѣ лицъ этого періода съ двумя изъ нихъ, Поручиками Барономъ Дистомъ (въ послѣдствіи Генералъ-Лейтенантомъ Прусской службы), сотоварищемъ моимъ въ Финляндіи, особенно въ извѣстномъ поединкѣ, гдѣ имя его видно за моимъ въ Шведскихъ журналахъ и Абовскихъ газетахъ (въ 1861 г. вновь возобновленныхъ), и Капитана Гофмана, съ которымъ я сблизился въ началѣ 1812 г., въ слѣдствіе поединка его въ Дубнѣ съ Барономъ Нолкеномъ, Адъютантомъ Генерала Дохтурова, павшаго подъ Бородиномъ. Второй періодъ, это начало кампаніи 1812 г. Нѣсколько дней предъ Смоленской битвой командированъ былъ въ 6-й корпусъ Капитанъ Люцо, прибывшій вмѣстѣ съ Клаузевицемъ въ армію, оба блистательной храбрости. Клаузевицъ пріютился у Графа Палена, корпусъ котораго былъ постоянно при 6-мъ корпусѣ; у Графа же Палена въ должности Оберъ-Квартирмейстера былъ Штабсъ-

О другомъ же сочиненіи, т. е., Запискахъ Графа Толя, изданныхъ Бернгарди, Г. Богдановичъ продолжаетъ: «Книга Бернгарди имѣетъ также большія достоинства. Въ первыхъ двухъ томахъ этого сочиненія находимъ многіе факты войны 1812 года, доселѣ остававшіеся вовсе не извѣстными, либо, покрайней мѣрѣ, не объясненными. Источниками сочинителю, кромѣ собственныхъ замѣтокъ Толя, служили письменныя и словесныя показанія участниковъ гигантской борьбы Наполеона съ Россіей. Должно отдать справедливость Бернгарди въ томъ, что онъ воспользовался этѣми матеріалами весьма искусно, [58] соединивъ занимательность изложенія съ отчетливымъ обозначеніемъ состава и числа войскъ, времени и мѣста дѣйствій и прочихъ обстоятельствъ, на которые не обращали вниманія прежніе историки войны 1812 года.»

Не слишкомъ ли уже много сказано о совершенствѣ этого творенія?

Но объ этомъ въ другомъ мѣстѣ.

Сочинитель Исторіи Отечественной войны, послѣ такъ обильно высказанной похвалы, присовокупляетъ: «Къ сожалѣнію (это вмѣсто «но»), сочинитель, подобно многимъ Нѣмецкихъ писа-

---

Капитанъ Даненбергъ (о начальникѣ Штаба и не снилось). Въ Бородинѣ Графъ Паленъ былъ болѣнъ, и Клаузевицъ, какъ полуволонтеръ, безъ всякой постоянной обязанности, поѣхалъ во время дѣла къ Уварову, Начальнику 1-го корпуса, и съ нимъ около часа находился въ дѣлѣ. Изъ Тарутина онъ перепросился въ корпусъ Графа Витгенштейна. Сочинилъ басню разговора его съ Барклаемъ и т. п. Въ другомъ мѣстѣ я распространюсь о Клаузевицѣ и другихъ, ему подобныхъ, волонтерахъ, въ то время бывшихъ въ нашей арміи.

[58] Очень искусно, правда, вездѣ, въ нашу Отечественную войну на первый планъ выдвигаетъ свой элементъ. Но вотъ что я не понимаю: по чему Записки Толя по преимуществу называются Бернгарди и приводятся подъ именемъ сего послѣдняго? Этотъ былъ только издателемъ, прибавилъ свои замѣчанія, но все таки это Записки Толя, а Бернгарди издатель. Во всякомъ случаѣ слѣдовало бы принять уже что либо одно: Толь, или Бернгарди. Далѣе такое разъясненіе окажется необходимымъ.

телямъ, желавшимъ заплатить тяжкій для нихъ долгъ благодарности къ Россіи униженіемъ нашей военной славы, не признаетъ заслугъ никого изъ Русскихъ, и въ особенности несправедливъ къ Кутузову.»

Послѣ такого отзыва, какое же историческое достоинство можетъ имѣть эта книга, повѣствующая о нашей Отечественной войнѣ? А между тѣмъ, нѣсколько строкъ выше, воскуренъ ей ѳиміямъ!.... Должно сознаться, что это дипломатически: Русская и Нѣмецкая стороны, каждая имѣетъ чѣмъ удовлетвориться. Оставимъ до времени это, а сдѣсь, прежде всего слѣдуетъ вопросъ: кого Г. Богдановичъ почитаетъ сочинителемъ сочиненія, о которомъ идетъ рѣчь: Толя, или Бернгарди? Записки—перваго, какъ они въ ссылкахъ именуются «Denkwürdigkeiten des Grafen von Toll,» издатель ихъ—Бернгарди. Пусть онъ приводилъ ихъ въ порядокъ, объяснялъ, дѣлалъ свои замѣчанія; пусть даже пополнялъ ихъ и уже такъ издалъ, а все, однако, слово сочинитель къ нему не йдетъ; иначе же и нашъ Маврикій Осиповичъ Вольфъ, издающій столько книгъ не своего сочиненія, часто также съ поясненіями, можетъ, пожалуй, быть тоже приводимъ, какъ сочинитель! Фалардъ, разъяснившій Полибія, не называется сочинителемъ, а просто объяснителемъ (комментаторомъ). Къ кому же должно относить взводимую неблагодарность къ Русскимъ, желаніе унизить славу Русской арміи и т. п? Кого же, повторяю, Г. Богдановичъ почитаетъ сочинителемъ: самого ли Толя, или издателя Записокъ, Бернгарди? Неясный или, лучше сказать, не ловкій оборотъ рѣчи! То, что приписывается Г. Богдановичемъ сочинителю Нѣмцу, можетъ относиться только къ Бернгарди, но, конечно, уже не къ Карлу Ѳедоровичу, этому рыцарю въ величайшихъ опасностяхъ. [59] По какъ бы то ни было, подразумѣваемый сочинителемъ Отечественной войны Нѣмецъ, «уничтожающій нашу военную славу, не признающій заслугъ никого

---

[59] Если въ Запискахъ его встрѣчается что либо несообразное со славой арміи Русской, или рѣзкіе наѣты на извѣстныхъ лицъ, то позволяю себѣ думать, что первое ни въ какомъ случаѣ не принадлежитъ перу его, а второе могло быть усилено.

(замѣчательное никого!) изъ Русскихъ» и т. д., и т. д., призванъ девяносто восемь разъ къ засвѣдѣтельствованію разныхъ эпизодовъ! Изреченія его принимаются за положительныя, не смотря на то, что онъ такъ заподозрѣнъ! Г. Богдановичъ, какъ не участвовавшій въ войнѣ, не можетъ признавать одно за истину, другое за ложь, безъ строгаго критическаго разбора противорѣчій, встрѣчающихся въ изображеніи первостепенныхъ случаевъ, а критики въ этѣхъ случаяхъ у него не оказывается и произносимое по показаніямъ Бернгарди подтверждается почти сотней на него ссылокъ!

Изъ выше сказаннаго Г. разбиравшій сочиненіе Генерала Богдановича, [60] можетъ видѣть, что и Г. Богдановичъ заступается за Кутузова, къ которому, по его мнѣнію, Бернгарди, или Толь, въ особенности несправедливы. Впрочемъ, Генералъ Даниловскій, да и всѣ, если захотятъ сознаться, скажутъ точно также, какъ сейчасъ сказалъ и Г. Богдановичъ, что иноземные Нѣмцы въ нашей Отечественной войнѣ приписываютъ всю славу своему племени, а по тому я нахожу, что нападки съ этой стороны на Даниловскаго несправедливы; дѣйствительнымъ же оказывается только то, что, какъ уже я сказалъ, Александръ Ивановичъ могъ предпочитать быть лучше Русскимъ, нежели Нѣмцемъ; а если это такъ, то въ этомъ одномъ и заключается вся его вина.

За тѣмъ Г. Богдановичъ продолжаетъ: «Всѣ прочія военныя описанія войны 1812 года на Нѣмецкомъ языкѣ не что иное, какъ болѣе или менѣе удачныя компиляціи, отъ которыхъ нельзя ожидать ни самостоятельности критическаго взгляда, ни отчетливаго объясненія фактовъ. Таковы сочиненія Либенштейна (Der Krieg Napoleons gegen Russland in den Jahren 1812—1813), Козегартенъ [61] (Darstellung des Französisch-Russischen

---

[60] См. первую часть: «Замѣчанія на Австрійскій Военный Журналъ».

[61] Козегартенъ первый описалъ эту войну въ С.-Петербургѣ, а по тому, въ строгомъ смыслѣ сочиненіе это не иноземное, хотя и писано на Нѣмецкомъ языкѣ;

Vernichtungskrieges in Jahr 1812), Мортонваль (Histoire de la guerre de Russie en 1812), [62] Бейтцке (Geschichte des Russischen Krieges im Jahr 1812), Неизвѣстнаго сочинителя: Das Buch von Jahr 1812, oder Napoleon in Russland» и пр. Изъ числа ихъ преимущественно заслуживаетъ вниманіе [63] сочиненіе Либенштейна, но и оно подобно прочимъ, написано на основаніи довольно сомнительныхъ источниковъ.»

Что же касается до «Книги 1812 года» (Das Buch, см. выше), то сочинитель этого сочиненія, не ограничиваясь выписками изъ Шамбре, Гурго и Клаузевица, излагаетъ свои собственныя впечатлѣнія, въ качествѣ очевидца описываемыхъ событій; но эти замѣтки, которыя могли бы быть интересны и поучительны, къ сожалѣнію, не отличаются ни здравой исторической критикой, ни безпристрастіемъ.»

Не говоря о множествѣ Французскихъ, Нѣмецкихъ и Англійскихъ повѣствователей о войнѣ 1812 года, не упоминаемыхъ въ этомъ мѣстѣ Г. Богдановичемъ, всѣ они, т. е., писавшіе до него, и Русскіе и иноземные, отчасти только за исключеніемъ Шамбре и Фена, вовсе не имѣютъ цѣны и не заслуживаютъ ни какого вниманія, по изложеннымъ сочинителемъ недостаткамъ; другіе же не болѣе какъ сносны, да и то только до извѣстной степени. Даже изображеніе военныхъ дѣйствій 1-й арміи, составленное Барклаемъ де Толли, «не можетъ быть названо совсѣмъ

въ такомъ случаѣ Бутурлина, Окунева и нѣкоторыхъ другихъ, писавшихъ не по Русски, тоже не должно бы относить къ иноземцамъ, а равно и Толя.

[62] Надо полагать, что Французъ Мортонваль заблудился между Нѣмцами.

[63] Но, вѣдь, всѣ эти исчисленныя Нѣмецкія сочиненія «не имѣютъ самостоятельнаго взгляда, ни отчетливаго объясненія фактовъ; а по тому, какъ понимать здѣсь, что изъ числа ихъ Либенштейнъ преимущественно заслуживаетъ вниманія;» т. е., что онъ хуже всѣхъ другихъ, или, болѣе сносенъ? Къ слову объ удачныхъ компиляціяхъ: да вѣдь и ваша книга не что иное, какъ компиляція, но только неудачная: вы не участвовали въ войнѣ, а по тому сами свѣдѣтельствовать не можете, а Либенштейнъ, Миллеръ участвовали и могли описывать то, что видѣли, равно какъ и нѣкоторые другіе.

безпристрастно;» Вольцогенъ, прославлялъ только «свои подвиги.» Между тѣмъ, независимо отъ Барклая, Вольцогенъ десять разъ призывается во свѣдѣтели сочинителемъ. [64] Словомъ, Г. Богдановичъ долженъ былъ преодолѣть всѣ эгѣ трудности, чтобы сочинить свою Исторію, и сочинилъ ее въ полномъ смыслѣ слова!

Такимъ образомъ, послѣ того, что повѣствованія иноземныхъ историковъ такъ много содѣйствовали Г. Богдановичу сложенію его исторіи, сдѣсь поступилъ онъ съ ними, какъ уже замѣчено въ первой части, точно такъ, какъ съ коркой выжатаго лимона; но таковъ, конечно, планъ нашего почтеннаго историографа.

Наконецъ дошла очередь и до нашихъ соотечественниковъ, и вотъ, какъ онъ отзывается о нихъ:

«Ахшарумовъ, бывшій Адъютантомъ Генерала Коновницына, по ходатайству его, получилъ порученіе составить Исторію войны 1812 года. Будучи Военнымъ Министромъ, Коновницынъ не только доставилъ Ахшарумову многіе матеріялы, но испросилъ прикомандированіе его для собранія свѣдѣній о дѣйствіяхъ Французскихъ войскъ къ корпусу Воронцова, тогда стоявшему во Франціи. Но Ахшарумовъ, недостаточно приготовленный къ занятіямъ по военной исторіи, [65] не воспользовался данными ему средствами, и написалъ книгу, заслуживающую вниманіе только по тому, что она была первымъ Русскимъ сочиненіемъ о войнѣ 1812 года.»

Полковникъ Ахшарумовъ былъ не прикомандированъ только къ корпусу Воронцова, но назначенъ дежурнымъ штабъ-

---

[64] Шрекенштейнъ тридцать разъ, Функъ десять и т. д. Между тѣмъ въ выше изложенномъ спискѣ нѣтъ Шрекенштейна, на основаніи котораго сочинена сказка о взятіи центральной батареи въ Бородинѣ.

[65] Это на какомъ основаніи? Изъ сочиненія не видно, чтобы можно было дѣлать подобное заключеніе.

Офицеромъ. Если бы Ахшарумовъ не былъ достаточно приготовленнымъ къ занятіямъ по военной исторіи, то, конечно, просвѣщенный Коновницынъ, могшій оцѣнить Ахшарумова, бывшаго у него Адъютантомъ въ продолженіи войны, въ которой такъ блистательно участвовалъ, не возложилъ бы на него этого порученія, какъ то могъ бы сдѣлать это другой, при совершенно иныхъ условіяхъ. Слѣдовательно, слово по ходатайству вовсе неумѣстно; это выраженіе слѣдовало бы приберечь для другихъ. Воспользовался ли онъ данными ему средствами, или нѣтъ, можно судить тогда только, когда средства эти извѣстны. Я ежедневно видѣлся съ Ахшарумовымъ, когда пріѣзжалъ изъ Ретеля въ Мобежъ, что случалось по нѣскольку разъ въ годъ, и очень близко знаю, что средства эти были очень ограничены; ибо въ то время наши матеріялы не были еще собраны въ одно мѣсто, а изъ сочиненій иноземныхъ не многія были уже изданы. Ахшарумовъ окончилъ Исторію въ 1817 году и отправилъ въ Петербургъ, гдѣ несомнѣнно она была просмотрѣна Коновницынымъ, а можетъ быть и еще другими участниками войны. Въ Мобежѣ, Графъ Воронцовъ, по мѣрѣ изготовленія главъ, прочитывалъ оныя; то же дѣлалъ Начальникъ Штаба, Поисетъ, человѣкъ съ высокими дарованіями. Ахшарумовъ былъ такъ добросовѣстенъ, что не пренебрегалъ ни какими поясненіями и написалъ вѣрно. Если же онъ не вдавался въ разныя подробности, то, какъ я замѣтилъ, не было еще достаточно для того средствъ. Относительно же разсужденій, которыми изобилуютъ нынѣшнія военныя произведенія, онъ былъ слишкомъ просвѣщенъ, чтобы пускать свои мнѣнія въ ходъ и стараться блеснуть своими умозаключеніями, и слишкомъ благороденъ, чтобы кадить, или злословить. [66] Онъ изложилъ событія вѣрно, какъ очевидецъ, а по

---

[66] Это доказывается однимъ уже тѣмъ, что онъ не дѣлаетъ этого и тому, кто ходатайствовалъ о немъ; а вѣдь должно согласиться, что о Коновницынѣ въ войну 1812 г. можно было бы сказать многое, заслуживающее вниманія, но этого вовсе нѣтъ, не по тому ли, что Ахшарумовъ былъ недостаточно приготовленъ къ занятіямъ по Военной Исторіи, какъ замѣчаетъ Г. Богдановичъ? Но воскурять вниманіямъ можно и при полномъ отсутствіи познаній въ военномъ дѣлѣ: ловкій сочинитель найдетъ возможность, при случаѣ, воскурить оный и Подпоручику...

моему мнѣнію, очевидецъ имѣетъ первый шагъ, когда дѣло идетъ объ описаніи того, что происходило въ его глазахъ, передъ тѣми, которые объ этомъ только слышали, или читали. Пусть они и создаютъ свои краснорѣчивыя разсужденія. Не могу скрыть удивленія, что почтенный сочинитель своей Исторіи не нашелъ ни чего, заслуживающаго вниманія въ сочиненіи Ахшарумова, и такъ рѣзко отозвался о немъ, что онъ написалъ «книгу, заслуживающую вниманія только по тому, что она была первымъ Русскимъ сочиненіемъ о войнѣ 1812 года.» Но не заслуживаетъ ли она вниманія тѣмъ уже однимъ, что въ ней нѣтъ противорѣчій самому себѣ, а это доказываетъ, что сочинитель ея зналъ логику, а не писалъ наобумъ? При послѣднемъ условіи можно написать не только три толстыхъ тома, но тридцать три листовника.

Относительно же выраженія, что книга эта имѣетъ одно достоинство, что она была первымъ Русскимъ сочиненіемъ о войнѣ 1812 года, то въ буквальномъ смыслѣ и это несправедливо. Книга Ахшарумова печатана въ 1819 году. Козегартенъ напечаталъ свою въ 1816 году въ Петербургѣ, правда по Нѣмецки, но Г. Богдановичъ говоритъ просто первымъ Русскимъ сочиненіемъ; вотъ если бы онъ сказалъ на Русскомъ языкѣ, это было бы другое дѣло. [67] Впрочемъ, какъ далѣе увидимъ, сочинитель уничтожаетъ всѣхъ своихъ предшественниковъ, дерзнувшихъ подвизаться на его поприщѣ, и это по тому, конечно, что всѣ они были участниками войны 1812 г., а онъ одинъ не могъ быть въ этомъ положеніи; по его же логикѣ участники никогда не могутъ такъ вѣрно изобразить событія, въ коихъ были дѣятелями, какъ тѣ, которые въ нихъ вовсе не участвовали.

«Бутурлинъ (Д. П.) не только былъ участникомъ въ дѣйствіяхъ 1812 года, но основательно изучилъ ихъ. Къ сожалѣнію, это изученіе было односторонне: сочинитель былъ жар-

---

[67] Сухтеленъ, Бенкендорфъ, Бутурлинъ, Окуневъ и нѣкоторые другіе писали на Французскомъ языкѣ, но сочиненія эти все таки произведенія Русскихъ; точно также Записка Толя, а пожалуй и Принца Евгенія Виртембергскаго.

кимъ послѣдователемъ стратегической системы Жомини, которая преобладаетъ въ его сочиненіи. [68] Всякое дѣйствіе обсуживается у него на основаніи мыслей Генерала Жомини, что чрезвычайно стѣсняетъ кругозоръ его критическихъ выводовъ.» Замѣтивъ, что Бутурлинъ не воспользовался весьма важными матеріялами, сочинитель продолжаетъ: «Впрочемъ, въ сочиненіи Генерала Бутурлина все, что касается до движеній и дѣйствій войскъ (изложено) довольно отчетливо.» Кажется, чего же больше желать для военнаго описанія; но нѣтъ, этого мало; однако, не въ этомъ Г. Богдановичъ полагаетъ всю вину, а вотъ что онъ говоритъ въ слѣдъ за помянутыми словами: «но напрасно кто либо сталъ бы искать въ немъ объясненія характера и личныхъ свойствъ главныхъ дѣйствователей, намѣреній и рѣшеній, послѣдовавшихъ въ совѣтахъ военачальниковъ, вліянія мѣръ, принятыхъ противникомъ, духа народа и войскъ, положенія арміи въ различныя эпохи войны, словомъ сказать, вліянія нравственныхъ силъ. Отъ этого самого повѣствованіе сочинителя, не смотря на занимательность предмета, сухое, безжизненное, лишенное всего того, что обусловливаетъ прелесть созданія, представляетъ подобіе скелета.»

Скажу словами сочинителя: прелесть, что за рецензія, что за оцѣнка! Какъ мало самонадѣянности, какая скромность, и т. п.! Вотъ изволите видѣть: Бутурлинъ вѣрно описывалъ движеніе и дѣйствіе войскъ, но не захотѣлъ быть метафизикомъ и изобразителемъ характеровъ нѣкоторыхъ лицъ, что, впрочемъ, онъ, конечно, могъ бы сдѣлать легче и вѣрнѣе Г. Богдановича, знавши дѣятелей лично, но ограничился только показаніемъ ихъ дѣйствій; это не то, какъ мы? Мы ихъ и не видывали, а посмотрите, какъ однихъ отхватали, а другимъ воскурили: прогрессъ да и только! Почтенный сочинитель своей Исторіи забылъ присовокупить одно, что въ Исторіи Бутурлина нѣтъ ни одного противорѣчія, что онъ по старинному, лѣвое называетъ лѣвымъ, а правое правымъ, и т. п. Сочинитель заключаетъ таксацію свою сочиненію Бутурлина тѣмъ, что онъ «написалъ по

---

[68] Вотъ и Жомини досталось, какъ говорится, на орѣхи! Мы, де, одни непогрѣшимы!

Французски, а по тому Французы пользуются всѣмъ тѣмъ, что сказано въ ихъ пользу, и ссылаются на оное.» Я долженъ или, по крайней мѣрѣ, желаю, предполагать, что этѣ послѣднія слова были написаны по разсѣянности, по тому что если бъ Бутурлинъ написалъ книгу свою по Русски, то она, конечно, была бы переведена тотчасъ на Французскій языкъ, а по тому и не лишила бы Французовъ возможности дѣлать ссылки на тѣ мѣста, которыя могли быть въ ихъ пользу. [69] Впрочемъ, и самъ Г. Богдановичъ въ своемъ предисловіи говоритъ, что «могу сказать только то, что перомъ моимъ водило безпристрастіе и къ своимъ и къ непріятелямъ.» Какъ жрецъ истины, онъ иначе и не могъ писать свою Исторію, а по тому Французы будутъ также вправѣ ссылать и на него; но, дай Богъ, чтобы.....

«Сочиненіе Генерала Окуневa: «Разсужденіе о важнѣйшихъ дѣйствіяхъ войны 1812 года въ Россіи,» можетъ быть причислено скорѣе къ догматическимъ, нежели къ историческимъ, книгамъ. Сочинитель, принявъ на себя обязанность Профессора, поучаетъ читателей своихъ, представляя въ видѣ безусловныхъ правилъ, выводы, имъ сдѣланные на основаніи теоріи Генерала Жомини. Нельзя не замѣтить, что послѣдователи Жомини, позабывъ, что важнѣйшею его заслугой было освобожденіе любознательныхъ военныхъ людей отъ стѣснявшихъ ихъ односторонних теорій, подчинились началамъ, которыя самъ онъ не признавалъ безусловными. Отъ этого произошелъ тотъ узкій критическій взглядъ на военныя дѣйствія, которымъ отличались: Маккъ, Вейротеръ, Пфуль и подобные имъ педанты» (спрѣчь, и вы, Г. Окуневъ). Такая ученость, стѣсняющая свободу мышленія, вредна не менѣе невѣжества.»

Каковъ отзывъ?! А я спроста думалъ, что если Окуневъ и не натягиваетъ какого либо подвига избраннаго имъ Поручика

---

[69] Книга Г. Богдановича переведена по Нѣмецки и, какъ видно было въ первой части этого разбора, дѣйствительно Нѣмцы пользуются богатымъ для своей пользы матеріяломъ.

съ двумя орудіями, то, по крайней мѣрѣ, онъ развиваетъ понятіе о стратегическихъ соображеніяхъ. Но нѣтъ, не угодишь жрецу истины. Онъ только одинъ правъ, по тому что..... Но вотъ еще приговоръ послѣднему изъ сочинителей, дерзнувшему писать прежде Г. Богдановича Исторію Отечественной войны:

«Послѣднимъ изъ полныхъ сочиненій на Русскомъ языкѣ было: «Описаніе Отечественной войны 1812 года, Генерала Михайловскаго-Данилевскаго. При составленіи этой книги сочинитель имѣлъ доступъ во всѣ Государственные архивы. Энциклопедическое образованіе и литературныя способности Данилевскаго способствовали ему написать сочиненіе, которое, благодаря легкости слога и занимательности предмета, сдѣлалось популярнымъ, но подверглось порицанію иностранныхъ писателей. [70] Сочинитель говоритъ въ предисловіи къ своей книгѣ: «Критическая военная Исторія не была моею цѣлью. Оставимъ ее военнымъ схоластикамъ, любителямъ стратегіи и тактики. Другая цѣль была у меня: представить по возможности правдивое изображеніе событій» и пр. Этѣхъ нѣсколько строкъ (продолжаетъ Г. Богдановичъ) достаточно для обозначенія понятій сочинителя о военной Исторіи вообще и того направленія, которому онъ намѣревался слѣдовать при изложеніи Отечественной войны 1812 года. Изъ собственныхъ словъ его слѣдуетъ: во 1-хъ, что онъ не только сомнѣвался въ пользѣ военноисторической критики, но предоставлялъ ее педантамъ, отрицаясь отъ стратегіи и тактики. Да развѣ безъ основательнаго знанія этѣхъ наукъ можно написать, либо даже только вполнѣ понять, какое либо военное сочиненіе?»

Я не вижу изъ словъ Данилевскаго, чтобы онъ сомнѣвался въ пользѣ военноисторической критики и отрицался отъ стратегіи и тактики; онъ предоставлялъ это другимъ, ограничивая свой разсказъ только тѣмъ, что совершилось. Трудно угодить Г. Богдановичу, поставившему себѣ, какъ кажется, непремѣннымъ пра-

---

[70] Да, Нѣмцы не хвалятъ его, а главное обвиняютъ его въ патріотизмѣ, какъ замѣчено въ первой части нашего разбора.

виломъ отвергать все то, что писано было другими о войнѣ 1812 года. Бутурлинымъ и Окуневымъ онъ недоволенъ за то, что они пустились въ стратегическія разсужденія, а на Данилевскаго негодуетъ за то, что онъ предоставляетъ этѣ разсужденія схоластикамъ, или, какъ сочинитель называетъ ихъ, педантамъ. Кто знаетъ, можетъ быть Данилевскій, не сознавая въ себѣ тѣхъ высокихъ дарованій на этомъ поприщѣ (какъ то мнятъ о себѣ другіе), и не хотѣлъ подвергнуть своихъ сужденій критикѣ Профессоровъ военной науки, а предоставилъ имъ это поприще, на которомъ можно разгуляться, какъ кто понимаетъ.

Г. Богдановичъ продолжаетъ: «Во 2-хъ, сочинитель говоритъ, что онъ имѣлъ въ виду другую цѣль: истину.... Не уже ли историческая критика противоположна истинѣ?» (Нѣтъ, но для сего нуженъ здравый смыслъ). «Всѣ лучшія (да, лучшія!) историческія сочиненія отличались здравою безпристрастною критикой, и даже можно сказать, что нѣтъ ни одной хорошей военно-исторической, либо вообще исторической, книги, которая не заключала бы въ себѣ критическихъ сужденій. Да и самое описаніе Отечественной войны Генерала Данилевскаго не изъято отъ нихъ, вѣроятно, противъ воли сочинителя (!). Напрасно онъ также возстаетъ противъ стратегіи [71] и тактики. Ближайшее ознакомленіе съ военными науками предохранило бы его отъ нѣкоторыхъ промаховъ, которые встрѣчаются въ его книгѣ, какъ, наприм., у него отрядъ Энгельгардта дѣйствовалъ калеными ядрами въ полевомъ сраженіи подъ Брестомъ» и т. д.

Конечно, это промахъ, но отнюдь не доказывающій, чтобы Данилевскій не былъ знакомъ съ военной наукой до такой степени, какъ сочинитель полагаетъ. Промахи, и, различнаго еще рода, встрѣчаются вездѣ, что можно было видѣть выше. Взглянемъ, однако же, на это повѣствованіе Данилевскаго; дѣйстви-

---

[71] Не знаю, изъ чего Г. Богдановичъ заключилъ это? Я могъ бы представить ему свѣдѣтелей: Данилевскій отзывался о трудахъ Барона Медема на этомъ поприщѣ, признавая въ оныхъ всю полноту, необходимую для усвоенія себѣ здраваго понятія о стратегіи.

тельно ли онъ сдѣлалъ такой промахъ, что написалъ, будто бы Энгельгардтъ дѣйствовалъ каленными ядрами? Наконецъ нашелъ я въ третьемъ томѣ (стр. 198—199) дѣло подъ Брестомъ. И что же? Выходитъ совсѣмъ иное. По сдѣланной Адмираломъ Чичаговымъ диспозиціи для атаки Шварценберга при Брестѣ, расписавъ направленіе каждой колоннѣ, присоединено, что отрядъ Энгельгардта, находившійся у Прилукъ, имѣвшій предписаніе «атаковать Брестъ съ лѣваго берега Муховца и, при замѣченномъ успѣхѣ нашихъ войскъ каленными» (написано калоными) ядрами зажечь городъ.»

Шварценбергъ ночью отступилъ и дѣйствія никакого не было, слѣдовательно, и калеными ядрами не дѣйствовали. Данилевскій написалъ только то, что заключалось въ диспозиціи и въ предписаніи Энгельгардта, а это очень легко могло быть, такъ какъ Адмиралъ имѣлъ, можетъ быть, своихъ Адъютантовъ, которые, въ торопяхъ, могли писать, какъ на кораблѣ, каленыя ядра. Адмиралъ могъ не замѣтить вкравшейся погрѣшности, вмѣсто брандскугелей или гранатъ, и подписать диспозицію. Данилевскій, не сдѣлавъ оговорки, передалъ, какъ это было сказано въ предписаніи; но дѣло въ томъ, что Энгельгардтъ не дѣйствовалъ, какъ говоритъ Г. Богдановичъ. [72]

---

[72] Я привелъ сдѣсь это разсужденіе не столько по тому, что Г. Богдановичъ, вмѣсто того, чтобы употребить выраженіе: долженъ былъ дѣйствовать, употребилъ дѣйствовалъ, сколько по тому, что, коснувшись этого предмета, онъ могъ бы найти у Данилевскаго, касательно сего выраженія, болѣе опредѣлительное и гдѣ не было рѣчи ни о диспозиціи, ни объ Адміралѣ, а именно (Описаніе войны 1813 г., т. II, стр. 180): говоря о сраженіи подъ Лейпцигомъ, 6-го Октября, сказано: «при овладѣніи Шенфельдомъ, бросали каленыя ядра, стараясь зажечь строенія» и пр. Но опять сдѣсь повторяю, что этотъ промахъ отнюдь не доказываетъ невѣжества Михайловскаго-Данилевскаго въ военной наукѣ; это недосмотръ, можетъ быть, перевода этого эпизода съ Нѣмецкаго языка однимъ изъ его сотрудниковъ не военнаго званія, который могъ принять брандскугель за каленое ядро, и выраженіе это не досмотрѣно Данилевскимъ. Я замѣчаю это по тому, что Г. Богдановичъ, указывая на событіе подъ Брестомъ, удачнѣе могъ бы привести таковое подъ Лейпцигомъ. Меня вмѣстѣ съ тѣмъ удивляетъ несравненно сильнѣйшія, но во всякомъ случаѣ далеко и очень далеко не равняющіяся съ тѣми, которыми разбираемая книга переполнена, и когда?— Спустя двадцать лѣтъ!

Сочинитель продолжаетъ: «Да и можно ли возставать противъ исторической критики въ настоящее время, послѣ трудовъ Смита, Гепфнера, Бернгарди, Шарраса и Милютина?»

Въ предисловіи Г. Богдановичъ говорилъ уже объ этомъ но тамъ было у него только трое: Смитъ, Гепфнеръ и Милютинъ; сдѣсь онъ вдвинулъ еще двухъ, которыхъ по закону слѣдовало бы ранжировать: или въ алфавитномъ порядкѣ, или по старшинству ихъ сочиненій, обратившихъ милостивое вниманіе Г. Богдановича, или наконецъ вновь воспроизведенныхъ пріобщить къ концу названныхъ уже трехъ; но, вопреки всего выше сказаннаго, онъ сохранилъ на своихъ мѣстахъ двухъ первыхъ: Смита и Гепфнера, отодвинулъ Милютина, а предъ нимъ вмѣстилъ Бернгарди и Шарасса; на какомъ основаніи это сдѣлано, опять знаютъ о томъ только Г. Богдановичъ и Аллахъ. Уже не произошла ли эта классификація на основаніи степени достоинства, приписываемой твореніямъ этѣхъ пяти лицъ? И тогда это ошибочно; ибо Милютинъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ и не долженъ занять послѣдняго мѣста: это пойметъ всякій, кто лишь нѣсколько въ состояніи цѣнить труды. Изъ названныхъ пяти лицъ мнѣ неизвѣстны только творенія Гепфнера, а нѣкоторыхъ зналъ я и лично, но это въ сторону. Дѣло сдѣсь въ томъ, что Г. Богдановичъ, указывая на превосходныя творенія этѣхъ лицъ, писавшихъ исторіи войнъ, въ которыхъ не всѣ участвовали, какъ бы намекаетъ, что и я, дескать, стану наряду съ ними; я, вотъ то же сочинитель Исторіи войны, въ которой не участвовалъ; такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ кажется. [73] Но обратимся къ продолженію:

«Вообще сочинитель (Данилевскій) приступилъ къ сочиненію своей книги, не давъ самому себѣ яснаго отчета въ направленіи, которому намѣревался слѣдовать: отказавшись отъ критики, онъ не рѣдко излагаетъ собственныя сужденія, за что можно бы поблагодарить его, если бы его выводы были безпристрастны. Но, къ сожалѣнію, иногда

[73] Но чему, напр., не упомянуть бы тутъ и Тьера, какъ современнаго; Шиллера, описавшаго тридцатилѣтнюю войну, какъ давнопрошедшаго и пр.?

случается, что она расточаетъ похвалы, либо упреки, руководясь болѣе личными отношеніями, нежели истиной (Этотъ грѣшокъ водится и у другихъ). Таково, между прочимъ, описаніе дѣятельнаго участія, будьто бы принятаго Княземъ Кутузовымъ въ сраженіи при Бородинѣ, между тѣмъ какъ всѣ (!) свѣдѣтели этого сраженія увѣряютъ, что Фельдмаршалъ во все продолженіе боя не сходилъ съ мѣста, занятаго имъ по утру у Горокъ.

Я говорилъ уже о неосновательности повѣствованія касательно Кутузова въ Бородинскомъ дѣлѣ. Генералу Богдановичу слѣдовало бы назвать всѣхъ свѣдѣтелей этого ложнаго показанія, чего онъ сдѣлать не можетъ; ибо, говоря уже объ этомъ (т. II, стр. 54), онъ ссылался только на Гофмана, Прусскаго Офицера, бывшаго въ нашемъ Генеральномъ Штабѣ и во время Бородинской битвы находившагося при Утицѣ, т. е., на окопечности лѣваго фланга, слѣдовательно, за нѣсколько верстъ отъ Горокъ. Эта ссылка принята Г. Богдановичемъ, какъ засвѣдѣтельствованіе всѣхъ! Непостижимо! Во всякомъ случаѣ Данилевскій, находившійся при Фельдмаршалѣ, можетъ служить лучшимъ авторитетомъ, чѣмъ Гофманъ, который могъ быть посланъ отъ Утицы къ Кутузову и застать его въ Горкахъ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы Фельдмаршалъ находился тамъ постоянно. Сдѣсь слѣдуетъ еще припомнить, что Г. Богдановичъ, перебирая на стр. 532 писателей Исторіи войны 1812 года, и говоря о Бернгарди, присовокупляетъ: «Къ сожалѣнію, сочинитель (Бернгарди) подобно многимъ Нѣмецкимъ писателямъ, желавшимъ заплатить тяжкій для нихъ долгъ благодарности къ Россіи униженіемъ нашей военной славы, не признаетъ заслугъ никого изъ Русскихъ и въ особенности несправедливъ къ Кутузову.» И какъ же послѣ этого предпочитать одного Гофмана Данилевскому? Да и что за мистификація самого Г. Богдановича, принимающаго сдѣсь сторону Кутузова тогда, какъ онъ самъ такъ и его отдѣлалъ, и отдѣлалъ на основаніи этѣхъ же самыхъ Нѣмцевъ!? Кутузовъ подъѣзжалъ къ Горкамъ на самое короткое время по утру и поспѣшилъ на свое мѣсто, которое онъ назначилъ по диспозиціи сзади 6-го корпуса; потомъ появлялся около полудни, и опять возвратился, какъ было сказано выше. Но объ этомъ до-

вольно уже говорено было выше. Покажите намъ свѣдѣтелей, и мы представимъ своихъ. Что же касается до того, что Кутузовъ принималъ дѣятельное участіе въ Бородинской битвѣ, то, конечно, этѣмъ словамъ Данилевскій не хотѣлъ выразить, что Кутузовъ лично ходилъ въ атаку, да и самъ Г. Богдановичъ говоритъ, какъ замѣчено выше, что всѣ его распоряженія во время битвъ были основательны и т. д. Чего же болѣе въ день битвы можно требовать отъ Главнокомандующаго?

Сочинитель продолжаетъ: «Таково стремленіе представить Наполеона отжившимъ вѣкъ, Наполеона, изумлявшаго всѣхъ военныхъ людей быстротой и рѣшительностью своихъ дѣйствій въ кампанію 1814 года. Еще чаще встрѣчается въ сочиненіи Генерала Данилевскаго умышленное (каково!?) умолчаніе незабвенныхъ заслугъ, высокихъ подвиговъ: объ участіи Генерала Ермолова и Полковника Толя въ дѣлѣ при Лубинѣ не сказано ни слова, объ участіи Толя въ Тарутинскомъ сраженіи, а также о распоряженіяхъ Ермолова въ сраженіи при Малоярославцѣ, также ни слова о Гавердовскомъ, одномъ изъ отличнѣйшихъ Офицеровъ нашего Генеральнаго Штаба во все не упоминается.»

Относительно Ермолова можно отчасти согласиться съ сочинителемъ, но что касается до Гавердовскаго, то не думаю, чтобы упрекъ былъ справедливъ; ибо хотя Гавердовскій и былъ извѣстенъ своими способностями уже въ войну 1808 года въ Новой Финляндіи, гдѣ находился при Главнокомандующемъ, Графѣ Буксгевденѣ, но чтобы упомянуть отдѣльно объ убитомъ Штабъ-Офицерѣ въ такомъ сраженіи, какъ Бородинское, въ которомъ пали сотни Штабъ-Офицеровъ, нуженъ былъ для сего особенный подвигъ, котораго, къ несчастію, онъ не имѣлъ случая совершить, и я очень хорошо помню, что онъ убитъ былъ такъ, что и мѣсто смерти его положительно не было извѣстно: только окровавленная лошадь примкнула къ своимъ. Не разъ уже приводимый П. Глѣбовъ, въ краткомъ разборѣ своемъ книги Г. Богдановича, говоря о неумѣстномъ упрекѣ, сдѣланномъ Михайловскому-Данилевскому, между прочимъ присовокупляетъ, что «вся извѣстность Гавердовскаго въ Бородинскомъ дѣлѣ заключает-

ся въ томъ только подвигѣ, что Коновницынъ увѣдомляетъ о семъ жену свою.» [74]

Генералъ Богдановичъ являетъ себя вообще строгимъ судьею въ подобныхъ случаяхъ, тогда какъ и самъ далеко не внѣ подобныхъ упрековъ. Да! не должно быть слишкомъ строгимъ, повторяю, къ подобнымъ слабостямъ, ну, пожалуй, пусть и къ промахамъ: большая часть историковъ болѣе или менѣе были тому подвержены. Но пора кончить приговоръ Даниловскому. Вотъ что слѣдуетъ за выше приведенными словами:

«О достоинствахъ фланговаго преслѣдованія отъ Можайска къ Вязьмѣ и далѣе сочинитель говоритъ нѣсколько разъ, а о дѣятельномъ участіи Генерала Ермолова въ преслѣдованіи непріятеля умалчиваетъ. Заслуги Барклая не замѣтны въ отношеніи отечественной войны 1812 года.»

Припомню сочинителю изъ книги Даниловскаго слѣдующія мѣста (т. II, стр. 241): «Врядъ ли осталось въ центрѣ опасное мѣсто, гдѣ онъ (Барклай) не распоряжался бы; полкъ, не ободренный словами и примѣромъ его. Подъ нимъ убито и ранено пять лошадей; изъ Адъютантовъ и ординарцевъ его весьма не многіе уцѣлѣли. Велико было прежде негодованіе противъ Барклая де Толли, но въ Бородинѣ общее мнѣніе рѣшительно склонилось на его сторону. Уже нѣсколько нѣдель не привѣтствовали его войска обычнымъ восклицаніемъ, но въ Бородинѣ

---

[74] Я даже полагаю, по своему разумѣнію, что помѣщенное въ текстѣ, стр. 180, письмо Г. Коновницына къ женѣ, съ извѣстіемъ о смерти Гавердовскаго, имѣло бы болѣе приличное мѣсто въ Приложеніяхъ, если уже, по соображенію Г. Богдановича, оно должно было быть извѣстно. Въ текстѣ можно было бы включить что либо соотвѣтственное съ характеромъ повѣствуемаго; такъ, на прим., по чему бы не помѣстить въ текстъ, да и помѣстить подробно и отчетливо, эпизодъ о избіеніи нашихъ плѣнныхъ, какъ мѣру общую, принятую Французами, между тѣмъ, какъ почтенный Профессоръ сказалъ только два слова (т. III, стр. 59), что когда плѣнные, отъ истощенія силъ, падали, то ихъ добивали прикладами, и отсюда сдѣлалъ примѣчаніе № 60, которое также очень слабо и далеко неудовлетворительно, какъ это можно видѣть въ книгѣ: «Пятидесятилѣтіе Бородинской битвы. М. 1866.»

отъ каждаго полка гремѣли ему ура!» Между же тѣмъ не онъ былъ Главнокомандующимъ, а изъ самаго изложенія видно, что Барклай былъ главнымъ распорядителемъ въ центрѣ и былъ не замѣненъ. А письма, приведенныя Даниловскимъ отъ Государя къ Барклаю, не служатъ ли торжественнымъ засвѣдѣтельствованіемъ противнаго тому, что говоритъ Г. Богдановичъ? Даниловскій могъ обо всемъ этомъ умолчать, или замѣтить слегка, если бы имѣлъ намѣреніе не выказать заслуги Барклая. За симъ: «не точность свѣдѣній обнаруживается также и при изложеніи событій: сочинитель не обращаетъ должнаго вниманія на составъ и число войскъ, на время и мѣсто дѣйствій, не рѣдко при описаніи боя замѣняетъ онъ важнѣйшія обстоятельства общими мѣстами, которыя ни сколько не даютъ опредѣлительнаго понятія объ особенностяхъ описываемаго сраженія.»

И въ этомъ почтенный сочинитель своей Исторіи далеко не непогрѣшимъ, что можно было видѣть выше. Наконецъ, въ заключеніи, какъ бы coup de grace, сказано: «Но этѣ недостатки отчасти вознаграждаются ясностію слога [75] и достоинствомъ матеріяловъ, которые, будучи искусно сгруппированы сочинителемъ, придаютъ труду его большую занимательность. Вся Россія читала его книгу, и это обстоятельство заставляетъ еще болѣе сожалѣть о томъ, что истина и безпристрастіе не всегда руководили перо краснорѣчиваго историка.» Трудно, по крайней мѣрѣ, мнѣ, обнять смыслъ этѣхъ послѣднихъ строкъ, но утвердительно могу сказать, что Даниловскій не былъ убѣжденъ въ своей непогрѣшимости и приготовлялъ значительныя исправленія для третьяго изданія. [76]

---

[75] Виноватъ, а мнѣ кажется, что если военная книга съ такими промахами и такъ не вѣрно, какъ, по мнѣнію Г. Профессора, издано Описаніе войны Даниловскимъ, то, ни какое краснорѣчіе не можетъ замѣнить главнаго назначенія такой книги. Въ такомъ случаѣ образцовыя поэмы: Тасса, Мильтона, Парни, Трельяковскаго (Телемахида), Богдановича (Душенька) и имъ подобныя, должны быть предпочтены Исторіи, и по тому еще болѣе, что они сами не участвовали ни въ раѣ, ни въ адѣ, ни на Олимпѣ и т. п. Словомъ, при полномъ отсутствіи положительности, а въ размѣрѣ воображенія.

[76] Это можно видѣть въ книгѣ: «Нѣкоторыя замѣчанія, почерпнутыя преимущественно изъ иностранныхъ источниковъ и пр. Спб. 1855, въ 8.

Относительно слога книги Г. Богдановича, я не судья, но нѣкоторые находятъ его не современнымъ и не соотвѣтствующимъ великому значенію книги. Независимо, иногда, отъ вводимой поэзіи, какъ, на прим., безчувственность ранъ, печеныя на деревьяхъ яблоки и т. п., встрѣчается, въ числѣ многаго, что-то недостаточно обработанное; вотъ нѣсколько примѣровъ тому, попавшихся на глаза:

Есть параграфъ (не въ началѣ страницы), начинающійся такъ: «Немногіе жители, оставшіеся въ Москвѣ, ожидали съ нетерпѣніемъ и страхомъ окончательнаго выступленія Французовъ» и т. д. На половинѣ же слѣдующей страницы, слѣдовательно, въ очень близкомъ сосѣдствѣ, другой параграфъ начинается опять: «Немногіе жители, тогда остававшіеся въ Москвѣ, пораженные страхомъ и оцѣпенѣлые» и пр. Не я, а знатоки въ литературѣ не находятъ это чистымъ и повтореніе одного и того же построенія выраженій слишкомъ близкимъ.

Описавъ поэтически одинъ изъ ужасныхъ эпизодовъ столкновенія при Семеновскомъ, сочинитель присовокупляетъ: «Напоминали воображенію послѣдній день міра.» Напоминать воображенію то, чего еще не было, кажется и мнѣ уже, не слишкомъ ли поэтично? Представлять воображенію—это было бы иное дѣло. Воображенію, повторяю, полная свобода, какъ, на примѣръ, въ «Освобожденномъ Іерусалимѣ,» Тасса, въ «Потерянномъ Раѣ,» Мильтона, въ «Душенькѣ,» Богдановича, и во множествѣ подобныхъ произведеній, но не въ книгѣ, въ которой положительность и ясность должны составлять первое условіе. Это выраженіе Генерала Богдановича равносильно выраженіи Генерала Данилевскаго, тоже о Бородинѣ: «ночь освѣтила новые пожары.»

«Въ свѣтлой мрачности блистающихъ ночей,
Явился черный свѣтъ отъ солнечныхъ лучей.
Все то, что видѣлъ я, и то, что не видалъ—
Въ безчувствіи своемъ я живо ощущалъ» и т. д. [77]

[77] И то и другое какъ бы твореніе одного и того же поэта, написавшаго ерунду, подходящую пополамъ къ обоимъ.

Странно какъ-то читать «столпившіеся обозы.» Толпа обозовъ! Странно, по моему мнѣнію, точно также, если бъ сказать: вагенбургъ людей, но и это едва ли не сноснѣе, и пр., и пр.

Осадилъ назадъ! Какъ! будьто можно осадить иначе? Да еще осадилъ не лошадь, а осадилъ половину арміи! Сдѣсь сочинитель вѣренъ своей программѣ: «разъяснять темныя мѣста.» Другой, вѣдь, подумаетъ, что осадилъ впередъ. [78]

Очевидно что почтенный сочинитель своей Исторіи не твердъ въ описаніи битвъ, по тому что прибѣгаетъ къ безпрерывному повторенію вспомогательному, спасительно выручающему изъ бѣды, слову: «между тѣмъ,» чѣмъ разсказъ его испещренъ, особенно принявъ въ соображеніе, что это «между тѣмъ» наполняетъ только именно одинъ разсказъ битвъ, и вотъ тому доказательство.

Разсматриваемое сочиненіе Генерала Богдановича, въ трехъ томахъ, содержитъ въ себѣ 1306 страницъ; [79] если исключить изъ этой общей цифры цѣлыя главы, въ которыхъ не говорится собственно о битвахъ, [80] словомъ, все то, что не относится соб-

---

[78] Впрочемъ, это еще не бѣда. По чему же сочинителю Отечественной войны не употребить такой и подобной ей рѣчи, когда, какъ бы принято уже говорить и писать: «спуститься внизъ; подняться на верхъ; пошелъ, пришелъ пѣшкомъ; самъ ходилъ; обратно назадъ; убилъ до смерти; видѣлъ самъ; слышалъ самъ, а иногда съ добавкой еще: своими глазами, своими ушами, а бываетъ и съ приложеніемъ «собственными,» какъ будьто можно видѣть чужими глазами, слышать чужими ушами, или видѣть иначе, какъ не своими глазами и слышать не ушами, и т. п. Но это такъ, къ слову

[79] Въ I томѣ 406; во II 490, и въ III 410 страницъ.

[80] Какъ, на примѣръ: главы I, II, III, IV, V, VI, VII, XV, XVII, XIX, XX, XXIV, XXVI, XXVII, XXIX, XXX, XXXIII, XLIV, XLVI, XLVII и нѣкоторыя другія не боеваго разсказа, а именно политическихъ разсужденій, дипломатическихъ сношеній, очерки театра войны, расположеніе жителей, описаніе предшествовавшихъ войнъ нашихъ съ Наполеономъ, причины войны 1812 года, приготовленіе Наполеона къ оной, наши заготовленія и т. п.; формированіе и распредѣленіе на войнѣ нашихъ арміи, первонаваль-

ственно къ военнымъ дѣйствіямъ и ближайшимъ къ нимъ событіямъ, то, для описанія собственно военныхъ дѣйствій, т. е., изложенія битвъ, не останется 400 страницъ.

На этѣхъ-то 400 страницахъ и размѣщено 355 разъ «между тѣмъ,» и изъ нихъ 117 разъ начинаютъ параграфъ (и одну главу). Они встрѣчаются по нѣскольку разъ, не только что на одной страницѣ, но и въ одномъ параграфѣ чрезъ нѣсколько строкъ, а есть и чрезъ двѣ. Бородинское сраженіе изложено на 45-ти страницахъ, на которыхъ помѣщается 36 разъ «между тѣмъ, и изъ нихъ семь параграфовъ такъ начинаются. [81] Во всякомъ случаѣ, нельзя отрицать, чтобы частое употребленіе помянутаго слова не обличало не твердости описывать битвы и событія. Я встрѣтилъ только одну книгу, въ этомъ отношеніи приближающуюся къ

ный планъ дѣйствій, начало войны, Императоръ Александръ въ Дриссѣ и въ Москвѣ, двѣ главы объ ополченіи, свиданіе Императора Александра въ Або съ Принцемъ Шведскимъ, положеніе областей, занятыхъ непріятелемъ, назначеніе Кутузова, вооруженіе Литвы, прибытіе Кутузова въ армію, подробныя росписанія силъ воюющихъ сторонъ, позиція при Бородинѣ, двѣ главы отступленія къ Москвѣ, совѣщаніе въ Филяхъ, оставленіе столицы, разореніе и т. п. Пожаръ Москвы, приготовленіе Ленихомъ шара, афиши Растопчина, двѣ главы отступленія отъ Москвы, лагерь при Тарутинѣ, общій планъ дѣйствій, переформированіе арміи и т. п., прибытіе подкрѣпленій, соединеніе третьей арміи съ Дунайскою, подошедшія подкрѣпленія къ Витгенштейну, народная война, распоряженіе о запасахъ, учрежденіе магазиновъ, пребываніе Наполеона въ Москвѣ, переговоры, очищеніе Французами Москвы, отступленіе, пребываніе въ Вильнѣ, и т. п. Продолженіе бѣгства изъ Вильны за Нѣманъ, прибытіе Императора Александра въ Вильну, отступленіе Макдональда, переговоры съ Іоркомъ, заключеніе. За тѣмъ Высочайшіе манифесты, рескрипты, описаніе нашихъ и непріятельскихъ арміи въ разные моменты, описаніе крѣпостей, городовъ, позицій, личностей, донесенія, рапорты и сношенія, приведенные тексты на Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ и переводы ихъ, разсужденія сочинителя, часто довольно пространные и пр. Здѣсь замѣчу мимоходомъ, что этѣ переводы, вмѣстѣ съ подлинникомъ, увеличиваютъ только объемъ текста, тогда какъ подлинники, если нужно, могли бы приличнѣй быть помѣщены въ примѣчаніяхъ, какъ это и сдѣлано со многими другими.

[81] Сдѣсь пространно было бы выписывать все, что объ этомъ толкуютъ пока келейно.

книгѣ Г. Богдановича: это «Очерки кампаніи 1813 года,» Г. Ортенберга. Но у него это извинительнѣй: книга не классическая, писана безъ притязаній, съ скромнымъ заглавіемъ: «Очерки,» а не съ громкимъ: «Исторія.»

Вообще книга переполнена опечатками, что доказываетъ небрежность ея изданія. [82] Самое предисловіе сочинителя, какъ было видно, замѣчательно своею неподражаемою самонадѣянностью, выходящею изъ всѣхъ границъ, принятыхъ въ такихъ случаяхъ. Мнѣ не приходилось еще читать современныхъ сочиненій важнаго содержанія, въ которыхъ сочинитель такъ дѣтски откровенно и добродушно выставлялъ бы свой подвигъ, какъ созданія, доселѣ небывалаго; все, что писано у насъ и иноземцевъ относительно 1812 года не годится, «не соотвѣтствуетъ ни важности предмета, ни современному состоянію науки.» Показанія очевидцевъ пристрастны. Сочинитель исчисляетъ то, что найдутъ у него «новаго,» пишетъ о трудахъ своихъ по сочиненію своей книги; онъ не только что не упускаетъ изъ виду ни одного матеріяла, но и подслушиваетъ; обѣщаетъ «пояснить сокровенныя причины дѣйствій, остающихся темными, загадочными, единственно отъ того, что свѣтильникъ истины иногда затмѣвался пристрастіемъ;» что изложеніемъ Отечественной войны онъ пополнилъ пробѣлъ, который оставался въ Исторіи и, въ заключеніе своемъ, извѣщаетъ, что онъ принялъ на себя священную обязанность жреца истины и, вооружившись свѣтильникомъ, открываетъ тайну, отъ чего описанія генеральныхъ сраженій большею частію не полны и не удовлетворительны, и что, по сказаннымъ имъ причинамъ, сраженіе при Бородинѣ изложено не совсѣмъ удовлетворительно даже въ лучшихъ, военно-историческихъ сочиненіяхъ.»

Словомъ, нѣтъ возможности передать въ сокращеніи всей прелести предисловія, основанной, повторяю, на неслыханной въ

---

[82] Нельзя, однако жь, сказать, чтобы на опечатки не было обращено вниманія: напротивъ, въ концѣ каждаго тома имъ приложенъ списокъ. Но что исправлено? Не то, что необходимо требовалось, а большею частью то, что не составляетъ ни какого значенія, въ чемъ не трудно убѣдиться.

настоящее время въ книгахъ важнаго содержанія самоувѣренности въ непогрѣшимости своихъ повѣствованій и умозаключеній, и, конечно, на этѣхъ-то основаніяхъ трудъ свой онъ и называетъ не иначе, какъ: «моя книга; мое сочиненіе; моя исторія.» [83] Такая самоувѣренность, такая хвала своему труду, самому себѣ, какъ-то дѣйствительно не соотвѣтствуетъ важности описываемаго предмета.

Между древними литераторами и историками были и такіе, которые любили хвалить и себя и свои сочиненія; такъ, на примѣръ: Пиндаръ утверждаетъ, что ни бури зимы, ни усилія вѣтровъ, не могутъ истребить его стиховъ. Аристофанъ пространно говоритъ о своей славѣ. Катонъ Старшій имѣлъ обыкновеніе безпрерывно хвалить себя, и если кто изъ гражданъ въ чемъ либо ошибался и ему это замѣчали, то обыкновенно говорилъ: «Это извинительно: онъ, или они, не Катонъ, не Катоны.» Горацій увѣряетъ, что слава его продлится столько же, какъ и поклоненіе богамъ въ Капитоліи. Цицеронъ не упускалъ случая выхвалять себя; Галіенъ сравниваетъ себя съ Траяномъ и т. д. Но изъ нихъ Арріенъ, въ этомъ отношеніи, ближе всѣхъ къ нашему исторіографу, какъ по предмету своего сочиненія, такъ и по сходству выраженія съ предисловіемъ сочинителя «Исторіи Отечественной войны 1812 года.» Арріенъ говоритъ, что «предпринялъ написать Исторію Александра Великаго, по тому что сознавалъ себя способнымъ достойно это выполнить; что съ самыхъ молодыхъ лѣтъ любилъ литературу, и что между писателями онъ занимаетъ ту же степень, что и Александръ между воинами!»

Это какъ бы экстрактъ изъ помянутаго предисловія. Средніе вѣка представляютъ также примѣры самохвальства: такъ Юлій Скалигеръ увѣряетъ, что «понятія Ксенофонта и Масинисы, вмѣстѣ соединенныя, не въ совершенствѣ еще выражаютъ то, что

---

[83] Не знаю, какъ другимъ, но мнѣ какъ-то странно читать: «Моя Исторія, мое сочиненіе, моя книга» и т. п. Кажется, въ этѣхъ случаяхъ принято выраженіе: «предлагаемое сочиненіе, предлагаемая книга, предлагаемый трудъ на благосклонное мнѣніе читателей» и т. п. Сдѣсь нѣтъ самонадѣянности, слѣдовательно, и приличнѣе.

сосредоточивается въ немъ одномъ.» Парацельсъ пишетъ, что одинъ изъ волосъ его головы ученѣе всѣхъ Университетовъ вмѣстѣ. Кардань говоритъ о своемъ разумѣ, одаренномъ такимъ совершенствомъ, что стоитъ между природой человѣческой и существомъ божественнымъ и т. д. Ближе къ нашимъ временамъ встрѣчаемъ еще Малерба, который, въ посланіи Генриху IV, между прочимъ сказалъ:

Tous vous scavent louer, mais non également,
Les ouvrages communs vivent quelques années,
Ce, que Malherbe écrit, dure éternellement.

Послѣ сего мнѣ не случалось встрѣчать уже такого самохвальства. Въ настоящее же время подобное возрожденіе (renaissance) въ книгахъ важнаго содержанія поражаетъ; ибо теперь это встрѣчается только въ объявленіяхъ зубныхъ врачей о своихъ экстрактахъ и массахъ для приготовленія зубовъ, о пластыряхъ для мозолей, о выводѣ крысъ, мышей, клоповъ, таракановъ и т. д., о составѣ красокъ для волосъ, о цѣлебныхъ свойствахъ мальцъ-экстракта и т. д. [84]

Да, предисловіе и вся книга замѣчательны! Почтенный сочинитель, какъ жрецъ истины, съ свѣтильникомъ въ рукахъ, проникая въ сокровенныя причины дѣйствій, въ темные и загадочные эпизоды, научаетъ насъ и открываетъ намъ то, чего мы, дѣятели, и не подозрѣвали. Какой-то мыслитель, писавшій около половины XVIII вѣка (кажется, Жандръ, Маркизъ Сентъ-Обенъ), сказалъ, что «каждый историкъ приноравливаетъ (ajuste) исторію къ своему личному характеру. Въ Саллюстіѣ господствуетъ нравственность, въ Тацитѣ политика, въ Титѣ Ливіѣ предразсудки и ораторство. Всѣ хотятъ указать намъ причины событій, бывшихъ не извѣстными, не только что современникамъ, но даже и тѣмъ, которые принимали въ нихъ участіе.»

---

[84] Исторіографу, занимающемуся изложеніемъ великой эпохи, собственно мнѣ кажется, несоотвѣтственно съ достоинствомъ значенія труда, помѣщать отрывки, или читать ихъ гласно предъ публикой. Это какъ-то схоже съ появленіемъ афишъ, извѣщающихъ объ имѣющемъ быть представленіи и очень часто плохомъ. Впрочемъ, повторяю, это мой личный взглядъ.

Дѣйствительно, читая «Исторію Отечественной войны 1812-го года,» встрѣчаешь такъ много новаго (впрочемъ, сочинителемъ обѣщаннаго), что задаешь себѣ вопросъ: Не уже ли это такъ? И въ этомъ положеніи нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Сентъ-Реаля, сказавшаго вообще объ Исторіи, что «надо быть простакомъ, чтобы изучать Исторію съ цѣлью узнать прошедшее. Достаточно уже того, что узнаютъ, какого мнѣнія былъ тотъ или другой сочинитель: не столько должно отыскивать описанія событій, сколько узнавать мнѣнія людей.» Сдѣсь можно было бы еще прибавить: «и силы тѣхъ, которые берутся разсказывать намъ прошедшее.»

И такъ, по мнѣнію Г. Богдановича, выраженному диктаторски, всѣ, писавшіе до сихъ поръ Исторію Отечественной войны, впадали въ большія ошибки, отклонялись отъ цѣли: одни придерживались стратегіи, другіе были пристрастны, не излагали истины, воскуряли ѳиміямъ; словомъ, до сихъ поръ, т. е., до книги Г. Богдановича, не было удовлетворительнаго описанія войны 1812 года. Только онъ одинъ могъ побѣдить всѣ затрудненія, проникнуть въ сокровенности, прояснить мракъ, и наконецъ создать свое твореніе, какъ жрецъ истины, безъ погрѣшностей.

Изъ краткаго обзора, или правильнѣе, только указанія на нѣкоторыя мѣста, встрѣчающіяся въ «Исторіи Отечественной войны 1812 года,» видно, что многое обращаетъ на себя вниманіе своимъ неяснымъ изложеніемъ, отсутствіемъ ссылокъ, тамъ, гдѣ онѣ были необходимы, въ особенности, когда вводятся въ исторію данныя дотолѣ не извѣстныя, и изображеніе свойства характеровъ и способностей нѣкоторыхъ изъ нашихъ военачальниковъ, а равно помѣщеніе и такихъ ссылокъ, въ которыхъ ни слова не упоминается о томъ, въ чемъ на оныя ссылаются. Умалчиваніе о многихъ эпизодахъ, внесенныхъ уже въ предшествующія Исторіи и даже не оговоренныхъ, если они оказались не согласными съ истиной; частые анахронизмы, затемняющіе событія; введеніе въ текстъ того, что должно быть въ приложеніяхъ, и обратно. Не менѣе порицательны разнорѣчія объ одномъ и томъ же событіи; [83] неточность въ поименованіи частей войскъ

---

[83] Разнорѣчія и неясности, коими книга наполнена, замѣтятся и тогда даже, когда не станетъ уже и участниковъ въ событіяхъ.

и лицъ, совершавшихъ подвиги; невѣрность въ изображеніи моментовъ различнымъ эпизодамъ; названіе полковъ, никогда въ нашей арміи не существовавшихъ; называніе праваго лѣвымъ и обратно; не единообразіе въ повѣствованіи при обозначеніи различныхъ частей войскъ и именъ ихъ начальниковъ; почти осязательное стремленіе выставлять имена нѣкоторыхъ, безъ всякихъ съ ихъ стороны подвиговъ, и множество другихъ недостатковъ, начиная со слога.

Но, за всѣмъ тѣмъ, сочинитель, назвавъ себя жрецомъ истины, съ необыкновенною самоувѣренностію въ непогрѣшимость своего труда, возглашаетъ оный въ своемъ предисловіи, какъ бы вѣнцомъ всему тому, что было до сихъ поръ писано и у иноземцевъ и у насъ о войнѣ 1812 года, и говоритъ, что до сихъ поръ (!) событія этой эпохи оставались пробѣломъ въ Исторіи.

Въ настоящихъ краткихъ замѣчаніяхъ моихъ я только слегка касался нѣкоторыхъ критическихъ сужденій сочинителя о разныхъ частныхъ событіяхъ этой войны, и преимущественно ограничивался тѣми, которые въ изложеніи своемъ представляли противорѣчіе сочинителя самому себѣ; ибо разбирать все критически, имъ разсматриваемое, было бы трудомъ безполезнымъ, да и потребовало бы едва ли не такихъ же трехъ толстыхъ томовъ, какъ и самая Исторія, а для поясненія, можетъ быть, и болѣе.

Въ введеніи я исчислилъ причины, побудившія меня разсмотрѣть эту книгу. Бывши дѣятелемъ описываемой поры, постоянно читая всѣ повѣствованія объ оной, я почелъ долгомъ замѣтить видимые недостатки сочиненія, которое, сопровождавшими оное обстоятельствами, должно было поставить его на степень безукоризненности. Всѣ Государства Европы, въ настоящее тревожное время, ищутъ усовершенствованій по различнымъ отраслямъ военныхъ знаній, и въ это-то самое время появляется у насъ Исторія одного изъ самыхъ замѣчательнѣйшихъ событій настоящаго вѣка, событія, коему есть еще свѣдѣтели-участники въ разныхъ Государствахъ. [86] Какой отзывъ, какое понятіе, возымѣютъ они о нашихъ

---

[86] Къ этой книгѣ, по промахамъ, можетъ быть отнесена и галерея: «Императоръ

ученыхъ трудахъ, заглянувъ въ эту книгу? Читатели рѣшатъ: правильны ли были мои замѣчанія на книгу, для составленія которой сочинитель получилъ всѣ средства къ тщательному изложенію столь достопамятной поры, и если онъ не могъ удовлетворить справедливымъ ожиданіямъ понимающихъ дѣло, то, можетъ быть, этому была причиной одна самонадѣянность въ принятіи на себя труда, превышающаго его силы; впрочемъ, самонадѣянность никогда не сознается въ недостаткѣ послѣднихъ.

Что касается собственно до моего мнѣнія, основаннаго на подробномъ разборѣ настоящей «Исторіи Отечественной войны 1812 года,» то я ставлю ее гораздо ниже сочиненій Ахшарумова, Бутурлина, Окунева и Михайловскаго-Данилевскаго. [87] Первые трое отличаются ясностію, отсутствіемъ противорѣчій, а послѣдній и слогомъ; въ этой есть много недостатковъ разнаго рода, но, съ тѣмъ вмѣстѣ, есть послѣдовательность событій, все изложено правильнѣе, часто подробнѣе, чѣмъ въ книгѣ Г. Богдановича, [88] и я смѣю думать, что если бы послѣдній не имѣлъ образцомъ Бутурлина и Данилевскаго, то едва ли одолѣлъ бы тѣ трудности, которыя сопряжены съ составленіемъ подобныхъ сочиненій, въ особенности не учавствовавъ не только что въ той войнѣ, которую описывалъ, но и ни въ одной изъ другихъ

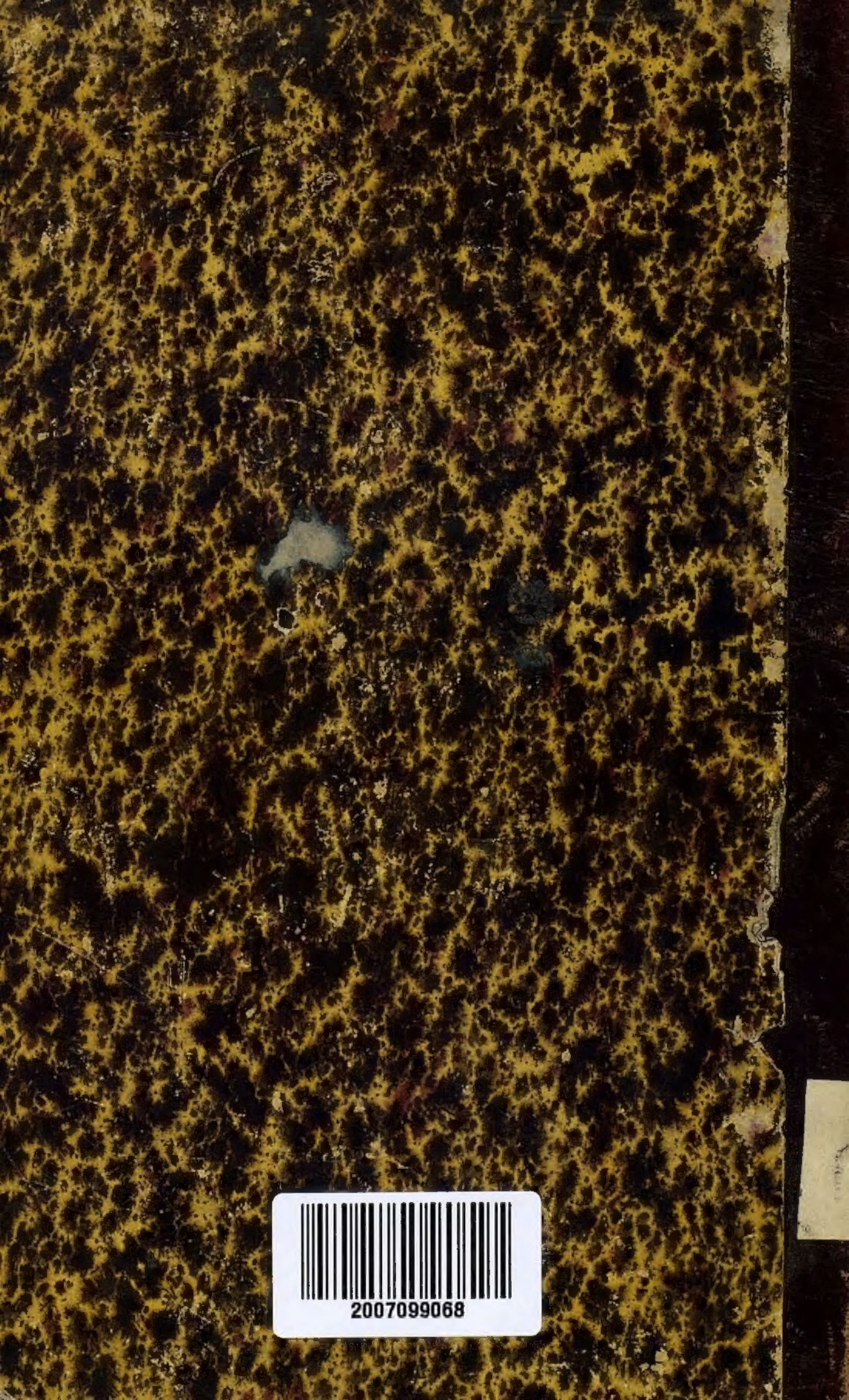
Александръ I-й и его сподвижники.» Сдѣсь встрѣчаются непростительныя ошибки, пропуски и т. п., и удивительно, что никто не предпринимаетъ, по крайней мѣрѣ, замѣтить оные.

[87] Сдѣсь разумѣю только изложеніе и мнѣнія Г. Богдановича; относительно же матеріяловъ, Исторія его богаче прежнихъ, но и въ нихъ встрѣчаются недостатки съ одной стороны, съ другой избытокъ въ безконечныхъ ссылкахъ на Бернгарди, Клаузевица, Гоффмана, Шрекенштейна и т. п.

[88] Въ общемъ понятіи заглавіе книги Данилевскаго скромнѣе: «Описаніе Отечественной войны,» между тѣмъ какъ Г. Богдановича громче: «Исторія.» Хотя въ настоящемъ смыслѣ описаніе и исторія почти одно и то же, но мы уже привыкли, положимъ и безсознательно, различать этѣ два названія, требуя отъ исторіи болѣе, чѣмъ отъ описанія, и едва ли не въ одинаковой пропорціи, какъ описаніе относится къ похожденію. Сдѣсь же выходитъ, что исторія уступаетъ мѣсто описанію, а по тому она и требуетъ болѣе строгой критики.

классическихъ войнъ. Имѣя какой Отечественную войну Данилевскаго, уже легко было пополнять то, что не было помѣщено у него, а по тому въ настоящей книгѣ встрѣчаются многія мѣста, взятыя изъ Данилевскаго, но безъ ссылки на него, а нѣкоторыя выпущены и не оговорены. Однимъ словомъ, разсмотрѣнная мною книга Генерала Богдановича принадлежитъ къ разряду тѣхъ сочиненій, о которыхъ знаменитый Томасъ Броунъ, въ сочиненіи своемъ: «Религія медика» (изданномъ въ XVII столѣтіи), сказалъ: «Я вѣрю описаніямъ прошедшаго на столько же, какъ и предсказаніямъ будущаго.»

И такъ, далеко еще до послѣдняго слова въ Отечественной войнѣ. Для знатоковъ дѣла трудъ Г. Богдановича никогда не будетъ безупречнымъ авторитетомъ, не смотря на какое-то офиціяльное прикрытіе его извѣстными титулами, по большой части всегда прозрачными. Подождемъ новаго историка даровитаго, а необманчиваго свѣтильника истины, для описанія необыкновенной народной эпопеи новыхъ вѣковъ, извѣстной у насъ подъ именемъ «1812 годъ».


2007099068